

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. История антропологических исследований в Северной Евразии	14
§1. Ранний период	15
§2. Середина XIX — начало XX века	19
§3. Современный период	31
§4. Очерк истории антропологических типов Северной Евразии	77
Глава 2. Неолитическое население Северной Евразии	97
§1. Материалы по антропологии неолитических популяций	97
§2. Проблемы происхождения неолитического населения	107
Глава 3. Население Северной Евразии в эпоху бронзы	116
§1. Материалы по антропологии популяций эпохи бронзы	116
§2. Некоторые проблемы формирования населения бронзового века	122
Глава 4. Население Северной Евразии в эпоху раннего железа	126
§1. Материалы по антропологии популяций Западной Сибири	128
§2. Закономерности изменчивости популяций	169
§3. Направления родственных связей евразийских популяций	176
Глава 5. Население Северной Евразии в средние века	223
§1. Материалы по антропологии средневековых популяций	224
§2. Роль популяций раннего железа в формировании средневекового населения	230

Глава 6. Современное население Северной Евразии	238
§1. Материалы по антропологии современных популяций.	238
§2. Антропологическое своеобразие этнических групп . . .	261
§3. Роль популяций предшествующего времени в формировании антропологического облика современного населения	268
§4. Систематика антропологических общностей Северной Евразии и особенности формирования популяций	279
Заключение	300
Литература	317
Сокращения	362

ВВЕДЕНИЕ

XX век в истории североазиатской антропологии ознаменован крупными достижениями. Благодаря самоотверженным усилиям исследователей получены уникальные данные об особенностях физического облика практически всех современных коренных народов, определена в основных чертах их таксономическая систематика и решен ряд кардинальных проблем, связанных с происхождением как ныне живущего, так и населявшего в древности Западную Сибирь и Урал населения. Сложный характер антропологического состава древних популяций евразийской промежуточной зоны и замысловатость протекавших в различные исторические периоды этногенетических процессов воссоздавался на основе изучения палеоантропологических данных, хотя в результате недостаточного их количества и неравномерности охвата территории, многие вопросы истории этапов формирования коренного населения еще требуют своего решения.

Современные антропологические исследования коренных народов Западной Сибири и Урала включает в себя широкий спектр направлений: краниология (краниометрия, краниотригонометрия и краниоскопия) и соматология, одонтология, дерматоглифика, серология и ряд других. Однако физические особенности народов этого региона привлекали внимание купцов, миссионеров, путешественников и писателей уже давно. Накопление антропологических данных, во многом эпизодическое в XVIII - первой половине XIX в., сменяется в конце XIX - начале XX в. планомерными и масштабными работами, в результате которых вышло несколько публикаций, не потерявших значения до наших дней, например, книга С.И.Руденко «Антропологические исследования инородцев северо-западной Сибири» [1914]. В 20-е и 30-е годы XX века основные антропологические работы разворачиваются среди угров и самодийцев (Г.Ф.Дебец), хакасов и алтайцев (А.И.Ярхо). В это время совершен-

ствуется методология антропологического анализа (А.И.Ярхо) и вырабатывается понятие антропологического типа (группы популяций, группы антропологических типов) как динамических категорий (В.В.Бунак), имеющих свою историю – периоды зарождения, расширения ареалов, исчезновения (растворения). Накопленные материалы и их всесторонний анализ привели к появлению в конце 40-х и в 50-е годы крупных обобщающих работ, ставших вехами в антропологическом изучении коренных народов Северной Евразии. Это «Палеоантропология СССР» Г.Ф.Дебеца [1948], позволившая составить общее представление об основных этапах этногенеза в разных регионах Европы и Азии. Вскоре вышло еще две работы — «Антропологические исследования в Камчатской области» Г.Ф.Дебеца [1951] и «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» М.Г.Левина [1958], содержание которых выходило далеко за рамки их названий. В первой суммированы все известные на то время краниологические данные о народах Западной и Восточной Сибири, во второй — о народах Дальнего Востока и в целом Северной Азии.

Палеоантропологические материалы с территории Западной Сибири и Урала до конца 50-х годов XX века были крайне ограничены. Но с развертыванием широкомасштабных археологических работ в 60-е годы значительно возросли материалы по неолиту, бронзе, раннему железу и средневековью, исследование которых существенно прояснило антропологический состав древнего населения южных районов Западной Сибири, установлена роль миграций и автохтонного развития в его формировании, получены дополнительные данные о расогенетических процессах в североазиатском регионе. Обзор палеоантропологических материалов приведен в обобщающей работе В.П.Алексеева и И.И.Гохмана «Антропология Азиатской части СССР» [1984].

Весьма плодотворными в изучении современного коренного населения были 60-е — 90-е годы XX века, когда интенсивно соби-

рался материал по краниологии, соматологии, дерматоглифике, одонтологии и серологии, причем во многих районах эти исследования проведены заново. Были изучены енисейские ненцы, энцы и нганасаны, тундровые европейские и азиатские ненцы, нижнеобские ханты, манси и чулымцы (И.М.Золотарева, Г.А.Аксянова), среднеобские ханты и тазовские селькупы (А.И.Дубов), лесные ненцы (В.П.Алексеев), манси и нижнеобские ханты (К.Ю. Марк, Г.М.Давыдова), многие группы Алтае-Саянского нагорья (Т.И.Алексева с сотрудниками), проведены многолетние сероантропологические изыскания (Ю.Г.Рычков и сотрудники лаборатории генетики человека Института генетики и цитологии СО РАН и ряда других научных учреждений). Новые материалы позволили уточнить классификацию антропологических, в частности, приблизили к положительному решению вопрос о недифференцированности основных расовых элементов в составе уральской группы популяций.

В воссоздании особенностей физического облика древних и современных этнических групп важная роль принадлежит краниологии. В создание корпуса краниологических источников, которые отражали бы антропологию максимального количества современных этносов и их родоплеменных подразделений, существенный вклад внесли Г.Ф.Дебец, В.П.Алексеев, Н.С.Розов, В.А.Дремов, А.Р.Ким, посильную лепту внес и автор данных строк. На монографическом уровне рассмотрен антропологический состав обских угров и северных самодийцев (Г.Ф.Дебец, А.Н.Багашев), тюрков Алтае-Саянского нагорья (В.П.Алексеев), чулымских тюрков (В.А.Дремов) и тоболо-иртышских татар (А.Н.Багашев), в сериях статей – нарымских селькупов (Н.С.Розов, А.Н.Багашев), северных алтайцев, шорцев и барабинских татар (А.Р.Ким). Подавляющая часть современных краниологических данных обобщена В.А.Дремовым, А.Н.Багашевым, А.Р.Кимом и М.П.Рыкун в коллективной монографии «Расогенез коренного населения» [1998], где на обширной источниковой базе

подробно рассмотрен антропологический состав всех ныне живущих в Западной Сибири народов.

Существенно пополнилась база палеоантропологических источников. Краниологический материал неолита и бронзы с территории Верхнего Приобья, да и всего юга Западной Сибири, обобщен в монографии В.А.Дремова «Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы» [1997], материал из могильников неолитического времени и эпохи бронзы рассмотрен Т.А.Чикишевой в коллективных монографиях «Неолитические могильники Северной Барабы» [1989] и «Могильник эпохи бронзы Журавлево-4» [1993], полная сводка палеоантропологических находок эпохи раннего железа и подробный анализ антропологического состава населения саргатской культурной общности содержится в монографии А.Н.Багашева «Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа» [2000в].

Несмотря на достигнутые успехи, многие проблемы антропологии древних и современных популяций Западной Сибири и Урала ждут своего решения. Успешная разработка части проблем зависит от базы палеоантропологических источников, которые практически полностью отсутствуют из внутренних районов Западной Сибири вплоть до эпохи позднего средневековья, да и в целом совершенно недостаточно антропологических материалов эпохи средневековья. Поэтому часть других проблем, например, время и место формирования антропологического типа обских угров, северных самодийцев, по-прежнему во многом остаются открытыми.

До сих пор практически не привлекались палеоантропологические материалы для решения сложных вопросов происхождения и исторических судеб многочисленных племен саргатской общности раннего железа. Если история и этнонимы западных и южных соседей народов Западной Сибири этого времени — скифов, сарматов, саков и других, попали на страницы трудов античных авторов, а восточные соседи — хунны, были в поле зрения политиков и географов древнего Китая, то, к сожалению, исторические судьбы за-

падносибирских племен почти не нашли отражения в письменных источниках. Данные о природе и жителях, сведения исторического и этнографического характера скудны, малодостоверны и противоречивы, не содержат письменные источники и этнонимов каких-либо племен или племенных объединений. В этой ситуации палеоантропологические данные имеют огромное значение для реконструкции исторических, в частности этногенетических процессов, протекавших в эпоху раннего железа на территории лесостепи Западной Сибири и Урала. Многие проблемы этнокультурной истории населения в эпоху раннего железа небесспорны. Это обусловлено, с одной стороны, пока еще слабой изученностью отдельных культур, особенно первой половины I тыс. до н.э., с другой, объективно ограниченными возможностями археологического материала как исторического источника.

Особенно много споров ведется вокруг проблем происхождения лесостепного населения Западной Сибири, роли и удельного веса в его формировании местных и пришлых компонентов. Не ясны территории, откуда могли мигрировать ранние кочевники. Дискуссионна и проблема этнической принадлежности лесостепного населения, особенно оставившего памятники саргатской культуры, слабо изучены его генетические связи с племенами кочевников «скифосибирского мира» — сакскими, усуньскими, скифскими, сарматскими, с крупными соседними племенами (кулайская и каменская культуры), а также с населением, обитавшим в это время на Алтае, в Туве и Минусинской котловине. Вызывают полемику причины, по которым в первой половине I тыс. н.э. прекратили существование западносибирские лесостепные культуры, а также исторические судьбы оставившего их населения, в частности, не ясна роль саргатских племен в этногенезе средневекового населения и современных коренных народов Западной Сибири. В решение именно этих проблем существенный вклад может внести изучение антропологических источников.

Значительные лакуны и неравномерность в распределение палеоантропологических материалов по историческим периодам и в территориальном отношении не позволяли значительно долго в достаточной мере реконструировать динамику этногенетических процессов и в целом генезис тех или иных современных антропологических типов и компонентов состава древних популяций.

Антропология в системе ряда других наук, занимающихся проблемами этногенеза и этнической истории древних и современных народов, занимает особое место, что определяется в конечном итоге спецификой источника, биологического по природе. Но именно это позволяет рассматривать чрезвычайно важный аспект этногенеза – физическое родство между народами, потому что генофонд и контролируемый им антропологический облик определяются биологическими закономерностями, тогда как развитие культуры определяется социальными.

При реконструкции этноисторических процессов археология и палеоантропология, с одной стороны, сильны, ибо непосредственно проникают в прошлое, с другой стороны, материальная культура, хотя и характеризуется закономерным географическим распределением, не всегда совпадает с древними этническими общностями, в археологическом материале находит отражение только часть этногенетических процессов [Каменецкий, 1970]. Возможности использования палеоантропологических материалов также объективно ограничены, т.к. в них находят отражение лишь те этногенетические процессы, которые связаны с миграциями или смешением представителей различающихся между собой физических комплексов. Поэтому реконструкция этногенетических явлений на антропологическом материале возможна лишь в той мере, в какой они вообще отразились в физическом строении народов.

Большей частью причинная связь между физическими особенностями народа и его культурой, т.е. между антропологическим типом и этносом, отсутствует, что не ведет с неизбежностью к отсут-

ствию географических совпадений между популяцией и этносом, которые все же возникают в ходе исторического развития и обусловлены сопряженностью культуро- глотто- и расогенетических процессов, протекавших на определенной территории в сходных конкретно исторических условиях географической и/или социальной изоляции, миграции и пр. [Дебец, Левин, Трофимова, 1952; Алексеев, 1979, 1989; Денисова, 1987]. В связи с тем, что культурогенетические и расообразовательные процессы развиваются по собственным законам, чем в итоге и обусловлено неповторимое своеобразие конкретных этногенезов, то выводы, полученные при исследовании археологических и антропологических данных, не обязательно должны совпадать. Особо следует отметить, что исследование антропологических материалов на популяционном уровне в зарубежной антропологии сейчас практически не ведется, что обусловлено рядом причин. Во-первых, широким распространением концепции о том, что биологические особенности групп не носят исторического характера, следовательно, популяционная антропология не вносит никакого вклада в реконструкцию этногенетических процессов прошлого. Во-вторых, полностью отрицается реальность существования человеческих рас внутри единого биологического вида *Homo sapiens*, причем с попыткой доказать, что размах изменчивости отдельных индивидов перекрывает размах межгрупповой изменчивости этносов, именно этносов, а не популяций. Это ведет к смешению социальной и биологической сущности таких понятий как раса и национальность, этнос и популяция, которые рассматриваются к тому же вне географических и временных координат, что привело в итоге почти к утрате школы научного расоведения. Тогда как российская этнография и антропология активно продолжают традиции этно- и расоведения, заложенные еще в XIX веке, продолжают разрабатывать методологическую базу и накапливать фактический материал.

Краниологический материал имеет при рассмотрении вопросов этногенеза первостепенное значение. Он позволяет ввести хро-

нологический аспект в изучение антропологического состава народов и напрямую сопоставлять древние и современные группы населения, что является исключительно важным при выяснении их происхождения, ибо краниологические материалы, относящиеся практически к современному периоду, совершенно аналогичны палеоантропологическим материалам любой древности. Коннекция же палеоантропологических и соматологических данных, на которой, в частности, основана методика восстановления лица по черепу, разработанная М.М.Герасимовым и его последователями, является весьма трудоемкой, что практически не применимо к массовым материалам.

Краниологические серии близкие к современности, происходящие обычно из могильников XVIII-XIX вв., достоверно связаны с предками современных народов. Важным в условиях Западной Сибири и Урала является и то, что многие группы коренного населения в настоящее время сильно смешаны с русскими и представителями других пришлых групп, а краниологические материалы, отстоящие от наших дней на 1-2 столетия, значительно лучше отражают исконные антропологические особенности. Некоторые народы только и могут быть изучены на основе поздних краниологических материалов, например, полностью обрусевшие группы нарымских селькупов и чулымцев, обские татары — ныне исчезнувшие, томские — смешавшиеся с поволжскими татарами. Немаловажно и то, что измерения на черепе могут быть произведены с большей точностью, чем на мягких тканях живого человека. Отсюда — хорошее соответствие краниометрических данных разных авторов, в отличие от соматологических, иногда сопоставимых лишь тогда, когда произведены одним исследователем, что редко бывает при антропологической съемке больших территорий. Еще в большей степени субъективизм исследователя сказывается на определении описательных признаков, составляющих существенную часть антропометрической программы. Из признаков первостепенной таксономической значимости

в краниометрии не находят отражения лишь особенности пигментации кожи, волос, глаз и развития волосяного покрова. Преимуществом краниологических материалов является возможность их повторного исследования при необходимости проверки сомнительных измерений, расширении программы или изучения черепов по другим системам признаков.

Лейтмотивом настоящей монографии выступает стремление к выявлению возможно полных комбинаций морфологических комплексов на конкретных территориях. Только после изучения сложной мозаики составляющих компонентов антропологического типа народа с определением характера изменчивости антропологических признаков популяций в пространстве и во времени, антропологические данные могут служить объективной основой для связи того или иного комплекса признаков с определенной древней группой людей, либо с современной этнической общностью. Сложная комбинация антропологических комплексов обычно образует у каждой относительно изолированной общности специфическое сочетание, но именно это в той или иной мере отражает генезис народов и является, следовательно, важнейшим источником исторической информации. Конечно, антропологическое исследование не в состоянии охватить весь спектр истории народов в силу специфики самого источника, реконструкция этногенетических процессов на их основе возможна лишь в той мере, в какой они нашли отражение в палеоантропологических данных. Но ряд проблем может успешно решаться только при использовании антропологического материала, а вскрываемые антропологией грани этногенеза древнего и современного населения Северной Евразии внесут свой вклад в воссоздание его истории.

Глава 1. ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Степень изученности антропологического покрова Северной Евразии в различные исторические периоды, его локальные особенности, популяционная структура и состав, воссоздаваемые на основе изучения краниологических материалов, напрямую зависят от количества палеоантропологических находок, относящихся к конкретной эпохе и охвата ими различных территорий.

Начиная с самого зарождения антропологических исследований в азиатской части Российской империи учеными-антропологами во главу угла ставилась задача сбора, систематизации и осмысления новых для того времени источников – элементов скелетов и черепов, фиксация особенностей строения тела и головы аборигенного населения. В конце XIX в. и до 80-х годов XX века эти исследования были сосредоточены в стенах Томского университета. В настоящее время антропологические изыскания проводятся, наряду с Томским университетом, в Алтайском университете (г. Барнаул), Институте археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск) и в Институте проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень).

Хотя начало научных антропологических исследований в Северной Азии относится к середине XIX в., однако ещё задолго до этого многие писатели и путешественники писали в своих сочинениях о внешнем (физическом) облике её коренного населения, особенностях строения лица, теле, волосяном покрове. Условно историю антропологических исследований можно разделить на три периода:

1. Ранний период, приблизительно до середины XIX в. Свидетельства путешественников и писателей, другие источники.
2. Научные исследования второй половины XIX — начала XX вв. Первые целенаправленные сборы и изучение соматологических и остеологических материалов.

3. Современный период, начавшийся в 20-е годы нашего столетия.

§1. Ранний период

Хотя даже в эпоху средневековья европейцы имели слабое представление о реальных географических и этнографических данных по народам Северной Азии, опираясь в основном в своих трудах на рассказы о Северной Азии, оставленных греческими и римскими авторами. Одним из самых ранних описаний племен Сибири и Урала являются сведения Геродота, описавшего Скифию в V в. до н.э. и дошедшие до него искаженные сведения о вне-скифских землях. Среди прочего Геродот упоминает живущих «у подошвы высоких гор», под которыми возможно разуместь Уральский хребет или Алтай, агримпеев, о которых известно, что якобы «все они, как мужчины, так и женщины, плешивы от рождения, плосконосы и с большими челюстями» [Геродот, 1888, с.313-314]. В этом описании, говорящем о монголоидности агриппиев, В.Н.Татищев видел лапландцев и самоедов, «ибо между ними плешивых много, а безбородых большая часть» [1950, с.71]. Ряд современных исследователей помещает агриппиев на Южном Урале или в западных предгорьях Алтая. Подробное изложение ранних сведений о народах Сибири опубликовано М.П.Алексеевым в работе «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» [1932;2006].

Но большинство ранних источников обращает внимание на европеоидные особенности древнего населения Сибири. Это сообщения, например, китайских династийных хроник II в. до н.э. — IX в. н.э. о «северных варварах», известных под именем динлинов, которые расселялись в широкой полосе степей от Байкала на востоке до Урала на западе [Бичурин, 1950; Грум-Гржимайло, 1926; Гумилёв, 1959]. Антропологический тип динлинов, восстановленный Г.Е.Грум-Гржимайло путем сопоставления различных источников, характеризовался следующими особенностями: «рост средний,

часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос, выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза» [1926, с.34-35].

Европеоидная принадлежность древнего населения Южной Сибири в антропологической литературе является уже установленным фактом, однако очень светлая его пигментация вызывает сомнения. Согласно А.И.Ярхо [1947] и В.П.Алексееву [1962], древние европеоиды Южной Сибири относились к темным вариантам европеоидной группы популяций и только по сравнению с сильно пигментированными китайцами могли показаться светлыми.

В энциклопедии «Тундянь», составленной Ду Ю в VIII в. н.э., упоминается еще один народ — гуи («демоны»). Источник сообщает об их монголоидности, отмечая, что у них глаза, нос и уши такие же, как у людей из Срединного царства. Ю.А.Зуев полагает, что гуи — одно из самодийских племен нижней или средней Оби [1962].

С другой стороны, имеются свидетельства о европеоидных чертах населения не только степной, но и таежной зоны Западной Сибири. М.Поло в своем описании путешествия на восток (1271-1295 гг.), упоминая о «жителях темной страны», пишет: «Люди эти рослые и статные; они белы, без всякого румянца» [Книга Марко Поло, 1956, с.226; Алексеев, 2006, с.23-39]. В сходных тонах описывает народы, живущие в «землях Сибирских и Чулымских», арабский писатель XIV в. Ибн-Фадлалах Эломари [Тизенгаузен, 1884, с. 238-239].

Интересные сведения содержатся в хрониках Матвея Меховского, польского историка. Его сочинение «О двух сармациях» содержит сведения о племенах, обитавших в Перми и Югре [Алексеев, 2006, с. 67-72].

Приведенные свидетельства, несмотря на их краткость, представляют большой интерес. Восходя к далекому прошлому, они описывают народы, антропологический тип которых в дальнейшем

мог подвергнуться существенным изменениям. По отношению к поздним антропологическим данным эти источники занимают приблизительно такое же положение, как палеоантропологические материалы.

Наиболее ранним из дошедших до нас произведений русской литературы, где содержится сравнительно подробное описание народов Западной Сибири, является сказание «О человецах незнаемых в восточной стране» (конец XV — начало XVI вв.). обстоятельный разбор текста проведен Д.Н. Анучиным [1890]. В сказании говорится о девяти племенах, живущих на севере Западной Сибири «за Югорьской землёю и вверху Оби реки великия». По мнению Д.Н.Анучина, это самоеды и некоторые тюркоязычные группы северного Алтая. Наиболее реалистическая характеристика дается «молгонзеям» р.Таза: «сии люди невелики возрастом, плосковиды, носы малы; но резвы вельми и стрельцы скоры и горазды». В баснословном описании жителей верховьев Оби, у которых лицо на груди и дыры вместо рта и носа, Анучин видел «крайнее преувеличение особенностей монгольского типа».

Отрывочные сведения об антропологических особенностях народов Европейского Севера и Западной Сибири, полученные в основном от русских людей, встречаются в сочинениях иностранных путешественников и писателей XVI-XVII вв. Сигизмунда Герберштейна, Ричарда Джонсона, Рафаэля Барберини, Андрэ Тевэ, Алессандро Гваньини, Генриха Штадена, Джильса Флетчера, Иеронима Мегизера, Адама Олеария, Николая Витсена, Джона Перри, Исаака Масса и ряда других авторов [Алексеев,1932, 2006; Зиннер,1968].

В записках Эверта Исбрандта Идеса, отправленного в 1692 г. русским посольством в Китай, приводятся описания внешнего вида остяков и самоедов [Идес, Бранд,1967]. Об остяках он пишет, что «почти все они среднего роста и по большей части светловолосые или рыжие, смуглые тела их малопригодны для работы, лица и носы

плоские». Самоеды, о которых он знал, видимо, понаслышке «ростом малы и приземисты, плечи и лица у них широкие, носы приплюснутые... Тело у них темное, волосы длинные, у некоторых русые или светлые, в большинстве же черные, как смоль, борода почти не растет, кожа коричневая и плотная» [Алексеев, 2006, с.418-431].

В 1715 г. Григорий Новицкий составил свой замечательный труд «Краткое описание о народе Остяцком». Книга посвящена хантам, среди же разнообразных сведений по их истории и культуре Новицкий не упускает из виду и особенности их физического строения [Новицкий, 1884].

Наиболее ценными являются сообщения участников Академических экспедиций 1733-1743 и 1768-1774 гг. И.И.Лепёхин составил антропологическое описание вогулов (манси) р.Тавды [1805, 1814, с.28], В.Ф.Зуев - остяков (хантов) и самоедов (ненцев) низовий Оби [Паллас, 1788, с.90-91; Зуев, 1947, с.23]. В обобщающем труде И.Г.Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» [1776, 1776а, 1799] даны подробные антропологические описания многочисленных групп Южной и Западной Сибири [подробнее см.: Дрёмов, 1976] .

Среди путешественников 1-й половины XIX в. следует выделить выдающегося финского лингвиста М.А.Кастрена, в трудах которого приводятся меткие антропологические характеристики ненцев, хантов, селькупов, кетов [Castrén, 1853, s.306-307; 1856, s.54, 127, 251; 1857, s.81-82].

Многие авторы не ограничивались простой констатацией антропологических особенностей, но старались анализировать свои наблюдения, сравнивали группы между собой, выделяли типы внутри одной народности. Ещё помимо специальных антропологических исследований начала вырисовываться, хотя и в общих чертах, картина антропологического состава населения Северной Азии. Путешественники отмечали невысокий рост и слабое физическое разви-

тие её коренных народностей. Только ненцы и сибирские татары казались более высокорослыми и мускулистыми. Наиболее монголоидными представлялись ненцы низовьев Оби. Среди хантов, манси, селькупов, кетов, а также восточных ненцев-юраков зафиксированы более европеоидные типы. У северных алтайцев, хакасов, тоболо-иртышских и барабинских татар установлено значительное ослабление монголоидности по сравнению с южными алтайцами и чулымцами. В большинстве своём эти и многие частные наблюдения совпали с выводами антропологов, начавших свои исследования в Западной Сибири. По некоторым группам западносибирского населения, так и не изученным специалистами (например, обрусевшим ныне группам южных манси), свидетельства путешественников XVIII-XIX вв. остаются единственным антропологическим источником.

§2. Середина XIX — начало XX века

Первая в России краниологическая работа, написанная К.М.Бэром, посвящена сравнительной характеристике самоедского и карагасского черепов [Baer, 1845]. Деятельность академика Бэра составила важный этап в истории русской антропологии. Возглавленный им Анатомический музей Академии наук за короткое время превратился в крупное собрание краниологических коллекций, став в дальнейшем основой Антропологического отдела Музея антропологии и этнографии. К концу 60-х годов в Анатомическом музее среди прочих материалов насчитывалось свыше 20 черепов вогулов, остяков и самоедов, доставленных путешественниками и сибирской администрацией. Сюда же были переданы археологической комиссией черепа, собранные В.В.Радловым в 1862-1866 гг. при раскопках древних могильников на р.Чулыме, Алтае и в Барабинской лесостепи.

В 1842-1844 гг. ученик К.М.Бэра А.Ф.Миддендорф впервые провел соматологическое исследование коренного населения Си-

бири. Он измерил и описал несколько тысяч якутов, тунгусов, самоедов и енисейских остяков. К несчастью, весь богатейший антропологический материал потонул при крушении лодки на Таймырском озере. Три случайно сохранившихся бланка дают представление о том, что программа Миддендорфа была чрезвычайно обширной и не имела себе равной по полноте среди исследований в Сибири на протяжении всего XIX в. [Миддендорф, 1878, с.619-666].

Начиная с 60-х годов XIX в. антропологические исследования сосредотачиваются в Обществе Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ). Изучение коренных народов Сибири заняло видное место в тематике работ его сотрудников. В «Известиях ОЛЕАЭ» А.П.Богдановым опубликованы измерения 8 самоедских черепов, доставленных Н.Ю.Зографом [Богданов,1878-1879а], 4 кетских черепов, переданных Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества [Богданов, 1878-1879], 5 черепов из курганов железного века у д.Такмык на р.Иртыше, собранных в 1867г. Е.И.Малаховым [Богданов,1878-1879б] и краниологической серии из раскопанного Н.Ю.Зографом в 1878 г. Замараевского могильника XII-XIII вв. на р.Исети [Богданов, 1880]. В 1885-1886 гг. сотрудник ОЛЕАЭ Н.Л.Гондатти обследовал на нижней Оби и её притоках свыше 200 вогулов, остяков, самоедов и зырян, а также собрал на р.Сев.Сосьве и Сыгве (Ляпине) более 60 вогульских черепов [Гондатти,1888; 1890]. Антропометрические материалы Гондатти частично опубликованы А.Г.Рождественским [1887], черепа исследованы И.П.Силиничем [1904;1916].

В 1876 г. учёный хранитель петербургского Зоологического музея И.С.Поляков во время путешествия по Оби собирал черепа, фотографировал и описывал остяков, самоедов, вогулов и татар [Поляков,1878-1879; 1884,с.146], известный сибирский деятель Н.М.Ядринцев в 1880 г. проводил измерения среди различных групп алтайцев северного и южного Алтая [Ядринцев, 1882,с.24-25;

1885, с. 630-643]. Антропологические материалы переданы Н.М.Ядринцевым в ОЛЕАЭ и обработаны Н.Ю.Зографом [1886]. К.Д.Носилов, совершивший в 1882-1885 гг. несколько поездок в северо-западную Сибирь, выступил на страницах «Известий ОЛЕАЭ» с этнографическим и антропологическим описанием вогулов [Носилов, 1890].

Вслед за Московским университетом антропологические центры возникают в других городах России. В 1869 г. основано общество естествоиспытателей при Казанском университете, в работе которого антропология сразу же заняла место одного из ведущих направлений. В 1872 г. общество командировало Н.М.Малиева и Н.Сорокина на р.Лозьву для изучения вогулов. Небольшой антропологический материал этой экспедиции опубликован Н.М.Малиевым [1872; 1874; 1901].

С конца 80-х годов XIX в. антропологические исследования начинают проводиться в Томском университете, открытом в 1888 г. Профессором кафедры анатомии назначен Н.М.Малиев. Его ближайшим сотрудником стал С.М.Чугунов. Большой интерес к антропологии и археологии проявлял попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М.Флоринский, в прошлом профессор акушерства и гинекологии Петербургской Медико-Хирургической академии и Казанского университета. Занявшись археологическими исследованиями, В.М.Флоринский собрал ценные сведения о древних памятниках Средней Азии и Западной Сибири. Большая коллекция Флоринского была передана Томскому университету и явилась основой Археологического музея, заведующим которого он оставался на протяжении 10 лет. В 1888 г. В.М.Флоринский издал каталог Археологического музея, где среди прочих экспонатов описал несколько черепов из археологических раскопок. Через два года вышла специальная краниологическая работа В.М.Флоринского с описанием 23 черепов Археологического музея Томского университета [Флоринский, 1888; 1890].

Первый профессиональный антрополог Томского университета Сергей Михайлович Чугунов на протяжении 1888-1905 гг. поставлял краниологический материал с территории Приобья из раскопок могильников, старых кладбищ (XVII-XVIII вв.). Летом 1890 г. он совершил поездку в г.Сургут для изучения остяков. Собранный материал предварительно опубликован С.М.Чугуновым [1890], а затем обработан А.А.Ивановским [1905]. На одном из остяцких кладбищ близ Сургута С.М.Чугунов собрал краниологическую коллекцию, которую описал в отдельной работе [1894]. С 1893 по 1905 гг. им опубликована серия статей, составивших основу замечательной серии из 15 выпусков “Материалов для антропологии Сибири”, в которых значительное место отведено изучению краниологии тюрков и угров Западной Сибири [Чугунов, 1902, 1904, 1905].

В дальнейшем С.М.Чугунов целиком занялся остеологическими исследованиями. В ряде статей, он изучил краниологические находки из поздних могильников, раскопанных на рр.Яе, Оби и Томи [1894а; 1894б; 1894в; 1894г; 1898; 1901]. В 1895-1897 гг. С.М.Чугунов вместе с С.К.Кузнецовым проводил раскопки могильника “Тоянов городок” близ Томска, антропологический материал из которого также измерен и опубликован С.М.Чугуновым [1898а, 1902]. Наконец, С.М.Чугуновым собрана и обработана большая краниологическая коллекция из старинных мусульманских и православных кладбищ XVII-XVIII вв. г.Томска [1904; 1905]. Блестящий профессионализм С.М.Чугунова опередил свое время. Именно его основные принципы научных исследований легли в основу формирования одной из антропологических школ Западной Сибири.

Сергей Михайлович Чугунов родился 10 октября (ст.ст.) 1854 года в г.Симбирске. Окончил Симбирскую гимназию. В 1875 г. поступил на медицинский факультет Казанского университета. С самого начала учебы в университете С.И.Чугунов проявил тягу к научной работе. Под руководством известного антрополога Николая Михайловича Малиева он занялся антропологическими исследованиями. По поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете

С.М.Чугунов совершил две экскурсии с антропологической целью в окрестности г.Симбирска и в Симбирский и Ардатовский уезды Симбирской губ., проводил измерения живых людей и раскопки старинных кладбищ, доставил в университетский музей мордовские, татарские и русские черепа. Кроме того, он передал в Геологический кабинет Казанского университета коллекцию окаменелостей, собранную в течение нескольких лет на берегу Волги в Симбирской губ. Еще в студенческие годы С.М.Чугунов опубликовал несколько научных работ, что по тем временам было довольно редким явлением. На старших курсах С.М. работал помощником прозектора при кафедре анатомии, а затем при кафедре зоологии и сравнительной анатомии.

С.М.Чугунов (1854-1920). г.Томск, 1915.

В 1880 г. С.М. окончил университет со степенью лекаря и званием уездного врача. С 19 декабря 1880 г. по март 1888 г. он работал земским врачом сначала в с.Каргопольском Шадринского уезда Пермской губ., затем в Сенгелеевском уезде Симбирской губ., с марта 1888 г. - сверхштатный ординатор в Симбирской губернской земской больнице. Занимаясь врачебной практикой, С.М. продолжал публиковать научные статьи и

очерки. Осенью 1882 г. он приезжал в Тобольск, где знакомился с антропологическими материалами из раскопок А.И. Дмитриева-Мамонова. В 1884 г. приобрел искусственно деформированный череп, случайно найденный в кургане у д. Одиной на р.Миассе, который в 1885 г. передал в Казанский университет.

В 1888 г. открылся первый в Сибири университет в Томске. Основная часть профессорско-преподавательского состава Томского университета была укомплектована из бывших преподавателей и вы-

пускников Казанского университета. Профессором кафедры анатомии был назначен Н.М.Малиев. При его содействии С.М.Чугунов с 1 сентября 1888 г. зачислен на должность помощника прозектора этой кафедры. В Томске С.М.Чугунов активно включился в научную работу, став одним из наиболее деятельных членов Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете.

Летом 1890 г. С.М. совершил поездку в г. Сургут для изучения остяков (хантов). Им было измерено 140 остяков с рр. Оби, Югана, Тромюгана и Ваха. Проведены также раскопки одного из древних городищ близ г.Сургута и остяцкого кладбища в 15 верстах выше г.Сургута. Собранные антропологические коллекции переданы в Музей нормальной анатомии, археологические и этнографические коллекции - в Археологический музей университета.

В первые годы работы в Томске С.М.Чугунов близко сошелся со Степаном Мировичем Кузнецовым, библиотекарем университета, проводившим археологические раскопки в Томском округе. Они были одноклассниками, оба окончили Казанский университет, их связывали общие научные интересы. В 1891 г. С.М.Чугунов вместе с С.К.Кузнецовым совершил археологическую поездку на р.Яю и принял участие в проводившихся С.К. Кузнецовым раскопках курганов у с.Вороново на р.Оби и могильника «Тоянов городок» под Томском. Антропологические материалы из раскопок С.К.Кузнецова С.М.Чугунов неоднократно публиковал в своих работах.

В дальнейшем С.М.Чугунов проводил и самостоятельные археологические исследования. В 1895 и 1897 гг. он продолжил раскопки могильника «Тоянов городок», в 1895 и 1896 гг. исследовал курганы в Каинском округе Томской губ., близ совр. с.Венгерово Новосибирской области. Основной целью археологических раскопок было накопление палеоантропологических материалов. Большинство его антропологических статей составили серию под общим заглавием «Материалы дня антропологии Сибири».

В 1905 г. С.М.Чугунов опубликовал книгу «Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ» написанную на основе изучения почти 400 черепов, найденных при земляных работах в связи с застройкой района Воскресен-

ской горы, исторического центра города. До сих пор эта книга остается единственным исследованием по краниологии русского населения Сибири.

За антропологические труды С.М.Чугунову в 1906 г. присуждена премия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а в 1908 г. - половинная премия Томского университета.

Много времени, труда и сил отдавал С.М. учебной работе. В его служебные обязанности входило проведение практических занятий со студентами по анатомии человека. Его руками были приготовлены многие препараты, использовавшиеся на занятиях и пополнявшие Музей нормальной анатомии университета. За годы работы прозектором С.М. Чугуновым накоплены разнообразные анатомические наблюдения, изложенные им в нескольких статьях. Особое внимание он уделял анатомии позвоночника.

В свободное от работы время любимым занятием С.М.Чугунова было коллекционирование насекомых, в основном чешуекрылых (бабочек). Во время прогулок в окрестностях Томска ему помогали собирать насекомых жена Юлия Николаевна и сын Михаил. В 1905 г. С.М.Чугунов пожертвовал свою коллекцию чешуекрылых в Зоологический кабинет Томского университета.

Летом 1899 г. С.М.Чугунов вместе с сыном, в то время воспитанником Томской гимназии, приняли участие в Зоологической экспедиции Томского университета в Барабинскую степь, взяв на себя сбор материалов по насекомым. Позднее, став уже взрослым, Михаил продолжал энтомологические сборы в Манчжурии, где служил при госпитале во время русско-японской войны 1904-1905 гг., и в Восточной Сибири, где работал врачом после окончания Томского университета. Материалы из сборов М.С.Чугунова опубликованы С.М.Чугуновым.

На протяжении своей работы и Томске С.М.Чугунов не порывал связей с Казанским университетом. Он неоднократно бывал в Казани, делал научные доклады на медицинские и антропологические темы на заседаниях Общества врачей и Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Бывал он и на своей родине, в Симбирске. В

1899 г. С.М.Чугунов собирал энтомологические коллекции в его окрестностях.

В 1897 и 1898 гг. С.М.Чугунов выдержал теоретические, практические и письменные испытания на ученую степень доктора медицины, а в 1899 г. на заседании Совета Томского университета защитил диссертацию. С 11 июня 1903 г. по 1 мая 1906 г. С.М.Чугунов – приват-доцент при кафедре нормальной анатомии.

В 1904 г. И.С.Поповский, бывший тогда профессором кафедры анатомии, ушел на пенсию. На вакантное место объявляется конкурс и было подано четыре заявления, в том числе С.М.Чугуновым. Совет университета, однако, избрал профессором анатомии Г.М.Иосифова, приват-доцента Харьковского университета.

В 1906 г. С.М.Чугунов оставляет Томский университет. В 1907 г. он работает железнодорожным врачом на станции Татарской (совр. Новосибирская обл.), заведует принадлежащим станции врачебным участком. В 1908 г. в течение двух летних месяцев С.М. работал вольнонаемным врачом на Обь-Енисейском канале. Но с 1 сентября 1908 г. он снова в Томском университете, работает сверхштатным ассистентом при кафедре зоологии. Его работа в области антропологии и анатомии полностью прекратилась. Энтомология, бывшая до этого лишь увлечением, становится основным занятием. Почти ежегодно в летние месяцы он проводит экспедиции по сбору зоологических коллекций. В 1909 г. совершает поездку на Алтай (с.Чемал), в 1910 г. – в г.Канск, в 1912 г. – в Минусинский округ Енисейской губернии и в Балаганский округ Иркутской губернии, в 1913 г. в Сургутский округ, в 1914 г. на реки Кондому и Тельбес, в 1915 г. – в низовья р. Оби. С 1909 г. С.М.Чугунов - действительный член Русского энтомологического общества. В сентябре 1910 г. ему присуждена бронзовая медаль за коллекцию вредных бабочек на 3 Выставке садоводства в Томске.

Должность ассистента явно не соответствовала ни возрасту С.М., ни его опыту, ученому званию и чину (статский советник, 5-ый чин по Табелю о рангах, соответствующий воинскому чину между полковником и генералом). С.М.Чугунов был награжден орденами Св. Анны 3 ст., Св. Станислава 3 ст., серебряной медалью в память царствования

ния императора Александра III. С 1 октября 1915 г. С.М.Чугунов уволен из Томского университета согласно поданному прошению

О последних годах жизни С.М.Чугунова известно немного. В 1916 г. он заведует больницей на станции Уфалей (недалеко от Екатеринбург), в 1918 г. заведует больницей на станции Вагай (совр. Тюменская обл.). С 1919 г. С.М. – главный врач управления железной дороги в г. Омске. Осенью 1920 г., отступая из Омска, белогвардейцы Колчака приказали всем медработникам эвакуироваться в Иркутск, тех, кто был против такого приказа, собрали в холодном сарае, в том числе и С.М.Чугунова. В это время стояла довольно холодная погода и, хотя всех в ближайшую ночь освободила Красная Армия, С.М.Чугунов сильно простыл и 29 ноября 1920 г. (ст.ст.) умер от крупозного воспаления легких [Багашев, 2006].

Научная деятельность С.М.Чугунова оставила заметный след в русской антропологической науке и он всегда останется в ее истории основателем сибирской школы. «Работы Чугунова характеризуются большой тщательностью, он не удовлетворялся обычными измерениями и констатированием того или иного распределения цифр, а давал детальное морфологическое описание черепов и скелетов, пытался ставить вопросы о филогенетическом значении тех или иных особенностей, чем работы его выгодно отличаются от современных ему краниологических работ, связанных с антропологическим отделом ОЛЕАЭ» (Дебец, 1948). «Научную деятельность С.М. Чугунова отличает редкая целеустремленность. Антропологический материал не только последовательно использовался для решения определенной исторической задачи, но и планомерно собирался им для этой цели. Короче говоря, работы С.М.Чугунова характеризовались высоким методическим уровнем и ясным пониманием широких возможностей краниологических данных» [Алексеев, 1969].

Одновременно исследования в Западной Сибири вели другие антропологи. Сотрудник Минусинского музея К.И.Горощенко исследовал большое число тувинцев, хакасов и среди последних - мелец-

ких тюрков среднего Чулыма [Горощенко, 1905; Ивановский, 1907]. В.И.Анучин в 1905-1906 гг. исследовал кетов Туруханского края [Анучин, 1906; Синельников, 1911].

Крупным событием в истории антропологических исследований в Западной Сибири явилась экспедиция С.И.Руденко в 1909-1910 гг. для изучения ненцев, хантов и манси. Подробный анализ собранных и ранее опубликованных материалов приведен им в солидной монографии, которая явилась лучшей работой по антропологии коренного населения Западной Сибири во всей литературе начала XX в. [1914].

В 1909 г. Д.Т.Янович, участник экспедиции О.О.Баклунда, раскопал 360 погребений на хантыйском могильнике на острове Халас-Погор. Полученная им серия черепов до настоящего времени является самой многочисленной и часто используемой при характеристике угорских групп уральской группы популяций.

Ощутимый вклад в антропологическое изучение народов Западной Сибири в XIX - начале XX вв. внесли иностранные учёные. О.Финш и А.Брэм, участники т.н. «Бременской экспедиции» 1876 г. привезли в Германию 19 остяцких и самоедских черепов с низовьев Оби, которые были опубликованы Р.Вирховым [Virchow, 1877] и отчасти У.Флоуэром [Flower, 1878]. В 1880 г. итальянец С.Соммье по краткой программе обследовал на нижней Оби около 300 самоедов, остяков и зырян, а также провёл раскопки нескольких кладбищ и собрал 37 остяцких и 19 самоедских черепов. Материалы, опубликованные С.Соммье [Sommier, 1887], получили широкую известность за границей и в России и долгое время оставались одним из наиболее авторитетных источников по антропологии коренного населения Западной Сибири. Несколько черепов аборигенов из собрания Петербургской Академии наук исследовал французский учёный К.Е.Уйфальви [Ujfalvy de Mezö-Kövesd, 1880].

Особый интерес к антропологии Западной Сибири проявляли венгерские и скандинавские учёные. В 1888-1889 гг. исследования в

северо-западной Сибири проводил венгерский этнограф и антрополог К.Папай. Им измерено и описано 130 вогулов, 144 остяка, 51 зырянин и 32 самоеда [Papai, 1893-1894]. В 1898 г. венгерский антрополог и этнограф Я.Янко измерял остяков на рр. Демьянке, Иртыше, Салыме, Югане, а также собрал 30 остяцких черепов. Много лет спустя материалы Янко были опубликованы П.Липтаком [Липтак, 1950; Liptak, 1954]. Соматологическое исследование нарымских селькупов впервые осуществил финский этнограф и лингвист К.Доннер в 1912 г. Доставленный им небольшой материал обработан К.Хильден [Hilden, 1938-39]. Летом 1914 г. К.Хильден провел измерения северных и южных алтайцев на рр. Бие, Лебеди, Чулышмане, Башкаусе и в районе Телецкого озера [Hilden, 1920].

Подводя итог антропологическим исследованиям в XIX - начале XX века, можно видеть, что коренные народности Западной Сибири были изучены неравномерно. По хантам (остякам), манси (вогулам) и ненцам (самоедам) опубликованы соматологические данные более чем о тысяче индивидов и измерения около 200 черепов. Значительно слабее изучены кеты (енисейские остяки) и селькупы (остяко-самоеды). Из тюркоязычных групп по соматологической программе исследованы северные алтайцы, а краниологический материал получен лишь по томским татарам.

Исследования Соммье, Папая, Чугунова и Руденко позволили выделить на средней и нижней Оби два антропологических типа. Один из них, представленный у самоедов (ненцев), характеризуется брахикефальной, средневысокой черепной коробкой, почти исключительно тёмной пигментацией, широким и высоким лицом, мезолепторинным средневыступающим носом, частой монгольской складкой века. Отличительными чертами второго типа, зафиксированного у вогулов (манси), являются долихо-мезокефалия, низкая черепная коробка, примесь светлых оттенков волос и глаз, не очень широкое и высокое лицо, обычное отсутствие складки века и вместе с тем более широкий и несильно выступающий нос. Остяки (ханты)

по многим признакам занимают промежуточное положение между вогулами и самоедами. Близость остяков с вогулами исследователи объясняли взаимным родством, а сходство с самоедами - смешением.

Прослеживая генетические связи самоедского типа, авторы отмечали много общих черт с лопарями (Вирхов, Зограф, Соммье, Руденко), сойотами (Зограф, Горощенко, Руденко), ваховскими хантами и енисейскими остяками (Чугунов, Руденко). Сходству с сойотами (тувинцами) и кетами С.И.Руденко придавал особое значение, считая его доказательством южного происхождения самоедов. Значительная близость с типом вогулов и остяков установлена у северных алтайцев (Зограф, Хильден), чулымцев (Горощенко), а по краниологическим данным - также у томских татар (Заборовский, Чугунов).

К.Папай сопоставил различные финно-угорские народности по сумме антропологических признаков, пытаясь реконструировать первоначальный угорский тип, исходный для современных вогулов и остяков, и пришёл к выводу, что древние угры стояли близко к белым финнам, были долихокефальны, светлопигментированны, имели узкий нос и европейский разрез глаз. С.М.Чугунов не отождествлял первоначальный угорский тип с европеоидной расой, показав его отчётливые монголоидные особенности в строении носовой области.

Долихокрания угорского типа оставалась загадкой. Делались попытки установить её происхождение с помощью палеоантропологических данных. Д.Европеус высказал мысль о родстве вогулов и остяков с длинноголовым дорусским населением европейской России, известным по материалам из средневековых курганов Московской, Ярославской и др. губерний. Отмечая далее сходство в головном указателе с африканскими неграми, Европеус предположил, что обские угры являются остатком древнейшего долихокефального ти-

па, связанного по происхождению с южной Африкой [Европеус, 1874].

Проводимые Европеусом далёкие аналогии встретили возражения, но представление о родстве угров и древних племён, живших западнее Урала, утвердилось в ряде работ других авторов. Сравнение обских угров с современными поволжскими финнами привело С.И.Руденко к выводу о наличии существенных различий между ними. Другие авторы (Малиев, Папай) подчёркивали определённое сходство вогулов с черемисами (мари).

Кроме самоедского и угорского в составе коренного населения Западной Сибири установлены и другие типы. Особый интерес представляет американоидный тип, напоминающий индейцев Северной Америки, отмеченный у кетов (Анучин, Синельников).

Исследования в области палеоантропологии к началу XX в. находились в зачаточном состоянии. Изученный палеоантропологический материал был невелик и не мог послужить для серьёзных обобщений. Большинство авторов отмечали монголоидную принадлежность древних черепов Западной Сибири. Только черепа из Усть-Тартасского могильника, по данным Чугунова, оказались европеоидными. Некоторое время, переехав в Томск в 1919 и покинув его в 1921 году С.И.Руденко начал изучать антропологические материалы из могильников тагарской культуры (разные этапы VI-III вв. до н.э.) в Минусинской котловине (раскопки С.И. Руденко и С.А. Теплоухова в 1920). Однако по современной методике большая часть этих материалов была измерена и опубликована Г.Ф. Дебецем значительно позже [1948].

§3. Современный период

В 20-е и 30-е годы в России наблюдается бурное развитие различных направлений антропологической науки. Новыми чертами явились плановая организация исследовательской работы, унификация методики и расширение методов антропологических исследо-

ваний, большое внимание к вопросам общей теории расоведения и расовой классификации.

Дальнейшее развитие получили расовые классификации, появившиеся в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. Особенно большое значение имела антропологическая классификация И.Е.Деникера [Деникер,1902], выделившего по сочетанию морфологических признаков 29 человеческих рас, среди которых в качестве особой евразийской группы поместил туркскую (туранскую) и угорскую расы, обладающие монголоидными особенностями в смягчённом виде. К угорской расе, состоящей из двух подрас - угорской и енисейской, Деникер отнёс остяков, восточных финнов, самоедов, кетов, а также некоторых алтайцев и хакасов. В отличие от многих предшественников Деникер чётко разграничил угорскую расу и западных финнов, занявших место среди европеоидов. Типичными представителями туранской расы Деникер считал киргизов (казахов) и астраханских татар.

В дальнейших работах зарубежных антропологов утвердилось представление о расовой общности населения всей северной Азии. Единая раса, раскинувшаяся от Урала до Чукотки и Приморья, в схемах разных авторов носит различные названия: палеоарктические варианты у В.Джужффрида-Руджери, палеоарктическая группа у А.Гэддона, палеосибирская раса у Г.Монтандона, сибирская раса у Э.Айкштеда. Она включена в монголоидную большую расу и объединяет в своих западных вариантах остяков, вогулов, самоедов, енисейских кетов, иногда также сойотов, алтайцев и хакасов, а на востоке - тунгусов, юкагиров, коряков, чукчей, камчадалов, орочей и гиляков. Обстоятельный разбор расовых классификаций многих западных авторов приведен в книге М.Г.Левина [1958, с.27-40]. За рубежом подобные классификационные схемы до сих пор пользуются широкой популярностью. В России же постепенно отказались от концепции палеосибирской расы и, взяв за исходные работы

С.И.Руденко и И.Е.Деникера, на основе большого нового материала выработали иные схемы расовых типов Сибири.

Исследование финно-угорских народов в 20-е годы начато В.В.Бунаком в Поволжье. Анализируя собранные материалы и сравнивая их с данными С.И.Руденко, он установил сходство восточных финнов с вогулами и остяками. Суммарный антропологический тип, наиболее отчётливо представленный у вогулов, Бунак предложил назвать уральским типом, а его более мезокефальный и высокоголовый волжский вариант, отмеченный у марийцев, - субуральским типом [Бунак, 1924а; 1924б]. Кроме того среди удмуртов отмечен брахикефальный и менее высоколицый тип, названный сублапоноидным [Bunak, 1932].

Г.Ф.Дебец, исследуя неолитические черепа Прибайкалья, выделил среди них особый тип, который был отмечен у современных тунгусов и получил название байкальского [1930]. Как считал в то время Дебец, определённое сходство байкальского типа с уральским типом остяков и вогулов свидетельствует об их генетической связи. На этом основании он объединил байкальский, уральский и эскимосский типы в одну палеосибирскую расу, солидаризуясь, таким образом, с западными исследователями [Дебец, 1930]. Мысль о родстве вогулов и остяков с байкальским типом разделяли и другие исследователи [Бунак, 1934; Рогинский, 1934; Трофимова, 1947].

Со временем начали появляться новые полевые материалы по народам Западной Сибири. Р.П.Митусова из Ленинградского университета в 1924-1925 гг. исследовала 512 лесных ненцев Обско-Тазовского водораздела, 120 аганских и тром-юганских хантов, а также небольшую группу ненцев-юраков Тазовской губы.

Одновременно, в 1924-1927 гг. группа сотрудников Института антропологии МГУ под руководством А.И.Ярхо провела обширные исследования коренного населения Алтае-Саянского нагорья. По обширной программе обследовано свыше 1300 алтайцев, 230 шорцев, 760 хакасов, 130 тувинцев и 120 казахов. Полученные материа-

лы легли в основу разработанной А.И.Ярхо новой классификации антропологических типов Сибири [1929, 1934, 1936, 1947]. Критически оценивая данные предшествующих исследователей о значительном распространении светлопигментированного элемента среди северных алтайцев, Ярхо тем не менее установил чёткие антропологические отличия северных алтайцев от тувинцев, южных алтайцев и казахов. Одновременно обнаружилось большое сходство северных алтайцев и шорцев с южными хакасами, особенно бельтирами. Для этих групп характерны мезо-долихокефалия, умеренная пигментация и несильная выраженность монголоидных особенностей в строении лица, носа и глаз. Выделенный тип Ярхо назвал урало-алтайским и отметил его почти полную идентичность угорской расе Деникера и уральскому типу Бунака. В более чистом виде этот тип представлен у вогулов. Среди остяков урало-алтайский тип выступает смешанно с центральноазиатским типом. Последний характеризуется брахикефалией, более крупным и плоским лицом, слабо выступающим носом, частым эпикантусом, тёмной пигментацией и другими типично монголоидными признаками. Относя к центральноазиатскому типу самоедов, Ярхо в отличие от Руденко отрицал их специфическое сходство с тувинцами. Кеты включены вместе с казахами, киргизами и теленгетами в состав третьего, южносибирского типа, который, по словам А.И.Ярхо, сближается по описательным признакам с урало-алтайским типом, а по измерительным — с центральноазиатским. Классификация А.И.Ярхо получила признание и с небольшими изменениями была принята в первом учебнике по антропологии [Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941].

Исследования коренного населения Западной Сибири были продолжены сотрудниками Института антропологии МГУ в предвоенные годы. Г.Ф.Дебец и Т.А.Трофимова в 1937 г. обследовали томских, чулымских, барабинских и тевризских татар, Н.Н.Чебоксаров, С.А.Шлугер и А.И.Закревская в 1938-1939 гг. — ненцев европейского Севера и Ямало-Ненецкого национального округа. В 1939 г.

Н.Н.Чебоксаров, Т.А.Трофимова и Л.С.Мстиславский провели работу среди различных групп манси на восточном и западном склонах Урала, а Г.Ф.Дебец и К.В.Вильшау — среди тымских селькупов и ваховских хантов. Наконец, в 1941 г. Г.Ф.Дебец и С.А.Шлугер собрали материал по кетам р.Егогоя, селькупам-юракам, эвенкам и метисам бассейна р.Таза. В совокупности экспедиции 1937-1941 гг. покрыли сплошной антропологической съёмкой значительную часть территории Западной Сибири. Уральский тип был установлен у барабинских и иртышских татар [Дебец,Трофимова,1941; Трофимова,1947], ненцев [Шлугер,1940], селькупов и ваховских хантов [Дебец,1947]. Одновременно выяснилась большая сложность расового состава населения Западной Сибири. Характерный для кетов енисейский («американоидный») тип отмечен у ивдельских манси [Трофимова,Чебоксаров,1941; Чебоксаров,Трофимова,1941], ямальских ненцев [Шлугер, 1940], ваховских хантов [Дебец,1941; 1947], нарымских и тазовских селькупов [Дебец,1947]. У чулымцев зафиксирован особый низколицый монголоидный тип [Дебец,Трофимова,1941; Дебец,1947; 1948,с.214], который был обнаружен также у иртышских татар [Трофимова,1947] и восточных ненцев [Шлугер,1940]. Среди манси, ваховских хантов, тымских и тазовских селькупов установлена также примесь европеоидных элементов [Трофимова,Чебоксаров,1941; Чебоксаров, Трофимова,1941; Дебец,1941а, с.16-17; 1947]. Кроме обычных антропологических измерений сотрудниками Ин-та антропологии собраны в Западной Сибири материалы по группам крови, пальцевым узорам и некоторым другим дополнительным признакам, частично опубликованные в 1941 г. [Дебец,1941; Трофимова,Чебоксаров,1941; Шлугер,1941; Волоцкий,1941]. Проводилось исследование краниологических материалов. М.Г.Левин заново измерил мансийские черепа коллекции Гондатти и впервые подробно опубликовал черепа хантов, привезённые Яновичем [Левин,1941]. Американский антрополог А.Грдличка исследовал в музеях Москвы и Ленинграда черепа ненцев, хантов,

манси и селькупов [Hrdlička, 1942; 1944]. Г.Ф.Дебец изучил черепа из поздних могильников томских и чулымских тюрков [Дебец, 1948, с.211-214, прил.35]. В дальнейшем Г.Ф.Дебец издал сводку хранящихся в местных и центральных музеях СССР краниологических серий по сибирским народам [Дебец, 1951].

Н.С.Розов, антрополог из Томского университета в 1948-1949 гг. собрал соматологический материал по чулымцам, селькупам и метисам в нижнем течении р.Чулыма. В 1950 г. исследованием охвачены селькупы и эвенки на р.Кети, в 1951 — чулымцы среднего Чулыма и томские татары, в 1952 г. — васюганские ханты и эвенки, в 1959 и 1961 гг. — русские старожилы и томские татары в окрестностях г.Томска. Основная часть собранных материалов была опубликована [Розов, 1958; 1961; 1961a].

Одновременно Н.С.Розов взялся за организацию в Томском университете Кабинета антропологии. Основу его коллекций составили краниологические материалы старых сборов, которые были переданы из Археологического музея университета. Коллекции существенно пополнились в результате раскопок поздних могильников, проведенных А.П.Дульзоном и Е.М.Пеняевым в 1946-1953 гг. на р.Чулыме, Оби и Кети. В результате составились две представительные краниологические серии — селькупская и чулымская, которые были обработаны и опубликованы Н.С.Розовым [1956; 1961].

Николай Сергеевич Розов родился 7 мая 1896 года в с. Николо-Замосше Ярославской губернии в семье священнослужителя. В 1916 г. закончил гимназию в г.Ростове. С 1923 по 1929 гг. обучался в Ленинградском государственном университете на географическом факультете по специальности «этническая антропология». Во время учебы и после окончания университета Н.С.Розов работал до 1932 г. научным сотрудником антропологического отдела Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде. Тогда же он работал и в этнографическом музее университета, а в 1931-1934 гг. выполнял обязанности доцента на одной из кафедр института физической культуры им. П.Ф.Лесгафта.

Н.С.Розов (1896-1987).г.Томск, 1961

В 1930 г. Н.С.Розов впервые побывал в г. Томске, будучи участником экспедиции по исследованию южной границы Великого оледенения на Севере Западной Сибири, где познакомился с проф. Томского медицинского института А.П.Азбукиным, который и пригласил его в 1934 г. для чтения курса антропометрии на кафедру нормальной анатомии, куда Н.С.Розов и был зачислен на должность доцента. Работая в Томском медицинском институте он организовал антропологический кабинет, основной задачей которого было изучение соматологических особенностей сибирского населения и внедрение методов антропологических ис-

следований в медицинскую практику.

В 1946 г. Н.С.Розов защитил в Томском мединституте диссертацию на степень кандидата биологических наук «О физическом развитии работниц Ленинградских предприятий в связи с внедрением физкультуры в производственный процесс».

С 1947 г. научная деятельность Н.С.Розова тесно связана с Томским университетом, где он возглавляет кафедру анатомии и гистологии до 1950 г., а с 1950 по 1961 гг. работает доцентом кафедры физиологии человека и животных университета. В 1948 г. Н.С.Розов организовал на кафедре анатомии и гистологии биолого-почвенного факультета антропологический музей. Консультируясь с И. Руденко и Г. Ф. Дебецем, он провёл паспортизацию антропологических коллекций. В 1958 г. на биолого-почвенном факультете университета был открыт Кабинет антропологии, где сосредоточились все сохранившиеся краниологические и остеологические материалы. Оживление археологических изысканий в 1960-х гг. привело к существенному пополнению фондов Кабинета антропологии, коллекции кото-

рого всё более приобретали характер палеоантропологического собрания.

В 1948-1949 гг. под руководством Н.С.Розова были проведены раскопки могильника чулымских татар XVIII-XIX вв. Ясашная Гора. Фонда Кабинета антропологии пополнялись и в результате археологических работ А.П.Дульзона, Е.М.Пеняева и др. На базе краниологических материалов Н.С.Розовым подготовлен ряд публикаций, посвященных происхождению древнего и современного населения Западной Сибири [1956; 1957; 1958; 1959; 1961].

Уже будучи на пенсии Н.С.Розов активно продолжал сотрудничать как с биологами, так и с историками Томска, принимая участие в семинарах, совещаниях и конференциях. Скончался Н.С.Розов 3 октября 1987 года в г.Томске. Материал о жизни Н.С.Розова почерпнут из публикаций М.П.Рыкун [2001; 2003; 2006].

Со временем начали появляться новые полевые материалы по народам Западной Сибири. Р.П.Митусова из Ленинградского университета в 1924-1925 гг. исследовала 512 лесных ненцев Обско-Тазовского водораздела, 120 аганских и тром-юганских хантов, а также небольшую группу ненцев-юраков Тазовской губы.

В конце 30-х годов XX века исследования коренного населения Западной Сибири интенсифицируются сотрудниками Института антропологии Московского государственного университета. Г.Ф.Дебец и Т.А.Трофимова в 1937 г. обследовали томских, чулымских, барабинских и тевризских татар, Н.Н.Чебоксаров, С.А.Шлугер и А.И.Закревская в 1938-1939 гг. — ненцев европейского Севера и Ямало-Ненецкого национального округа. В 1939 г. Н.Н.Чебоксаров, Т.А.Трофимова и Л.С.Мстиславский провели работу среди различных групп манси на восточном и западном склонах Урала, а Г.Ф.Дебец и К.В.Вильшау — среди тымских селькупов и ваховских хантов. Наконец, в 1941 г. Г.Ф.Дебец и С.А.Шлугер собрали материал по кетам р.Егогуя, тазовско-туруханским селькупам, эвенкам и метисам бассейна р.Таз. В совокупности экспедиции 1937-1941 гг. обеспечили сплошную антропологическую съемку значительной

части территории Западной Сибири. Уральский тип был установлен у барабинских и иртышских татар [Дебец, Трофимова, 1941; Трофимова, 1947], ненцев [Шлугер, 1940], селькупов и ваховских хантов [Дебец, 1947]. Одновременно выяснилась большая сложность расового состава населения Западной Сибири. Характерный для кетов енисейский («американоидный») тип отмечен в качестве компонента у ивдельских манси [Трофимова, Чебоксаров, 1941; Чебоксаров, Трофимова, 1941], ямальских ненцев [Шлугер, 1940], ваховских хантов [Дебец, 1941а, 1947], нарымских и тазовских селькупов [Дебец, 1947]. У чулымцев зафиксирован особый низколицый монголоидный тип [Дебец, Трофимова, 1941; Дебец, 1947, 1948, с. 214], который был обнаружен также у иртышских татар [Трофимова, 1947] и восточных ненцев [Шлугер, 1940]. Среди манси, ваховских хантов, тымских и тазовских селькупов установлена также примесь европеоидных элементов [Трофимова, Чебоксаров, 1941; Чебоксаров, Трофимова, 1941; Дебец, 1941б, 1947].

Проводилось исследование краниологических материалов. М.Г.Левин заново измерил мансийские черепа коллекции Л.Гондатти и впервые подробно опубликовал черепа хантов, привезенные Д.Т.Яновичем [Левин, 1941]. Г.Ф.Дебец изучил черепа из поздних могильников томских и чулымских тюрок [Дебец, 1948, с. 211-214, прил.35]. В дальнейшем Г.Ф.Дебец издал сводку хранящихся в местных и центральных музеях СССР краниологических серий по сибирским народам [Дебец, 1951].

Начиная с 1959 г. обширные серологические исследования в Сибири проводились экспедициями МГУ под общим руководством Ю.Г.Рычкова. По программе, включающей определение групп крови различных систем, обследованы в частности ненцы, ханты, селькупы, шорцы, кумандинцы, тубалары [Рычков Ю.Г., 1965, 1968, 1969, 1969а; Рычков Ю.Г. и др., 1969; Шереметьева В.А., Рычков Ю.Г., 1978]. С 1965 г. активную работу по изучению биохимического полиморфизма сибирских народов проводит В.А.Спицын [1974].

Т.Д.Гладковой и Г.Л.Хить обработан обширный материал по дерматоглифике многих групп коренного населения Западной Сибири [Гладкова Т.Д.,1961; Гладкова Т.Д., Хить Г.Л.,1968; Хить Г.Л.,1973, 1979, 1983, 1984; Хить Г.Л., Томилов Н.А., 1981]. Существенную помощь в сборе дерматоглифического материала по тюркоязычным группам Западной Сибири оказали этнографы Омского университета. Благодаря их полевым работам впервые получен также материал по одонтологии сибирских татар и телеутов [Халдеева Н.И.,1984; Ефимова С.В.,1984].

В 1976-1981 гг. экспедициями Института антропологии МГУ под руководством Т.И.Алексеевой и И.В.Перевозчикова проводился сбор материалов по соматологии, серологии, дерматоглифике, одонтологии и по специальной физиологической программе среди коренного населения Алтае-Саянского нагорья — хакасов, шорцев, телеутов [Чикишева Т.А., 1982; Гладкова Т.Д., Битадзе Л.О., 1979; Тегако Л.И., 1979].

Планомерный сбор антропологических данных по разнообразным группам и подгруппам коренного населения Западной Сибири антропологами Томского университета в 70-е и 80-е годы позволил накопить солидные коллекции, среди которых присутствуют материалы по хакасам, шорцам, северным и южным алтайцам, чулымцам, томским, барабинским и тоболо-иртышским татарам, селькупам, среднеобским и иртышским хантам, манси. Часть этих материалов опубликована [Ким А.Р.,1978, 1978а, 1984, 1987, 1990; Дрёмов В.А.,1984, 1990, 1991, 1991а, 1995; Багашёв А.Н.,1984, 1987,1989, 1990, 1990а, 1991, 1993]. Одновременно проводилась обработка значительных палеоантропологических материалов, поступавших в Кабинет антропологии Томского университета.

В начале 60-х годов в Томск приезжает В.А.Дремов, который под руководством Н.С.Розова приступает к обработке антропологических материалов и становится достойным продолжателем его научной деятельности.

В.А.Дремов (1940-1996). г. Томск, 1982 г.

Владимир Анатольевич Дрёмов родился 22 декабря 1940 г. в г. Новосибирске. После окончания исторического факультета Новосибирского педагогического института в 1963 году переезжает в Томск. Дальнейшая научная деятельность В.А.Дремова была неразрывно связана с Томским университетом и Кабинетом антропологии, где он работал с 1963 г.: сначала лаборантом кафедры физиологии

человека и животных, а с 1968 г. научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (далее - ПНИЛИАЭС ТГУ). Интерес В. А. Дремова к антропологии определился ещё в студенческие годы на историческом факультете Новосибирского педагогического института, когда он принимал участие в археологических исследованиях под руководством Т.Н. Троицкой. В Томске В. А. Дрёмов как учёный-антрополог начал свою деятельность под руководством Н.С. Розова.

Значительное пополнение фондов Кабинета антропологии, начавшееся в связи с интенсивными археологическими изысканиями в 1960-х гг. привело к существенному пополнению фондов Кабинета антропологии, коллекции которого всё более приобретали характер палеоантропологического собрания. По этой причине в 1967 г. он был передан на исторический факультет, а в 1968 г. вошёл в состав созданной ПНИЛИАЭС ТГУ.

Изложенный выше исторический обзор развития антропологии как научного направления свидетельствует: несмотря на периоды спада исследований, преемственность между поколениями учёных все же сохранялась. С полным основанием можно говорить, что В. А. Дрё-

мов стал преемником и продолжателем лучших традиций русских учёных-антропологов – Малиева, Чугунова, Руденко, Розова.

Область знаний, в которой работал Владимир Анатольевич, определилась с самого начала его научно-исследовательской деятельности: происхождение древнего и современного населения Западной Сибири и прилегающих территорий на основе изучения палеоантропологических находок эпох неолита, бронзы, раннего железа, средневековья, а также близких к современности краниологических материалов, достоверно связанных с предками известных этносов.

Прекрасно понимая значение антропологических данных в разработке проблем генезиса палеопопуляций и этногенеза современных народов, В. А. Дрёмов много внимания уделял пополнению фондов Кабинета антропологии. В 1960-1980-е гг. сюда стекались практически все палеоантропологические находки из Западной и Южной Сибири. Несмотря на ряд технических сложностей, например, отсутствие в течение долгого времени соответствующего помещения, все доставлявшиеся археологами материалы паспортизировались.

Помимо этого В. А. Дрёмов включился в начатый еще Н. С. Розовым сбор антропологических материалов по современным коренным народам. С образованием в 1981 г. сектора антропологии в ПНИЛИАЭС ТГУ эта деятельность приобрела планомерный характер. В результате проведённых антропологических экспедиций удалось получить краниологические материалы по хантам, манси, селькупам, чулымским и томским тюркам, тоболо-иртышским и барабинским татарам, хакасам, шорцам и алтайцам, которые отражают расовые особенности почти всех этносов Западной и Южной Сибири.

К сер. 1990-х гг. Кабинет антропологии превратился в одно из крупнейших хранилищ антропологических материалов в России. Если в 1963 г. в нем насчитывалось около 600 ед. хр., то в настоящее время - более 5000 черепов и 2000 скелетов.

Все коллекции до 1979 г. включительно В. А. Дрёмов совместно с А. Р. Кимом тщательно проверили на предмет мест сборов, датировок, культурной и этнической принадлежности. После этой работы практически не осталось «безымянных» находок. В результате ими был составлен каталог антропологических коллекций.

Изучение расовых особенностей популяций на репрезентативных материалах позволяет фиксировать комбинации антропологических признаков на конкретных территориях в различные хронологические периоды, что является важнейшей задачей любых этногенетических исследований. Имея представление о сложной мозаике составляющих компонентов расового типа древних и современных народов, о закономерностях изменчивости антропологических особенностей популяций в пространстве и времени, можно достоверно связать тот или иной антропологический тип либо с современной этнической общностью, либо с древней группой людей.

Плодотворная научно-исследовательская деятельность В. А. Дрёмова нашла своё отражение в многочисленных опубликованных работах, посвященных происхождению и расовому составу древних племен и современных народов Западной и Южной Сибири. Исключительно тщательный подход к материалу, неординарный взгляд на проблему и высочайшая эрудиция всегда приводили к появлению публикаций, которые сразу привлекали внимание не только специалистов-антропологов, но и археологов, этнографов, лингвистов, историков. Особенно заметный вклад в палеоантропологию внесли работы по происхождению населения Западной и Южной Сибири в эпоху неолита и бронзового века. Изучение обширных палеоантропологических материалов этого времени, по объёму впятеро превышающих ранее опубликованные, впервые позволило В. А. Дрёмову подробно и последовательно в хронологическом плане рассмотреть расовый состав древнего населения южной части Западной Сибири (из таёжной полосы палеоантропологических находок пока практически нет). Он пришёл к заключению, что этот регион являлся ареной взаимодействия групп, относившихся к разным типам европеоидного и монголоидного расовых стволов. Юг Западной Сибири не являлся в древности самостоятельным очагом расообразования, ведущим расообразующим фактором выступали метисационные процессы. Разнообразие расовых типов, зафиксированное исследователем на палеоантропологических материалах, связывается с различными этническими компонентами, принявшими участие в генезисе древнего населения. Были выявлены следующие компоненты: монголоидный палеосибирского облика (Усть-

Иша, Иткуль), свидетельствующий о проникновении групп людей из Восточной Сибири, и низколицый монголоидный (встречается в неолите и в андроновское время), генетически связанный с таёжными районами Западной Сибири. Правда, в южных областях он не составляет значительной доли, но его присутствие в материалах различных эпох свидетельствует о непрекращавшихся связях с населением таёжной зоны. Расовые элементы европеоидного типа, фиксируемые в составе населения Западной Сибири, также различного происхождения. Так, европеоидный компонент в неолитических могильниках Усть-Иша и Иткуль, видимо, связан с матуризованными вариантами древне-средиземноморской расы. Некоторые европеоидные типы свидетельствуют о связях с окуневским населением Минусинской котловины. В лесостепной полосе Западной Сибири фиксируется и несколько вариантов протоевропейского типа. Сводка всех материалов по неолитическому времени и эпохе бронзы, обобщение многолетних исследований содержится в монографии В. А. Дрёмова «Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк)», которая вышла уже после смерти автора.

Серия публикаций В. А. Дрёмова посвящена анализу расового состава и происхождению населения Западной и Южной Сибири в эпоху раннего железа и средневековья. В них показаны родственные связи между племенами и их роль в расогенезе современных этносов.

Весьма плодотворной была деятельность В. А. Дрёмова в области этнической антропологии, в разработке проблем этногенеза коренных народов. Им собраны и введены в научный оборот краниологические материалы по среднеобским хантам, нарымским селькупам, чулымским и томским тюркам, некоторым группам хакасов и алтайцев. Впервые в науке было дано описание их краниологических особенностей, выявлены этногенетические связи и определено таксономическое положение в расовых классификациях.

Создание репрезентативной источниковой базы по антропологии современных коренных народов Западной и Южной Сибири позволило в конце 1980-х гг. приступить к подготовке коллективной обобщающей работы по проблемам их расогенеза, руководителем и координатором которой до последнего дня являлся В. А. Дрёмов. В моно-

графии, которая вышла в серии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» содержится полная сводка современных краниологических данных, прослежены основные факторы расообразования. Удалось зафиксировать своеобразие морфологического типа народов Западной Сибири, что противопоставляет их как монголоидным, так и европеоидным популяциям, равно как и группам смешанного происхождения.

В заключение необходимо остановиться на таком аспекте деятельности В. А. Дрёмова, как подготовка исследователей-антропологов. Владимир Анатольевич обладал удивительной способностью увлекать своими планами, мог многому научить. Под его руководством студенты выполняли курсовые и дипломные работы. Постепенно сложилась группа антропологов, работавших в одном направлении, что обусловило более целенаправленный и интенсивный сбор краниоостеологических материалов и их научное исследование. В 1982 г. В. А. Дрёмов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Антропология Верхнего Приобья в эпохи неолита и бронзы». Позднее это сделали и его ученики: в 1987 г. А.Р. Ким - «Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая», в 1989 г. А. Н. Багашёв - «Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниоостеологии».

Таким образом, даже такой краткий обзор основных направлений деятельности В. А. Дрёмова свидетельствует о том, что он сыграл весьма значительную роль в развитии антропологической науки в Сибири. Сохраненная и значительно пополненная им источниковая база будет служить фундаментом многих антропологических работ, а его научные исследования позволили выявить ряд ранее неизвестных исторических событий, что внесло существенный вклад в решение проблем происхождения древних и современных народов Западной и Южной Сибири. Скончался В.А.Дремов 22 марта 1996 года в г. Томске.

С 1970 г. к антропологическим исследованиям приступает А.Р.Ким, который начинает еще студентом работать под руководством В.А.Дрёмова в Томском университете. При изучении проблем происхождения коренного населения Алтая А.Р.Ким организует сбор краниологических данных по шорцам, алтайцам, кумандин-

цам, телеутам, кызыльцам, а также по барабинским татарам, что позволило впервые охарактеризовать эти народы.

А.Р.Ким (1946-1993). г. Томск, 1982 г.

Ким Аркадий Романович родился 2 февраля 1946 года в г. Ангрен Ташкентской области (Узбекистан). Научная деятельность А.Р.Кима началась в Томском университете. Впервые побывав на студенческой антропологической практике на р. Чулым в 1970 году, он уже с осени этого года стал работать лаборантом кабинета антропологии, а после окончания в 1974 году исторического факультета Томского университета был зачислен в штат проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и эт-

нографии Сибири (ПНИЛИАЭС ТГУ).

С 1975 г. А.Р.Ким включился в планомерные антропологические исследования коренного населения Западной Сибири, самостоятельно проводит полевые работы в Томской, Новосибирской, Омской, Кемеровской областях и в Алтайском и Красноярском краях. Его исследования внесли существенный вклад в разработку вопросов систематики промежуточных монголоидно-европеоидных типов коренного населения Западной и Южной Сибири. Среди изученных им кумандинцев, шорцев и телеутов впервые выявлен своеобразный североалтайский антропологический вариант, выходящий за пределы вариаций уральской и южносибирской групп популяций и занимающий самостоятельное таксономическое положение. Исследованные А.Р.Кимом краниологические материалы по средневековому населению Западносибирской лесостепи позволили ему выявить некоторые важные моменты происхож-

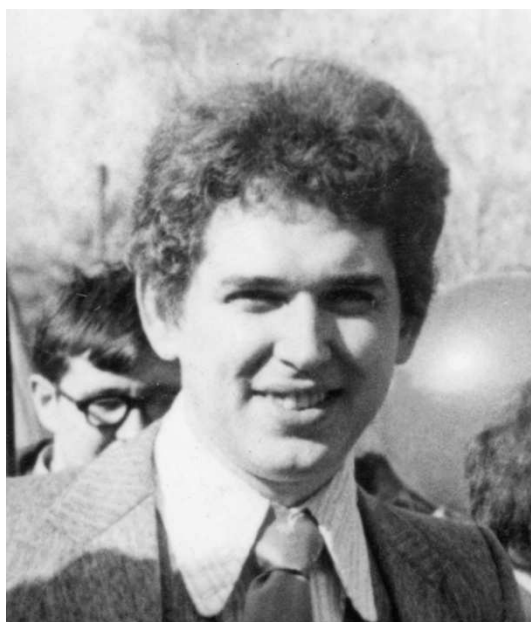
дения антропологических комплексов, принявших участие в генезисе современных тюркоязычных народов Алтае-Саянского нагорья.

В 1988 г. А.Р.Ким переезжает в г. Барнаул, столицу Алтайского края. В Алтайском университете он продолжил заниматься изучением антропологического состава населения Северного и Горного Алтая. При Музее археологии Алтайского университета был организован центр по обработке и хранению палеоантропологических коллекций. В начале 1990-х годов при Алтайском университете был организован Институт гуманитарных исследований, в который А.Р.Ким был приглашен сначала заместителем директора по научной работе, а затем и возглавил его в качестве директора. Будучи директором Института гуманитарных исследований А.Р.Ким устанавливает тесное сотрудничество с антропологами ряда зарубежных стран – Монголии, Южной Кореи, Венгрии, США, в сотрудничестве с археологами существенно интенсифицирует сбор палеоантропологических материалов и их научную обработку. Однако внезапно и трагически жизнь А.Р.Кима оборвалась в г. Барнауле 6 мая 1993 г.

С 1975 г. к антропологическим исследованиям в Томском университете подключается А.Н.Багашев. Впервые побывав студентом исторического факультета в 1975 г. в антропологической экспедиции на реке Чулым, руководимой А.Р.Кимом, он связал свою судьбу с антропологией. Первоначальная тема его исследований была посвящена характеру распределения дискретно-варьирующих признаков на черепях тюркоязычного населения Южной Сибири [Дремов, Ким, Багашев, 1981; Багашев, 1984]. Через 2 года после окончания исторического факультета, в 1981 г. А.Н.Багашев был зачислен в штат Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете. Основной темой исследований становится проблема происхождения тюркоязычного населения Западносибирской лесостепи. С 1983 по 1987 гг. А.Н.Багашевым были организованы антропологические экспедиции в Омской и Тюменской областях, в результате которых был впервые собран оригинальный краниологический и остеологический материал по всем этно-лингвистическим группам тоболо-иртышских

татар – аялынской, коурдакской, саргатской, тюменской и тобольской. Новые материалы в совокупности со средневековыми палеоантропологическими данными из могильников Среднего Прииртышья легли в основу кандидатской диссертации [Багашев, 1987] и монографии «Этническая антропология тоболо-иртышских татар» [1993]. Одновременно осуществлялся сбор краниологических материалов по уграм Западной Сибири, так в 1987 г. впервые был получен краниологический материал по южным хантам, в 1988 г. по ивдельским манси.

В 1990 г. А.Н.Багашев перешел на работу в Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук и переехал в г. Тюмень. Здесь основное внимание было уделено изучению краниологических материалов эпохи раннего железа, а также продолжен сбор недостающих краниологических данных по народам Западной Сибири. В Институте проблем освоения Севера СО РАН (ИПОС СО РАН) А.Н.Багашевым был организован центр по сбору, хранению и обработке антропологических материалов в лаборатории антропологии и этнографии. Обобщение обширных материалов по палеоантропологии Сибири вылилось в 2000 г. в докторскую диссертацию [Багашев, 2000] и ряд монографий [Багашев, 2000а; 2003]. Репрезентативность источника позволила А.Н.Багашеву внести существенный вклад в проблему происхождения древнего и современного населения Западной Сибири, выявить механизмы формирования популяций и установить их систематику в предложенной новой таксономической структуре антропологических типов Северной Евразии.

А.Н.Багашев. г. Томск, 1982 г.

Багашев Анатолий Николаевич родился 28 июня 1957 г. в г. Березники Пермской области. После окончания средней школы поступил в 1974 г. на исторический факультет Томского государственного университета. В 1975 г. впервые участвовал в антропологической экспедиции под руководством А.Р.Кима на реке Чулым. В 1976-1977 гг. под его же руководством в экспедициях в Горной Шории.

После окончания исторического факультета в 1979-1981 гг. работал учителем в сельской школе пос. Самусь Томской области, а с августа 1981 г. по май 1990 г. работал научным сотрудником Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете.

Под руководством В.А.Дремова в Кабинете антропологии ТГУ проводилась обработка краниологических и остеологических материалов, планировались направления научных изысканий. Пополнение источниковой базы поставило вопрос о подготовке обобщающей работы по антропологии коренного населения Западной Сибири. Начиная с 1984 года коллектив антропологов в составе В.А.Дремова, А.Р.Кима и А.Н.Багашева разработал план-проспект и приступил к написанию монографии по расогенезу коренного населения.

С 1990 г. А.Н.Багашев работает в созданной лабораторию археологии и этнической антропологии Института проблем освоения Севера СО АН СССР (г.Тюмень). В данной лаборатории он руководил группой антропологов. За это время была организована полномасштабная обработка палеоантропологических материалов по эпохам каменного века и раннего железа, средним векам с территории Западной и Южной Сибири, а также сбор близких к современности данных по

физической антропологии народов Северной Азии. По результатам работ издан ряд обобщающих монографий и серия статей.

С 1999 года по настоящее А.Н.Багашев возглавляет созданную в Институте проблем освоения Севера СО РАН лабораторию антропологии и этнографии. С 2007 г. избран на должность директора Института проблем освоения Севера СО РАН.

А.Н.Багашев. г. Тюмень, 2010 г.

Под руководством А.Н.Багашева подготовлен ряд кандидатских диссертаций по антропологии – Рыкун М.П., Ражевым Д.И., Пошехоновой О.Е. Им опубликовано более 90 научных работ, из которых 7 монографий.

В этих работах, на основе оригинальных палеоантропологических данных и близких к современности антропологических (краниологических) материалов, отражающих особенности расовой структуры и физического облика популяций, прослежены основные этапы истории антропологических

типов Северной Евразии, определены генезис расовых компонентов и уточнены пределы изменчивости палеопопуляций и современных угорских, самодийских, тюркских, монгольских групп в пространстве и во времени, реконструированы основные направления их этногенетических связей в различные исторические эпохи – камня, бронзы, раннего железа, средневековья и нового времени.

В монографии «Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа» А.Н.Багашевым рассмотрен антропологический состав населения эпохи неолита Западной и Южной Сибири, выявлены компоненты, происходящие с территории Передней и Средней Азии (кельтеминарская культура), Восточной Европы и Карелии (волоховская культура, Южный Олений остров), Восточной Сибири. Реконструируемая этногенетическая ситуация в эпоху бронзы характери-

зуются перемещением в азиатскую часть России европеоидных племен андроновской культурной общности, связываемых в генезисе с прото-европейским (кроманьонским) населением Восточной Европы. Они в совокупности с афанасьевским европеоидным населением Алтая, протоморфным аборигенным низколицым монголоидным населением таежной полосы Западной Сибири и классическими высоколицыми монголоидами Центральной Азии явились антропологической основой сложения многочисленных племен эпохи раннего железного века. В конце бронзового века реконструируется миграционный поток с территории Центральной Азии групп, носителей карасукских культурных традиций, в Среднюю Азию, Киргизию и Казахстан, где они явились компонентом генезиса ранних сакских племен, опосредованно вошедших позднее и в состав усуней. Данным импульсом может быть объяснено появление монголоидной примеси у населения этих территорий.

Впервые в антропологической структуре населения различных археологических культур эпохи раннего железа Западной Сибири выявлены основные компоненты и показан их генезис. В формировании специфики популяций ранних кочевников степей и лесостепной полосы доминирующая роль принадлежала трем европеоидным компонентам – андроновским (федоровскому и алакульскому) и местному, сформировавшемуся в Хакасско-Минусинской котловине. В генезисе же северных западносибирских и горноалтайских групп приняли активное участие протоморфные таежные низколицые монголоиды и в меньшей степени центрально-азиатского происхождения. К I тыс. до н.э. отнесена дифференциация протоморфного низколицевого монголоидного комплекса на два варианта, оформившиеся в середине I тыс. н.э. в типы, характерные для современных обских угров и южных самодийцев.

Показана роль палеопопуляций раннего железа в генезисе современных уральских и тюрко-монгольских народов, которая была неодинаковой в северных таежных и более южных лесостепных и степных областях. На юге повсеместно наблюдается ослабление этногенетических связей на грани почти полного разрыва, тогда как на севере между различными хронологическими срезами антропологического покрова связь прослеживается довольно отчетливо. На этом основании предложена концепция генезиса южных самодийцев, согласно которой

антропологический тип, характерный для современных селькупов, уходит корнями в эпоху неолита, определяет физический тип населения кулайской культурной общности в раннем железе и средневековых популяций Среднего Приобья.

В работах, посвященных формированию современного населения Западной Сибири, А.Н.Багашев не только вводит в научный оборот обширные краниологические источники (впервые публикуются краниологические материалы по тоболо-уртышским татарам, южным хантам, западным манси), но и выявляется ряд важных закономерностей хронологической и географической изменчивости древнего и современного населения. Это позволило построить новую систематику антропологических типов Северной Евразии, определить временные рубежи и территории их сложения. На территории Западной Сибири в древности и современности повсеместно фиксируется антропологический комплекс, своеобразие которого ограничивает западносибирские популяции как от представителей европеоидной и монголоидной больших рас, так и от групп смешанного происхождения. Эта особенность обусловлена консервацией недифференцированных расовых черт в условиях географической изоляции на ранних стадиях расообразования, и только на финальных этапах все более заметную роль приобретают метисационные процессы. Выделение народов, носителей данного комплекса признаков в самостоятельную локальную расу – западносибирскую, подразумевает существовавшее некогда их единство и сходство расообразующих факторов. Выделен особый, западносибирский очаг расообразования на иерархическом уровне вторичного, который наряду с азиатскими континентальным и прибрежным входит в состав первичного восточного очага и выделяется из него в финале эпохи палеолита, когда еще существовал генетический мост между монголоидами Азии и Северной Америки. Дочерние очаги в составе западносибирского – северный и южный, соотнесены соответственно с генезисом обских угров и южных самодийцев. Тюрки и финны Поволжья, ранее объединяемые с народами Западной Сибири, предложено рассматривать в качестве восточного приуральского варианта североевропейской (балтийской) расы, а северных самодийцев и кетов – в качестве енисейского антропологического типа североазиатской расы. Новая

систематика расовых общностей приводит уровень их изменчивости к сопоставимым значениям и по сравнению со всеми ранее предложенными классификациями в наибольшей степени коррелирует с этнолингвистической дифференциацией народов Северной Евразии, поэтому более адекватно отражает родственные связи между этносами и их исторические судьбы.

Данная концепция как инструмент познания сложных процессов этногенеза народов Северной Азии получила положительную оценку российских [Козинцев А.Г., Мусеев В.Г. Расогенез коренного населения. Рецензия // Этнографическое обозрение, № 1, 2001] и зарубежных [Courtaud P., Bruzek J. Aperçu de l'ethnogenese des peuples de la Sibirie occidentale // Bull. et Mem. de la Societe d'anthropologie de Paris. T. 12, 2000; Turner C. The native Populations // The Review of Archaeology. Vol.22, N 1, 2001] исследователей.

С 1989 г. к антропологическим исследованиям в Томском университете подключается М.П.Рыкун. В качестве базовой ею выполняется тема «Антропологический состав и проблемы расогенеза населения Западной Сибири. Краниологические материалы кабинета антропологии ТГУ». В рамках этой темы М.П.Рыкун разрабатывается несколько направлений, одним из важнейших является разработка проблем происхождения древнего населения Алтая в эпоху раннего железного века. Обработав обширные палеоантропологические материалы из погребений каменной культуры Алтая М.П.Рыкун впервые показала состав палеопопуляций, проследила их исторические корни и показала роль популяций каменной культуры в генезисе средневекового и современного населения Северного Алтая [1999, 20001, 2002, 2005].

Другим направлением деятельности М.П.Рыкун является систематизация имеющихся и поступающих материалов в Кабинет антропологии в Банк данных Кабинета антропологии [2005а, б, 2007, 2008]. На основе краниологических коллекций кабинета антропологии ТГУ в 2006 г. начато создание компьютерного банка данных,

концепция которого находится в стадии разработки [Рыкун, Кравченко и др., 2005].

М.П. Рыкун, совместно с А.И. Бобровой, на основе изучения половозрастного состава популяций и анализа маркеров физиологического стресса, проводятся исследования, посвященные проблемам палеодемографии и здоровью нарымских селькупов. Ею изучается также палеоэкология древних обществ на основе палеоантропологических данных. Анализ маркеров физиологического стресса, визуально фиксируемых на черепе, создает основу для реконструкции социальной и биологической среды обитания древних популяций.

Немаловажное значение М.П.Рыкун уделяет изучению отдельных этапов истории антропологических исследований в Томском государственном университете [Рыкун, 2001а,б,в, 2003, 2008]. Эта тема, безусловна, связана с биографическими данными томских антропологов [Рыкун, Боброва, 1998, Рыкун, 2001 г, д, е, 2006,2009].

Марина Петровна Рыкун родилась 28 сентября 1965 г. в г. Прокопьевске Кемеровской области в семье педагогов Бокшы Петра Ива-

М.П.Рыкун. г.Томск, 2005 г.

новича и Бокша Антонины Федоровны, которые окончили в 1955 г. факультет физического воспитания Томского педагогического института. Анатомию у них преподавал Н.С. Розов, поэтому с детских лет М.П.Рыкун слышала от родителей о великольном преподавателе и человеке Николае Сергеевиче Розове, который в совершенстве знал анатомию человека и владел латинским языком.

В 1988 г. М.П.Рыкун окончила биолого-почвенный факультет Томского государственного университета. по кафедре цитологии и генетики. Анатомию человека студентам био-

лого-почвенного факультета в 1983-1988 гг. преподавал Ксенц Степан Михайлович, ученик и соратник Н.С. Розова.

В 1989 г. М.П.Рыкун поступает на работу в Проблемную лабораторию истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета, где в качестве лаборанта Кабинета антропологии начинает заниматься антропологией под руководством В.А.Дремова.

Ценой больших усилий преодолев бюрократические заслоны М.П. Рыкун удалось восстановить в 2005 г. официальный статус Кабинета антропологии как отдельного подразделения Томского университета, где осуществляются не только хранение, но и научная обработка поступающих краниологических материалов с территории Сибири, который она возглавляет по настоящее время, являясь одновременно старшим научным сотрудником (с 2009 г.) лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

В 2005 г. М.П. Рыкун защищает кандидатскую диссертацию в Институте этнологии и антропологии РАН им. Н., Миклухо-Маклая, г. Москва, по теме «Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии)», руководитель А.Н.Багашев. В ее диссертации дана антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья в эпоху раннего железа, выявлены расовые компоненты, участвовавшие в формировании каменского населения, определены основные направления расогенетических связей каменского населения с популяциями сопредельных территорий. В научный оборот впервые введены новые краниологические материалы (388 единиц хранения), которые позволяют документировать основные морфологические комплексы, представляющие население носителей каменной археологической культуры, ранее антропологически не представленного. Определяется место носителей каменной культуры среди населения скифо-сибирского мира. Рассматриваются вопросы происхождения и выявляются этногенетические связи каменского населения с племенами степных кочевников в эпоху раннего железа [Рыкун, 1999, 20001, 2002, 2005].

Отдельная глава в диссертационной работе посвящена травматическим повреждениям, обнаруженным на черепах представителей каменной культуры. На основании морфологического описания травм,

проводится реконструкция ситуации нанесения травм и прогнозируются события связанные с получением данных повреждений. Делается вывод о том, что кочевой мир населения лесостепного Алтая находились в постоянном взаимодействии, начиная с эпохи бронзы, что подтверждается палеоантропологическими материалами. Эпоха раннего железа - время особенно активных контактов культур Алтая со степным миром. Территориально носители Каменной культуры оказались втянутыми в этот процесс. Специфические повреждения, обнаруженные на их черепах, свидетельствуют о напряженной социальной обстановки в районе верхней Оби в эпоху раннего железного века, что могло быть косвенно связано с миграциями кулайского населения [Рыкун, 1999, 2001, 2007, 2008].

На основе краниологических коллекций кабинета антропологии ТГУ в 2006г. начато создание компьютерного банка данных, концепция которого представлена в докладе на VI Конгрессе этнографов и антропологов России в Санкт-Петербурге [Рыкун, Кравченко и др., 2005 с. 396]. Банк является открытым для постоянного пополнения его новыми данными. Он позволяет автоматизировать работу исследователей при решении конкретных задач. Подготовка краниологической серии для статистической обработки – важная задача первого этапа в работе любого антрополога. При этом необходимо выбрать информацию по заданному набору признаков, определить их последовательность, разбить группу по полу и возрастной категории. При палеодемографических исследованиях первоочередная задача – отобрать детские и взрослые совокупности. Кроме того, банк позволит оперативно отобрать информацию по конкретной культуре или по любому хронологическому отрезку времени. Запрос информации о материалах из конкретного (запрашиваемого) региона по одному хронологическому периоду важен как для археологов и антропологов, так и для этнографов, с привязкой по конкретному этносу [Рыкун, Кравченко и др., 2007, с. 379-380].

В рамках полученных грантов проведена пространственная привязка данных антропологического банка. В результате выполнения работы в ранее созданный банк атрибутивных данных будет добавлена новая информация и созданы средства для работы с пространствен-

ными и растровыми данными. Пользователи получают возможность применять геоинформационные технологии для работы с пространственными данными. Это существенно упростит решение типовых задач антропологии по анализу географического распределения краниологических признаков, анализу их территориальной изменчивости. Особенно продуктивной будет возможность совместного изучения антропологических данных через пространственную привязку с данными других дисциплин. В антропологии это палеоэкология, палеопатология, серология, дерматоглифика, одонтология, соматология. Из междисциплинарного ряда – этнология, археология, демография, топонимика, этногеномика. В 2009 г. будет выполнена пространственная привязка оставшихся объектов хранения; фотоснимки и соответствующая им атрибутивная информация будут загружены в базу данных, для них также будет выполнена пространственная привязка; будут созданы необходимые интерфейсы, в том числе картографический для доступа к данным; для фотографий будет создан доступ через Интернет.

В 2009 г. выполнена привязка 1393 объектов хранения, всего закартографировано 5497 объектов. Подобным же образом выполнена пространственная привязка мест получения фотоматериалов с изображениями представителей коренных народов Сибири. Для этого использовались крупномасштабные топографические карты первых изданий (1949-1953 гг.). Всего закартографировано 50 населённых пунктов на территории Томской области и прилегающих территориях Красноярского края и Кемеровской области.

М.П. Рыкун, совместно с А.И. Бобровой, на основе изучения половозрастного состава популяций и анализа маркеров физиологического стресса, проведены исследования, посвященные проблемам палеодемографии и здоровью тискинской группы населения. Их результаты опубликованы в виде тезисов и статей [2006, 2007, 2008]. В связи с угрозой исчезновения Нарымских селькупов, приоритетной задачей исследования становится сохранение его наиболее значимых составляющих (антропологический тип, материальная культура, обрядность, экономика, культурные и торговые связи, направления миграционных потоков). Подобным же образом могут быть реконструирова-

ны антропологический облик, образ жизни и социальная организация любого другого общества на любом временном срезе.

Антропологические материалы в контексте общих исследований стали основой для реконструкции особенностей биологической организации исследуемой группы населения, помогли уточнить и скорректировать выводы по палеопопуляционным процессам и состоянию здоровья аборигенного населения Нарымского края на основе анализа маркёров физиологического стресса на протяжении XIV – первой пол. XIX вв. [2007,2008, 2009б], Прикетья XV–XVIII вв. [2009а]. Полученные данные позволили реконструировать некоторые аспекты состояния здоровья средневекового населения лесной зоны Западной Сибири [Ражев, Рыкун, Святова,2011].

Результаты таких исследований помогут внести необходимые коррективы в определение статуса аборигенного населения Сибири, как генетические корни его, отраженные в антропологических источниках (краниологические серии и остеологические останки посткраниального скелета), позволяют его потомкам отстаивать свои территориальные права на уголья, как представителям коренных народов. Это важно как с экономической точки зрения (льготы, выплаты и т.д.), так и с геополитической. Изучение морфологических особенностей, оценка состояния здоровья и демографической структуры традиционных обществ позволит смоделировать те необходимые условия, которые обеспечат современному человеку, учитывая его особенности, комфортное пребывание и продуктивную деятельность в экстремальных условиях Сибири и Дальнего Востока [Рыкун, 2008, с. 98].

М.П.Рыкун уделяет внимание и изучению палеоэкологии древних обществ на основе палеоантропологических данных. Анализ маркеров физиологического стресса, визуально фиксируемых на черепках, создаст основу для реконструкции социальной и биологической среды обитания древних популяций. Целью данного исследования было изучение на основании краниологических материалов особенности биологической адаптации и показателей состояния здоровья населения афанасьевской культуры Горного Алтая и андроновской культуры Алтая эпохи средней бронзы.

За последние 20 лет, с 1990 по 2010 гг. антропологические исследования в Западной Сибири широко шагнули за пределы стен Томского университета. Уже упоминалось, что в связи с переездом в 1990 г. А.Н.Багашева в г. Тюмень, начинается становление антропологического направления в Институте проблем освоения Севера. С 1980-х годов начинает формироваться антропологическое направление в Институте истории, филологии и философии СО РАН, г. Новосибирск (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН), под руководством Т.А.Чикишевой, в Алтайском государственном университете, г. Барнаул, сначала под руководством А.Р.Кима, с 1995 г. под руководством С.С.Тур.

В Институте проблем освоения Севера СО РАН антропологические исследования сосредоточены в лаборатории антропологии и этнографии. Однако в том виде, как она существует в настоящее время, эта лаборатория прошла непростой путь становления, связанный со структурными изменениями и формированием профессионального кадрового состава. Острая необходимость изучения коренных этносов Западной Сибири, проблем их происхождения, этнической истории, традиционного жизнеобеспечения и антропологического состава обусловила необходимость развития в Институте этнографических и антропологических исследований. Первоначально (с 1991 г.) изучение антропологии древнего и современного населения Северной Евразии выполнялись в структуре лаборатории археологии и этнографии А.Н.Багашевым.

Однако осознанная необходимость в усилении антропологического направления обусловили возникновение самостоятельного структурного подразделения. В марте 1999 г. в Институте была создана лаборатория антропологии и этнографии, заведующим которой стал к.и.н. Багашёв А.Н.

При изучение антропологического состава древнего и современного населения основной упор был сделан на разработку проблем происхождения древнего и современного коренного населения

Северной Азии, их этнической истории. На основе палеоантропологических данных и близких к современности антропологических (краниологических) материалов, отражающих особенности расовой структуры и физического облика популяций, прослежены основные этапы истории антропологических типов Северной Евразии, определены генезис расовых компонентов и уточнены пределы изменчивости палеопопуляций и современных угорских, самодийских, тюркских, монгольских групп в пространстве и во времени, реконструированы основные направления их этногенетических связей в различные исторические эпохи – камня, бронзы, раннего железа, средневековья и нового времени.

В составе населения эпохи неолита Западной и Южной Сибири выявлены компоненты, происходящие с территории Передней и Средней Азии (кельтеминарская культура), Восточной Европы и Карелии (волосовская культура, Южный Олений остров), Восточной Сибири. Реконструируемая этногенетическая ситуация в эпоху бронзы характеризуется перемещением в азиатскую часть России европеоидных племен андроновской культурной общности, связываемых в генезисе с протоевропейским (кроманьонским) населением Восточной Европы. Они в совокупности с афанасьевским европеоидным населением Алтая, протоморфным аборигенным низколицым монголоидным населением таежной полосы Западной Сибири и классическими высоколицыми монголоидами Центральной Азии явились антропологической основой сложения многочисленных племен эпохи раннего железного века. В конце бронзового века реконструируется миграционный поток с территории Центральной Азии групп, носителей карасукских культурных традиций, в Среднюю Азию, Киргизию и Казахстан, где они явились компонентом генезиса ранних сакских племен, опосредованно вошедших позднее и в состав усуней. Данным импульсом может быть объяснено появление монголоидной примеси у населения этих территорий.

В антропологической структуре населения различных археологических культур скифо-сибирского мира Северной Азии выявлены основные компоненты и показан их генезис. В формировании специфики популяций ранних кочевников степей и лесостепной полосы доминирующая роль принадлежала трем европеоидным компонентам – андроновским (федоровскому и алакульскому) и местному, сформировавшемуся в Хакасско-Минусинской котловине. В генезисе же северных западносибирских и горноалтайских групп приняли активное участие протоморфные таежные низколицые монголоиды и в меньшей степени монголоиды Центральной Азии. К I тыс. до н.э. отнесена дифференциация протоморфного низколицего монголоидного комплекса на два варианта, оформившиеся в середине I тыс. н.э. в типы, характерные для современных обских угров и южных самодийцев.

В 1996 году завершена подготовка международного научно-исследовательского проекта «Саргатские племена: проблемы этнокультурного единства и биологического разнообразия (антропологическое исследование некрополей Западной Сибири раннего железного века)», в реализации которого, согласно достигнутым договоренностям, примут участие А.Н. Багашев (Россия, ИПОС СО РАН), Д. Ражев (Россия, ИИА УрО РАН) и П. Курту (Франция, университет г. Бордо).

Показана роль палеопопуляций раннего железа в генезисе современных уральских и тюрко-монгольских народов, которая была неодинаковой в северных таежных и более южных лесостепных и степных областях. На юге повсеместно наблюдается ослабление этногенетических связей на грани почти полного разрыва, тогда как на севере между различными хронологическими срезами антропологического покрова связь прослеживается довольно отчетливо. На этом основании предложена концепция генезиса южных самодийцев, согласно которой антропологический тип, характерный для современных селькупов, уходит корнями в эпоху неолита, определяет

физический тип населения кулайской общности в раннем железе и средневековых популяций Среднего Приобья.

Выявление важных закономерностей хронологической и географической изменчивости древнего и современного населения позволило построить новую систематику антропологических типов Северной Евразии, определить временные рубежи и территории их сложения. На территории Западной Сибири в древности и современности повсеместно фиксируется антропологический комплекс, своеобразие которого отграничивает западносибирские популяции как от представителей европеоидной и монголоидной больших рас, так и от групп смешанного происхождения. Эта особенность обусловлена консервацией недифференцированных расовых черт в условиях географической изоляции на ранних стадиях расообразования, и только на финальных этапах все более заметную роль приобретают метисационные процессы. Выделение народов, носителей данного комплекса признаков в самостоятельную локальную расу – западносибирскую, подразумевает существовавшее некогда их единство и сходство расообразующих факторов. Выделен особый, западносибирский очаг расообразования на иерархическом уровне вторичного, который наряду с азиатскими континентальным и прибрежным входит в состав первичного восточного очага и выделяется из него в финале эпохи палеолита, когда еще существовал генетический мост между монголоидами Азии и Северной Америки. Дочерние очаги в составе западносибирского – северный и южный, соотнесены соответственно с генезисом обских угров и южных самодийцев. Тюрки и финны Поволжья, ранее объединяемые с народами Западной Сибири, предложено рассматривать в качестве восточного приуральского варианта североевропейской (балтийской) расы, а северных самодийцев и кетов – в качестве енисейского антропологического типа североазиатской расы. Новая систематика расовых общностей приводит уровень их изменчивости к сопоставимым значениям и по сравнению со всеми ранее предложенными

классификациями в наибольшей степени коррелирует с этнолингвистической дифференциацией народов Северной Евразии, поэтому более адекватно отражает родственные связи между этносами и их исторические судьбы.

С 2001 г. к антропологическим работам подключается выпускник Тюменского университета А.Л.Антонов (работал в лаборатории до 2005 г.), основным направлением деятельности которого становится изучение русского старожильческого и средневекового коренного населения Среднего Прииртышья. Впервые было получено представление об особенностях краниологии русских старожилков Сибири на популяционном уровне.

С 2003 г. проблемами антропологии средневекового таежного населения занимается О.Е.Пошехонова. Изучение краниологических материалов из могильников усть-ишимской археологической культуры эпохи средневековья с территории Прииртышья позволило проследить расогенез средневекового населения этого региона от V века вплоть до современности. В результате установлено, что на обширной территории подтайги и южной тайги Западной Сибири в эпоху раннего и развитого средневековья проживало население, имеющее много общего с таёжными племенами раннего железного века. Зафиксировано преобладание западносибирского субстрата, который определял специфику физического облика усть-ишимцев. Роль средневекового населения таёжного Прииртышья в расогенезе тоболо-иртышских татар несомненна. То есть в XIII-XIV вв. н.э. на обширной территории Среднего Прииртышья произошла смена культуры и языка на тюркские, что не повлекло за собой изменение антропологического типа населения.

Из среднетаёжных районов Приобья исследованы три средневековые выборки черепов — из Сайгатинских могильников, из могильников с урочища Барсова Гора и из могильника Усть-Балык. Полученные данные, позволили предварительно охарактеризовать на популяционном уровне расогенетические процессы, проходившие

на данной территории в это время. Эти материалы охватывают достаточно большой хронологический промежуток времени (VI-XV, VIII-XV и X-XX вв.) и относятся к разным археологическим культурам. Установлено, что в составе антропологической структуры средневекового населения присутствовали два различных элемента с разным удельным весом. Основу составил комплекс, близкий по морфологическим характеристикам современным представителям уральской группы популяций. Формирование данного населения видимо следует связывать со временем раннего железного века и более древними эпохами. Второй можно соотнести с палеопопуляциями, в антропологическом типе которых преобладают черты современных обь-иртышских групп. При этом основной механизм расообразования можно обозначить как медленное смешение в результате инфильтрации населения подтайги и южной тайги на среднетаёжную территорию Западной Сибири, начиная как минимум с I тыс. до н.э. Без сомнения средневековое население приняло непосредственное участие в формировании типа восточных хантов, и уже в эпоху средних веков физический облик жителей этого района был приближен к современным популяциям.

Ольга Евгеньевна Пошехонова родилась 29 июня 1976 года в городе Тюмени. В период с 1994 по 1998 годы училась на историческом факультете Тюменского государственного университета (кафедра источниковедения). С 1998 по 2001 год работала на должности старшего лаборанта археологического музея Тюменского университета и младшего научного сотрудника Тюменского областного краеведческого музея. С 2001 по 2003 год являлась младшим научным сотрудником лаборатории палеоэкологии человека Института проблем освоения Севера СО РАН. В этот период времени занималась вопросами культурогенеза древнего неолитического населения юга Западной Сибири, исследовала технологию производства керамической посуды неолитических племен. С 2003 года по настоящее время работает в должности научного сотрудника лаборатории антропологии и этнографии ИПОС СО РАН и занимается проблемами формирования средневеково-

го таежного населения Западной Сибири. Сфера интересов лежит в районах среднего течения реки Иртыш и Сургутского Приобья.

О.Е.Пошехонова. г. Тюмень, 2010 г.

В настоящее время О.Е.Пошехонова завершает работу по обобщению средневековых палеоантропологических материалов из таежных областей Западной Сибири в кандидатской диссертации «Формирование средневекового населения Среднего Приобья и Прииртышья».

С 2009 г. антропологией в Институте проблем освоения Севера занимается Д.И. Ражев. Основные направления его научных исследований: палеодемография, остеология, палеопатология. Системное объединение названных направлений в отношении изучения палеоантропологических совокупностей позволяет проводить фундированные биоантропологические (историко-экологические) реконструкции древних обществ. Он также развивает новое для российской науки направление полевой антропологии, осуществляющее реконструкцию элементов погребального обряда и постпогребальных процессов по результатам полевого исследования погребений. Из наиболее заметных научных достижений можно отметить: исследование биоантропологии населения саргатской общности; впервые осуществленное изучение мумифицированных тел из средневековых захоронений севера Западной Сибири; участие в обнаружении и идентификации останков, связанных с гибелью семьи последнего российского Императора.

Д.И.Ражев. Екатеринбург,
2007 г.

Ражев Дмитрий Иванович родился 20 апреля 1968 года в г. Свердловске (современный Екатеринбург).

В 1985-1992 г обучался на биологическом факультете Уральского государственного университета. Специализировался на кафедре зоологии по теме археозоология под руководством Косинцева П.А., тесное взаимодействие с которым сохранилось и в дальнейшей работе. На научное становление большое влияние оказало знакомство с Короной В.В., разрабатывавшим направление структурной морфологии.

В качестве антрополога начал работать в научном центре «Аркаим» (г.Челябинск) (1994 г). Затем перешел в археологическое подразделение Института истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург) (1994-2009). С 2009 г. сотрудник лаборатории антропологии и этнографии Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень). Диссертационное исследование провел под руководством Коряковой Л.Н. и Багашева А.Н.. В 2002 году успешно защитил кандидатскую диссертацию «Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века: реконструкция антропологических особенностей» в Институте этнографии и антропологии РАН (Москва.)

Специализация – палеоантропология населения Урала и Западной Сибири, биоархеология (биоантропология), полевая антропология.

После совместных экспедиционных работ с Патрисом Курто (Франция, Университет Бордо 1) Д.И. Ражев стал активно разрабатывать направление полевой антропологии в Сибирском регионе (да и в России).

В опубликованных работах по этой тематике анализируются конкретные случаи положения скелетных останков человека в погреб-

бении, и дается реконструкция деталей погребального обряда и уложения тела в погребальную конструкцию. В некоторых случаях рассматриваются несколько вариантов возможных событий. Выявляются вторичные и отсроченные погребения. В разграбленных в древности многоярусных погребениях удалось определить процессы разрушения и восстановить последовательность погребений. Проведено теоретическое обобщение накопленного опыта и выявлены преднамеренные (чаще ритуальные) и естественные процессы, влияющие на итоговое положение костей в погребении.

Направление, являющееся основным в научной деятельности Д.И.Ражева - биоархеология (биоантропология) – установление исторических, поведенческих, биографических событий и процессов происходивших в древнем социуме или случавшихся в жизни человека по биологическим признакам на антропологических останках. В его исследованиях представлено несколько аспектов этого антропологического направления.

В рамках социо-демографического аспекта рассматриваются поло-возрастные характеристики палеоантропологических выборок бронзового, раннего железного веков, средневековья и нового времени. На этом основании определяется часть социума, погребенного в рассматриваемом могильнике (элита, умершие от определенной болезни, большинство умерших) и определяются демографические характеристики этой группы, лишь в единичных случаях позволяющие определять демографические параметры исчезнувших обществ.

Другой биоантропологический аспект - травмы и патологии. Д.И. Ражевым анализировались как отдельные случаи травмированных костей, позволяющие воссоздать характерные биографические ситуации, так и рассмотрение групповых патологических показателей позволяющих реконструировать санитарные аспекты существования древних обществ. Им разрабатывается еще одно направление (в рамках биоантропологии). Это реконструкция поведенческой активности по скелетным маркерам. Опираясь на места прикрепления мышц, степень изношенности суставов и другие признаки восстанавливаются кинематические схемы человека и определяются типичные двигательные модели, присущие разным коллективам. Для осуществления

таких реконструкций была предложена авторская система учета скелетно-двигательных маркеров, подробно изложенная в монографии посвященной исследованию саргатского населения.

Различные аспекты биоантропологического анализа подробно рассмотрены и в исследовании населения раннего железного века лесостепи Западной Сибири и обобщены в монографии Д.И.Ражева: *Биоантропология саргатской общности*. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2009. 492 с.. Книга включает главы по социодемографии населения раннего железного века степных территорий Евразии, остеологической конституции и ее изменчивости, реконструкции двигательной активности и различным патологиям и травмам.

Помимо этого Д.И.Ражевым осуществлен ряд исследований, являющиеся пионерными как для региона и так и для России. К ним могут быть отнесены исследование мумифицированных тел средневековых обитателей Северного Приобья, изучение древнейшей кости человека плейстоценового периода с равнинной территории Западной Сибири, а также участие в обнаружении и исследовании сокрытых останков, уничтоженных членов семьи последнего российского императора (Ерохин Н.Г., Курлаев Е.А., Погорелов С.Н., Ражев Д.И. 2008 Сокрытое захоронение в Поросенковом логу // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2008. №1 (23).

В 2010 г. приступает к антропологическим исследованиям Е.А.Алексеева, основной интерес которой связан с изучением возможностей краниотригонометрии для определения характера внутри- и межпопуляционной изменчивости, а также таксономической ценности краниотригонометрических признаков для дифференциации древних и современных групп. Одновременно она осваивает методику пластической реконструкции лица по черепу, разработанной и применяемой российской школой антропологической реконструкции, основателем которой был профессор М.М. Герасимов, с целью визуализации физического облика представителей древних культур и современных этнических общностей. Полученные резуль-

таты позволят решить ряд проблем в понимании антропологической дифференциации коренного населения Западной Сибири.

Е.А.Алексеева. г. Тюмень, 2010 г.

Елена Алексеевна Алексеева родилась 16 апреля 1980 г. в селе Маевка Ала-мединского района Кыргызстана. С 2003 по 2008 гг. обучалась в Институте педагогики, психологии и социального управления Тюменского государственного университета. С 2007 года работала лаборантом лаборатории историко-культурных исследований Института проблем освоения Севера СО РАН. В 2010 г. Е.А.Алексеева поступила в аспирантуру, тема ее исследования – «Антропологическая дифференциация коренного населения Западной Сибири по данным краниотригонометрии». В настоящее время Е.А.Алексеева является аспирантом очной формы обучения (руководитель А.Н.Багашев).

В Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г.Новосибирск) антропологические исследования выполняются под руководством Т. А. Чикишевой. Сфера ее интересов – динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века. Основные положения, к которым пришла Т.А.Чикишева в результате многолетних исследований - изучение палеоантропологических материалов существенно пополнило базу антропологических данных по южному региону Западной Сибири, получены новые факты для усиления группы гипотез о протоморфности краниологических типов, составляющих основу его древнего населения. Эти данные достаточны для обоснования их статуса в таксономической системе вариантов морфологического разнообразия древних и современных групп человечества.

С 1999 года в секторе антропологии Отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН антропологическими исследованиями начинает заниматься Д.В.Поздняков. Он родился 25 апреля 1971 года в г. Новосибирске. В 1996г. закончил исторический факультет Алтайского Государственного университета, в том же году поступил в аспирантуру. В течение 2001 года проходил стажировку в Центре Анатомии Университета города Гёттенген (ФРГ) в качестве стипендиата премии Карпинского 2000 года. В результате Поздняков Д.В. освоил комплекс методик по макро- и микроскопической диагностике палеоантропологических коллекций.

В 2004 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.». Д.В. Поздняков является автором 2 монографий и более 30 статей. Сфера его научных интересов включает в себя краниометрические, остеометрические и палеодемографические исследовательские программы, палеопатологический анализ материала, а также статистические методы обработки палеоантропологических серий.

С 2007 года в секторе антропологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН антропологическими исследованиями занимается А.В. Зубова. В 2008 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Антропологический состав населения Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы». В рамках диссертации рассматривались краниологические, одонтологические, палеодемографические и палеопатологические характеристики носителей андроновской (федоровской), ирменской, еловской, корчажкинской и др. археологических культур.

Помимо круга вопросов, связанных с одонтологией древнего населения, А.В. Зубовой активно изучались вопросы посмертных манипуляций с телом умерших у населения Горного Алтая и Тувы эпохи раннего железного века (пазырыкская культура). Результатом стало написание раздела в учебно-методическом пособии по ар-

хеологии насилия, посвященного проблеме скальпирования у носителей пазырыкской культуры (Зубова, Поздняков, 2010), а также статья, посвященная проблеме мумификации погребенных у уюкско-саглынского населения Тувы (Зубова, 2009в).

А.В.Зубова. г. Новосибирск, 2008 г.

Зубова Алиса Владимировна родилась 24 декабря 1980 г. в г. Новосибирске.

В 2004 г. закончила исторический факультет Новосибирского государственного педагогического университета. Параллельно, с 2000 года под руководством Т.А. Чикишевой обучалась антропологии на базе Института археологии и этнографии СО РАН. С 2004 по 2007 гг. училась у нее же в аспирантуре. Краниологические, одонтологические, палеодемографические и палеопатологические характеристики носителей не только андроновской (федоровской) культуры, но и периода развитой и поздней бронзы до сих пор остается приори-

тетной темой, по которой написано более 10 статей (Зубова, 2005; 2006а; 2006б; 2007а; 2007б; 2008а; 2008б; 2008в; 2008г; 2008д; Зубова, Чикишева, 2010; Молодин и др. 2006) и раздел в коллективной монографии (Зубова и др. 2009). Однако в последнее время круг исследовательских интересов А.В. Зубовой расширился и включает в себя в целом изучение одонтологии древнего населения Евразии. Ею собрана обширная база одонтологических данных, включающая в себя около 200 одонтологических серий эпох неолита – раннего железного века, примерно треть из которых, исследована непосредственно А.В. Зубовой. К их числу относятся уже упомянутые серии андроновского времени и эпохи поздней бронзы Западной Сибири (федоровская, алакульская, ирменская, еловская, корчажкинская, позднекротовская и др. культуры), выборки эпохи раннего железного века (саргатская, большебереченская (каменская), кулайская, новочекинская культуры), западносибирского неолита и энеолита (кузнецко-алтайская, большемысская афанасьевская культуры). Также был собран значительный объем материалов с территории Казахстана (алакульская культура, серии усуньского времени), Европейской части России (льяловская, волоховская, ямная, катакомбная, срубная культуры). Часть собранных материалов уже опубликована (Зубова, 2007а; 2009а; 2009б; Зубова и др. 2009; Зубова, Чикишева, 2010; Чикишева и др., 2010; Зубова, 2010).

В Алтайском государственном университете (г.Барнаул) с 1996 года антропологические исследования выполняются под руководством С.С.Тур, которая является заведующей кабинетом антропологии. Она занимается изучением древнего населения Алтая по данным краниометрии, краниоскопии, одонтологии, остеометрии и палеопатологии. Является автором более 50 научных публикаций, в которых анализируются проблемы происхождения и этногенетических связей населения Горного и Лесо-степного Алтая эпохи бронзы - раннего железа.

В работах С.С.Тур палеоэкологического направления анализируются маркеры эпизодического и кумулятивного стресса, показатели механического стресса и состояния здоровья зубо-челюстной системы, травматические повреждения костей черепа и посткраниального скелета. При изучении кариеса, зубного камня, скорости стирания и наклона жевательной поверхности моляров, а также равномерности стирания передних и задних зубов были получены новые данные, характеризующие диету скотоводов Алтая эпохи бронзы - раннего железа. В популяциях афанасьевской, андроновской, пазырыкской, каменной и староалейской культуры выявлены как общие черты, обусловленные единой скотоводческой основой хозяйства, так и различия, связанные с неодинаковыми природно-климатическими условиями и спецификой социально-экономической ситуации.

С.С.Тур. г. Барнаул. 2006 г.

Светлана Семеновна Тур Окончила в 1978 г. биологический факультет Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова по специальности антропология. В 1979-1995 гг. работала научным сотрудником в отделе археологии Института истории Национальной Академии Наук Кыргызстана. В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию «Население Кыргызстана сако-усуньского времени (по данным палеоантропологического исследования)».

В статьях С.С.Тур анализируются проблемы происхождения и этногенетических связей населения Горного и Лесо-степного Алтая эпохи бронзы - раннего железа.. При обсуждении наиболее дискуссионных вопросов, касающихся происхождения популяций елунинской культуры, генетических взаимоотношений елунинцев и андроновцев, а также роли протоморфных сибирских монголоидов в формировании населения Алтая эпохи бронзы и раннего железа помимо краниометрических данных используются краниоскопические и одонтологические признаки. Наиболее полное отражение результаты этих исследований находят в статьях: Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. С.136-147; Антропологический состав населения Средней Катунь скифского времени (внутригрупповой анализ) // Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.2. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. С. 137-169); Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII-VI вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. Вып.7. С.67-82; Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы

Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С.35-47; Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Известия Алтайского государственного университета, 2009, 4/2: 228-235; Краниоскопическая характеристика носителей андроновской культуры Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии, 2011, 1(45): 147-155. Наиболее важные результаты палеоэкологического изучения древнего населения Алтая представлены в публикациях: Палеоэкология населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч.1. Барнаул, 2006. С.60-113; Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Известия Алтайского государственного университета, 2008, 4/2: 191-198; Индикаторы диеты и механического стресса в зубо-челюстной системе скотоводов Алтая скифского времени // Человек: его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П.Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). М., 2010. Т.2. С.112-116;

С 1997 г. к изучению проблем антропологии древнего населения Западной и Южной Сибири приступает К.Н.Солодовников. Сфера его научных интересов – палеоантропология Южной и Западной Сибири, краниология и археология эпохи бронзы Евразии. В 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Население горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии». Имеет в активе 25 научных публикаций. Проводимые К.Н. Солодовниковым исследования позволили выявить значительную роль миграционных процессов в формировании населения эпохи бронзы Южной и юга Западной Сибири. Им определено, что сложение антропологического покрова данного региона в эпоху бронзы связано, в первую очередь, с миграциями европеоидных групп разного происхождения из западных и часто весьма удаленных районов, а также их взаимодействием с местными популяциями.

К.Н.Солодовников. г. Барнаул. 2008 г.

Константин Николаевич Солодовников родился и вырос в г.Барнаул Алтайского края. В 1997 г. окончил исторический факультет Алтайского государственного университета.

Им подготовлена и издана серия статей, посвященных исследованию антропологического состава и происхождения населения афанасьевской культуры Южной Сибири. На основе изученных краниологических материалов подтверждена гипотеза о происхождении

афанасьевской культуры в результате миграций значительных масс населения древних восточноевропейских скотоводческих культур, впервые принеших на территорию Сибири навыки производящего хозяйства и металлургию меди. Специфическое антропологическое сходство носителей афанасьевской культуры с населением культур энеолита - ранней бронзы степной полосы Восточной Европы прослежено как на уровне суммарных серий афанасьевцев Горного Алтая и Среднего Енисея, так и типологических и локально-территориальных групп, и даже на уровне отдельных индивидов (Солодовников, 2003; 2005б; 2009; 2010б).

Исследованы антропологические материалы археологических культур постафанасьевского времени Алтайского региона: елунинской предгорно-равнинного Алтая и прилегающих районов Казахстана, и каракольской Горного Алтая, принадлежащей к кругу культур окуневского типа Южной Сибири. В целом, антропологический облик носителей этих культурных образований можно определять как метисный (Солодовников, Тур, 2003; Тур, Солодовников, 2005). При этом доля пришлого европеоидного компонента больше в составе мужских серий, а женские характеризуются преимущественно расовыми особенностями местного для каждой территории населения неолита-энеолита. Таким образом, на антропологических материалах культур самусьско-сейминского

времени Алтайского региона характер взаимоотношений пришлого и автохтонного населения реконструируется как, в основном, брачные связи мигрантов-мужчин с местными женщинами (Солодовников, Тур, 2003; Солодовников, 2006). Установлена однотипность европеоидного компонента в составе населения елунинской и каракольской культур, а также его отличия от антропологического типа носителей афанасьевской культуры. Это позволяет предполагать следующую волну миграций европеоидного населения на территорию Алтайского региона в эпоху бронзы, с которой, вероятно, связано появление и других ярких культурных образований предандроновского времени Южной и юга Западной Сибири, объединяемых общим европеоидным компонентом. Территориальные истоки миграций этого населения находились в очень удаленных к западу районах (Солодовников, 2006; 2007).

Также К.Н. Солодовниковым исследованы краниологические материалы андроновской (федоровской) культуры эпохи развитой бронзы с территории Алтая. Их сравнительная многочисленность позволила на основе внутригруппового статистического анализа разных выборок черепов выявить основные антропологические компоненты в составе алтайских андроновцев (федоровцев) и наметить их генезис (Солодовников, 2005а; Кирюшин, Солодовников, 2010). Так, преобладающий в составе населения западносибирского ареала культуры андроновский вариант протоевропейского типа представляет пришлое население. Его генетические истоки находились к западу, вероятнее на территории Казахстана. Долихокранный относительно узколицый европеоидный морфологический компонент связывается по происхождению с группами населения самусьско-сейминского времени территории Рудного Алтая, и, возможно, еще более южных районов. Немногочисленный у андроновцев (федоровцев) лесостепного Алтая компонент с нерезко выраженными монголоидными чертами характеризуется краниологическими особенностями обь-иртышского антропологического типа западносибирской расы, и происходит из северных районов подтаежной полосы Западной Сибири. Его появление фиксируется преимущественно в женской части алтайской популяции и объясняется брачными связями, вероятнее всего с андроновцами (федоровцами) Барабинской лесостепи (Кирюшин, Солодовников, 2010).

§4. Очерк истории антропологических типов Северной Евразии

Краниологические материалы неолитического времени чрезвычайно скудны и происходят только из южной части Западной Сибири. В 1950-1960-е годы изучены единичные и фрагментарные палеоантропологические находки из Усть-Куренги и у с.Ордынского [Алексеев, 1961б] и из погребений на Чудацкой Горе у г.Новокузнецка [Розов, 1956а]. На основании этих данных было получено первое представление об антропологических особенностях неолитического населения и установлена расовая неоднородность его состава. Черепа из погребений на Чудацкой Горе и некоторые из погребений у с.Ордынского – европеоидного облика [Розов, 1956а; Алексеев, 1961б], но о влиянии монголоидных элементов на генезис неолитических популяций могут свидетельствовать морфологические особенности отдельных черепов из Ордынского [Алексеев, 1961б; Алексеев, Гохман, 1984а]. Однако по имевшимся в распоряжении исследователей материалам трудно было более или менее объективно судить о путях генезиса зафиксированных комплексов.

Введение в научный оборот первых серийных материалов из Усть-Иши и Иткуля [Дремов, 1973, 1980, 1981, 1986], происходящих с территории Верхнего Приобья, значительно расширило представления о характере изменчивости антропологических особенностей населения, позволив прийти к более обоснованным заключениям о происхождении ряда неолитических популяций. В частности, установлен факт смешения между европеоидными и монголоидными популяциями, причем монголоидный компонент связан в происхождении с неолитическим населением Восточной Сибири. Сложнее вырисовывался генезис европеоидного компонента; в его формировании приняли участие несколько расовых вариантов, один из которых морфологически сближается с расовыми формами средиземноморского типа, другой аналогичен протоевропеоидному типу в широком толковании этого термина [Дремов, 1980].

Монголоидный тип иного морфологического облика удалось зафиксировать на черепках из неолитических могильников Северной Барабы (Сопка 2 и Протока), европеоидный же компонент в составе данных популяций сближен с протоевропейским типом, распространенным в мезо-неолитическое время в Восточной Европе. Ряд морфологических особенностей барабинских черепков позволил высказать мысль о недифференцированности монголоидного компонента и связать его происхождение с населением внутренних таежных районов Западной Сибири [Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989].

Черепки неолитического времени из погребений на Омской стоянке позволили расширить наши знания об особенностях антропологического типа местного населения. Они подтвердили вывод о сложном составе популяций этого времени и принадлежности их к кругу форм протоевропейского типа [Bagashev, 1994]. Межгрупповой анализ, в частности, позволил высказать некоторые суждения о характере и направлениях расогенетических связей данной группы, в которых, как в капле воды, отразилась сложность протекавших расогенетических процессов. Отмечена связь, в первую очередь, с неолитическим населением Восточной Европы и Карелии, опосредованно (видимо, через популяции типа Усть-Иша, Иткуль) прослежено влияние монголоидных элементов восточносибирской линии генезиса и расовых форм средиземноморского типа (через кельтеминарские группы). Слабо, но отмечено влияние местного монголоидного варианта, морфологически близкого тому, что прослеживается по материалам из неолитических могильников Северной Барабы.

В монографии В.А.Дремова «Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы» [1997], вышедшей уже после смерти автора, суммированы данные по краниологии неолита южной части Западной Сибири. Опубликованы данные о черепках из могильников Лебеди 2, Васьково 4, Заречное 1 и ряд других единичных палеоантропологических находок. На основании их изучения автором сделан ряд важных выводов о формировании неолитического населения, в частно-

сти о том, что территория Верхнего Приобья в эпоху неолита не являлась самостоятельным очагом расообразования, а представляла территорию, на которой довольно интенсивно протекали метисационные процессы между европеоидными и монголоидными элементами различного происхождения.

В целом приходится отмечать, что, несмотря на полученные чрезвычайно важные и интересные результаты о расовом составе и структуре неолитического населения Западной Сибири и механизмах его происхождения, многие вопросы требуют дальнейшего исследования. Как справедливо отмечено В.В.Бунаком [1956], этот период связан с ключевым этапом расообразования, возникновением устойчивых сочетаний антропологических признаков на определенных территориях и формированием основных расовых групп, в пределах которых в последующее время происходит становление антропологической структуры, сходной с современной. Это касается, в первую очередь, таежных районов Западной Сибири, об антропологии неолитических популяций которых мы пока не имеем конкретного представления и судим, опираясь только на косвенные данные. Но это требует пополнения источниковой базы. Специального рассмотрения требуют и вопросы внутри- и надпопуляционной структуры неолитического населения, его иерархии и выяснения роли неолитических групп в формировании физического облика населения более позднего времени.

В эпоху бронзы изучены уже довольно значительные, по сравнению с неолитом, краниологические серийные материалы, но также происходящие преимущественно из южной части Западной Сибири (лесостепь и подтаежная полоса). Для этих районов палеоантропологические данные позволяют составить представление о развитии и смене антропологических типов на протяжении основных этапов бронзового века.

В доандроновское время в Западной Сибири фиксируются носители двух комплексов антропологических признаков. Для населе-

ния юга (елунинская, самусьская культуры) отмечен своеобразный тип, относящийся к европеоидам без малейших следов монголоидной примеси (резкая долихокрания, высокая черепная коробка, небольшие величины ширины и высоты лица) и не имеющий аналогий в предшествующее время [Дремов, 1997, с. 60-68]. Причем женские черепа несут следы примеси монголоидных элементов, что, по мнению В.А.Дремова, свидетельствует о недавней миграции нового европеоидного населения, в составе которого, как это обычно бывает среди мигрантов, преобладали мужчины [1997, с. 65]. Наибольшее морфологическое сходство данному комплексу признаков обнаруживается за пределами Западной Сибири, в материалах тазабагыбской культуры и других могильников Средней Азии [Дремов, 1997, с. 68].

Иной тип фиксируется в более северных областях, характерный для населения кротовской культуры. Его особенностями выступают мезокrania, широкий средневысокий лицевой скелет, высокое переносье в сочетании с небольшим углом выступления носовых костей [Дремов, 1990а, 1997]. Состав кротовской популяции, несомненно, сложный, отмечены неоднородный европеоидный компонент и примесь монголоидных элементов, морфотип которых отличен от монголоидного типа населения Центральной Азии, при этом отмечается, что преобладающий европеоидный компонент кротовской выборки отличен от европеоидных мужских черепов Верхнего Приобья (елунино-самусь) [Дремов, 1997, с. 67].

В андроновское время на юге Западной Сибири, как и на территории Восточного Казахстана и Минусинской котловины, распространен антропологический тип, характерный для пастушеско-скотоводческих групп андроновской культуры. Краниологический материал, происходящий из могильников, оставленных данным населением, со всей очевидностью свидетельствует о неоднородности его антропологического состава. В западных областях ареала преобладает европеоидный вариант с такими особенностями как

мезо-долихокрания, высокий череп, лептоморфность резко профилированного лицевого скелета, характеристики которого получены при исследовании черепов из погребений алакульского и алакульско-федоровского (кожумбердинского) типа. Эти особенности свидетельствуют о средиземноморском компоненте в составе алакульских популяций, что заметно сближает их с населением срубной культуры Нижнего Поволжья [Гинзбург, 1962; Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, 1967; Дремов, 1997]. В восточной части ареала преобладает европеоидный тип с такими чертами как мезобрахикрания, эуриформность лицевого скелета с несколько ослабленным горизонтальным профилем. Он характерен для черепов из погребений федоровского типа и наиболее полно соответствует характеристике андроновского варианта протоевропейского антропологического типа, данной Г.Ф.Дебецем [1948, с.70-71]. Современное состояние источниковой базы по антропологии населения андроновской культуры позволяет говорить, что между популяциями федоровцев и алакульцев существовали реальные расовые различия [Дремов, 1990а, 1997, с.81].

Краниологические материалы из могильников особого черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности, расположенных в подтаежной полосе Западной Сибири (Еловка 2 и Черноозерье 1), свидетельствуют о довольно тесном взаимодействии между населением лесостепи и тайги [Дремов, 1990а, 1997]. Антропологический тип черноозерско-томского населения отличается от андроновского заметной примесью монголоидного компонента, генетически связываемого с низколицым монголоидным населением таежных районов Западной Сибири, а европеоидный компонент в значительной мере восходит к доандроновскому населению Томского Приобья и напоминает черепа афанасьевской культуры Южной Сибири и ямной Нижнего Поволжья [Дремов, 1990а, с. 59-61, 1997, с.98-121]. Данный антропологический тип обнаруживает наиболь-

шее морфологическое сходство с типом доандроновской кротовской популяции [Дремов, 1990а, с. 60, 1997, с.119-121].

В позднебронзовое время европеоидный облик характерен для населения круга культур андроновской общности - еловской и черкаскульской, но небольшая примесь монголоидных элементов прослеживается [Дремов, 1990а]. Серия еловских черепов, например, морфологически нейтральна, обнаруживает сходство как с северными, так и с южными андроновскими группами, что, видимо, отражает процесс смешения между ними [Дремов, 1990а, с. 61, 1997, с. 137-142]. В составе населения черкаскульской культуры также прослеживается монголоидная примесь, в силу чего популяция занимает промежуточное положение между андроновскими и подтаежными группами [Дремов, 1997, с. 157].

Сходный в принципиальных чертах антропологический тип характерен для населения ирменской культуры. Выборки черепов из ирменских погребений в целом европеоидного облика, но прослеживается и небольшая монголоидная примесь. Антропологический состав ирменского населения сложен, чем определяется довольно обширный круг его расогенетических связей. Выявлено антропологическое сходство ирменских популяций и с населением подтаежной полосы доандроновского времени, и собственно андроновским (федоровским), а также с населением окуневской, карасукской и черкаскульской культур, что, по мнению исследователей, свидетельствует о генетическом единстве большого пласта населения, оставившего памятники черкаскульской, ирменской и карасукской культур поздней бронзы, обусловленное европеоидным пластом, генетически связанным с андроновским (федоровским) населением [Акимова, 1968; Алексеев, Гохман, 1984а; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Дремов, 1990а, 1997; Молодин, Чикишева, 1988; Чикишева, 2000; Шевченко, 1980; Рудь, 1981; Рыкушина, 1980 и др.].

В целом достигнуты значительные результаты в выяснении структуры антропологического состава популяций различных культур на различных территориях, морфологическом определении основных компонентов состава, намечены генеральные пути их генезиса и зафиксированы пределы изменчивости антропологических особенностей. Состояние источниковой базы по антропологии населения бронзового века делает весьма перспективным применение современных методов многомерного статистического анализа для уточнения роли неолитических популяций в формировании расовых особенностей групп различных культур и территорий, а также степени их влияния на формирование антропологического облика населения последующих эпох.

В эпоху раннего железа заметно возрастает плотность населения, особенно в лесостепи Западной Сибири. Переход к кочевым формам ведения хозяйства усиливает подвижки населения, усложняется мозаика антропологических типов. Несмотря на то, что исследовано несколько сотен могильников раннего железа, содержащих большое число погребений, краниологический материал из них практически не привлекался для решения расогенетических проблем. В настоящее время лесостепное население различных археологических культур представлено палеоантропологическими данными, хотя и неравномерно, подавляющая их часть относится к населению культур саргатской общности. Их таежных районов Западной Сибири краниологические материалы по-прежнему отсутствуют.

Первое представление об антропологических особенностях населения лесостепной полосы Западной Сибири базировалось на краниологических материалах из Усть-Тартасского могильника в Барабе, исследованного в 1895-1896 гг. С.М.Чугуновым. Большая часть погребений Усть-Тартасского могильника была отнесена им к сарматской эпохе, а несколько впускных — к тюрко-монгольскому времени. При описании антропологических находок С.М.Чугунов

отметил массивность черепов и их европеоидное строение [Чугунов, 1899], особое внимание уделив черепу с явными следами искусственной деформации [Чугунов, 1898]. Повторно черепа из Усть-Тартасского могильника измерил Г.Ф.Дебец, специально оговаривая, что датировки костяков представляют определенные трудности [Дебец, 1948, с. 149]. На основании изучения шести черепов из Усть-Тартаса и трех черепов из раскопок В.П.Левашевой в 1928 г. близ с. Саргатки на Иртыше, Г.Ф.Дебец при расовой характеристике населения западносибирской лесостепи отметил, что черепа из Саргатки типично европеоидного облика и ближе всего стоят к андроновскому варианту протоевропейского типа. Черепа из Усть-Тартаса также европеоидные, но отличаются от саргатских более высоким лицом, менее выступающим носом и более высокими орбитами. Общее направление различий идет в сторону большей монголоидности усть-тартасских черепов. При сравнении с сарматами Поволжья и Приуралья усть-тартасские черепа сближаются с южным (брахикранным) типом и черепами Прохоровских курганов, но несколько более монголоидны, саргатские, скорее, могут быть поставлены в связь с андроновским вариантом, преобладающим в степях Саратовского Заволжья [Дебец, 1948, с. 148-151].

Таким образом, уже в первых работах, посвященных антропологии древних жителей лесостепи Западной Сибири, установлено, что по своему физическому типу люди, оставившие Усть-Тартасский и Саргатский могильники, принадлежат к большой европеоидной расе, при этом отмечено, что население в расовом отношении не являлось однородным.

В результате археологического изучения в 60-е годы XX столетия курганов раннего железа, особенно проводимого В.Ф.Генингом в Притоболье и Приишимье, и В.А.Могильниковым в Прииртышье, в руки антропологов попал превосходный палеоантропологический материал, который был исследован М.С.Акимовой [1972]. В.А.Дремов заново измерил черепа из Усть-Тартасского могильника

по современной программе, разбил их на хронологические группы, добавил к уже известным два новых — из раскопок Л.М.Плетневой в 1963 г. и Т.Н.Троицкой в 1966 г. [Дремов, 1978].

М.С.Акимовой изучены черепа из Прыговского, Воробьевского и Шадринского могильников в Приисетье, Абатского 1, Фоминцевского и Лихачевского в Приишимье и из могильников Прииртышья — Горная Бития, Богдановка 1, Коконовка 1 и Битые Горки. Малочисленность палеоантропологических находок из каждого могильника обусловили объединение их по территориальному принципу в три серии. Это не позволило выявить территориальную изменчивость антропологических признаков на популяционном уровне, однако, на региональном некоторые тенденции проявились. Так, черепа из Приисетья характеризуются низким, широким и несколько уплощенным лицом, довольно высоким или средним переносьем при различной степени выступления носа, для приишимских групп свойственно сочетание широкого и средневысокого лица, широкие и высокие орбиты, высокое переносье, средняя уплощенность лица и средние величины угла выступления носа. Прииртышская серия сходна по морфологии с приишимской и вместе они представляют один антропологический тип. Для населения Приисетья, по сравнению с группами из Приишимья и Прииртышья, характерно большее присутствие монголоидного компонента. С двумя последними сериями весьма сходны черепа Усть-Тартасского могильника [Акимова, 1972, с. 150-152].

Отмечено также, что антропологический состав лесостепного населения сложен: при преобладании европеоидного компонента выявляется монголоидная примесь, что сближает данные западно-сибирские серии с черепами из погребений усуньского времени Казахстана. Европеоидный компонент, вслед за Г.Ф.Дебецем, связывается с племенами андроновской культуры, характерными чертами которого являются — низкое и широкое лицо, сильная или умеренная его профилировка, низкие орбиты. Монголоидный же компонент

появился задолго до гуннов, а поэтому не может быть южного происхождения, скорее всего его следует связывать с монголоидным населением внутренних районов Западной Сибири [Акимова, 1972, с. 152, 155].

В.А. Дремов, при анализе черепов из Усть-Тартасского могильника, пришел к выводу, что из всех известных палеоантропологических материалов раннего железного века западносибирской лесостепи они являются наиболее европеоидными по строению и близки сериям с Иртыша и Ишима, а также черепам сарматов Приуралья и Нижнего Поволжья и саков Казахстана [Дремов, 1978, с. 178-180].

Предварительный анализ палеоантропологических материалов из погребений гороховской культуры также свидетельствует о многокомпонентности антропологического состава оставившего ее населения, но численность черепов невелика и генетические корни компонентов пока не ясны [Багашев, 1996, с. 26-27]. Морфологическое строение скелета из погребения 3 могильника Куртугуз 1 (предположительно гороховского) не дает указаний на монголоидность облика погребенного человека [Ражев, 1998, с.107-109]. Опубликованы измерения фрагментарных палеоантропологических находок из саргатских погребений Гаевского 1 могильника, анализ которых позволил реконструировать пропорции тела нескольких индивидов и высказать предположение о принадлежности их к европеоидной расе [Курто, Ражев, 1997, с. 107].

Итоги краниологических исследований в целом могут быть сведены к следующему:

- установлена принадлежность лесостепного населения Западной Сибири раннего железа к большой европеоидной расе;
- выявлен факт многокомпонентности антропологического состава населения гороховской и саргатской культур;
- зафиксированы некоторые антропологические особенности в территориальных саргатских группах.

Однако немногочисленность имевшихся в распоряжении исследователей палеоантропологических материалов объективно ограничила возможности его использования в реконструкции этногенетических процессов. Насущными задачами по-прежнему являются:

- определение границ индивидуальной изменчивости, а также характера изменчивости антропологических признаков и комплексов в географическом, популяционном, межгрупповом и хронологическом аспектах;

- антропологическая характеристика лесостепного населения на популяционном и надпопуляционном уровнях, изучение антропологического состава населения лесостепных культур, морфологическое описание расовых типов и комплексов, выявление характера и направлений их этногенетических связей и в целом происхождения.

В следующий исторический период – средние века, еще более усложняется структура антропологического состава населения Западной Сибири, вызванная перемещением различных племен и племенных объединений, известное как «Великое переселение народов», что значительно изменило структуру антропологического покрова в степной и лесостепной зонах Западной Сибири по сравнению с предыдущими периодами. На антропологической структуре населения внутренних таежных районов Западной Сибири эти процессы отразились в гораздо меньшей степени. В эпоху средневековья в основном формируются те антропологические особенности, которые прослеживаются в составе современных народов.

С территории Западной Сибири краниологические материалы эпохи средневековья происходят преимущественно из могильников лесостепной зоны, значительно меньше их из южно-таежной полосы, а из средне- и северо-таежных областей они отсутствуют. Хорошо представлены краниологическими материалами население сrostкинской культуры [Дебец, 1948; Алексеев, 1974б; Ким, 1987; Чикишева, Ким, 1988; Багашев, 1988; Багашев, Ким, 1998], племена

которой этнически связываются с кимаками, точнее с кимако-кыпчаками [Могильников, 1981б; Савинов, 1984]. Опубликованы серии черепов из погребений усть-ишимской культуры [Багашев, 1988], верхнеобской и релкинской [Дремов, 1967], а также материалы из таежной чести Среднего Приобья [Багашев, Антонов, Пошехонова, 2005; Багашев, Пошехонова, 2007; Пошехонова, 2005; 2006; 2010].

Известные материалы в недостаточно полной степени отражают реально существовавшее в это время разнообразие антропологических типов, причем лишь на территории западносибирской лесостепи и южной тайги. Но, судя даже по имеющимся данным, население Западной Сибири в средние века характеризуется значительным разнообразием. Отличительной чертой является заметное усиление степени выраженности монголоидных черт по сравнению с предшествующим периодом. В составе отдельных сросткинских групп монголоидный компонент связан с популяциями центральноазиатского типа [Дебец, 1948; Алексеев, 1960в, 1963, 1974б; Ким, 1987; Багашев, Ким, 1998], а европеоидный компонент связан, видимо, с местным населением эпохи раннего железа и даже, может быть, с европеоидным населением эпохи бронзы [Алексеев, 1960в, 1974б].

В составе местного населения южно-таежной полосы Среднего Прииртышья, Среднего Приобья и Нижнего Притомья отмечается монголоидный компонент отличный по морфотипу от центральноазиатского [Розов, Дремов, 1966; Дремов, 1967; Ким, 1987; Багашев, 1988; Багашев, Ким, 1998; Чикишева, Ким, 1988]. Для него характерна невысокая черепная коробка, широкое, но невысокое лицо, средневывступающее переносье и малый угол носа. В некоторых случаях отмечается процесс смешения между ними, например, в краниологических материалах из Басандайского могильника фиксируется два морфологических типа. Черепа первого типа характеризуются низкой, мезо-брахикранной черепной коробкой, низким лицом и несиль-

но выступающим носом. Для черепов второго типа свойственны средняя высота черепа, широкое и высокое лицо, заметно выступающий нос [Дремов, 1979; Ким, 1987]. Если ближайшая аналогия первому типу имеется в материалах из южно-таежной полосы Среднего Прииртышья и Среднего Приобья, то второму типу — среди черепов из Кузнецкой котловины и предгорного Алтая. В целом между населением лесостепной полосы и южно-таежной зоны Западной Сибири прослеживаются значительные различия.

В составе средневекового населения Западной и Южной Сибири вырисовывается несколько морфологических типов, приуроченных к определенным территориям: 1) брахикранный монголоидный, распространен преимущественно в степных и горных районах юго-востока Южной Сибири; 2) мезокранный более европеоидный, его ареал охватывал в основном лесостепную полосу Западной Сибири и частично степные районы северо-западного Алтая; 3) низколицый монголоидный, по имеющимся материалам локализовался в южно-таежной полосе Обь-Иртышского междуречья, но, видимо, был распространен шире, охватывая и таежные районы Западной Сибири.

Некоторые локальные краниологические комплексы метисного происхождения, имеют черты сходства сразу с несколькими основными типами. Это комплекс, фиксируемый в сериях из Кузнецкой котловины и предгорного Алтая, в основе мезокранный, но имеет и брахикранный компонент. Тип же населения Нижнего Притомья сходен как с низколицым монголоидным, так и с мезокранным лесостепи.

Средневековое население Западной Сибири, таким образом, по своему физическому типу занимает промежуточное положение между европеоидной и монголоидной большими расами, краниологические особенности в северных и южных группах образуют, однако, своеобразные комплексы, генезис и механизм формирования которых различались. Основной расовый компонент в составе южно-

таежных популяций генетически связан, скорее всего, с таежным низколицым монголоидным населением Западной Сибири, преобладающим фактором формирования которого являлось автохтонное развитие. В расообразовании же кимако-кыпчакских племен Южной Сибири и Алтая заметную роль сыграли метисационные процессы между местным европеоидным населением и монголоидами центральноазиатского происхождения [Багашев, Ким, 1998].

Современный период истории антропологических типов не может быть освещен только с помощью палеоантропологических материалов, требуется привлечение результатов антропологических исследований среди современных народов Западной Сибири.

Исследование В.В.Бунаком финно-угорских народов в Поволжье и сопоставление их с данными С.И.Руденко, позволило установить В.В.Бунаку сходство восточных (поволжско-приуральских) финнов с вогулами (манси) и остяками (хантами). Суммарный антропологический тип, наиболее отчетливо представленный у вогулов, Бунак предложил назвать уральским типом, а его более мезокефальный и высокоголовый волжский вариант, отмеченный у марийцев, - субуральским типом [Бунак, 1924а; 1924б]. Кроме того, среди удмуртов отмечен брахицефальный и менее высоколицый тип, названный сублапоноидным [Бунак, 1932].

Г.Ф.Дебец, исследуя неолитические черепа Прибайкалья, выделил среди них особый тип, который был отмечен у современных тунгусов и получил название байкальского [1930]. Как считал в то время Г.Ф.Дебец, определенное сходство байкальского типа с уральским типом остяков и вогулов свидетельствует об их генетической связи. На этом основании он объединил байкальский, уральский и эскимосский типы в одну палеосибирскую расу, солидаризуясь, таким образом, с западными исследователями [Дебец, 1930]. Мысль о родстве вогулов и остяков с байкальским типом разделяли и другие исследователи [Бунак, 1934; Рогинский, 1934; Трофимова, 1947].

Одновременно, в 1924-1927 гг. группа сотрудников Института антропологии МГУ под руководством А.И.Ярхо провела обширные исследования коренного населения Алтае-Саянского нагорья. По обширной программе обследованы алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы и казахи. Полученные материалы легли в основу разработанной А.И.Ярхо новой классификации антропологических типов Сибири [Ярхо, 1929, 1934, 1936, 1947]. Критически оценивая данные предшествовавших исследователей о значительном распространении светлопигментированного элемента среди северных алтайцев, Ярхо, тем не менее, установил четкие антропологические отличия северных алтайцев от южных алтайцев, тувинцев и казахов. Одновременно обнаружилось большое сходство северных алтайцев и шорцев с южными хакасами, особенно с бельтирами. Выделенный тип А.И.Ярхо назвал урало-алтайским и отметил его почти полную идентичность угорской расе И.Деникера и уральскому типу В.В.Бунака. В более чистом виде этот тип представлен у вогулов. Среди остяков урало-алтайский тип выступает смешанно с центральноазиатским типом. Последний характеризуется брахикефалией, более крупным и плоским лицом, слабо выступающим носом, частым эпикантусом, темной пигментацией и другими типично монголоидными признаками. Относя к центральноазиатскому типу самоедов (ненцев), Ярхо, в отличие от Руденко, отрицал их специфическое сходство с тувинцами. Кеты включены вместе с казахами, киргизами и теленгетами в состав третьего, южносибирского типа, который, по мнению А.И.Ярхо, сближается по описательным признакам с урало-алтайским типом, а по измерительным — с центральноазиатским. Классификация А.И.Ярхо получила признание и с небольшими изменениями была принята в первом учебнике по антропологии [Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941].

Большой фактический материал, накопленный к концу 40-х началу 50-х годов, привел к дальнейшему совершенствованию классификации антропологических типов Западной Сибири.

Г.Ф.Дебец, прослеживая в одном из заключительных разделов сводки по палеоантропологии основные этапы расообразования на территории СССР, выделил среди современного населения два смешанных типа: урало-лапоноидный и уральский. Первый объединяет три варианта: лапоноидный, сублапоноидный и субуральский; второй соответствует урало-алтайскому типу А.И.Ярхо. Енисейский тип, представленный у кетов и ненцев северного Ямала, включен в число типов монголоидного расового ствола и рассматривался в качестве возможного монголоидного компонента урало-лапоноидного типа [Дебец, 1948, с.311-318].

В работах Н.Н.Чебоксарова урало-лапоноидный и уральский типы объединены вместе [Чебоксаров, 1951]. С этого момента уральская раса как единая таксономическая категория неизменно фигурирует в работах других антропологов. Некоторые авторы условно присоединяют уральскую расу к монголоидному расовому стволу, другие отстаивают ее самостоятельное систематическое положение между европеоидной и монголоидной большими расами. Уральский (угорский), лапоноидный, сублапоноидный, субуральский, енисейский, чулымский и некоторые другие локальные типы образуют варианты уральской расы [Бунак, 1956; Дебец, 1951; Рогинский, Левин, 1955; Розов, 1957]. Причем механизм формирования уральской расы вызвал оживленную дискуссию между различными исследователями. Одни [Бунак, 1956, 1965] отстаивают идею об изначальной недифференцированности и самостоятельном развитии признаков уральской расы, другие — преобладающим фактором генезиса уральской расы считают процессы метисации между европеоидами и монголоидами [Дебец, 1956, 1968; Алексеев, 1961в].

П.Липтак [1950] и Н.С.Розов [1961] установили принадлежность к уральской расе юганских и васюганских хантов. На небольшом краниологическом материале В.П.Алексеев высказал предположение о примеси уральской расы у нганасан [Алексеев, 1955], но изучение соматологических характеристик обнаружило значитель-

ное расовое своеобразие этой малочисленной самодийской народности и резкое отличие ее от западносибирских групп [Золотарева, 1962; Аксянова, Афанасьева, Золотарева, Спицына, Хить, 1992].

К.Ю.Марк в 1955-1958 гг. осуществила обширные исследования всех живущих на территории СССР финно-угорских народов. Среди других групп изучены манси на р.Конде и Сев. Сосьве и ханты близ с.Березово на нижней Оби. Собранный материал позволил высказать некоторые новые положения, касающиеся систематики и формирования отдельных типов уральской расы [Марк, 1974, 2000; Mark K., 1970]. Ханты и манси отнесены к обскому типу уральской расы.

В.П.Алексеев опубликовал 4 черепа с кетского кладбища на р.Подкаменной Тунгуске [1955]. Более представительная кетская серия (20 черепов) собрана в 1960 г. И.И.Гохманом в районе р.Елогуя. Установлено, что современные кеты краниологически имеют большое сходство с селькупам, ненцами, бельтирами и не выходят за пределы вариаций уральской расы [Гохман, 1963]. В 1965 и 1967 гг. И.И.Гохман возглавил комплексную экспедицию, проводившую антропологическое изучение кетов по широкой программе. Собраны материалы по соматологии, серологии и дерматоглифике, изучение которых позволило установить близость кетов к группам не только уральской, но и южносибирской расы, а также выявить ряд особенностей, сближающих кетов с южными монголоидами [Гохман, 1982; Давыдова, Жомова, 1982; Беневоленская, Башлай, 1982; Хить, 1982].

И.М.Золотарева в 1961-1962 гг. собрала материал по соматологии и серологии самодийских народностей низовьев Енисея. Установлено отличие енисейских ненцев от более западных групп и, с другой стороны, для энцев характерен более монголоидный тип по сравнению с ненцами [Золотарева, 1974, 1975].

В 1968 г. Г.М.Давыдова провела исследование северных манси по антропометрической, серологической и одонтологической программам [Давыдова, 1974, 1975, 1976, 1986, 1989, 1992, 1997].

В 1968-1969 гг. сотрудниками Института антропологии МГУ и отдела антропологии Института этнографии АН СССР по разнообразной программе обследовали около 300 лесных ненцев в пос.Тарко-Сале на р.Пур [Алексеева, 1970; Алексеев, 1971а; Алексеева, Волков-Дубровин и др., 1972, 1973]. Г.А.Аксянова в 1973-1974 гг. собрала материал по соматологии и одонтологии ямальских и надымских ненцев, а также северных хантов и манси [Аксянова, 1976, 1977, 1979], в 1980 г. по чулымским тюркам [Аксянова, 1991].

В 1960-е годы вновь оживился интерес к вопросам систематики и происхождения уральской расы. Ю.Г.Рычков, проведя соматологическое обследование западных эвенков, подтвердил выводы Г.Ф.Дебеца и М.Г.Левина о принадлежности их к особому катангскому антропологическому варианту и сходстве с саяно-енисейским типом, представленным у тофаларов и тувинцев-тоджинцев [Дебеч, 1951; Левин, 1954, 1958; Рычков, 1961]. По мнению Ю.Г.Рыčkова, все они восходят к единому древнему типу, названному им средне-сибирским, который является источником монголоидного компонента, участвовавшего в формировании уральской расы. Этот тип характеризовался чертами недифференцированности — ослабленной монголоидностью, низким лицом при сильной пигментированности волос и глаз. Признаки недифференцированного типа установила Г.М.Давыдова среди манси Сев.Сосьвы и Ляпина [1976], В.П.Алексеев среди лесных ненцев [1971а]. Г.А.Аксяновой принята попытка проследить конкретные пути формирования некоторых вариантов уральской расы при участии катангского, или саяно-енисейского типа [Аксянова, 1976, 1992,].

Планомерный сбор краниологических данных по разнообразным группам и подгруппам коренного населения Западной Сибири осуществлен В.А.Дремовым, А.Р.Кимом и А.Н.Багашевым [Дремов,

1984, 1990б, 1991а, 1991б, 1998б; Ким, 1978а, 1978б, 1984, 1987, 1990, 1998; Багашев, 1984, 1987, 1989, 1990а, 1990б, 1991, 1993б, 1999б, 2000в; Bagashev, Kim, 1994]. В результате проведенных исследований выявлены морфологические комплексы, по которым различаются угорские и самодийские популяции [Дремов, 1984], описан своеобразный тип североалтайских популяций, что позволило рассматривать их в качестве самостоятельной таксономической единицы [Ким, 1987], в составе уральской расы выделен особый обь-иртышский антропологический вариант [Багашев, 1993б].

В целом ряд кардинальных проблем, касающихся происхождения и систематики народов Западной Сибири, их антропологического состава и механизмов расообразования были успешно решены в XX веке. Расовые особенности ряда групп (восточные манси, туруханско-тазовские селькупы, лесные ненцы) не отражены по краниологической программе. Постоянное включение все новых и новых промежуточных европеоидно-монголоидных популяций в состав уральской расы, различающихся в лингвистическом плане и по происхождению, сделало ее категорией чрезвычайно аморфной, размах изменчивости признаков оказался настолько велик, что за этим таксоном более формальное, нежели расогенетическое образование. Современное состояние источников по краниологии коренных народов позволяет вновь вернуться к решению проблем систематики населения Западной Сибири и механизмов его расообразования. Обширный корпус палеоантропологических находок в настоящее время позволяет уточнить, а то и установить время формирования тех или иных сочетаний антропологических признаков, отмечаемых в составе современного населения и проследить основные этапы формирования древних и современных антропологических типов.

Дальнейшая разработка проблемы позволила выделить западносибирскую группу популяций в качестве самостоятельной локальной расы, состоящей из двух вариантов – обь-иртышского и собственно уральского, состоящего из подвариантов. Предложено

также сибирских ненцев и кетов рассматривать в качестве енисейского варианта северо-азиатской монголоидной формации, а приуральские народы в качестве приуральской группы популяций беломоро-балтийской формации [Багашев, 1988; 2003;]

Глава 2. НЕОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

На территории Северной Евразии наиболее ранние антропологические данные, позволяющие пролить свет на происхождение древнего населения, датируются преимущественно мезо-неолитическим временем (VI – IV тыс. до н.э.). Палеоантропологические находки палеолитического времени чрезвычайно редки. Можно упомянуть только две более или менее достоверно датированные находки – из Денисовой пещеры на Алтае и случайно обнаруженная таранная кость в среднем течении Иртыша. Причем по анализу ДНК денисовские находки выделяются в отдельный вид, сосуществовавший около 100 тыс. лет назад параллельно с неандертальскими формами. Находка на Иртыше датируется 55-45 тыс. лет назад и принадлежала человеку современного вида *Homo sapiens sapiens* [Kuzmin, Kosintsev, Razhev, Hodgins, 2009; Ражев, Косинцев, Кузьмин, 2010].

§1. Материалы по антропологии неолитических популяций

При археологических раскопках на Омской стоянке в 1987-1988 гг. Б.А.Кониковым были обнаружены три погребения эпохи неолита (возможно, раннего). Памятник расположен при впадении реки Замарайки в Иртыш близ г. Омска [Коников, 1994, 1996]. Вскрыты две могилы на глубине 2 м от современной поверхности, частично перекрывавшие друг друга. Предварительное морфологическое описание находок опубликовано [Bagashev, 1993; Багашев, 2003].

Череп из погребения 2 удовлетворительной сохранности, частично разрушена правая часть основания черепа и правая часть верхней челюсти. Полностью отсутствует носовая часть лицевого скелета. Череп не очень массивный, но с хорошо развитым рельефом надглазничной области, сосцевидные отростки средней величины, наружный затылочный бугор небольшой. По краниометрическим данным характеризуется большими величинами трех основных

диаметров мозговой коробки, по черепному указателю – субдолихокраний, по высотнo-продольному – ортокраний, по высотнo-поперечному - метриокраний. Основание черепа средней длины и довольно большой ширины. Лобная кость короткая и широкая, уплощенная в продольном направлении и довольно профилированная в поперечном. По углам профиля лоб можно охарактеризовать как весьма наклонный. Затылок широкий.

Лицо средневысокое с большим скуловым диаметром и большой длиной основания, среднеширокое на уровне орбит и углов нижней челюсти, ортогнатное по общему углу лицевого профиля и указателю. Лицевой отдел на уровне орбит характеризуется умеренной профилированностью и относительно большей его уплощенностью в подносовой части. Клыковая ямка малая по глубине.

Орбиты средней высоты и ширины, мезоконхные по указателям. Высота носа небольшая при большой его ширине, нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Угол выступания носа большой.

Из посткраниального скелета сохранились левые плечевая, локтевая и лучевая (без эпифизов) кости, обе бедренные и большие берцовые (с частично разрушенными эпифизами) кости, диафиз левой малой берцовой кости и фрагменты тазовых костей. Плечевая кость характеризуется большой длиной и очень малой окружностью диафиза. Указатель прочности малой величины. Для локтевой кости характерна эуроления и малый указатель прочности. В целом указатели прочности свидетельствуют о выраженной грацильности длинных костей верхних конечностей.

Бедренная кость также характеризуется очень большой длиной и малой окружностью диафиза. Указатель прочности малой величины. Пилястр развит слабо (указатель пилястрии - 92,3 и 96,0). Сечение бедренной кости характеризуется гиперплатимерией. Для большой берцовой кости характерна большая окружность диафиза, указатель платикнемии свидетельствует о хорошей её выраженно-

сти, что говорит о сильном сдавлении голени с боков, т.е. проявляется тенденция к «саблевидной» форме. В целом для длинных костей нижних конечностей, как и для верхних, характерна грацильность.

Длина тела, вычисленная по скелетным размерам (в среднем 164,4 см), почти совпадает с размером костяка при выборке погребения (164 см). По рубрикации Мартина подобная длина тела является большой. Таким образом, можно говорить о долихоморфном типе данного индивида.

Биологический возраст индивида по степени стертости жевательных поверхностей зубов и облитерации швов черепа - 20-25 лет. По строению черепа, форме длинных костей и особенностям строения таза пол с достаточной степенью точности определяется как женский.

Череп из погребения 3 хорошей сохранности. Повреждены нижняя часть правой височной кости и правая скуловая кость, разрушен скуловой отросток правой верхнечелюстной кости, частично повреждено переносье. Симметрические, дакриальные и максиллофронтальные измерения частично осуществлены по реконструкции. Череп с развитым рельефом надглазничной области, сосцевидные отростки и наружный затылочный бугор средней величины. Для мозговой коробки характерны большие величины продольного и поперечного диаметров, малая высота от базиона и большая от порионов, по черепному указателю череп субдолихокранный, хамекранный по высотно-продольному и тапейнокранный по высотно-поперечному. Длина и ширина основания черепа средней величины. Лобная кость средней длины и ширины, уплощенная в продольном и поперечном направлениях. Профиль лба по величинам углов можно охарактеризовать как покатый. Затылок широкий.

Лицо высокое со средним скуловым диаметром, но очень широкое на уровне орбит, а также в средней части и на уровне углов нижней челюсти, мезогнатное по общему углу лицевого профиля и

указателю и более прогнатное по углу альвеолярной части, по указателю мезо-лептоморфного типа. В горизонтальной плоскости лицевой скелет характеризуется заметной уплощенностью на уровне орбит и относительно большей профилированностью в средней части. Клыковая ямка малая по глубине.

Орбиты очень широкие и низкие, хамеконхные по указателям, высота носа большая при средней его ширине, указатель свидетельствует о мезоринии. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Носовые кости и переносье широкие и высокие, угол выступания носа большой.

Из костей скелета сохранились обе плечевые и локтевые, левая лучевая, ключицы (без суставных поверхностей), обе бедренные и большие берцовые, левая малая берцовая, тазовые. Плечевые и лучевая кости характеризуются большой длиной и очень малой окружностью диафиза. Указатель прочности средней величины. Для локтевых костей характерна эуроления. В целом указатели свидетельствуют о грацильном строении длинных костей верхних конечностей, а луче-плечевой указатель о среднем соотношении между длиной предплечья по отношению к плечу.

Бедренные кости характеризуются очень большой длиной и средней окружностью диафиза, указатель массивности малый. Пястр развит хорошо. Сечение диафиза гиперплатимерично. Для большой берцовой кости характерны большая длина и окружность диафиза, указатель сечения свидетельствует о хорошо выраженной платикнемии, что говорит о значительном сдавлении голени с боков. В целом длинные кости нижних конечностей несколько более массивны по сравнению с верхними. Берцово-бедренный указатель показывает среднее соотношение между берцовым сегментом и бедром. Судя по указателям пропорций (интермембральный, плече-бедренный и луче-берцовый), данный индивид может быть отнесен к долихоморфному типу.

Длина тела по скелетным размерам составляет в среднем 178,4 см, по суммарной длине плечевой и лучевой костей - 180,0 см, по суммарной длине бедренной и большой берцовой костей - 178,0 см. По Мартину это большая высота. Длина скелета, измеренная при расчистке погребения, около 200 см. Биологический возраст данного индивида по комплексу признаков 25-30 лет, пол по морфологии черепа и строению таза мужской.

В квадрате 2 В (IV штык) были обнаружены также 2 фрагмента теменных и 2 фрагмента затылочной кости, фрагмент правой ветви нижней челюсти с тремя постоянными молярами. Тело нижней челюсти довольно массивное, зубы крупные. Пол погребенного предположительно мужской. По степени стертости жевательных поверхностей зубов возраст может быть определен в 40-50 лет. Удалось измерить высоту тела нижней челюсти между 1 и 2 молярами (36 мм) и толщину тела на этом же уровне (17 мм).

Сопоставление морфологических особенностей мужского и женского черепов показывает, что мужской имеет более низкую черепную коробку (по высотным диаметрам как от базииона, так и от порионов), более широкое лицо в верхней и средней частях, но менее широкое по скуловому диаметру, чуть более высокое. В целом мужской череп характеризуется более лептоморфным лицевым скелетом. По степени горизонтальной профилированности лица для мужского черепа характерна большая уплощенность на уровне орбит, но меньшая в средней части, по вертикальной профилировке - более прогнатное строение. По остальным абсолютным размерам и пропорциям различия незначительные и разнонаправленные. Отмеченные морфологические различия между мужским и женским черепами не носят, на наш взгляд, качественного характера и оба они могут быть отнесены к одному антропологическому типу.

Данное обстоятельство и то, что при сравнительном межгрупповом анализе более объективно сопоставление средних показателей серий, когда индивидуальная изменчивость стабилизирована,

позволило пойти по пути вычисления «мужских» размеров женского черепа, что осуществлялось умножением краниометрических характеристик женского черепа на средние значения коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964]. Полученные данные суммированы с размерами мужского черепа. Дисгармоничных сочетаний морфологических признаков на черепах с Омской стоянки не наблюдается, можно лишь отметить сочетание довольно большой высоты черепной коробки, измеренной от порионов, со средней высотой, измеренной от базиона.

По строению носовой части лицевого скелета черепа выглядят явно европеоидными, но степень профилированности лица в горизонтальной плоскости сближает их с монголоидными формами. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 33,9, преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) – 93,6, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) – 31,2. Оба черепа с Омской стоянки, следовательно, могут быть охарактеризованы как европеоидные с небольшим налетом монголоидных черт.

При просмотре мезо-неолитических краниологических материалов из Шигирского торфяника, в Екатеринбургском историко-краеведческом музее в 1992 г., удалось обнаружить несколько черепов, не описанных в литературе. У Г.Ф.Дебеца [1953] и М.М.Герасимова [1955] содержится описание двух черепов из Шигирского торфяника шигирской культуры без нижних челюстей (мужского и женского). Мужской череп, по которому М.М.Герасимовым выполнена пластическая реконструкция, найден в Иннокентьевском разрезе Царево-Андреевской дистанции Миасского округа Оренбургской губернии, отнесен к шигирской культуре предположительно (№ 161, № 1758). Женский череп, описанный Г.Ф.Дебецем [1953] (№ 162, № 32, № 1-842), обнаружен на Втором Кудринском прииске Шигирского торфяника Верх-Исетского округа Екатеринбургской губернии.

Новые черепа, как и упомянутые выше, почти черного цвета, сходной патинизации и минерализации, на них стоят шифры коллекции из Шигирского торфяника: № 1-840 - мозговая коробка женского черепа с нижней челюстью (взрослый); № 1-841 - полный мужской череп с нижней челюстью (взрослый); № 1-848 - мужская нижняя челюсть (взрослый).

Мужской череп (1-841) массивный, с хорошо развитым рельефом, характеризуется субдолихокранной средневысокой мозговой коробкой. Лицо низкое при средней ширине, мезопрозопное, ортогнатное по общему лицевому углу. Величины назوماлярного и зигомаксиллярного углов указывают на умеренную уплощенность лица. Орбиты широкие и низкие, хамаксальные по указателям. Носовые кости и переносье среднеширокие, высота их довольно большой величины. Угол выступания носа большой.

По структуре и строению переносья череп явно европеоидного облика, но степень горизонтальной профилированности лица сближает его со смешанными европеоидно-монголоидными вариантами (в современном представлении). Поэтому УЛС составил 31,8, ПФЦ всего 87,8, а показатель условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) имеет даже отрицательный знак: -1,3.

В целом характеристика данного черепа во многом совпадает с описанием мужского черепа № 162 (1758). М.М.Герасимовым отмечено, что мужской череп обладает основными признаками европеоида с малой головой, с очень низким маленьким лицом, уплощенными скуловыми костями, однако, видны и черты легкой монголизации [Герасимов, 1955, с. 413]. Для этого черепа, действительно, характерно слабое выступание носовых костей и переносья при большом угле выступания носа. В результате УЛС составил 65,1, ПФЦ – 90,1, УДМЭ – 48,3.

Женский череп (№ 1-840) без лицевого скелета, также массивный. Мозговая коробка очень широкая и высокая, брахикранная. Лоб очень широкий. Лицо, видимо, также очень широкое, если судить по

его верхней ширине и угловой ширине нижней челюсти. По горизонтали на уровне орбит лицо профилировано умеренно.

По опубликованным измерениям черепа № 161 (1-842) [Дебец, 1953], он может быть охарактеризован как европеоидный, но с уплощенным по горизонтали лицом (УЛС – 39,4, ПФЦ – 90,7, УДМЭ – 22,7). Морфологические различия между женскими черепами меньше, чем между мужскими.

Череп из Шигирского торфяника объединяют широкая средневисочная черепная коробка, низкое средней ширины лицо, низкая хамеконхная орбита, большой угол выступания носовых костей, слабая профилировка лицевого скелета в горизонтальной плоскости, т.е. наблюдается сочетание явно европеоидного строения мозговой коробки, лица и переноса с мезо-гетеропрозопом типом горизонтальной профилированности лицевого скелета.

При установлении систематического положения черепов из погребений Омской стоянки в качестве сравнительных привлечены опубликованные краниологические данные, отражающие расовый состав населения Сибири и соседних территорий мезо-неолитического времени. Из западносибирских материалов особый интерес представляет фрагмент неолитического черепа из Усть-Куренги [Алексеев, 1961б], территориально ближайшая находка к Омской стоянке. Несмотря на плохую сохранность, его краниометрические показатели практически не отличаются от данных по черепам Омской стоянки, как по форме черепной коробки, так и по широтным размерам лба, высоте его изгиба, ширине основания черепа и затылка.

С территории Северной Барабы известно несколько черепов из неолитических погребений могильников Сопка 2 и Протока [Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989], довольно своеобразные в морфологическом отношении. Авторами отмечены некоторые противоречивые сочетания признаков – хорошо профилированный по горизонтали лицевой скелет в сочетании с малым углом выступания но-

совых костей и др., что позволило высказать мысль о недифференцированности антропологического типа данных палеопопуляций и сблизить их с неолитическим европеоидным населением лесной полосы Северной Евразии [Полосьмак, Чижишева, Балужева, 1989, с. 78-81, 91-92]. Еще более отчетливо подобный морфологический комплекс прослеживается на черепах из погребений могильника Заречное 1 [Дремов, 1997].

Несколько черепов с территории Новосибирского Приобья из Ордынского [Алексеев, 1961б] и Раздумья [Дремов, 1985] характеризуются в целом европеоидным строением с легкой монголизацией [Алексеев, 1961б; Алексеев, Гохман, 1984а, Дремов, 1985], как и черепа из могильников Лебеди 2 и Васьково 4 [Дремов, 1997].

Широкую известность имеют неолитические материалы из могильников Верхнего Приобья Усть-Иша и Иткуль [Дремов, 1980], в антропологическом типе оставившего данные могильники населения отмечен процесс смешения между европеоидными вариантами, характерными для восточноевропейских неолитических групп, и монголоидными популяциями Восточной Сибири, прослеживаются также расогенетические связи с кельтеминарским населением Средней Азии [Дремов, 1973, 1980, 1981, 1986; Яблонский, 1986].

Из Восточной Сибири привлечены данные по краниологии населения серовского времени Прибайкалья – сборные серии черепов из могильников на Ангаре и в Верховьях Лены [Мамонова, 1980], характеризующегося достаточно отчетливо выраженными монголоидными особенностями, складывающимися в устойчивый комплекс, прослеживаемый в составе монголоидных популяций центральноазиатского генезиса. Еще ярче монголоидные черты отмечаются на неолитических черепах из Забайкалья [Гохман, 1980], в составе данной выборки отмечены элементы, характерные для представителей байкальского типа североазиатской группы популяций [Гохман, 1980, с. 22-23].

С территории Южного Приаралья привлекается серия черепов из погребений кельтеминарской культуры могильника Тумек-Кичиджик, исследованные Т.А.Трофимовой [1979] и Л.Т.Яблонским [1986]. Отмечено, что население позднего этапа кельтеминарской культуры антропологически сближается некоторыми мезолитическими и неолитическими группами Западной Европы, но одновременно черепа из Тумек-Кичиджика сближаются с кругом групп древних средиземноморских форм, что позволяет полагать участие средиземноморцев (в широком понимании этого термина) в формировании антропологической основы кельтеминарцев; при этом некоторые антропологические особенности серии могли возникнуть в результате контактов с монголоидным населением Южной Сибири [Яблонский, 1986, с. 118]. В составе сборной серии из Южной Туркмении [Гинзбург, Трофимова, 1972] черты, характерные для популяций средиземноморского типа, выражены достаточно отчетливо.

В качестве сравнительных привлечены также краниологические данные, отражающие физические особенности европеоидного населения мезолита и неолита Украины, в генезисе которого основная роль отводится протоевропейскому компоненту [Дебец, 1948, 1955; Кондукторова, 1956б, 1973; Гохман, 1966; Сурнина, 1961]. Это серии черепов из мезолитических могильников Васильевка 1 [Кондукторова, 1973] и 3 [Гохман, 1966], неолитических могильников Васильевка 2 и Вовниги 2 [Гохман, 1966], Никольское 2 и Деревка 1 [Зиневич, 1967].

Мезо-неолитическое время Прибалтики представлено обширными краниологическими выборками из погребений различных хронологических периодов функционирования могильника Звейниеки – мезолит, ранний неолит, средний и поздний неолит [Денисова, 1975], серии хотя и европеоидного облика, но сложны по антропологическому составу.

Мезолит Карелии представлен серией черепов из могильника на Южном Оленьем острове [Якимов, 1960], используются данные с

корректировками И.И.Гохмана и В.П.Алексеева [1984б]. Выборка в целом европеоидного типа, но отмечено и небольшое присутствие в ее составе монголоидной примеси, генетически связываемой с влиянием населения Сибири [Якимов, 1960].

Территориальные группы лесной полосы Восточной Европы неолитического времени представлены сериями черепов из погребений верхневолжской культуры могильника Ивановское 7 [Алексеева, 1997] и выборками из погребений льяловской и волосовской культур со стоянок Сахтыш [Алексеева, 1997]. Верхневолжская и волосовская группы характеризуются европеоидным строением и морфологически сходны с мезо-неолитическими черепами могильников Украины и Прибалтики, тогда как льяловская серия имеет в своем составе примесь элементов, в морфологическом плане сходных с представителями лапоноидного типа и близких монголоидному компоненту оленеостровской популяции [Алексеева, 1997, Алексеева, Козловская, 1997].

С территории Приуралья имеются пока только единичные находки, прежде всего это черепа мезолитического времени из Шигирского торфяника. Г.Ф.Дебецем [1953] и М.М.Герасимовым [1955] отмечено, что монголоидные черты изученных черепов свидетельствуют о широких расогенетических связях местных племен с населением Восточной Сибири, однако новые краниологические материалы в целом характеризуется европеоидным строением, хотя небольшая монголоидная примесь, несомненно, присутствует и доля её не выше, чем, например, в составе выборки из Ордынского-Раздумья. Европеоидный облик характерен также для черепа из Бурановской пещеры [Дебец, 1953] и из грота Дождевой Камень [Чикишева, 1991].

§2. Проблемы происхождения неолитического населения

При сопоставлении мужских неолитических серий различными методами следует, что от черепов из могильника Сопка 2 омские

отличаются по многим показателям, имея заметно более широкую и значительно более низкую мозговую коробку, меньшую дакриальную, но бóльшую симотическую высоту, значительно более выступающий нос над линией вертикального профиля лица, но в то же время заметно более уплощенный по горизонтали лицевой скелет. Примерно таковы же различия и с черепами из Протоки, но выражены они менее отчетливо. Наблюдаемые различия между омскими и барабинскими неолитическими материалами во многом обусловлены весьма специфической комбинацией морфологических признаков на черепах из могильников Сопка 2 и Протока [Полосьмак и др., 1989, с.78-81], которая не имеет прямых аналогий в известных неолитических материалах.

А вот с европеоидной серией из Ордынского и Раздумья черепа Омской стоянки различаются в гораздо меньшей степени, будучи только менее высокими с более узким лицом, орбитами и переносьем.

Невелики различия с выборками из могильников Усть-Иша и Иткуль: в целом омские черепа более высокие, с более узким и низким лицом, широким носом и переносьем. Для верхнеобских черепов характерна большая степень выраженности монголоидных черт, особенно на черепах из могильника Усть-Иша.

Между омскими и уральскими неолитическими черепами достаточно отчетливо проявляется морфологическое сходство. Несмотря на то, что череп из Бурановской пещеры почти по всем абсолютным размерам меньше, по пропорциям существенных различий почти нет. За счет сильнее профилированного по горизонтали лица бурановский череп выглядит более европеоидным. Еще сильнее европеоидные черты прослеживаются на черепе из грота Дождевой Камень, но в данном случае различия существенны. От шигирских омские черепа также отличаются преимущественно только большими абсолютными размерами, не расходясь по пропорциям. Немаловажен и тот факт, что для омских и шигирских черепов ха-

рактерна общая особенность: европеоидное строение мозговой коробки, лица, носа и переносья сочетается со слабой горизонтальной профилированностью лица.

При сравнении черепов Омской стоянки с краниологическими данными по Восточной Сибири четко выявляются различия преимущественно по тем признакам, которые разграничивают европеоидные и монголоидные популяции. Для восточносибирских серий характерны в целом брахикранный и низкий череп, более широкое и намного сильнее уплощенное в горизонтальной плоскости лицо, заметно менее высокое переносье и малый угол выступания носа.

Из восточноевропейских групп с омскими черепами по морфологии весьма сходна олениостровская серия. Несколько большее расхождение наблюдается с мезо-неолитическими черепами из могильника Звейниекы и черепами из неолитических могильников Украины. Обобщенно фиксируемые различия с восточноевропейскими черепами обусловлены более европеоидным их строением. Для них, по сравнению с омскими, характерна более высокая и долихокранный мозговая коробка, узкое и профилированное, особенно в средней части, лицо, больший угол выступания носовых костей.

По пропорциям определенное сходство может быть отмечено и между черепами Омской стоянки и из могильника Тумек-Кичиджик.

Характер общей изменчивости мезо-неолитических краниологических данных, проанализированный с помощью многомерной статистики, свидетельствует, что наибольшие положительные нагрузки по I компоненте приходятся на скуловой и высотный диаметры, высоту лица, ширину носа и орбит, по II компоненте наибольшие положительные нагрузки падают на углы горизонтального профиля лица и переносья, черепной указатель, а отрицательные – на угол выступания носовых костей и высотный диаметр. Обе компоненты описывают 54,3 % общей дисперсии. Другими словами, максимальные положительные значения по I компоненте имеют выборки, в которых преобладают матуризованные черепа с высоким сводом, с

крупным лицом, широкими орбитами и широким грушевидным отверстием носа. Отчетливо этот комплекс признаков выражен на неолитических черепах днепро-донецкой культуры и на основной части западносибирских. Отрицательные значения свойственны грацильным невысоким черепам с узкими и низкими орбитами и лицом. Наиболее полно соответствуют этой характеристике некоторые черепа с территории Приуралья (Дождевой Камень) и средиземноморского облика из Южной Туркмении. Черепа из Прибалтики, Восточной Сибири, Южного Приаралья, могильников Заречное и Иткуль характеризуются ослаблением общей массивности и занимают между крайними вариантами промежуточное положение.

Признаки II главной компоненты дифференцируют группы по степени выраженности европеоидных и монголоидных черт. Для невысоких черепов характерна тенденция к брахикрании, уплощенные по горизонтали лицевой скелет и переносье, слабое выступание носовых костей. Противоположная ситуация свойственна удлиненным, более высоким черепам с резко профилированными в горизонтальной плоскости лицом и переносьем, значительным выступанием носовых костей. Из анализируемой совокупности наиболее европеоидной является большая часть мезо-неолитических черепов с Украины и из Прибалтики, черепа верхневолжской культуры Восточной Европы, черепа из Южной Туркмении и грота Дождевой Камень. В сериях из Васильевки 2, оленеостровской, поздненеолитической из Звейниек и волосовской культуры Восточной Европы наблюдается общее ослабление степени выраженности европеоидных черт. Восточносибирские неолитические черепа (а также из Заречного) характеризуются монголоидным строением лица и переносья. Группы из Западной Сибири, Приуралья (Шигирский торфяник и Бурановская пещера), могильника Тумек-Кичиджик и с Сахтышских стоянок льяловской культуры занимают промежуточное положение между крайними вариантами (рис. 1).

Результаты классификации групп на основе расстояний Евклида показали, что черепа из погребений Омской стоянки наиболее близки иткульским и вместе они объединились в один кластер с кельтеминарскими. Оленеосторовские черепа объединились с поздненеолитическими из могильника Звейниeki и вместе с западносибирскими сериями из могильников Лебеди, Ордынское-Раздумье и Усть-Иша, образовав с предыдущим кластером довольно компактное скопление. Вследствие специфического антропологического комплекса черепа из могильников Северной Барабы заняли несколько обособленное положение, но в целом их тип более всего соответствует типу групп данного скопления.

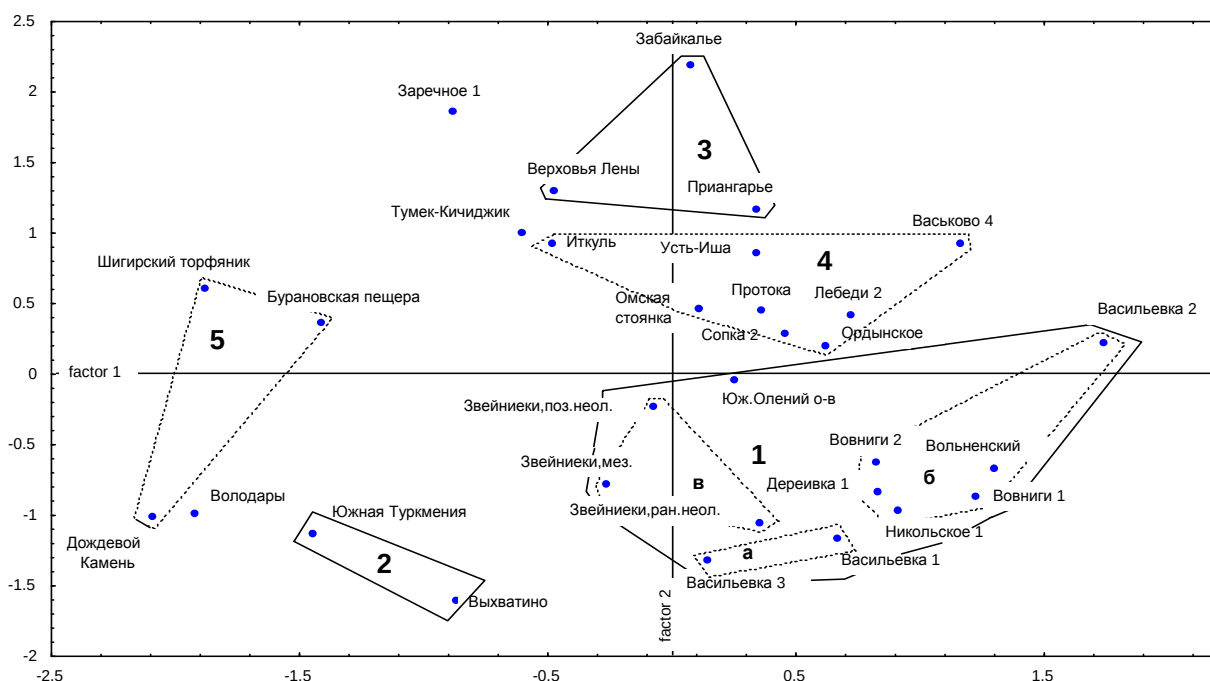

Рис.1. Взаиморасположение мужских черепов из могильников мезо-неолитического времени
 1- протоевропейский тип: а) мезолит Украины, б) неолит Украины, в) мезо-неолит Прибалтики;
 2- восточномедиземноморский тип;
 3- монголоидный тип, неолит Восточной Сибири;
 4- неолит Западной и Южной Сибири;
 5- мезо-неолит Приуралья.

В самостоятельный кластер выделились европеоидные группы мезолита Украины и Прибалтики и неолита Украины, в последнее скопление вошла также верхневолжская группа Восточной Европы. Серия из Васильевки 2 объединилась с волосовской и льяловской

лесной полосы Восточной Европы, благодаря, скорее всего, примеси в их составе монголоидного компонента.

Расположение исследуемых групп в корреляционном поле двух первых главных компонент указывает на определенные тенденции в характере их дифференциации, которая идет по двум основным направлениям: массивность – грацильность и европеоидность – монголоидность, образующих разнообразные сочетания в территориальных выборках (рис. 1).

Этими же закономерностями определяется изменчивость неолитических серий Западной Сибири, основная часть которых (Ордынское, Лебеди, Сопка, Протока, Омская стоянка) обнаруживает явное тяготение к протоевропейским группам Украины, Прибалтики и Карелии, а некоторые (Усть-Иша, Иткуль, Заречное, Васьково) к монголоидным неолитическим популяциям Восточной Сибири. Группы первого типа образуют довольно компактное скопление (рис. 1), что говорит о внутреннем сходстве и невысокой изменчивости. В составе серий второго типа прослеживается две монголоидные комбинации признаков (Усть-Иша и Васьково – монголоидные черты в сочетании с матуризованным строением черепа, Иткуль и Заречное – монголоидные особенности в сочетании с грацильностью), что обуславливает повышенную изменчивость многих признаков в данной совокупности. Своеобразие каждого из вариантов второго типа (иткульские черепа, в отличие от серии из Васьково и, в меньшей степени, от серии из Усть-Иши, характеризуются значительно менее высоким сводом, заметно более низким и узким лицом) позволяет предполагать, что в составе тех и других мы фиксируем различные по происхождению монголоидные антропологические компоненты. Особенности матуризованного комплекса признаков довольно полно соответствуют характеристикам восточносибирских неолитических популяций, что убедительно показано В.А.Дремовым применительно к материалам из Усть-Иши и Иткуля [Дремов, 1980, 1981, 1997]. Морфотип грацильного монголоидного компонента, с такими

особенностями как среднеширокий низкий лицевой скелет и малая высота мозговой коробки, может быть поставлен в связь с аборигенным населением внутренних таежных районов Западной Сибири.

Уже отмечалось [Дремов, 1980, 1997; Яблонский, 1986], что тип иткульских черепов обнаруживает значительное сходство с черепами из поздних кельтеминарских погребений могильника Тумек-Кичиджик. Черепа с Омской стоянки также весьма близки по морфологии и к тем и к другим (рис. 1). В целом это служит указанием на то, что между неолитическими племенами севера Средней Азии и юга Западной Сибири существовали расогенетические контакты. Причем речь следует вести не об односторонних связях, а о взаимном влиянии, когда благодаря кельтеминарским племенам в антропологическом типе отдельных популяций юга Западной Сибири и Среднего Приуралья возникают особенности, свойственные носителям комплекса признаков средиземноморского облика (Иткуль, Дождевой Камень – отчетливо, Усть-Иша и Омская стоянка – менее отчетливо). А фиксируемая монголоидная примесь у кельтеминарского населения обусловлена проникновением в их состав, опосредованно, через верхнеобские популяции, расовых элементов, изначально связанных в происхождении с древнейшим монголоидным населением Центральной Азии.

Основу неолитического населения Западной Сибири составляет, следовательно, антропологический пласт, генетически связанный с протоевропейским и широко распространенным в мезо-неолитическое время в Северной Евразии, особенно с тем вариантом, который нам известен по материалам из могильника на Южном Оленьем острове в Карелии. В то же время, нельзя исключить небольшого влияния на антропологический тип мезо-неолитического населения Карелии, лесной полосы Восточной Европы, Приуралья и подтаежной полосы Западной Сибири популяций монголоидного облика. Причем, если в Верхнем Приобье это влияние фиксируется вполне отчетливо и может быть связано с группами центральноази-

атского генезиса [Дремов, 1980], то в Западной Сибири и Приуралье их влияние было значительно слабее и осуществлялось оно, видимо, опосредованно, через популяции Верхнего Приобья. В неолитических краниологических материалах с юга Западной Сибири (Сопка, Протока, Омская стоянка, Лебеди), наряду с этим, нашло отражение и смешение местных неолитических групп протоевропейского типа с низколицыми таежными монголоидами, влияние которых улавливается и в антропологических особенностях населения льяловской культуры лесной полосы Восточной Европы [Алексеева, 1977] и мезолитического населения Карелии [Якимов, 1960].

Граница между ареалами европеоидных и монголоидных популяций в мезо-неолитическое время соприкасалась, возможно, с частичным перекрытием, только на юге Западной Сибири, в частности, в Верхнем Приобье. Часть европеоидного населения проникала и далее на восток, о чем свидетельствует европеоидная примесь в составе неолитического населения восточной Сибири [Дебец, 1948; Алексеев, 1961б; Гохман, 1980; Мамонова, 1980]. Но и часть монголоидов расселялась в западном и южном направлениях. В результате контактов между ними, в Верхнем Приобье формируются популяции, в антропологическом составе которых присутствует монголоидный компонент центральноазиатского происхождения (Усть-Иша, Иткуль, Васьково). Именно через подобные группы, вероятнее всего, монголоидные элементы центральноазиатского типа проникают в состав кельтеминарского населения. Контакты с последним, в свою очередь, способствовали проникновению в некоторые западносибирские группы элементов средиземноморского типа. Более отчетливо влияние средиземноморцев прослеживается в Среднем Приуралье, однако, по имеющимся материалам, нет оснований придавать сколько-либо существенного значения контактам между приуральскими и западносибирскими группами.

В целом, между восточноевропейскими и западносибирскими сериями протоевропейского типа наиболее значимые различия на-

блюдаются по линии ослабления на черепах последних степени выступления носовых костей (в среднем на западносибирских черепах первого типа – $22,2^\circ$, второго типа – $20,7^\circ$, мезо-неолита Украины – $31,45^\circ$, мезо-неолита Прибалтики и Карелии – $30,3^\circ$, неолита лесной полосы Восточной Европы – $29,9^\circ$), усиления горизонтальной уплощенности лицевого скелета на уровне орбит (соответственно $142,0^\circ$, $144,5^\circ$, $139,7^\circ$, $140,3^\circ$, 143° ,) и в средней части (соответственно $128,6^\circ$, $137,0^\circ$, $126,1^\circ$, $126,3^\circ$, $129,3^\circ$), а также брахицефализации мозговой коробки (черепной указатель соответственно 75,2, 76,0, 73,4, 74,2, 76,5). Несомненно, это указывает на присутствие монголоидной примеси в составе западносибирского населения, однако параллельно с этим не наблюдается уменьшения высоты переносья ни по дакриальным, ни по симотическим размерам (дакриальный и симотический углы на западносибирских черепах первого типа – $85,5^\circ$, $89,4^\circ$, второго – $87,7^\circ$, $91,0^\circ$, Украины – $81,8^\circ$, $88,0^\circ$, Прибалтики и Карелии – $83,0^\circ$, $88,6^\circ$, Восточной Европы – $89,2^\circ$, $96,8^\circ$). Наиболее отчетливо эта специфика в строении черепов наблюдается на материалах из могильников северной Барабы Сопка 2 и Протока [Полосьмак и др., 1989]. Скорее всего, это связано именно с влиянием населения из внутренних таежных областей Западной Сибири, но мы пока не имеем его краниометрических характеристик, позволяющих судить об его антропологическом типе. Однако на основании косвенных данных морфологическими чертами выступают малая высота умеренно профилированного в горизонтальной плоскости широкого лицевого скелета, слабое выступание носовых костей при средней высоте переносья

В структуре Северной Евразии неолитическое население Западной Сибири является частью протоевропейского типа, но с определенными особенностями генезиса и спецификой физического облика. Поэтому уместно его рассматривать в качестве западносибирского варианта протоевропейского типа, состоящего из двух подвариантов – собственно западносибирского и верхнеобского.

Глава 3. НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Результаты изучения антропологических материалов из неолитических могильников со всей очевидностью свидетельствует о сложном антропологическом составе населения, обитавшего в это время в Северной Евразии. Сравнительный анализ неолитических серий с данными по населению следующей эпохи – бронзового века, поможет рассмотреть природу основных компонентов племен этого исторического периода, характер и направления их расогенетических связей. В целом эпоха бронзы на территории Северной Евразии охватывает время с конца III тыс. до н.э. (примерно XXI-XX вв. до н.э.) по начало I тыс. до н.э. (примерно VIII-VII вв. до н.э.).

§1. Материалы по антропологии популяций эпохи бронзы

Антропологические материалы этого исторического периода происходят из могильников различных археологических культур эпохи бронзы с территории Западной, Южной и Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии, Приуралья, Поволжья, Украины и позволяют составить достаточно полное представление о характере распространения тех или иных антропологических типов на данных территориях, об особенностях физического облика населения, оставившего памятники разнообразных по облику и генезису культур.

С территории Западной Сибири доандроновского времени опубликованы материалы по населению кротовской культуры из могильника Сопка 2 [Дремов, 1990а] и небольшая серия черепов, происходящих из елунинских, самусьских и окуневско-самусьских погребений Верхнего Приобья [Дремов, 1997]. Антропологический тип кротовцев характеризуется заметной примесью монголоидных элементов, а основной европеоидный компонент отличается от андроновского более длинной черепной коробкой и высоким лицом [Дремов, 1990а, с.60-61, 1997, с.66-68]; тип елунинско-самусьско-окуневской выборки (в дальнейшем для краткости обозначаемой как

самусьская выборка) является европеоидным без малейших следов монголоидной примеси. Долихокрания, высокая черепная коробка, резко профилированные лицевой скелет и переносье сближают мужскую часть выборки с носителями комплекса антропологических признаков средиземноморского типа [Дремов, 1997, с.67-68].

Хорошо изучены антропологические особенности населения андроновской культуры в различных областях её ареала. В восточных районах краниологические материалы происходят преимущественно из могильников федоровского типа. Это серия из могильников Минусинской котловины, в которую включены черепа изученные Г.Ф.Дебецем [1948], В.П.Алексеевым [1961б], Г.В.Рыкушиной [1976], В.А.Дремовым [1997], суммарно опубликованы В.А.Дремовым [1990а]; сборная серия с территории Верхнего Приобья [Дремов, 1990а]; сборная серия из могильников Северного, Центрального и Восточного Казахстана [Алексеев, 1967], суммированная по индивидуальным данным В.А.Дремовым [1990а]; сборная серия из федоровских могильников Казахстана [Дремов, 1997, табл. 15, с. 79-80]. Андроновские могильники алакульского типа сосредоточены преимущественно в западных областях ареала культуры, но встречаются и в Западной Сибири. В основном из алакульских погребений происходят черепа из могильника Ермак 4 в Омском Прииртышье [Сотникова, 1988, с.77-78], описанные В.А.Дремовым [1997, табл. 16-17, с.82-85]; в сборной серии из Западного Казахстана сосредоточены также черепа из алакульских и алакульско-федоровских (кожумбердинских) могильников [Гинзбург, 1962; Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, 1967]; сборная серия из алакульских могильников Казахстана изучена В.А.Дремовым [1997, табл. 15, с. 79-80]. Современное состояние источниковой базы по антропологии населения андроновской культуры позволяет говорить, что между популяциями федоровцев и алакульцев существовали реальные различия [Дремов, 1997, с.81]. Если тип федоровских групп в полной мере соответствует определению Г.Ф.Дебеца для андроновского варианта

протоевропейского антропологического типа [1948, с.70-71] — широкое низкое лицо, мезо-брахикранная форма средневысокого черепа, то алакульские черепа отличаются бóльшей высотой черепной коробки, долихокранией, лептоморфным строением лицевого скелета, резкой горизонтальной профилированностью лица. Эти особенности свидетельствуют о средиземноморском компоненте в составе алакульских популяций, что заметно сближает их с населением срубной культуры Нижнего Поволжья [Гинзбург, 1962; Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, 1967; Дремов, 1997].

К особому черноозерско-томскому варианту андроновской культурной общности относятся черепа из погребений могильника Еловка 2 и Черноозерье 1 [Дремов, 1990а]. Еловская серия отличается от андроновских заметной примесью монголоидного компонента, генетически связываемого с низколицым монголоидным населением таежных районов Западной Сибири, а европеоидный компонент в значительной мере восходит к доандроновскому населению Томского Приобья и напоминает черепа афанасьевской культуры Южной Сибири и ямной Нижнего Поволжья [Дремов, 1990а, с. 59-61, 1997, с.98-121]. Серия из могильника Черноозерье 1 также неоднородна и имеет в своем составе ощутимый монголоидный компонент. В целом обе выборки обнаруживают генетическую связь не только между собой, но и с доандроновским населением кротовской культуры [Дремов, 1990а, с. 60, 1997, с.119-121].

К кругу культур андроновской общности относятся черепа из погребений еловской и черкаскульской культур. Серия еловских черепов [Дремов, 1990а] европеоидного облика, но небольшая примесь монголоидных элементов прослеживается, в силу чего серия морфологически нейтральна, обнаруживает сходство как с северными, так и с южными андроновскими группами, что, видимо, отражает процесс смешения между ними [Дремов, 1990а, с. 61, 1997, с. 137-142]. В черкаскульскую серию включены суммированные В.А.Дремовым [1997, табл. 39, с. 153-154] небольшие выборки чере-

пов из могильников Тартышевского 1 [Акимова, 1968], Красногорского [Шевченко, 1980], Такталачук [Рудь, 1981] и Березки 5г [Дремов, 1997], в составе которой также прослеживается монголоидная примесь, в силу чего серия в целом занимает промежуточное положение между андроновскими и подтаежными группами [Дремов, 1997, с. 157]. Отмечено, что черкаскульские черепа близки по морфологии карасукским и ирменским, что, по мнению исследователей, свидетельствует о генетическом единстве большого пласта населения, оставившего памятники черкаскульской, ирменской и карасукской культур поздней бронзы [Шевченко, 1980, с. 178-191; Рудь, 1981, с. 92; Дремов, 1990а, 1997].

Эпоха поздней бронзы Западной Сибири представлена довольно обширными краниологическими материалами из могильников ирменской культуры. Это серии черепов из Барабы (Преображенка 3) [Молодин, Чикишева, 1988], Кузнецкой котловины (Журавлево) [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993], сборные серии из могильников Верхнего [Дремов, 1997, табл. 27] и Томского Приобья [Дремов, 1997, табл. 30]. Серии ирменских черепов европеоидные, но прослеживается и небольшая монголоидная примесь. Антропологический состав ирменского населения сложен, чем определяется довольно обширный круг его расогенетических связей. Выявлено антропологическое сходство ирменских популяций и с населением доандроновского времени, и собственно андроновским (федоровским), а также с населением окуневской, карасукской и черкаскульской культур [Молодин, Чикишева, 1988; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Дремов, 1990а, 1997].

Из Восточной Сибири известны данные по краниологии населения глазковского времени (ранняя бронза) Прибайкалья (с Ангары и Лены) [Мамонова, 1973], характеризующегося достаточно отчетливо выраженными монголоидными особенностями, складывающимися в комплекс, прослеживаемый в составе монголоидных популяций центральноазиатского типа с элементами байкальского

[Мамонова, 1973, с.26-28]. Еще резче монголоидные черты фиксируются на черепах поздней бронзы из плиточных могил Забайкалья, отнесенных к байкальскому типу североазиатской расы, уже сформировавшемуся в неолите, а генетическое родство и в значительной мере общность происхождения населения, представленного памятниками неолита и поздней бронзы, не вызывает сомнений [Гохман, 1980, с.22-23].

Территориальные группы населения афанасьевской культуры представлены сериями черепов из Минусинской котловины [Алексеев, 1961б], Горного Алтая [Дремов, 1997] и Алтая [Алексеев, 1961б]. В целом для него характерен ярко выраженный европеоидный тип (сочетание долихокранной массивной черепной коробки с широким и невысоким лицом), во многом аналогичный типу населения ямной культуры Поволжья и Украины, [Дебец, 1948, с.64-67; Алексеев, Гохман, 1984а, с.35].

Для населения более южных районов Минусинской котловины, оставившего памятники окуневской культуры, свойственен иной антропологический тип, особенностями которого являются брахикrania и заметная примесь монголоидных элементов [Алексеев, 1961а, с.127-129; Дебец, 1980, с.7-8]. Из погребений окуневской культуры исследован значительный материал, сгруппированный в 4 серии — из могильников долины р.Уйбат, могильников Верхний Аскиз 1, Черновая, сборная группа тас-хазинского типа [Громов, 1997]. Их краниологический анализ позволил сделать вывод о том, что население окуневской культуры есть результат смешения групп разного происхождения. Это местное население (типа Усть-Иши и Иткуля), родственное монголоидным неолитическими группами Прибайкалья и европеоидные популяции, часть которых, видимо, южного происхождения (кельтеминарцы), часть — западного (ямники и ямно-катакомбники Калмыкии) [Громов, 1997, с.308-316].

Население карасукской культуры представлено сборной серией из Хакасско-Минусинской котловины [Рыкушина, 1980, 2007]. Хо-

тя между группами из южных и северных областей ареала карасукских памятников и прослеживаются некоторые различия, в целом несомненна принадлежность их к одному антропологическому типу [Рыкушина, 1976, 1980, 2007; Громов, 1996]. Карасукская серия характеризуется европеоидностью, но с уплощенным в горизонтальной плоскости широким лицевым скелетом [Рыкушина, 1980, с.48-50]. Некоторые аналогии брахикранному европеоидному типу карасукцев прослеживаются в Средней Азии среди брахикранных европеоидных групп, объединяемых под названием памиро-ферганской расы или расы Среднеазиатского междуречья [Алексеев, 1961б; Алексеев, Гохман, 1984а]. Не отрицается генетическая связь между населением карасукской культуры и популяциями окуневской и андроновской (федоровского варианта) культур [Дебец, 1948; Алексеев, 1961б; Рыкушина, 1976, 1980; Громов, 1996, 1997].

В качестве сравнительных привлечены также краниологические данные, отражающие физические особенности европеоидного населения эпохи бронзы Нижнего Поволжья и Украины, в генезисе которого участвовали протоевропейские и средиземноморские компоненты. Это материалы из погребений ямной (Калмыкия, Астраханское правобережье [Шевченко, 1986] и степное Приднепровье [Круц, 1984]), катакомбной (Калмыкия [Шевченко, 1986] и степное Приднепровье [Круц, 1984]) культур, культуры многоваликовой керамики [Круц, 1984] и срубной (Калмыкия [Шевченко, 1986], степное Приднепровье [Круц, 1984]).

С территории севера Средней Азии привлечена серия черепов из могильника тазабагьябской культуры эпохи бронзы Кокча 3, расположенного в Южном Приаралье [Виноградов, Итина, Яблонский, 1986], в составе которой нашло отражение смешение между представителями комплекса антропологических признаков средиземноморского типа и срубно-андроновскими (алакульскими) племенами [Трофимова, 1961; Виноградов, Итина, Яблонский, 1986].

§2. Некоторые проблемы формирования населения бронзового века

Сопоставление серий эпохи неолита с группами бронзового века свидетельствует, что неолитические группы 1 типа (собственно западносибирского) обнаруживают наименьшие морфологические различия, из всей совокупности привлеченных для сравнения групп эпохи бронзы, с кротовской серией доандроновской бронзы и с черепами из погребений черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности (Еловка 2 и Черноозерье 1). В составе данных групп, как неолитических [Зах, Багашев, 1998], так и эпохи бронзы [Дремов, 1997], отмечено присутствие примеси монголоидных элементов, причем данный монголоидный компонент морфологически однотипный – невысокий череп, среднеширокое низкое лицо, малый угол выступания носовых костей при средней высоте переносья, о чем свидетельствуют краниометрические характеристики серии монголоидных черепов из могильника Еловка 2 [Дремов, 1997]. Объединяющим моментом выступает и морфологическое сходство между европеоидными основами данной совокупности серий. В.А.Дремовым отмечено, что европеоидный компонент в кротовской, еловской и черноозерской сериях неоднороден. Один из них – преобладающий, может быть связан с андроновским (федоровским) населением, другой характеризуется особенностями, несколько отличающимися его от типа федоровских черепов – более удлиненная форма мозговой коробки, более высокий, но менее широкий лицевой скелет, что указывает на связь в его происхождении с западными областями, в частности алакульскими племенами и более ранним населением ямной культуры [Дремов, 1990а, 1997]. Видимо поэтому некоторые неолитические группы обнаруживают небольшие морфологические различия не только с выборками из могильников доандроновского периода, но также с сериями андроновского времени и отдельными выборками из поздних бронзовых (ирменских) могильников.

Европеоидная основа неолитических групп 2 типа (верхнеобского) также выступает в качестве фактора, морфологически сближающего данные неолитические серии (особенно из могильника Иткуль) с серией кротовских черепов и группами черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности. Но монголоидная примесь в составе неолитических серий 2 типа иного генезиса, нежели в группах 1 типа, да и удельный вес ее заметно выше, поэтому морфологически они обнаруживают тяготение не только к неолитическим восточносибирским популяциям серовского времени, но и к сериям из могильников глазковского периода, естественно, расхождения возрастают с европеоидными выборками эпохи бронзы Западной Сибири.

Характер общей изменчивости серий эпохи бронзы, проанализированный с помощью многомерной статистики, говорит, что наибольшие значения по 1 каноническому вектору приходятся на серии, в которых преобладают черепа с более брахикранной формой невысокой мозговой коробки, с более широким уплощенным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом, невысоким переносьем и слабым выступанием носовых костей, наименьшие, соответственно, наоборот, на серии долихокранных черепов с более высокой мозговой коробкой, более узким и хорошо профилированным по горизонтали лицом, высоким переносьем и сильным выступанием носовых костей. Первый морфологический комплекс указывает на монголоидную примесь и характерен для восточносибирских групп эпохи бронзы и для верхнеобского неолитического варианта. В заметно меньшей пропорции примесь монголоидных элементов фиксируется в составе групп черноозерско-томского варианта андроновской общности, окуневской, карасукской, черкаскульской и ирменской культур. Второй свойственен сериям черепов из погребений катакомбной и срубной культур Украины и Поволжья. Из западносибирских выборок подобное строение может быть отмечено на черепах

из елунинских и самусьских погребений доандроновской бронзы, а также характерно для афанасьевских выборок (рис. 2).

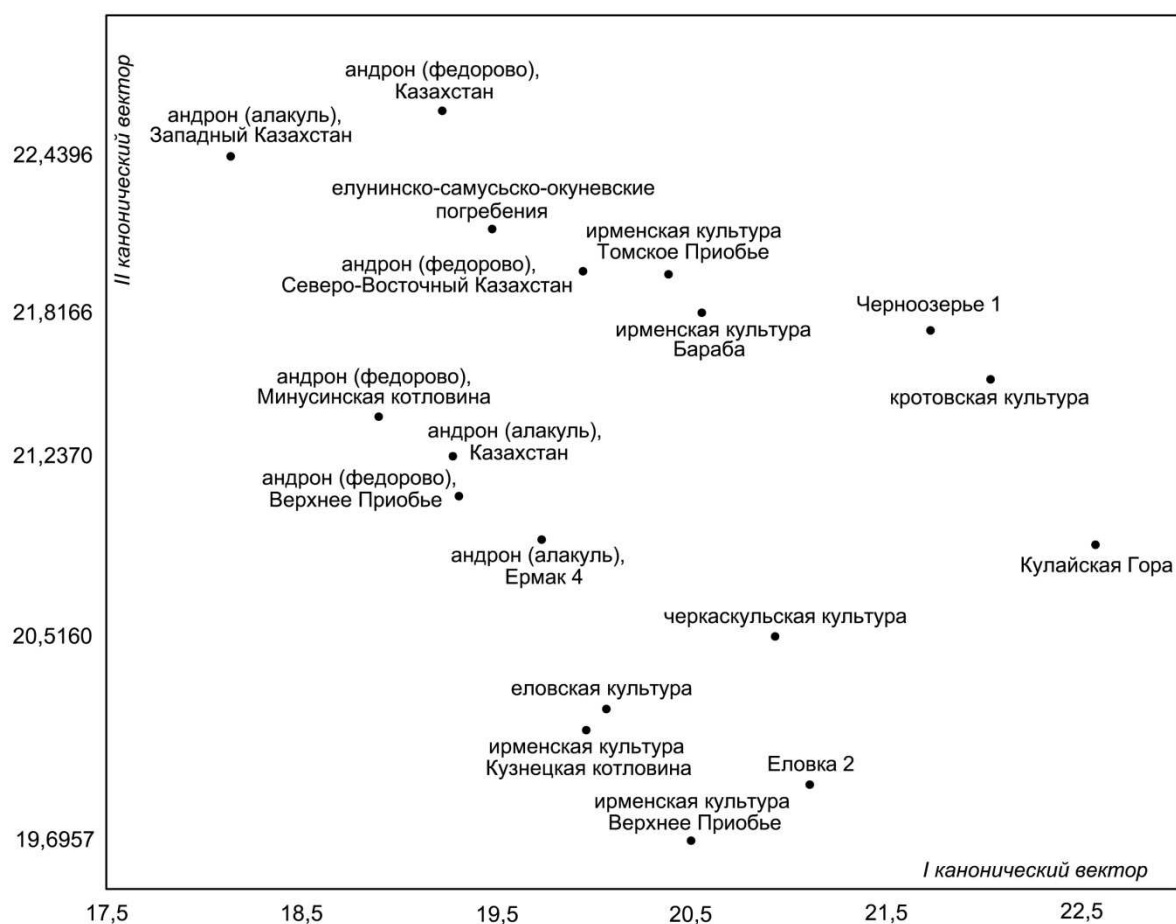

Рис. 2. Расположение мужских серий (эпоха бронзы)

в корреляционном поле 1 и 2 канонических векторов

По 2 каноническому вектору группы дифференцируются по высоте орбит и лица, а также форме черепа и степени уплощенности лицевого скелета. Расположение анализируемых групп в корреляционном поле 1 и 2 канонических векторов демонстрирует особенности их дифференциации. Особо следует обратить внимание на значительное морфологическое сходство между неолитическими группами, особенно объединенных в собственно западносибирский

вариант, с кротовской серией, что указывает на преемственность антропологического типа неолитического и части доандроновского населения Западной Сибири.

Второе немаловажное наблюдение касается особенностей антропологического типа андроновских (федоровских и алакульских) популяций. Характерный для них морфотип вряд ли может иметь корни в неолитических популяциях юга Западной Сибири. Некоторое сходство обусловлено, скорее всего, наличием в их составе общего древнего палеоевропеоидного субстрата.

Сказанное выше подтверждается результатами кластеризации. Все выборки объединились в три больших кластера: восточно-сибирские монголоидного облика; все западносибирские (кроме самусьской), включая серии черепов из погребений федоровской и ямной культур; катакомбные, срубные и афанасьевские выборки. Во второй совокупности федоровские и ямные черепа, а также неолитические, кротовские и из могильника Черноозерье 1, образовали свои кластеры.

Морфологический тип ирменских и черкаскульских популяций занимает промежуточное положение между типом неолитических черепов, кротовских, из могильников Еловка 2 и Черноозерье 1, с одной стороны, и типом андроновских (федоровских) серий, с другой. Данное наблюдение может служить указанием на то, что облик ирменских черепов во многом сформировался в результате смешения между ними.

Глава 4. НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В начале I тысячелетия до новой эры население евразийских степей начинает использовать железо при изготовлении орудий труда и оружия, параллельно происходит и становление подвижного скотоводческого хозяйства, при котором бóльшая часть населения вовлекается в периодические перекочевки. В степном поясе повсеместно формируются новые культуры, ознаменовавшие начало новой исторической эпохи — раннего железного века, или эпохи ранних кочевников, которая охватывает время приблизительно с VII-VI веков до н.э. по IV-V века нашей эры.

Новые культуры, при своеобразии каждой, образуют определенное единство, во многом обусловленное сходной средой обитания, близким уровнем социально-экономического развития, высокой мобильностью населения и рядом других факторов. Это сходство между культурами маркируется в исторической науке понятием «скифо-сибирский мир» («скифо-сибирское единство», «скифо-сибирская общность»). В I тысячелетии до н.э. возникают крупные племенные объединения, культурное и политическое влияние которых сказывается даже на самых отдаленных соседях. Не остались в стороне от этих крупных исторических явлений и племена, населявшие степные пространства Северной Евразии.

Зауральско-западносибирская лесостепь представляет собой почти идеальную равнину и простирается от восточных склонов Урала до междуречья Иртыша и Оби, включая среднее течение р.Оми, примерно на 1500 км и до 400 км с севера на юг. Географические особенности — удаленность от океанов, открытость для холодного арктического воздуха, Уральские и Алтайские горы на периферии — определяют континентальность климата. Растительный покров отличается ярко выраженной географической зональностью

и мозаичностью растительных сообществ — лесов, болот, лугов и степей. Флора исторически связана со среднеазиатскими, а не со среднеевропейскими видами, чему способствовали Уральские горы [Советский Союз, 1971, с.26-27; Корякова, Сергеев, 1986, с.90-92].

Переход западносибирских лесостепных племен к новым формам хозяйства во многом связан с изменением природно-климатических условий и оптимальным приспособлением к ним. Позднесуббореальное похолодание сопровождалось увеличением влажности [Шнитников, 1957; Хотинский, 1977; Косарев, 1984], что создавало благоприятные условия для скотоводства. Возможности для занятия земледелием были ограничены по причине засух, поздних заморозков весной и ранних осенью. На рубеж II и I тысячелетий до н.э. приходится и резкое усиление (скачок) в заболачивании западносибирской тайги [Львов, 1979, с.18].

Как и в евразийских степях, экономические новации ведут к распаду родовых отношений и возникновению новых социальных структур. Скот становится одной из форм накопления богатства, что усиливает имущественную и социальную дифференциацию. Благодаря своей мобильности скот превращается в легко отчуждаемое богатство. К началу железного века формируются оптимальные виды и типы вооружения, что вместе с кочеванием обеспечивает преимущество в охране своего и угоне чужого скота [Клейн, 1980, с. 33].

Спецификой исторического развития лесостепного населения Западной Сибири является более длительное, по сравнению с западными и южными областями, господство бронзовых орудий труда и оружия, обусловленное наличием сырьевой базы с налаженной добычей руды для выплавки бронзы, а в связи с удаленностью от древних цивилизаций весьма живучими оказываются традиции производства бронзовых изделий. Отставало по времени и становление подвижного скотоводства, которое повсеместно распространяется в лесостепи лишь к V в. до н.э. [Корякова, 1988, с. 147-148].

§1. Материалы по антропологии популяций Западной Сибири

Могильники раннего железного века в лесостепной полосе концентрируются в бассейнах основных рек, пересекающих ее в меридиональном направлении — Тобола, Ишима, Иртыша, образуя естественно сложившиеся микрорайоны, в пределах которых выявляются некоторые особенности в погребальной обрядности и датировках памятников. Выделены основные географические территории: Притоболье (включая лесостепное Зауралье), Приишимье, Прииртышье, Бараба, северное Новосибирское Приобье.

По мнению основных исследователей древностей лесостепи — В.А.Могильникова, Л.Н.Коряковой, Н.П.Матвеевой, Л.И.Погодина, Н.В.Полосьмак и других, этногенетические процессы на юге Западносибирской равнины в эпоху раннего железа определялись историческим развитием большой группы племен, обитавших в этих местах почти тысячу лет и оставивших многочисленные свидетельства в виде археологических объектов, объединяемых понятием саргатская культура. Племена саргатской культуры, территория обитания которых являлась северной периферией ареала степных кочевников «скифо-сибирского мира», не стояли в стороне от крупных исторических событий, их развитие в основных тенденциях определялось сходными закономерностями. Несмотря на это саргатская культура весьма своеобразна, в ней отмечен ряд специфических черт, особенности истории во многом детерминированы местными условиями и внутренней логикой развития. С V-начала IV вв. до н.э. по II-III вв. н.э. саргатская культура функционировала как самостоятельная система и характеризуется относительно монолитной территорией и непрерывностью развития.

Периодизация культур саргатской общности разработана подробно, хронологические рамки этапов ее развития являются почти моделью для остальных культур западносибирской лесостепи, население которых находилось в сфере влияния саргатских племен.

Датировки и выделение небольших по времени периодов в истории саргатской культуры небесспорны, но в выделении основных этапов исследователи единодушны (за исключением нижней и верхней границ) [см.: Могильников, 1992; Корякова, 1988, 1997; Матвеева, 1993б, 1994; Полосьмак, 1987]. В каждом из регионов отмечены некоторые особенности в хронологии этапов саргатской и других культур, речь о которых пойдет в соответствующих разделах.

I этап, раннесаргатский, V-III вв. до н.э., формирование культуры;

II этап, саргатский, II в. до н.э.- II в. н.э., стабилизация, расцвет, максимальное единообразие культуры;

III этап, позднесаргатский, III-начало V в. н.э., дезинтеграция культуры, распад на локальные образования.

Эта схема укрупнена по хронологическим отрезкам, но для целей антропологического исследования является оптимальной, ибо краниологический материал пока еще не настолько велик, чтобы его можно было бы разбить по непродолжительным периодам на более или менее репрезентативные выборки, да и сама датировка погребений, основанная на аналогиях, часто определяется в довольно широких пределах.

Из лесостепного Зауралья и Притоболья краниологические находки происходят из погребений гороховской и саргатской культур. Ареал памятников гороховской культуры охватывает верхнюю и среднюю Исеть, средний Тобол. Их появление на этой территории датируется V-началом IV в. до н.э. и не фиксируется позже II-I вв. н.э. [Сальников, 1947, 1966; Стоянов, 1973]. Исследовано около 50 гороховских погребений, но большинство их разграблено и палеоантропологический материал скуден [Багашев, 1996]. Выборка неоднородна, в ее составе может быть отмечено два европеоидных комплекса антропологических признаков:

1) мезо-брахикранный средневысокий череп с широким, невысоким лицом, лептоморфным носом, хорошо профилированным в

горизонтальной плоскости переносьем и лицом в подносовой части, но уплощенным на уровне орбит, большим углом выступания носа. На черепах этого типа наблюдается примесь монголоидного компонента, для которого характерны брахикrania, большая высота мозговой коробки и крупное лицо;

2) мезо-долихокранный средневысокий череп с узким, высоким лицом и носом, резко профилированными по горизонтали переносьем и лицом, сильным выступанием носовых костей.

Из курганов саргатской культуры в Притоболье и Присетье исследована выборка из 12 могильников. Интересно отметить некоторые морфологические различия между мужскими и женскими черепами, в частности, если в составе женской выборки отчетливо улавливается монголоидная примесь, то на мужских черепах она не прослеживается. Монголоидный компонент, наблюдаемый в составе женской части серии, также неоднороден, что отчетливо прослеживается на индивидуальном уровне. В основном он фиксируется в двух комбинациях признаков: монголоидные особенности в сочетании с массивностью черепа (брахикrania, высокоголовость, широкое и высокое лицо, мало-средневыступающие переносье и носовые кости и монголоидные черты в комплексе с грацильным строением черепа (мезо-долихокрания, очень низкий череп и лицо при средней их ширине, слабое выступание носовых костей при средней высоте переносья, равномерно уплощенное в горизонтали лицо, а также ряд промежуточных между крайними вариантами форм.

В составе среднеисетской выборки, таким образом, выделяются три основные морфологические комбинации признаков:

1) европеоидная - в сочетании с брахикранным средневысоким черепом, с широким и низким лицом, которое в горизонтальной плоскости профилировано дисгармонично (резко на уровне зигмаксиллярных точек, слабо на уровне орбит), является основной в мужской группе и сопоставима с европеоидным широколицым компонентом

гороховской серии. Наряду с этим отмечается незначительное присутствие долихокранного узколицего европеоидного комплекса;

2) монголоидная - в сочетании с крупными размерами брахикранного черепа, широким и высоким лицом, сопоставима с подобной же в составе гороховской выборки;

3) монголоидная - в сочетании с грацильным строением долихокранного низкого черепа со среднешироким и низким лицом.

Из курганов на Нижней Исети происходят фрагментарные палеоантропологические находки, погребения датируются в широких пределах (IV в. до н.э. — II в. н.э.), но преимущественно в рамках саргатского этапа. Особенности морфологии нижеисетских черепов во многом сходны со строением среднеисетских, особенно мужских черепов, где основным компонентом является европеоидная комбинация в сочетании с мезо-брахикранным средневысоким черепом, широким и низким лицом.

Территориальная близость, однокультурность и относительная синхронность, отсутствие четких морфологических различий между черепами из саргатских погребений на Средней и Нижней Исети, совпадающий характер специфики тех и других не выступают препятствием при объединении их в одну серию — исетскую. При этом следует отметить, что морфологические особенности мужских и женских черепов в основном сохраняются. Принципиально не различаясь по размерам и пропорциям, для женских черепов свойственно относительно более высокое лицо, нос и орбиты, наличие устойчивой тенденции к альвеолярному прогнатизму, менее высокое переносье и меньший угол выступания носовых костей, более уплощенное по горизонтали в средней части лицо. Поэтому, если на мужских черепах прослеживается весьма незначительная примесь монголоидных элементов, то по морфологическим особенностям женской части группы эта примесь фиксируется более отчетливо.

Савиновские и Тютринские курганы Среднего Тобола хронологически вписываются в рамки саргатского этапа, хотя погребения из

этих могильников разновременны. Так в Савиновском могильнике часть погребений датируется II-I вв. до н.э. , другая группа датируется I-II вв. н.э. [Матвеев, Матвеева, 1991а, с. 48-49; Матвеева, 1993б]. В Тютринском могильнике погребения в курганах 6-10 датируются III-II вв. до н.э., в курганах 1-5 — I-III вв. н.э. [Матвеев, Матвеева, 1991б, с. 131-138; Матвеева, 1993б, с. 50, 154-155]. По археологическим данным хронологические группы погребений типологически практически не различаются и, видимо, оставлены одним и тем же населением [Матвеева, 1985, с.77]. Обе группы курганов расположены в 1,5 км друг от друга.

Для мужских черепов из Савиновских курганов характерна мезо-брахикранная форма с большой высотой мозговой коробки, по пропорциям они орто-гипсикранные. Лицо широкое, средневысокое, уплощенное по горизонтали на обоих уровнях, в вертикальной плоскости — ортогнатное. Переносье средней высоты по симотическим размерам и большой - по дакриальным, довольно профилированное при слабом выступании носовых костей. Черепа из Тютринских курганов сходны с савиновскими по абсолютным размерам и пропорциям. Женские черепа из обоих могильников, судя даже по имеющимся неполным данным, также почти не различаются и в целом того же морфологического облика, что и мужские.

Особенностью строения черепов из Савиновских и Тютринских курганов является сочетание выступающего и профилированного в горизонтальной плоскости переносья с относительно более уплощенным лицом и меньшим выступанием носовых костей. Это свидетельствует о присутствии монголоидного компонента, более ощутимого в мужской части серии, особенно из Тютринского могильника, для которого характерно крупное уплощенное лицо и слабое выступание носовых костей, крупный брахикранный высокий череп.

Другой морфологический комплекс, четче прослеживаемый в женской и слабее фиксируемый в мужской группах, характеризуется хорошо профилированным широким, средневысоким лицом, высту-

пающими носовыми костями и переносом, мезо-брахикранной средневысокой мозговой коробкой.

В целом можно отметить две основные морфологические комбинации признаков на черепках из Савиного и Тютрино:

- 1) европеоидный комплекс с широким невысоким лицом, средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой;
- 2) монголоидный комплекс с крупными размерами брахикранного черепа и лица. Его удельный вес выше всего в составе мужской выборки из Тютрино.

Несмотря на некоторые особенности антропологического типа людей, погребенных в Савиновских и Тютринских курганах (обусловленные во многом малочисленностью палеоантропологических находок), морфологическое сходство между ними, особенно в характерных сочетаниях важнейших признаков, служит веским аргументом для суждения о тесной генетической связи между ними. Помимо этого, территориальная близость обеих курганных групп, синхронность в совершении большей части захоронений, сходство в погребальной обрядности и сопровождающем погребения инвентаре [Матвеева, 1985, 1993б; Матвеев, Матвеева, 1991а, 1991б] позволяют с достаточной долей уверенности говорить, что Савиновские и Тютринские курганы оставлены близкородственными группами саргатского населения и представляют, скорее всего, один могильник. Поэтому есть основания для объединения палеоантропологических находок в одну серию — среднетобольскую, которую можно рассматривать в качестве палеопопуляции.

Мысовский и Ипкульский могильники Нижнего Притоболья являются пока самыми северными в ареале саргатских памятников. Из погребений этих могильников получены фрагментарные палеоантропологические находки, которые датируются относительно других саргатских могильников Притоболья более поздним временем: Мысовской — I в. до н.э.-II в. н.э. [Буслова, Зах, Дрябина, Матвеев,

1989,], Ипкульский — III-V вв. н.э. [Корякова, Морозов, Суханова, 1988].

Несмотря на малочисленность краниометрических наблюдений видно, что черепа из обоих могильников морфологически не являются однотипными. Так, на мужском черепе из Мысовского могильника монголоидное строение лицевого скелета сочетается с крупными размерами лица, широким лбом, но малой высотой мозговой коробки. А вот на женском черепе из этого же могильника наблюдается комплекс признаков, который складывается в европеоидную комбинацию в сочетании с высоким сводом, высоким среднешироким лицом.

На черепках из Ипкульского могильника также фиксируются как европеоидные, так и монголоидные комбинации признаков, в последнем случае сочетающиеся с низким черепом, низким и среднешироким лицом.

В составе мужской части серии удельный вес монголоидного компонента наибольший по сравнению с другими саргатскими группами Притоболья, в составе женской серии он примерно такого же уровня, как и в других женских группах. Поэтому женские черепа Нижнего Тобола морфологически мало отличаются от женских саргатских выборок Приисетья и Среднего Тобола.

Как и в других саргатских выборках Притоболья, по палеоантропологическим материалам Нижнего Тобола наблюдается несколько морфологических комбинаций, в частности, европеоидная, в двух вариантах (с высоким черепом, высоким нешироким лицом; со средневысоким черепом, широким и низким лицом) и монголоидная, также в двух вариантах (с крупным высоким черепом, широким и высоким лицом; с низким черепом, среднешироким и низким лицом).

Анализ характера индивидуальной изменчивости в тоболисетской группе показал реальность существования в ее составе вполне определенных морфологических комплексов. Во-первых, выделились черепа гармоничного монголоидного облика с высокой

мозговой коробкой, широким высоким плоским по горизонтали лицом, невысоким переносьем и слабым выступанием носовых костей. Для получения краниометрических данных, максимально рельефно характеризующих это скопление, суммированы измерения трех черепов, наиболее полно отражающие этот морфотип. Подобная процедура проведена и для получения средних показателей других скоплений, речь о которых пойдет ниже. Во-вторых, черепа также монголоидного облика, но с малой высотой свода, низким и среднешироким лицом. В-третьих, черепа европеоидного облика, для которых характерны средняя высота, высокое переносье и большой угол выступления носа, широкое, невысокое лицо, несколько сильнее уплощенное на уровне орбит, чем в средней части, но в целом довольно профилированное. В-четвертых, европеоидные черепа, для которых свойственны большая высота свода, лица и носа, при более или менее узком лице и общей тенденции к долихокрании.

Имеющиеся краниологические материалы из гороховских и саргатских погребений Притоболья не позволяют говорить о специфике либо тех, либо других. Территориальные закономерности индивидуальной изменчивости в силу этих же причин прослеживаются недостаточно определенно. Все же среди гороховских черепов не встречается грацильных монголоидных форм, но они явно преобладают в среднеисетской группе, тогда как в среднетобольской выборке наибольший удельный вес составляют черепа массивного монголоидного типа.

Анализ палеоантропологических данных на межгрупповом уровне, в совокупность которых добавлены средние арифметические характеристики выделенных четырех морфотипов, говорит о правомерности подобной группировки и указывает на удельный вес тех или иных морфологических комплексов в антропологическом составе территориальных выборок.

Антропологическую основу населения гороховской археологической культуры составляет низколицый европеоидный компонент,

в качестве механической примеси фиксируется и высоколицый европеоидный. В генезисе гороховского населения монголоиды сыграли, судя по имеющимся материалам, весьма незначительную роль. Структура саргатского населения Притоболья сложнее. В его формировании влияние высоколицего европеоидного компонента прослеживается слабо, причем если и фиксируется, то преимущественно в виде небольшой примеси на биологическом уровне, в основном наблюдается сочетание низколицего европеоидного компонента и в различных пропорциях двух монголоидных вариантов. Обращает внимание, что удельный вес морфологических компонентов варьирует в составе мужской и женской частей населения в различных географических районах Притоболья. Например, если в составе мужчин Средней Исети четче прослеживается низколицый европеоидный компонент, то в составе женщин — низколицый монголоидный; на Нижней Исети, наоборот; мужская группа Среднего Тобола сближается с высоколицыми монголоидными вариантами, а женская с европеоидными выборками из Приисетья.

Подобная ситуация может быть обусловлена тем, что в анализируемых палеоантропологических материалах нашел отражение тот момент образования популяций, когда смешение разнородных в антропологическом отношении элементов еще не привело к нивелировке специфики каждого из них. В пользу такого суждения свидетельствует и нейтральность морфологического типа женских черепов из погребений Нижнего Тобола, хронологически самых поздних (III – V вв. н.э.).

Из лесостепного Приишимья краниологические находки происходят из погребений саргатской и кашинской культур.

Ареал памятников саргатской культуры охватывает преимущественно лесостепную полосу в пределах Среднего и Нижнего Ишима. Их появление на этой территории датируется около V в. до н.э., а исчезают они в долине Ишима к IV в. н.э. [Генинг, Голдина, 1969; Генинг, Корякова, 1984; Корякова, 1988; Могильников, 1992; Мат-

веева, 1994]. Палеоантропологический материал происходит из погребений могильников Фоминцево, Абатский 1 и 3, Кокуй 3, Вавилон, Лихачево, Ир, Равнец, Кош-Карагай 2, которые в целом датируются в широких пределах V в. до н.э. – IV в. н.э. Однако подавляющая часть исследуемых палеоантропологических находок происходит из погребений II в. до н.э. – III в. н.э., т.е. среднего, собственно саргатского этапа эволюции культуры. Краниологические материалы сгруппированы в три серии по могильникам (Фоминцево, Абатский 1, Абатский 3) и в одну сборную.

Фоминцевский могильник. Погребения могильника датируются II в. до н.э. – II в. н.э. [Генинг, Голдина, 1969], хронологически и типологически близки остальным саргатским погребениям Приишимья.

Для мужских и женских черепов характерна мезокранная форма, большие величины продольного и поперечного диаметров сочетаются с большой высотой свода. Лицо довольно широкое, средневысокое, хорошо профилированное. В строении переносья наблюдается сочетание средней его ширины с большой высотой, поэтому в горизонтальной плоскости переносье выглядит весьма профилированным, угол выступания носовых костей большой.

В плане индивидуальной диагностики мужские и женские черепа различаются слабо и их характеристики в целом соответствуют групповой, но серию трудно признать гомогенной. В составе фоминцевской выборки могут быть отмечены в примерно паритетной пропорции два европеоидных комплекса антропологических признаков:

- 1) мезо-брахикранный средневысокий череп с широким невысоким хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом, выступающим переносьем и большим углом выступания носа;
- 2) мезо-долихокранный высокий череп со среднешироким высоким лицом и носом, профилированными по горизонтали переносьем и лицом, сильным выступанием носовых костей.

Нельзя исключить и примеси в данной серии различающихся в морфологическом отношении монголоидных компонентов, весьма незначительного в составе мужской части группы (высокий череп, крупное уплощенное лицо, широкий лоб) и более заметного в составе женской части выборки (низкий череп, среднеширокое и низкое лицо, узкий лоб).

Абатский 1 могильник. Исследовано 5 курганов этого могильника, погребения из курганов 1, 2 и 4 датируются относительно других более ранним временем — I в. до н.э.- I в. н.э, погребения из курганов 3 и 5 — I-II вв. н.э. [Мошкова, Генинг, 1972; Матвеева, 1993а, 1994], но в целом хронологически обе группы вписываются в рамки саргатского этапа.

Черепы из этого могильника мало отличаются по морфологии от черепов из Фоминцевского могильника. В выборке из Абатского 1 могильника преобладают черепы европеоидного облика. Однако европеоидные черты складываются в несколько различные комбинации. Так, например, на отдельных черепах европеоидное строение лицевого скелета и переносья в комплексе с большим углом выступления носа сочетается, в одних случаях, с небольшой высотой мозговой коробки, невысоким лицом при значительной его ширине, а в других — с большой высотой свода, высоким нешироким, или даже узким лицом.

Черепов монголоидного облика среди абатской 1 группы не наблюдается, но примесь монголоидного компонента хорошо фиксируется. Присутствие монголоидных черт выражается в усилении горизонтальной уплощенности переносья и лицевого скелета на обоих уровнях, но угол выступления носа с данным комплексом корреляционно не связан. В целом антропологический тип ранних и поздних черепов из Абатского 1 могильника весьма сходен, поздние черепы лишь по абсолютным размерам крупнее и имеют более профилированное по горизонтали переносье. В целом отмечается

две основные комбинации признаков в строении черепов из Абатского 1 могильника:

- 1) европеоидный комплекс с широким невысоким лицом, средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой;
- 2) европеоидный комплекс со среднешироким или узким высоким лицом, высокой мезо-долихокранной мозговой коробкой.

Можно отметить наличие небольшой монголоидной примеси на черепах обоих типов, что выражается в усилении горизонтальной уплощенности лица и переносья, но не затрагивает степени выступления носовых костей.

Несмотря на некоторые особенности физического типа людей, погребенных в Абатском 1 могильнике в I в. до н.э. и позднее, в I-II вв. н.э., значительное морфологическое сходство между сериями, особенно в характерных сочетаниях важнейших признаков, служит свидетельством о тесных родственных связях между ними. Некоторая разновременность погребений не выступает препятствием для объединения ранних и поздних черепов в одну палеоантропологическую выборку, которую можно рассматривать в качестве палеопопуляции.

Абатский 3 могильник. Расположен в 9-10 км от Абатского 1 могильника. Исследовано 6 курганов, саргатские погребения из них датируются II–IV вв. н.э. [Матвеева, 1994, с. 96-100], т.е. данный могильник функционировал преимущественно в пределах позднего саргатского этапа.

Мужские и женские черепа сходны по основным размерам и пропорциям, следует отметить, однако, что в женской группе относительно уже и выше лицо, менее высокое и профилированное переносье, слабее выступают носовые кости. Именно этот комплекс признаков несколько усиливает степень выраженности монголоидных черт женской части выборки. По морфологии черепа данной выборки во многом сходны с черепами из Абатского 1 могильника, особенно мужские. Основным антропологическим комплексом так-

же выступает европеоидная комбинация в двух вариантах: 1) в сочетании с мезо-брахикранным средневысоким черепом, широким и низким лицом; 2) в сочетании с мезо-долихокраным высоким черепом, среднешироким и высоким лицом. Удельный вес последнего компонента чуть выше.

В мужской и женской группах встречаются черепа гармоничного монголоидного облика, для которых характерны низкий свод, среднеширокое низкое лицо, слабо профилированное в горизонтальной плоскости невысокое переносье и малый угол выступления носа. В отдельных случаях уплощенность лицевого скелета сопровождается большой высотой мозговой коробки, широким и высоким лицом. Следует отметить невысокий уровень корреляции между уплощенностью лица и переносья, с одной стороны, и степенью выступления носовых костей, свойственный и черепам из Абатского 1 могильника.

В антропологическом составе серии из Абатского 3 могильника, таким образом, прослеживается в основном три морфологические комбинации признаков, причем если по мужским черепам проявляется весьма незначительная примесь монголоидных элементов, то в составе женской группы эта примесь фиксируется более отчетливо:

- 1) европеоидная в сочетании с мезо-долихокранной высокой мозговой коробкой, среднешироким и высоким лицом, отчетливее прослеживается в строении мужских черепов;
- 2) европеоидная в сочетании с мезо-брахикранной невысокой мозговой коробкой, широким невысоким лицом, фиксируется как компонент в составе мужской и женской частей серии;
- 3) монголоидная в сочетании с брахикранной низкой мозговой коробкой, широким низким лицом, отчетливее наблюдается преимущественно по женским черепам.

Сборная серия. Из нескольких саргатских курганов Приишимья (Лихачево, Кош-Карагай 2, Ир, Равнец, Вавилон, Кокуй 3), располо-

женных компактно в Абатском районе Тюменской области, получены единичные палеоантропологические находки, которые сгруппированы по территориальному принципу. Погребения датируются в пределах саргатского этапа, III в. до н.э. – II в. н.э. [Мошкова, Генинг, 1972; Косинская, 1974; Генинг, Корякова, 1984; Матвеева, 1994].

Особенности морфологии черепов сборной серии во многом близки ранним черепам из Абатского 1 могильника, где основным компонентом является европеоидная комбинация в сочетании с мезо-брахикранным средневысоким черепом, широким и низким лицом. Однако в сборной выборке фиксируется бо́льший удельный вес монголоидной примеси, о чем свидетельствует менее высокое переносье, слабее выступающие носовые кости. Судя по морфологии мужских черепов из Вавилона, монголоидное строение лица сочетается с малой его высотой и небольшой шириной, средним выступанием носовых костей и в целом с невысокой грацильной долихокранной мозговой коробкой.

В целом отмечается две основные комбинации признаков в строении черепов сборной группы:

- 1) европеоидный комплекс с широким невысоким лицом, низкой орбитой, средневысокой мезо-брахикранный мозговой коробкой;
- 2) монголоидное строение лицевого скелета в сочетании со средним выступанием носовых костей, нешироким низким лицом, невысокой долихокранной мозговой коробкой.

В раннем железном веке в подтаежном Тоболо-Ишимье фиксируются памятники кашинского типа. Кашинская археологическая культура, по мнению исследователей, формируется на основе местных традиций под сильным воздействием саргатских племен, и существовала довольно длительное время, приблизительно с IV в. до н.э. по IV-V в. н.э. [Викторова, 1967; Викторова, Кернер, 1988; Матвеева, 1994]. В Абатском 3 могильнике в кургане 2 обнаружены два одиночных и пять коллективных захоронений, типологически отнесенных к погребениям кашинского типа и датируемых IV-V вв.

н.э., т.е. временем перехода от эпохи раннего железа к средневековью [Матвеева, 1994, с. 130-142]. По способу погребения и сопровождающему инвентарю данные захоронения сближаются с поздними кулайскими некрополями, а также с раннесредневековыми памятниками [Матвеева, 1994, с. 137-139].

Мужские черепа характеризуются мезокранной формой мозговой коробки, средние величины продольного и поперечного диаметров сочетаются с большой высотой свода. Лицо очень широкое и невысокое, в строении переносья наблюдается сочетание небольшой его ширины с большой высотой, поэтому в горизонтальной плоскости переносье выглядит хорошо профилированным, угол выступления носовых костей большой.

Как видно, краниологический тип мужских черепов обладает европеоидным строением, но при этом наблюдается уменьшение общей горизонтальной профилированности лицевого скелета, что может свидетельствовать о присутствии небольшой монголоидной примеси.

Женские черепа по морфологии принципиально не отличаются от мужских, но характеризуются относительно более высоким сводом, нешироким лицом, а также заметно более высоким переносьем и профилированным по горизонтали лицевым скелетом, поэтому они имеют более гармоничное европеоидное строение, что не дает оснований говорить о присутствии в их составе монголоидной примеси.

Таким образом, в составе кашинской выборки фиксируется в качестве преобладающего европеоидный комплекс антропологических признаков, для которого свойственен мезокранный высокий череп с широким невысоким лицом, профилированным в горизонтальной плоскости переносьем и большим углом выступления носа.

Анализ особенностей индивидуальной изменчивости палеоантропологических материалов из могильников долины Ишима позволяет говорить о наличии нескольких компонентах в их составе. Это

группа черепов с высокой мозговой коробкой, широким высоким плоским по горизонтали лицом и невысоким переносьем, широкой орбитой. Группа черепов с уплощенными лицом и переносьем, но с небольшой высотой свода, низким среднешироким лицом, более узкими орбитами. Группа мезо-долихикранных черепов европеоидного облика, для которых характерны средняя высота, высокое переносье, среднеширокое, низкое, хорошо профилированное лицо. Наконец, группа европеоидных черепов, для которых свойственны большая высота свода, лица и носа, при более широком лице и орбите, общей тенденции к долихокрании.

Характер изменчивости черепов из саргатских и кашинских погребений Приишимья не дает оснований говорить о своеобразии либо тех, либо других, но среди кашинских черепов не встречается европеоидных форм с небольшой высотой мозговой коробки и низким лицом, что, видимо, и определяет их специфику. Горизонтальная уплощенность лицевого скелета мужских кашинских черепов, по остальным показателям явно европеоидных, обуславливает стойкую тенденцию их тяготения к монголоидным вариантам.

Межгрупповой популяционный анализ палеоантропологических данных, включающий метрические характеристики описанных выше компонентов, демонстрирует морфологическую специфику территориальных выборок и удельный вес в их составе тех или иных комплексов. Антропологическую основу населения саргатской и кашинской археологических культур Приишимья составляет европеоидный компонент. В отличие от Притоболья, в Приишимье намного слабее фиксируется механическая примесь монголоидных элементов. Это выражается в том, что показатели горизонтальной уплощенности лица и переносья не связаны корреляционно с углом выступления носовых костей ни на индивидуальном, ни на групповом уровнях, поэтому, в одних случаях, довольно плоское лицо сопровождается большим углом выступления носа, а в других, наоборот - слабое выступание носовых костей сочетается с резко профилиро-

ванным в горизонтальной плоскости лицом и высоким переносьем. На этом основании можно полагать, что монголоидный компонент в составе саргатского и кашинского населения Приишимья присутствует в качестве примеси на биологическом уровне.

Однако ни европеоидная основа, ни монголоидный компонент не являются однородными. В составе европеоидного пласта проявляется два комплекса. Один из них характеризуется высоким мезодолихокранным черепом, высоким среднешироким хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом, высоким и узким переносьем, большим углом выступания носовых костей. Вполне отчетливо данный компонент фиксируется в составе женской кашинской группы и среди мужских черепов Абатского 1 (поздних) и 3 могильников. Этот же европеоидный компонент, но с примесью монголоидных особенностей является характерным для кашинских мужских и женских (ранних) черепов Абатского 1 могильника. Для второго типа свойственны мезо-брахикранная форма невысокого черепа, низкое лицо, профилированное в средней, но относительно более уплощенное в верхней части, широкое и высокое переносье, большой угол выступания носовых костей. Он отчетливо просматривается среди мужских черепов из Фоминцево; в составе сборной группы, мужских черепов (ранних) из Абатского 1 и женских черепов из Фоминцево преобладает этот же компонент, но черепа данных групп несут на себе примесь монголоидных черт. Женская выборка из Абатского 3 могильника морфологически срединна между европеоидными типами и характеризуется наибольшим среди анализируемых групп удельным весом монголоидной примеси.

Следует отметить, что все саргатские женские выборки характеризуются по сравнению с мужскими более монголоидным строением. Монголоидный компонент в морфологическом отношении, видимо, неоднороден. По имеющимся материалам проявляется (хотя и слабо) корреляционная зависимость степени уплощенности лицевого скелета и величин фацио-церебральных соотношений с высо-

той мозговой коробки, высотой лица и носа, шириной лба. Другими словами, монголоидное строение лицевого скелета и черепа в целом, в одном случае, связано с грацильной структурой невысоких черепов, в другом — с массивной структурой высоких черепов. Обе вышеописанные комбинации признаков сочетаются с брахикранной формой черепа и большой шириной лица. Но фиксируется и сочетание признаков первого типа с долихокранной формой мозговой коробки и среднешироким лицом.

При сравнение саргатских групп в хронологическом аспекте проявляется некоторые интересные тенденции. Если в составе ранней (I в. до н.э. — начало I в. н.э.) серии из Абатского 1 могильника четче фиксируется присутствие европеоидного компонента с невысоким черепом и лицом, низкими орбитами, то в составе поздней группы (I-II вв. н.э.) этого же могильника для европеоидного компонента характерен высокий череп, более широкое лицо, широкие и высокие орбиты. Выборка из Абатского 3 могильника (II-IV вв. н.э.) занимает в морфологическом отношении промежуточное положение между двумя первыми. На основании данного наблюдения можно полагать, что население, оставившее Абатский 1 могильник, в антропологическом плане еще гетерогенно, низкоголовый европеоидный компонент предшествует по времени европеоидному компоненту с высокой головой, но антропологический состав населения, оставившего Абатский 3 некрополь, выглядит уже достаточно однородным.

Для морфологического типа женской части саргатского населения, по материалам Абатских могильников, характерны более отчетливо выраженные монголоидные особенности, которые со временем проступают еще рельефнее. Однако строение женских черепов из погребений кашинской культуры (IV-V вв. н.э.) не дает оснований говорить о монголоидной примеси.

Образование популяций саргатской культуры Приишимья, таким образом, протекало преимущественно на основе европеоидного

пласта, в составе которого фиксируется два антропологических компонента, каждый из которых характеризуется морфологическим своеобразием и, скорее всего, особым путем генезиса. Во II-I вв. до н.э. в саргатском населении наблюдается преобладание низкоголового компонента, в I-II вв. н.э. несколько возрастает удельный вес высокоголовых форм, различия между которыми к III-IV вв. н.э. нивелируются.

Хорошо прослеживается, преимущественно в виде примеси на биологическом уровне, влияние на антропологический облик саргатских популяций монголоидного населения. По имеющимся материалам структура монголоидного компонента вырисовывается как неоднородная. Одна из комбинаций состоит, видимо, из двух морфологических вариантов — грацильных низкоголовых долихокранного и брахикранный, для другой характерна массивность строения высокого черепа.

Между антропологическими типами саргатского и кашинского населением Приишимья нет принципиальных различий, можно говорить о родстве между ними. В генезисе населения кашинской культуры участвовали те же европеоидные компоненты, что и в формировании саргатских групп Приишимья, аналогична и монголоидная примесь.

Из лесостепной полосы Прииртышья краниологические находки происходят только из курганов саргатской культуры. Здесь обнаружены как наиболее ранние, так и наиболее поздние памятники. Судя по скоплению крупных курганов и поселений, а также по богатству обнаруженного инвентаря именно на Иртыше локализовались наиболее сильные, главенствующие роды или племена саргатского этнического образования, а плотность населения была наивысшей по сравнению с другими микрорайонами распространения саргатских памятников [Могильников, 1992, с. 293, 296-297].

Саргатские могильники и курганы располагаются в пределах лесостепной полосы среднего течения Иртыша, их появление дати-

руется VI–V вв. до н.э., а исчезновение — III–IV в. н.э. [Генинг, Корякова, Федорова, Овчинникова, 1970; Корякова, 1979, 1988; Матющенко, Татаурова, 1997; Погодин, 1991, 1992; Погодин, Труфанов, 1991; Труфанов, 1986]. Серийный палеоантропологический материал происходит из могильников Стрижево (1, 2), Исаковка (1, 3), Бещаул (2, 3, 4), Богданово (1, 2, 3), черепа из могильников Горная Бития и Красноярка объединены, Коконовка (1, 2, 3), а единичные краниологические находки из могильников Окунево 2, Карташево 2, Сидоровка 1, Сибирская Саргатка 1, Саргатка и Новооболонь сгруппированы в сборную серию.

Стрижево. Погребения курганной группы Стрижево 2 датируются автором раскопок Л.И.Погодиным III–II вв. до н.э., Стрижево 1 — III–V вв. н.э., т.е. вторая курганная группа функционировала преимущественно в рамках саргатского, а первая группа — в рамках позднесаргатского периода развития культуры, причем со значительным временным разрывом. Поэтому краниологические материалы из обеих курганных групп интересно рассмотреть по отдельности, несмотря на малую численность наблюдений.

Антропологический тип ранних и поздних черепов из Стрижевского могильника в целом сходен. По их строению можно отметить две основные европеоидные комбинации признаков. Одна - в комплексе с низким лицом, средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой, другая - в сочетании с высоким лицом, высокой мезодолихокранной мозговой коробкой. Отчетливо фиксируется примесь монголоидного компонента, для которого характерно широкое низкое лицо и невысокая мезо-брахикранная мозговая коробка. Расхождение между ранними и поздними черепами обусловлено различным удельным весом данного монголоидного компонента.

Исаковка. Расположен близ могильника Стрижево. Исследовано 2 курганные группы. Погребения могильника Исаковка 3 датируются концом III – началом I в. до н.э. [Погодин, Труфанов, 1991, с.125], преимущественно в пределах саргатского этапа. Курганная

группа Исаковка 1 функционировала позднее, во II-IV вв. н.э. [Погодин, 1991, с. 22], в рамках позднесаргатского этапа.

Особенности морфологии поздних и ранних черепов во многом совпадают, особенно женских. Поздние мужские черепа имеют менее высокую и более широкую мозговую коробку, более высокое лицо, чуть менее высокое переносье и меньший угол выступания носовых костей, что в целом свидетельствует о примеси монголоидного компонента в составе поздней группы, но весьма незначительной. Это говорит о той же тенденции, что проявляется и при анализе краниологических материалов из Стрижево: с течением времени происходит увеличение удельного веса монголоидных элементов.

Позднюю группу из Исаковки 1 трудно характеризовать как однородную, в ней присутствуют различающиеся по морфологии черепа. В целом европеоидное строение черепа в одних случаях сочетается с малой высотой лица и мезо-брахикранной формой мозговой коробки, в других - с большой высотой лица и мезодолихокранной формой черепа. Низколицый европеоидный комплекс аналогичен тому, что фиксируется в составе группы из Исаковки 3 (ранней), высоколицый же сходен с тем, что прослеживается в составе выборки из Стрижево 2 (поздней).

В серии из Исаковки 1 встречаются черепа монголоидного облика, но в одних случаях брахикrania, уплощенность лицевого скелета и слабое выступание носовых костей связано с малой высотой широкого лица, в других - с большой высотой лица.

Антропологический тип людей, погребенных в могильнике Исаковка 3, в целом можно охарактеризовать как европеоидный без примеси монголоидных элементов, особенностями которого являются низкое широкое лицо, низкие широкие орбиты, средняя высота мезо-брахикранной мозговой коробки. Краниологические особенности серии из Исаковского 1 могильника также свидетельствуют о принадлежности погребенных здесь людей к европеоидным популя-

циям. Однако европеоидные признаки образуют в основном две морфологические комбинации: 1) в сочетании с мезо-долихокранной высокой мозговой коробкой, среднешироким и высоким лицом и 2) в комплексе с мезо-брахикранной невысокой мозговой коробкой, широким невысоким лицом. Оба компонента фиксируются примерно в паритетном соотношении.

По материалам поздней группы прослеживается небольшая примесь монголоидных элементов, более отчетливо выраженная на черепах женской части выборки. В морфологическом плане монголоидный компонент представлен двумя комбинациями: 1) в комплексе с высокой брахикранной мозговой коробкой, широким и высоким лицом и 2) в сочетании с мезо-брахикранной невысокой мозговой коробкой, широким и низким лицом. Низколицый монголоидный компонент лучше наблюдается в составе женской группы, высоколицый комплекс отчетливее фиксируется в составе мужской выборки.

Бещаул. Расположен близ могильников Стрижево и Исаковка. Автором раскопок Л.И.Погодиным погребения из курганов Бещаул 2 датируются II в. до н.э. – I в. н.э., Бещаул 3 — I в. до н.э.- I в. н.э., Бещаул 4 — I в. до н.э. - началом II в. н.э. Малочисленность находок, хронологическая близость и типологическое сходство погребений обусловили их объединение в одну серию, которая хронологически в целом вписывается в рамки саргатского этапа.

В плане индивидуальной диагностики мужские и женские черепа различаются слабо. Морфологические особенности отдельных черепов, да и всей серии (невысокий череп, широкие низкие орбиты, профилированное переносье и большой угол выступления носа в сочетании с уплощенным по горизонтали лицом), указывают на примесь монголоидных элементов.

Для европеоидного компонента свойственна средняя высота мезо-брахикранной мозговой коробки, низкое среднеширокое лицо.

Европеоидных черепов с высоким лицом не встречается, но нельзя исключить небольшой примеси данного комплекса.

Монголоидный компонент, несмотря на малочисленность наблюдений, нельзя признать однородным. Для одного комплекса характерна мезо-долихокранная форма невысокого черепа, низкое среднеширокое лицо (четче фиксируется на мужских черепах), для другого – брахикранная форма высокого черепа, широкое и высокое лицо (четче проявляется на женских черепах).

Антропологический тип бещаульской популяции может быть охарактеризован, таким образом, как европеоидный, но с заметной примесью монголоидного компонента, который прослеживается в двух морфологических вариантах.

Богданово. Погребения курганной группы Богданово 3 датируются V-III вв. до н.э., Богданово 1 и 2 — III в. до н.э.- I в. н.э. [Могильников, 1972б, с.144; 1992]. Малочисленность и фрагментарность палеоантропологических находок из Богданово 3 не позволяют более или менее объективно рассмотреть расовые особенности ранней группы, однако, судя по имеющимся материалам, ранние черепа морфологически принципиально не отличаются от остальных. Поэтому все находки сгруппированы в одну серию, которая хронологически охватывает раннесаргатский и первую половину саргатского этапов.

Морфологические особенности черепов богдановской серии во многом сходны с рассмотренными выше, особенно из Исаковского могильника. Спецификой их структуры является сочетание европеоидного строения с уплощенным в горизонтальной плоскости широким и невысоким лицом. В группе из Богданово не встречается черепов монголоидного типа, но небольшая примесь монголоидного компонента прослеживается, для которого, видимо, характерна брахикранная форма невысокого черепа, широкое низкое лицо. Фиксируется также примесь монголоидного комплекса, которому свойст-

венны узкое низкое лицо в сочетании с долихокранией и низкой мозговой коробкой.

Население, оставившее Богдановский могильник, по антропологическому типу является европеоидным с небольшой монголоидной примесью, которая более отчетливо наблюдается на женских черепах. Европеоидную основу мужских и женских черепов составляет компонент со следующими морфологическими особенностями: мезо-брахикранная средневысокая мозговая коробка, широкое невысокое лицо, широкие низкие орбиты. Монголоидный компонент отмечается в двух основных комбинациях признаков: 1) в комплексе со средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой и широким низким лицом, 2) в сочетании с невысокой долихокранной мозговой коробкой, нешироким низким лицом и средней высотой переносья.

Горная Бития и Красноярка. Оба могильника расположены недалеко друг от друга и датируются III-II вв. до н.э. [Могильников, 1992; Акимова, 1972; Корякова, 1979, 1981]. Небольшое количество находок в каждом из них, типологическое сходство погребений, территориальная и хронологическая близость послужили основанием при объединении краниологических материалов. Вся серия вписывается преимущественно в раннесаргатский этап функционирования культуры.

Морфологически серия из Горной Битии и Красноярки мало отличается от остальных саргатских групп, ее особенностью является несколько более высокое лицо, и в целом она может быть отнесена к кругу европеоидных форм. На индивидуальном уровне черепа резко не различаются, однако преобладают те, на которых наблюдается сочетание мезо-долихокранной высокой мозговой коробки с крупными размерами лица, в ряде других случаев мезо-брахикранная форма невысокого черепа выступает в комплексе с низким широким лицом. Как и на других саргатских черепах, наблюдается ослабление степени горизонтальной профилировки лица, отдельным черепахам свойственны брахикrania, небольшая высота

свода, низкое широкое слабо профилированное лицо, средневыступающее переносье при малом угле носа, что служит указанием на примесь монголоидных элементов.

Таким образом, выборку из Горной Битии и Красноярки можно охарактеризовать как европеоидную с монголоидной примесью. Европеоидный компонент прослеживается в двух комбинациях: 1) с высоким среднешироким лицом, мезо-долихокранной высокой мозговой коробкой и 2) с низким широким лицом и невысоким мезобрахикранным черепом. Для монголоидного компонента свойственны брахикrania, небольшая высота мозговой коробки, широкое низкое лицо.

Коконовка. Могильник расположен в южной части ареала саргатских памятников в Прииртышье. Первоначально Коконовский могильник датировался III-I вв. до н.э. [Могильников, 1972б, 1972в], но последние исследования А.Я.Труфанова свидетельствуют о более позднем времени его функционирования - в пределах позднесаргатского периода (II-IV вв. н.э.). Плохая сохранность и малочисленность краниологических материалов из курганных групп Коконовка 1, 2 и 3 обусловили их группировку в одну серию.

Во многом из-за малой численности наблюдений отмечается ряд расхождений между мужскими и женскими черепами, в частности, женские черепа имеют более брахикранную форму, меньшую высоту свода, но более высокое лицо. По остальным важным размерам и пропорциям они различаются не принципиально. Как и по другим саргатским сериям, женские черепа из Коконовки имеют более монголоидное строение, нежели мужские, в основном за счет сильнее уплощенных в горизонтальной плоскости лица и переносья. Учитывая эти факторы, мужские и женские черепа имеют те же морфологические характеристики, что и другие саргатские серии из Прииртышья. Некоторые особенности морфологии черепов коконовской серии, по сравнению с рассмотренными выше черепами,

сводятся к наибольшей ширине уплощенного в горизонтальной плоскости лица.

Таким образом, антропологический тип людей, погребенных в Коконевском могильнике, может быть определен как европеоидный с небольшой монголоидной примесью, которая ярче проявляется в строении женских черепов. Европеоидную основу мужских и женских черепов составляет компонент с такими морфологическими чертами как мезо-брахикранная средневысокая мозговая коробка, широкое невысокое лицо, широкие низкие орбиты. Монголоидный компонент, по-видимому, присутствует в двух вариантах: 1) невысокая мезо-брахикранная мозговая коробка и широкое низкое лицо; 2) высокий череп в сочетании с крупными размерами лицевого скелета.

Сборная серия. Из ряда саргатских курганов Прииртышья получены единичные палеоантропологические находки, которые сгруппированы по территориальному принципу (Окунево 2, Карташево 2, Сидоровка 1, Новооболонь, Саргатка, Сибирская Саргатка 1). Погребения датируются в широких пределах, III в. до н.э. – IV в. н.э. [Могильников, 1972б, 1992; Матющенко, Татаурова, 1997].

Строение мужских черепов сборной серии мало отличается от других саргатских групп Прииртышья, особенно от тех, в составе которых слабее всего фиксируется примесь монголоидных элементов.

Основным антропологическим компонентом сборной серии является европеоидная комбинация в сочетании с мезокранным средневысоким черепом, широким и низким лицом. Однако на черепе из Сидоровки 1 фиксируется и другая комбинация (долихокрания, высокий свод, узкое высокое лицо, высокие орбиты), которая в других саргатских сериях прослеживается только в виде небольшой примеси на биологическом уровне. Присутствие незначительной монголоидной примеси определяется, если данный признак может служить индикатором такой примеси, только ослабленной профилированностью лица на уровне орбит.

Если судить по особенностям морфологии женских черепов, монголоидный компонент характеризуется брахикрацией, малой высотой свода черепа, широким средневысоким уплощенным по горизонтали лицом, среднепрофилированным переносьем и слабым выступанием носовых костей.

В целом можно говорить о двух европеоидных комбинациях признаков в строении черепов сборной группы (в комплексе с широким низким лицом, низкими орбитами, средневысокой мезокранной мозговой коробкой; в сочетании с узким высоким лицом, высокими орбитами, высоким долихокранным черепом) и монголоидной (широкое невысокое лицо, низкий брахикранный череп, средневысокое переносье).

Особенности характера индивидуальной изменчивости саргатских краниологических материалов из Прииртышья позволяют выделить 4 основных компонента. 1-й - мезо-брахикранные черепа с высоким плоским лицом, высокими носом и орбитами, невысоким переносьем и небольшим углом выступления носа. 2-й - также мезо-брахикранные черепа с уплощенными лицом и переносьем, малым углом выступления носа, но с низкими лицом, носом и орбитами. Эти морфологические варианты монголоидного типа различаются лишь по высотным характеристикам лицевого скелета. 3-й - мезокранные черепа европеоидного облика с высоким переносьем, низкими орбитами и носом, низким хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом и большим углом выступления носа. 4-й - также европеоидные, но долихокранные черепа с высокими лицом, носом и орбитами.

На некоторых черепках признаки складываются в морфологические комплексы, являющиеся промежуточными вариантами между основными типами. Так, среди монголоидных присутствуют черепа долихокранной формы с низким, но менее широким и уплощенным лицом. В совокупности низколицых европеоидных форм замет-

ную долю составляют невысокие черепа с ослабленным горизонтальным профилем лицевого скелета.

При анализе женских черепов факторные нагрузки по первым двум компонентам (50,7% общей дисперсии) показывают, что наибольшие значения по I компоненте приходятся на черепа с высоким широким, хорошо профилированным на уровне орбит лицом, высоким и широким носом, а минимальные, соответственно, наоборот (табл. 29). По II компоненте максимальные значения характерны для низких черепов с уплощенными по горизонтали в средней части лицом, низким переносом и малым углом выступания носовых костей, а наименьшие — для высоких черепов с профилированным в средней части лицом, высоким переносом и большим углом выступания носа.

В совокупности мужских и женских черепов из саргатских погребений Прииртышья выделяется ряд сходных морфологических комплексов, что их сближает, одновременно проявляются некоторые особенности. Например, по женским материалам слабее фиксируется присутствие низколицевого европеоидного типа, чем по мужским, причем он прослеживается как смешанный с низколицым монголоидным комплексом. Практически все данные, за исключением Стрижево 1, свидетельствуют о том, что в строении женских черепов ряд монголоидных признаков выражен сильнее, чем в строении мужских.

При анализе материалов на межгрупповом уровне корреляционные связи между признаками, дифференцирующими мужские серии по линии европеоидность-монголоидность, нарушены незначительно. Изменчивость выборок по этим показателям прямолинейна и указывает на долю монголоидной примеси в их составе. Практически не прослеживается примеси монголоидных элементов в сборной серии и из Исаковки 3; в сериях из Исаковки 1, Богдановки, Бещаула и Стрижево 2 доля монголоидного компонента возрастает

и максимально прослеживается в составе групп из Стрижево 1, Горной Битии/Красноярки и Коконовки.

Антропологическую специфику сборной серии и особенно бещаульской, во многом определяет высоколицый монголоидный компонент, удельный вес которого максимален в этих группах. В составе серий из Коконовки, Богдановки и Исаковки фиксируется в основном два компонента — низколицый европеоидный с уплощенным в горизонтальной плоскости лицом (видимо, метисный) и низколицый монголоидный. В группах из Стрижево и Горной Битии/Красноярки отчетливее всего проявляется высоколицый европеоидный компонент, однако, если в составе Горной Битии/Красноярки помимо этого заметную долю составляет низколицый европеоидный вариант с уплощенным лицом, то в составе Стрижево улавливается примесь высоколицего монголоидного комплекса.

В хронологическом аспекте четких закономерностей изменчивости антропологических типов саргатских популяций не просматривается, речь может идти лишь о тенденциях. В составе ранних групп обычно преобладает низколицый европеоидный компонент с примесью низколицых монголоидных элементов, которая с течением времени постепенно нарастает. Не исключено, что мы имеем дело с процессом восстановления исходного антропологического типа саргатских популяций, когда метисные формы начинают преобладать.

Таким образом, в генезисе популяций саргатской культуры Прииртышья доминирующая роль должна быть отведена населению европеоидного типа, в составе которого фиксируется два антропологических компонента, характеризующихся достаточно четким морфологическим своеобразием и, видимо, различного происхождения. На ранней стадии формирования, в V-II вв. до н.э., специфику физического типа саргатских популяций определял низколицый мезо-брахикранный вариант. В этот период достаточно отчетливо

прослеживается (как уже в виде биологической, так и механической примеси) влияние на антропологический облик саргатских популяций, более видимого по женским частям выборок, монголоидного населения, в краниологическом отношении характеризуемого брахикранией, низкой мозговой коробкой, широким низким лицом.

Позднее в составе саргатских популяций наблюдается незначительное увеличение доли европеоидного компонента другого антропологического облика, с такими характерными чертами как высокое неширокое лицо, высокий мезо-долихокренный череп. Параллельно с этим прослеживается дальнейшее увеличение удельного веса низколицего монголоидного варианта, но одновременно фиксируются и иная монголоидная примесь, по имеющимся материалам наблюдаемая в двух морфологических комбинациях: для одной характерны грацильный низкий долихокренный череп и низкое неширокое лицо, для другой — массивный высокий брахикренный череп, высокое широкое лицо.

Из Барабинской лесостепи краниологические находки происходят из погребений саргатской и каменной (большереченской) археологических культур, из северных лесных областей — новочекинской культуры.

В саргатской культуре на территории Барабы и в ее развитии прослежен ряд особенностей, обусловленных местной спецификой, в частности географическим положением, культурным окружением и ориентацией связей местного населения. В отличие от других районов распространения саргатских памятников, в Барабе они исчезают довольно рано и не фиксируются позже I в. н.э. В формировании и развитии саргатской культуры Барабы выделяется 4 этапа: 1) VI-V вв. до н.э. (возникновение и сложение), не представлен краниологическими материалами; 2) V-III вв. до н.э. (окончательное становление), могильники Усть-Тартас и Абрамово 4; 3) III-I вв. до н.э. (стабилизация), могильник Марково 1; 4) I в. до н.э.-I в. н.э. (завершение функционирования), могильники Венгерово 1, 7 и Старый

Сад 1 [Полосьмак, 1987, с. 91-97]. Местоположение могильников показано на рис. 5.

Усть-Тартас. Черепа из погребений этого могильника неоднократно анализировались исследователями, начиная с автора первых раскопок С.М.Чугунова [1898, 1899]. С.М.Чугунов при описании черепов обратил внимание на их европеоидное строение, дав особо подробно характеристику черепам со следами искусственной деформации. Г.Ф.Дебец отметил, что усть-тартасские черепа нельзя однозначно отнести либо к европеоидной, либо к монголоидной расам, и в целом серия носит неопределенный промежуточный характер, сближаясь по морфологии с черепами Прохоровских курганов [1948, с.148-151]. В.П.Алексеев, расширив краниометрическую программу за счет углов горизонтального профиля лицевого скелета, также пришел к выводу о промежуточном морфологическом типе усть-тартасских черепов [1961б]. В.А.Дремов, суммировав все находки и дав их краниометрическое описание по полной программе, констатировал, что серия в целом сближается с черепами сарматов Приуралья и Нижнего Поволжья, краниологической особенностью которой является уплощенность лицевого скелета по горизонтали при общем европеоидном строении [1978, с.178-181]. Археологические материалы Усть-Тартасского могильника позволяют относить его к кругу памятников саргатской культуры [Полосьмак, 1987]. К опубликованным данным [Дремов, 1978, табл. 3, с. 170-176] добавлены измерения двух мужских черепов из раскопок Н.В.Полосьмак в 1979 г.

Мужские и женские черепа однотипны, для них характерна мезо-брахикранная форма со средней высотой мозговой коробки. Лицо средней ширины и высоты, по углам горизонтального профиля уплощено в средней части и более профилированное на уровне орбит, переносье широкое и высокое, хорошо профилированное при большом угле выступания носовых костей над линией лицевого профиля.

На индивидуальном уровне между черепами довольно слабо, но проявляются некоторые различия. В одних случаях европеоидное строение лицевого скелета и мозговой коробки сочетается с повышенной высотой неширокого умеренно профилированного в горизонтальной плоскости лица, в других – уплощенность лицевого скелета скоррелирована с большой его шириной и малой высотой. Строение усть-тартасских черепов свидетельствует о принадлежности их к европеоидному типу. Черепов явно монголоидного облика в данной группе не наблюдается, но о примеси монголоидного компонента говорит степень уплощенности лицевого скелета, особенно в средней части, повышенная во всей выборке, и малый угол выступа носа на некоторых черепах.

Таким образом, в совокупности усть-тартасских черепов можно выделить две основные европеоидные комбинации признаков: 1) неширокое высокое умеренно профилированное по горизонтали лицо и мезо-долихокранная средневысокая мозговая коробка; 2) широкий низкий уплощенный лицевой скелет и мезо-брахикранный невысокий череп. В составе серии преобладает первый компонент, примесь монголоидных элементов фиксируется преимущественно на черепах второго типа. Характерной особенностью краниологической структуры усть-тартасских черепов является небольшая ширина уплощенного в горизонтальной плоскости лицевого скелета.

Абрамово 4. Курганы и погребения могильника разновременные, часть из них отнесена к саргатским и датируется V-III вв. до н.э. По некоторым особенностям погребального обряда курганы из Абрамово сближаются с саргатскими погребениями Притоболья, а не Прииртышья [Полосьмак, 1981, с. 81-82; 1987, с. 93-94].

Для мужских и женских черепов характерна мезокранная форма средневысокой мозговой коробки. В целом серия из Абрамово может быть охарактеризована как европеоидная, особенностями которой выступает большая ширина слабо профилированного лицевого скелета. Выборку трудно определить как однородную, черепа

различаются по ширине и высоте лицевого скелета. В составе серии преобладает морфологический вариант, которому свойственно широкое невысокое лицо, сближающийся с широколицым европеоидным компонентом серии из Усть-Тартаса. Для другого комплекса характерно менее широкое, но высокое лицо, он сходен с тем, что определяет антропологический тип усть-тартасской группы.

Таким образом, антропологический тип погребенных в могильнике Абрамово 4 людей является европеоидным, характерными особенностями которого являются невысокое широкое умеренно профилированное лицо, низкие широкие орбиты, средняя высота мезо-брахикранной мозговой коробки. Наряду с данным комплексом признаков, преобладающим в серии, улавливается присутствие в составе абрамовской группы компонента иного морфологического типа, отличительными чертами которого являются неширокое высокое лицо и мезо-долихокранная форма черепа. Прослеживается также небольшая примесь монголоидного компонента, особенностью морфотипа которого является, видимо, небольшая высота черепа и лица.

Марково 1. Могильник расположен близ Абрамовского, его погребения датируются II-I вв. до н.э. По специфике сопровождающего погребения инвентаря и обрядности различия между этими могильниками невелики [Полосьмак, 1987, с.94].

Внутри серии черепа различаются слабо (в том числе мужская и женская части выборки), а их характеристики в целом соответствуют групповой. Морфологические особенности отдельных черепов, да и всей серии (невысокий брахикранный череп, широкое невысокое уплощенное по горизонтали лицо, среднепрофилированное переносье и малый угол выступания носа), ставят данную выборку в ряд промежуточных между европеоидными и монголоидными вариантами.

Особенностями монголоидного компонента являются небольшая высота мозговой коробки при брахикранной форме, низкие ши-

рокие лицо и орбиты, средневыступающее переносье. Для европеоидного компонента свойственна средняя высота мезо-брахикранной мозговой коробки, низкие и широкие лицо и орбиты. Соответственно оба компонента могут быть поставлены в связь с морфологическими вариантами, выделяемыми в составе серии черепов из могильника Абрамово 4.

Венгерово 1, 7 и Старый Сад 1. Могильники расположены недалеко друг от друга, их погребения характеризуют заключительный этап функционирования саргатской культуры в Барабинской лесостепи и датируются I в. до н.э.-I в. н.э. [Полосьмак, 1987, с. 94-95]. Малочисленность и фрагментарность палеоантропологических находок из Венгерово и Старого Сада, типологическая, хронологическая и географическая близость погребений обусловили группировку черепов в одну, только в мужскую серию, морфологические особенности которой во многом сходны с рассмотренными выше черепами из саргатских погребений могильника Абрамово 4. Их специфика определяется повышенной высотой мозговой коробки и несколько более лептоморфным строением лицевого скелета. В целом черепа европеоидного облика, но небольшой угол выступания носа, средняя величина симотической высоты и несколько увеличенные углы горизонтальной профилировки лицевого скелета свидетельствуют о монголоидной примеси. Европеоидную основу выборки составляет компонент со следующими чертами: мезокранная средневысокая мозговая коробка, широкое невысокое лицо, широкие низкие орбиты.

Антропологический состав саргатского населения Барабинской лесостепи, как свидетельствует анализ краниологических материалов, сложен. Прослеживается преимущественно три расовых компонента, удельный вес которых различен в территориальных выборках, что и определяет их специфику: 1) европеоидный вариант с лептоморфным лицом, высоким мезо-долихокранным черепом; 2) европеоидный вариант с эуриформным лицом, невысоким мезо-

брахикранным черепом; 3) монголоидный вариант с эуриморфным лицом, низким брахикранным черепом, средневыступающим переносьем.

Основной ареал памятников каменной (большереченской) культуры охватывает лесостепное Приобье, но небольшое их количество отмечено и в южных областях Барабы. Палеоантропологический материал происходит из могильников Осинцево 3, Здвинск 1 и 2, датируемых V-III вв. до н.э. и относящихся к кругу памятников бийского этапа развития большереченской культуры [Полосьмак, 1987, с. 101-104]. Принадлежность памятников раннего железа лесостепного Верхнего Приобья либо к бийскому и березовскому этапам большереченской культуры, либо к каменной культуре дискуссионна. При этом отмечается, что в каменной (большереченской) культуре велико влияние культур степных племен, а подавляющая часть каменского населения считается пришлой [Троицкая, 1981, 1994; Троицкая, Бородовский, 1994; Уманский, 1980а; Могильников, 1997], что не противоречит результатам исследования краниологических материалов из могильников Масляха 1 и 2 каменной культуры [Рыкун, 1999].

Краниологические материалы из погребений каменной (большереченской) культуры малочисленны и фрагментарны. С учетом данного обстоятельства мужские и женские черепа могут быть охарактеризованы как брахикранные со средней высотой мозговой коробки. В горизонтальной плоскости лицевой скелет профилирован слабо, переносье средней высоты, умеренно профилированное по горизонтали, угол выступания носовых костей большой. Черепа европеоидного облика, особенность их строения — большая ширина слабо профилированного в горизонтальной плоскости лица, широкие орбиты. Пониженная высота переносья указывает на примесь монголоидных элементов, что сближает эту группу с саргатскими популяциями Барабы, особенно по материалам из могильника Абрамово 4.

Памятники новочекинской культуры открыты преимущественно на севере Барабы. Могильников известно немного, это Новочекино 2 и Бергуль. Палеоантропологический материал из них невелик (4 мужских и 1 женский череп), но представляет большой интерес для выяснения характера связей лесостепных и северных лесных групп населения раннего железного века. Оба могильника датируются V-III вв. до н.э. и по особенностям материальной культуры и погребальной обрядности обнаруживают сходство с культурами таежного населения Западной Сибири [Полосьмак, 1987, с. 91, 104-108]. По особенностям строения мужские черепа могут быть отнесены к кругу европеоидных форм с заметной монголоидной примесью, женский череп по основным размерам и пропорциям, включая своеобразную форму переносья, сходен с мужскими, однако монголоидность строения лицевого скелета выражена предельно отчетливо.

Европеоидный компонент обладает следующими чертами: мезо-брахикранная форма средневысокого черепа, мезо-эуриморфное слабо профилированное лицо, хамеконхия. Как видно, основной европеоидный компонент новочекинской группы морфологически сближается с широколицым европеоидным комплексом, фиксируемым в составе практически всех рассмотренных выше барабинских выборок.

Монголоидные особенности женского черепа и монголоидного компонента в составе мужской группы однотипны: это брахикrania, небольшая высота свода, низкое, широкое лицо, средневыступающее переносье при малом угле носа и уплощенном в горизонтальной плоскости лицевом скелете. Данный морфологический вариант сходен с монголоидным комплексом, отмеченным в составе ранне-железных серий Барабы, особенно по материалам из могильника Марково.

В северной части Новосибирского Приобья исследован могильник Каменный Мыс, погребения из которого отнесены к новосибирскому варианту кулайской культуры. Основной ареал памятни-

ков кулайской культуры — лесная полоса Среднего Приобья (преимущественно Нарымское Приобье), время существования IV-III вв. до н.э.— IV-V вв. н.э. [Чиндина, 1984, с. 99]. Из классических кулайских могильников краниологические материалы пока отсутствуют (в силу чрезвычайно плохой сохранности). Северная часть Новосибирского Приобья, судя по известным археологическим памятникам, является южной периферией распространения кулайских древностей. Здесь Т.Н.Троицкой исследован могильник Каменный Мыс, ряд погребений которого датируются III-II вв. до н.э. и отнесены к кулайской культуре [1979]. Особенности погребальной обрядности и сопровождающего погребения инвентаря свидетельствуют о том, что в материалах некрополя нашло отражение слияние элементов кулайской и большереченской (каменской) культур, поэтому Каменный Мыс отнесен к кругу памятников особого новосибирского варианта кулайской культуры [Троицкая, 1979, 1981, 1994].

Сохранность костных материалов из погребений могильника Каменный Мыс плохая, поэтому, несмотря на большое количество исследованных черепов, численность наблюдений в сериях невелика. Между мужскими и женскими черепами наблюдается ряд морфологических различий. Женские черепа, в частности, имеют более долихокранную форму, меньшую высоту свода, лица, носа и в целом уже практически по всем широтным размерам, в том числе и лицевого скелета. Однако общий морфологический облик мужских и женских черепов свидетельствует о принадлежности их к одному типу, а наблюдаемые расхождения обусловлены, скорее всего, малочисленностью выборки.

Для черепов характерна мезо-брахикранная форма при средней высоте мозговой коробки. Лицо широкое, невысокое, переносье средней ширины, высокое и хорошо профилированное на уровне дакриальных точек, но заметно ниже и плосче по симотическим размерам. При этом угол выступления носовых костей довольно малой величины. В целом морфологические особенности черепов говорят

о том, что выборка представляет собою вариант, во многом промежуточный между европеоидными и монголоидными формами.

Европеоидные особенности группы характеризуются, вероятнее всего, такими чертами как мезокrania, средняя высота черепа, широкий эуриформный умеренно профилированный по горизонтали ортогнатный лицевой скелет. Морфологические особенности монголоидной комбинации сводятся к следующему: невысокий брахиокranный череп, широкое низкое лицо, средневысокое переносье и слабое выступание носовых костей.

Обе морфологические комбинации, наблюдаемые в составе каменномысской серии, во многом сближаются с отмеченными выше эуриформными европеоидным и монголоидным расовыми вариантами в антропологическом составе населения Барабы различных археологических культур, особенно с теми, что фиксируются в составе усть-тартасской, новочекинской и марковской групп.

Кулайская популяция, оставившая могильник Каменный Мыс, в антропологическом плане может быть определена как метисная. Антропологические особенности популяции определяются в основном двумя компонентами, эуриформным европеоидным и низколицым монголоидным, доля последнего в ее составе несколько преобладает.

При анализе характера индивидуальной изменчивости краниологических материалов из Барабы проявились некоторые закономерности. Обращает внимание, что в плане исторической корреляции связи между признаками, определяющими принадлежность того или иного индивида либо к европеоидному, либо к монголоидному типу, нарушены, поэтому в анализируемой совокупности нет гармоничных европеоидных и монголоидных форм, все они несут на себе следы метисации.

Таким образом, на черепах из саргатских могильников Барабы признаки складываются в разнообразные морфологические комплексы, являющиеся промежуточными вариантами как внутри евро-

пеоидных и монголоидных типов, так и между ними в целом. Это указывает, скорее всего, на высокую интенсивность метисационных процессов в Барабе, однако не достигших еще той стадии, когда происходит нивелировка резкой дисгармонии в корреляции между основными дифференцирующими признаками.

Межгрупповое сопоставление палеоантропологических материалов из Барабинской лесостепи выявляет дисгармонию в корреляционных связях признаков, дифференцирующих серии по линии европеоидность-монголоидность, что говорит о различиях в антропологическом составе анализируемых выборок.

Менее всего монголоидная примесь прослеживается в составе саргатской серии из могильника Абрамово 4, характерными чертами которой являются высокая мезокранная черепная коробка, широкое, невысокое, хорошо профилированное по горизонтали лицо, высокое переносье и сильное выступание носовых костей. Эти же морфологические особенности определяют тип выборки из Венгерово/Старого Сада, но в этой группе понижен угол выступания носа. Данная европеоидная комбинация характерна также для новочекинской и каменкой (большереченской) серий, но в их составе примесь монголоидных элементов фиксируется вполне определенно, что выражается в общей уплощенности лицевого скелета, более округлой форме черепа и уменьшении его высоты. Максимальная примесь аналогичного монголоидного компонента наблюдается в выборках из могильников Каменный Мыс (кулайского) и Марково 1 (саргатского). Несколько иной европеоидный тип характерен для серии из Усть-Тартаса: невысокая более брахикранная черепная коробка, менее широкое лицо, сильное выступание носовых костей при относительно слабее профилированном в горизонтальной плоскости лицевом скелете и пониженной высоте переносья. Ослабление горизонтального профиля лица и переносья связано с влиянием вышеописанного монголоидного компонента, вполне возможно, что понижение высоты мозговой коробки и увеличение черепного указа-

теля также обусловлено этим фактором. А общее уменьшение ширины лицевого скелета усть-тартасских черепов есть отражение присутствия в составе данной популяции незначительного европеоидного лептоморфного комплекса.

Сопоставление антропологической структуры мужских и женских выборок из Барабы говорит как о принципиальном сходстве состава тех и других, так и единстве основных тенденций их формирования. Анализ внутри- и межгрупповой изменчивости указывает на ту стадию метисационных процессов между различными в физическом отношении группами людей, когда еще не происходит нивелировки антропологической специфики каждой.

В образовании популяций саргатской культуры доминирующая роль должна быть отведена группам населения европеоидного типа, но различных его вариантов. Фиксируется преимущественно два европеоидных компонента, характеризующихся достаточно четким морфологическим своеобразием. В антропологическом составе саргатских популяций преобладает комплекс со следующими краниологическими характеристиками: мезо-брахикrania, средневысокий череп, широкое низкое лицо, нередко с ослабленным горизонтальным профилем, ортогнатия. Наряду с этим фиксируется, особенно отчетливо по материалам из могильника Усть-Тартас, присутствие европеоидного компонента с такими чертами, как высокий мезодолихокranный череп, высокий, неширокий, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости лицевой скелет. На раннем этапе саргатской культуры, в V-III вв. до н.э., прослеживается влияние на антропологический облик популяций монголоидного населения, в краниологическом отношении низкоголового, брахикranного, с широким низким лицом, слабо выступающим носом, но со средневысоким переносьем. Позднее, в III-I вв. до н.э., в составе саргатских популяций наблюдается существенное увеличение удельного веса данного компонента (Марково 1).

Антропологическую специфику новочекинской и кулайской популяций определяет низколицый монголоидный тип, удельный вес которого выше среди кулайцев. Он по морфологии не отличается от монголоидного компонента саргатских выборок. Некоторые европеоидные черты новочекинской и кулайской групп обусловлены влиянием на их облик брахикранного эуриморфного европеоидного варианта, также в целом характерного для саргатского населения Барабы. Поэтому антропологический состав и особенности морфологии новочекинской и кулайской популяций по ряду параметров близки структуре некоторых саргатских групп, особенно синхронных (Марково 1).

Сложным вырисовывается антропологический состав каменского населения Барабы. Европеоидный компонент морфологически близок брахикранному широколицему варианту саргатских популяций, а монголоидный компонент, видимо, неоднороден. Насколько позволяют материалы, можно говорить о двух морфологических комбинациях: для одной характерен низкий брахикранный череп и низкое широкое лицо (аналогичен монголоидному типу в составе населения различных культур Барабы и северной части Новосибирского Приобья), для другой — массивный, более высокий брахикранный череп, более высокое лицо.

В хронологическом аспекте не улавливается закономерностей изменчивости антропологических типов в Барабе, проявляется лишь тенденция, характерная для саргатских популяций в целом: в составе ранних групп обычно преобладает мезо-брахикранный широколицый европеоидный компонент с небольшой примесью низколицых монголоидных элементов, доля которой с течением времени возрастает.

§2. Закономерности изменчивости популяций

Рассмотренные выше краниологические материалы из могильников различных археологических культур раннего железа, достаточно полно отражают антропологические особенности населения, обитавшего в это время в лесостепи Западной Сибири. Объем данных по саргатской культуре позволяет на популяционном уровне рассмотреть характер изменчивости расовых признаков в пространстве, а также на протяжении значительного отрезка времени, примерно с середины I тыс. до н.э. по III-IV вв. н.э.

Локальные особенности.

Для всех мужских и женских саргатских черепов характерными морфологическими особенностями являются мезо-брахикранная форма при средней высоте мозговой коробки; большая ширина лицевого скелета при относительно небольшой его высоте; очень широкие и низкие орбиты; высокое переносье сочетается со средним углом выступания носовых костей и пониженной профилированностью лица в горизонтальной плоскости.

Женские черепа по структуре мало отличаются от мужских, некоторая специфика их морфотипа сводится в конечном итоге к следующему: они имеют более брахикранную форму, чуть меньшую высоту переносья и угол выступания носовых костей, более уплощенный в горизонтальной плоскости лицевой скелет.

Сопоставление локальных серий между собой и с обобщенными данными по всему саргату позволяет выявить как типичные выборки, так и отличающиеся от основной массы саргатского населения группы. Крупные локальные выборки по саргатскому населению основных микрорайонов в антропологическом отношении очень близки и отражают лишь незначительные особенности одного физического типа. Особенная близость обнаруживается между саргатским населением Прииртышья и Приишимья, группы Притоболья и Барабы характеризуются некоторым своеобразием. В наибольшей степени обобщенному саргатскому антропологическому варианту

соответствуют популяции Прииртышья, затем Приишимья и Притоболья, население Барабы обнаруживает незначительную специфику. На популяционном уровне прослеживается аналогичная картина, но наблюдается повышенная межгрупповая изменчивость, что обусловлено преимущественно объемом серий: чем крупнее по численности группа, тем меньше она отличается от усредненных характеристик.

Многомерный межгрупповой анализ показывает, что изменчивость в мужской и женской совокупностях групп идет в одном направлении и связана с увеличением/уменьшением удельного веса монголоидного компонента.

Краниологические типы, выделенные на индивидуальном уровне по материалам Притоболья, Приишимья и Прииртышья, в морфологическом отношении не обнаруживают принципиальных различий между собой, характер их изменчивости совпадает с общими тенденциями изменчивости саргатских материалов, а связи между признаками не противоречат нормальной корреляции, что свидетельствует о том, что мы имеем дело с более или менее гармоничными европеоидными и монголоидными комбинациями, внутри которых различия определяются высотой мозговой коробки, шириной лба, размерами лицевого скелета и орбит. Не обнаруживается и принципиальных расхождений между морфотипами, выделенными на локальных уровнях, следовательно, зафиксированные комбинации являются не абстрактными категориями, а достаточно реальными антропологическими компонентами, определяющими в итоге морфологическую специфику как локальных популяций саргатского населения, так и приуроченных к географическим микро-районам групп популяций. Сопоставление серий с краниологическими типами достаточно эффективно демонстрирует, с одной стороны, особенности антропологического состава локальных саргатских групп, т.е. какой из морфотипов определяет антропологические особенности каждой конкретной популяции и какова доля того или

иногo компонента в составе выборок, с другой, указывает на степень расогенетической связи между палеопопуляциями различных культур раннего железа.

Выше уже отмечалось, что выборки черепов, сгруппированные по территориальному принципу, из основных микрорайонов распространения памятников саргатской культуры, морфологически различаются слабо и вряд ли имеются веские основания сомневаться в их тесном родстве и сходстве механизмов формирования. Следовательно, однообразие в культуре саргатских племен в значительной мере может быть соотнесено с их антропологическим единством. Однако как в территориальных вариантах саргатской культуры выделяются некоторые особенности [Корякова, 1988; Матвеева, 1993б, 1994; Полосьмак, 1987; Могильников, 1992], так и в антропологическом составе и типах локальных групп населения прослеживаются специфические черты. Это обусловлено неодинаковым удельным весом компонентов, принимавших участие в их формировании, а заметные морфологические расхождения между компонентами указывают, видимо, на различия в их происхождении.

Результаты сопоставления всех серий показывают, что наибольшее морфологическое и таксономическое сходство обнаруживается между саргатским населением Прииртышья и Приишимья. Сближающим фактором выступает наименьшее среди саргатских групп присутствие в их составе монголоидных элементов, а расхождение обусловлено различным удельным весом высоколицего и низколицего европеоидных компонентов. В составе населения Приишимья несколько выше доля высоколицего варианта, в составе населения Прииртышья – низколицего. Популяции Притоболья и Барабы, в свою очередь, сближает единая европеоидная основа (низколицый вариант) и примерно одинаковая в пропорциональном отношении примесь монголоидного компонента, который, однако, морфологически разнотипен: в составе населения Барабы несколько выше доля низколицего варианта, в составе населения Притобо-

ля – высоколицего. По особенностям погребальной обрядности и сопровождающему погребения инвентарю могильники Барабы более сходны с саргатскими погребениями Притоболья, а не территориально ближайшего Прииртышья [Полосьмак, 1981, с. 81-82, 1987, с. 93-94].

В западносибирской лесостепи Прииртышье и Приишимье могут рассматриваться в качестве территории, на которой проживали племена, чей антропологический облик в наименьшей степени деформирован метисационными процессами, а физический тип максимально соответствует обобщенным характеристикам всего саргатского населения. На антропологический тип населения Притоболья и Барабинской лесостепи большее влияние оказали популяции иного физического облика (в данном случае монголоидные). По археологическим данным Барабе и Притоболью отводится роль периферий в ареале саргатской культуры [Матвеева, 1993б; Полосьмак, 1987], что косвенно подтверждается и антропологическими данными.

В силу небольшой численности краниологических материалов по другим культурам раннего железного века, трудно однозначно охарактеризовать расогенетические связи между популяциями, обитавшими в это время в западносибирской лесостепи. Однако направления этих связей вырисовываются вполне определенно. Так, по антропологическим особенностям черепа из могильников каменной (большереченской) культуры Барабы обнаруживают сходство с черепами из саргатских погребений. Как отмечено Н.В.Полосьмак, особенность каменной (большереченской) культуры в Барабе определяется тесным соприкосновением с саргатской, чем обусловлена близость погребальных комплексов этих культур, а детали погребального обряда очень близки, если не тождественны погребальному обряду саргатской культуры [1987, с.50-51]. Население каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам могильника Масляха) в целом также обнаруживает значительное сходство с

племенами саргатской культуры [Рыкун, 1999]. Таким образом, между людьми, обитавшими в эпоху раннего железа в Барабе и оставившими могильники саргатского и каменского типов, не прослеживается принципиальных антропологических различий.

Череп из новочекинских погребений Барабы наиболее сходны по морфологии с краниологическими данными по саргатскому населению Западной Сибири, особенно Барабы и Притоболья. Сближающим фактором выступает однотипность европеоидной основы (широкое невысокое уплощенное в горизонтальной плоскости лицо) и заметная примесь монголоидного компонента, который выявляется в двух вариантах. Один характеризуется высоким лицом, что сближает новочекинские черепа с материалами из саргатских могильников Среднего Тобола, другой обладает низким лицом и обуславливает их тяготение к группам, в составе которых низколицый монголоидный компонент фиксируется наиболее отчетливо, в данном случае к черепам из саргатских погребений могильника Марково 1 и из кулайских погребений могильника Каменный Мыс. В формировании антропологического типа населения новочекинской культуры доминирующая роль должна быть отведена эуриморфному европеоидному расовому компоненту, преобладающему в составе саргатских популяций, при активном участии монголоидных элементов, скорее всего, через непосредственные контакты с каменскими (монголоидный компонент с высоким лицом) и кулайскими (монголоидный компонент с низким лицом) племенами. Как видно, в антропологическом составе новочекинского населения нашли отражение его культурные контакты с саргатскими, каменскими (большереченскими) и кулайскими племенами, фиксируемые по археологическим источникам [Полосьмак, 1987, с.104-108; Чиндина, 1984, с. 21], следовательно, можно говорить как о культурном, так и о биологическом взаимодействии между популяциями данного этнокультурного круга.

Серия черепов из погребений гороховской культуры обнаруживает сходство с теми саргатскими выборками, в составе которых преобладает низколицый европеоидный компонент (Горная Бития/Красноярка и в целом группы Иртыша), причем в гороховской группе он прослеживается максимально отчетливо. Этот же комплекс определяет и антропологическую специфику черепов из кашинских погребений Абатского 3 могильника. Сближает гороховские и кашинские черепа и такая морфологическая особенность как уплощенный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, но если в составе гороховской серии фиксируется незначительная примесь грацильных низколицых монголоидов, иногда просто механическая, то в составе кашинской группы монголоидный компонент характеризуется массивностью и высоким лицом.

Краниологические данные показывают, таким образом, что между населением гороховской и кашинской культур не выявляется принципиальных различий. Для того и другого характерен физический тип, широко распространенный и преобладающий среди саргатских популяций, да и в целом среди населения лесостепной полосы Западной Сибири раннего железного века.

Череп из кулайских погребений морфологически отличаются от основного массива серий из могильников лесостепи. Сходство обнаруживается только с теми саргатскими группами, в составе которых монголоидная примесь достигает максимального уровня: Средний Тобол, Стрижево 1 и Марково. Но если в этих группах монголоидные элементы выступают как примесь, то в кулайской выборке, наоборот, основу составляет монголоидный пласт, а примесью является европеоидный компонент. Морфологические особенности типа кулайской выборки достаточно полно соответствуют характеристикам обобщенного монголоидного типа с низким лицом. В целом антропологический тип кулайского населения существенно отличается от облика людей культур лесостепной полосы, расогенетически они связаны опосредованно. Это обусловлено как проник-

новением в среду кулайцев европеоидных элементов (эуриморфный лицевой скелет), могущими быть родственными и саргатским, и каменским популяциям, так и тем, что часть монголоидной примеси (грацильность и низкое лицо) в составе лесостепных групп связана в происхождении с жителями внутренних таежных областей Западной Сибири, в том числе и с населением кулайской культуры.

Хронологическая изменчивость.

Для выявления динамики антропологической изменчивости саргатских палеопопуляций во времени серии сгруппированы по хронологии функционирования могильников. В преобладающем большинстве случаев датировки некрополей, основанные на типологических критериях, даются авторами раскопок в широких пределах. Поэтому между временными границами хронологических выборок есть трансгрессия, однако, несмотря на данную условность, некоторые основные тенденции изменчивости улавливаются. Серии сгруппированы по трем периодам функционирования саргатской культуры: начальный этап — IV-начало II вв. до н.э. (могильники Стрижево 2, Горная Бития/Красноярка, Исаковка 3, Усть-Тартас, Абрамово), средний этап — II в. до н.э.- II в. н.э. (сборные по Исети, Тоболу, Ишиму и Иртышу, могильники Абатский 1, Фоминцево, Бещаул, Богданово, Марково), финальный этап — конец II-IV вв. н.э. (могильники Абатский 3, Стрижево 1, Исаковка 1, Коконовка, Венгерово/Старый Сад).

Сравнительный анализ показал, что антропологический тип населения саргатской культуры с течением времени изменялся незначительно и в целом формообразовательный процесс во времени реконструируется по мужским и женским материалам в едином ключе. В антропологическом составе населения раннего этапа развития саргатской культуры (IV-II вв. до н.э.) преобладает европеоидный компонент с низким широким лицом, особенно в Прииртышье, но в меньшей степени в Притоболье. Но уже на рубеже эр в составе саргатских популяций хорошо прослеживается (как по муж-

ским, так и по женским материалам) скачкообразное увеличение удельного веса монголоидных элементов, с такой особенностью морфологии как низкое лицо. Данное сочетание антропологических особенностей определяет тип населения саргатской культуры во всем ареале ее существования. В последующее время (II-IV вв. н.э.) соотношение между европеоидным и монголоидным компонентами практически не меняется, не происходит и в целом каких-либо заметных изменений в антропологическом типе населения саргатской культуры.

§3. Направления родственных связей евразийских популяций

Переход от эпохи бронзы к раннему железному веку в евразийских степях повсеместно сопровождался формированием новых культур, которые, при своеобразии каждой, обладали рядом общих черт и образуют определенное культурное единство. Особенности физического облика ранних кочевников отражают краниологические материалы из могильников, оставленных скифами, саками, савроматами, сарматами, усунями и племенами, не имеющими этнонимов. Памятники последних локализуются преимущественно в восточной части «скифо-сибирского мира» — в Западной, Южной и Восточной Сибири и вплоть до Монголии, объединяемые исследователями в ряд археологических культур. Сопоставление антропологических материалов по населению западносибирской лесостепи раннего железа и примерно синхронными данными позволит выявить направления этногенетических связей западносибирских популяций и определить их место в системе антропологических типов степного пояса Евразии, а при сопоставлении с материалами предшествующего времени позволит пролить свет на генезис основных компонентов их антропологического состава.

Памятники скифской культуры в отчетливо выраженной форме фиксируются с VII по III вв. до н.э. Краниологические материалы происходят из ряда могильников степей Причерноморья (Нижнее Поднепровье) [Кондукторова, 1972], могильников Николаевка [Вели-

канова, 1975] и Никополь [Зиневич, 1967]. Серии черепов классических скифов морфологически однотипны и характеризуются европеоидным строением при долихокрании, средней высоте мозговой коробки, нешироком мезопротопном лице. Антропологические особенности классических скифов аналогичны типу населения причерноморских степей предшествующего времени или очень близких им племен срубной культуры Нижнего Поволжья [Кондукторова, 1972, с. 21-22].

В конце III в. до н.э. скифы вытесняются под давлением сарматов в Крым, в степях Причерноморья широко распространяются сарматские древности. В скифских памятниках III в. до н.э. – I в. н.э. прослеживается заметное влияние культуры сарматов. Однако черепа поздних скифов, происходящие из могильников Николаевка-Казацкое [Кондукторова, 1979], Золотая Балка [Кондукторова, 1971, 1972], Неаполь скифский [Кондукторова, 1964, 1972], Заветное [Зиневич, 1971], сохраняют значительное сходство с черепами классических скифов. Сарматские элементы в морфологическом облике поздних скифских черепов фиксируются очень слабо, что выражается в небольшом увеличении ширины лица и мозговой коробки [Кондукторова, 1972, с. 52-54].

По краниологии населения сарматской культуры накоплены к настоящему времени обширные материалы. Племена самого раннего этапа функционирования культуры (VII-IV вв. до н.э.) — савроматы, представлены сборными сериями черепов с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Балабанова, 1998] и Западного Казахстана [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Тип савроматов характеризуется в целом европеоидным строением, отмечается сложность их расового состава. Предками савроматов считаются племена различных культур эпохи бронзы: срубной, андроновской, катакомбной, причем доля этих компонентов различна в территориальных группах. Отмечено сходство в морфологии между черепами савроматов

и черепами из погребений предгорного Алтая скифского времени [Фирштейн, 1961, с. 80-81].

Сарматы — племена более поздних этапов функционирования сарматской культуры (прохоровского, IV-II вв. до н.э., сусловского, I в. до н.э. - начало II в. н.э., шиповского, II-IV вв. н.э.), представлены сборными краниологическими материалами из могильников Поволжья и Приуралья раннего и среднего периодов [Балабанова, 1998], поздний этап представлен серией черепов из Абганеровского могильника [Балабанова, Цыганова, 1997]. Антропологический тип сарматов во многом сходен с типом савроматов, они генетически тесно связаны, хотя отмечены и некоторые различия [Акимова, 1968; Кондукторова, 1956а, 1962; Тот, Фирштейн, 1970; Фирштейн, 1961; Гинзбург, Трофимова, 1972; Багашев, 1997]. Характерными особенностями сарматских черепов являются средневысокая мезокранная мозговая коробка, почти широкое средневысокое умеренно профилированное в горизонтальной плоскости лицо, сильно выступающие нос и переносье. Как и савроматы, сарматы имеют сложный антропологический состав, прослеживаются компоненты связанные со срубными, андроновскими племенами, удельный вес которых варьирует в территориальных группах. На рубеже эр в составе сарматов фиксируется монголоидная примесь, которая постепенно увеличивается, а ее появление связывается с влиянием усуней и сибирских монголоидов [Тот, Фирштейн, 1970, с. 146-147].

Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана, оставившие памятники сакского типа, представлены материалами из могильников Южного Приаралья раннесакского времени Сакар-чага [Яблонский, 1996], Тумек-кичиджик и Тарым-кая [Яблонский, 1996] (череп из двух последних могильников морфологически близки и относятся к единому краниологическому варианту [Яблонский, 1996, с. 54], используется суммарная выборка). Серии из могильников раннесакского времени Юго-Восточного Приаралья Тагискен и Уйгарак [Итина, Яблонский, 1997] используются отдельно, а также суммарно

[Гинзбург, Трофимова, 1972]. Позднесакским временем датируются погребения из могильников Юго-Восточного Приаралья Чирик-рабат и Асар, используется суммарная серия [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Привлечены также сборные серии из могильников сакского типа с территории Памира, Киргизии (Тянь-Шань и Алай) и Казахстана [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Несмотря на ряд сходных черт в культуре, расовый тип племен сакского времени отличается высоким полиморфизмом. Зафиксированы комбинации, имеющие аналогии в составе срубников и андроновцев, скифов и тагарцев, морфологически сходные с представителями носителей признаков различных вариантов средиземноморского, протоевропейского типов и типа Среднеазиатского междуречья, при этом в составе многих выборок прослеживается монголоидная примесь, происхождение которой связывается с влиянием монголоидов центральноазиатского и западносибирского происхождения [Гинзбург, Трофимова, 1972; Итина, Яблонский, 1997; Яблонский, 1996, 1999; Тур, 1997].

Кочевое население Средней Азии и Казахстана II в. до н.э. – III в. н.э. этнически связывается с усуньскими племенами, культура которых родственна сакской. В качестве сравнительных привлечены краниологические материалы усуньского времени, которые происходят из могильников Западной Туркмении [Гинзбург, Трофимова, 1972], Таджикистана (Арук-тау и Тулхар поздний) [Кияткина, 1961, 1968, 1976], Киргизии [Гинзбург, Трофимова, 1972], Южного (Семиречье) и Восточного (Прииртышье) Казахстана [Исмагулов, 1970]. Более позднего времени краниологические материалы из могильников кенкольской культуры Киргизии (II-V вв. н.э.) [Гинзбург, Трофимова, 1972], тесно связанной с усуньской. Для усуньских групп, как и для сакских, характерен высокий полиморфизм. Преобладает брахикранный умеренно широколицый европеоидный вариант, характерный для расы Среднеазиатского междуречья, а также ряд переходных форм к андроновскому и некоторым средиземноморским типам, повсеместно фиксируется небольшая монголоидная примесь и

в целом отмечается расогенетическая связь усуньских племен с населением предшествующего сакского времени. Выявляются некоторые закономерности территориальной изменчивости: в западных группах отчетливее проступают черты различных вариантов средиземноморского типа, в казахстанских — андроновского [Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972; Трофимова, 1974; Кияткина, 1976; Алексеев, Гохман, 1984а; Тур, 1997].

Из лесостепной части Северного Алтая известны материалы из могильника 2 пол. I тыс. до н.э. каменной (большереченской) культуры Масляха [Рыкун, 1999]. Население каменной культуры обитало в непосредственной близости от саргатских племен, в культуре тех и других фиксируется много общего [Полосьмак, 1987; Могильников, 1997; Матвеева, 1998]. Для каменной популяции характерен европеоидный тип с отчетливо выраженной примесью монголоидных элементов, связанных в происхождении как с населением таежной полосы Западной Сибири, так и Центральной Азии; европеоидный компонент обладает сходством с типом андроновцев-федоровцев [Рыкун, 1999, с. 84-85].

Скифским временем датируются черепа из могильников предгорного Алтая [Алексеев, 1958], обладающие европеоидным строением близким мезо-брахикранному варианту и этим отличающиеся от синхронных черепов из пазырыкских курганов Горного Алтая [Алексеев, 1958], в структуре которых фиксируется влияние центральноазиатских монголоидов [Алексеев, Гохман, 1984а]. В составе серии гунно-сарматского времени из курганов лесостепного Алтая прослеживается влияние западносибирских монголоидов [Алексеев, 1958, с. 49].

Из Минусинской котловины известны обширные краниологические материалы, отражающие расовые особенности населения VII-III вв. до н.э., оставившего памятники тагарской культуры [Козинцев, 1977]. Тип тагарцев с течением времени мало меняется, территориальная изменчивость также незначительна. Европеоидный тип та-

гарских популяций близок протоевропейскому, монголоидной примеси практически не фиксируется, сходство обнаруживает с типом афанасьевских и андроновских (федоровских) групп, [Козинцев, 1977, с. 67-68]. Сборная серия переходного тагаро-таштыкского времени морфологически мало отличается от тагарских выборок, но несколько увеличивается удельный вес монголоидной примеси [Алексеев, Гохман, 1984а]. Еще выше монголоидная примесь в составе населения таштыкской культуры Минусы [Алексеев, Гохман, 1984а], но монголоидные элементы генетически могут быть связаны не с племенами гуннского союза, а с населением лесостепного Алтая и Западной Сибири [Алексеев, Гохман, 1984а, с. 69].

Население Тувы скифского времени представлено сборной серией черепов [Алексеев, 1962], последующего, гунно-сарматского периода, краниологической серией из могильника Кокэль [Алексеев, Гохман, 1970]. Выборки, сложные по составу, в основе европеоидные. Европеоидный пласт сопоставим с мезо-брахикранным вариантом протоевропейского типа и обладает сходством с афанасьевскими и андроновскими (федоровскими) черепами, монголоидная примесь незначительна в скифское время и чуть выше в гуннскую эпоху, видимо, неоднородная. Наряду с низколицыми вариантами, удельный вес которых выше в скифскую эпоху, фиксируется присутствие центральноазиатских элементов, доля которых выше в гуннский период [Алексеев, 1960б, 1962, 1984; Алексеев, Гохман, 1970, 1984а].

Небольшая серия черепов из различных могильников Южного Забайкалья и Северной Монголии конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. характеризует расовые особенности гуннов [Алексеев, Гохман, 1984а]. Их антропологический тип отнесен к монголоидной расе, к палеосибирскому варианту, не исключена небольшая примесь европеоидного компонента; отмечено сходство типа гуннов с монголоидным населением Забайкалья эпохи бронзы [Мамонова, 1974, с. 227-228; Гохман, 1980, с. 33-34].

Из лесостепной полосы Приуралья (Волго-Камье) раннего железа происходят краниологические материалы из Тетюшского могильника ананьинской культуры [Ефимова, 1981]. Преобладает в серии европеоидный мезокранный и узколицый компонент, связанный с населением этой территории эпохи бронзы и низколицый брахикранный монголоидный компонент, сходный с типом западносибирского населения [Ефимова, 1981, 1991]. Позднее, в V-III вв. до н.э., на основе ананьинской формируются караабызская и пьяноборская культуры. Краниологические материалы из Биктимировского [Акимова, 1968], Шиповского и Охлебнинского [Ефимова, 1981] караабызских могильников взвешенно суммированы (табл. 50), серии в целом близки между собой, европеоидного облика с незначительной монголоидной примесью, возможен пришлый компонент с востока [Акимова, 1968; Ефимова, 1981, 1991]. Близки антропологическому типу караабызских и черепа из пьяноборских могильников — Камышлы-Тамак [Акимова, 1968], Кушулево [Ефимова, 1981] и Старый Чекмак [Фаттахов, 1981], также взвешенно объединены, но в материалах этих могильников, в отличие от караабызских, пришлый компонент не фиксируется. В целом ядро ананьинской культурной общности составили местные племена эпохи бронзы, на основе которых позднее формируется население рубежа эр, а морфологический тип населения пьяноборской культуры явился основой в сложении антропологических особенностей не только народов пермской ветви финно-угорской языковой семьи, но отчасти и тюркоязычного населения Поволжья и Приуралья [Акимова, 1968; Ефимова, 1981, 1991].

Обсуждение проблем расогенеза населения лесостепных культур раннего железа и происхождения основных компонентов его антропологического состава невозможно без привлечения для сравнительного анализа краниологических материалов предшествующего времени эпохи бронзы.

Сопоставление серий раннего железа Западной Сибири с группами бронзового века показало, что саргатские выборки из могильников Средней и Нижней Исети наибольшее таксономическое сходство обнаруживают с ирменскими сериями, особенно из могильников Томского и Верхнего Приобья. Невелики различия с андроновской серией Верхнего Приобья, а также с окуневскими и с карасукской. Обращает внимание, что если мужские саргатские группы Приисетья в целом сближаются с ирменскими, то женские, в составе которых отчетливее проявляется примесь монголоидных элементов, ближе к окуневским выборкам. Мужские черепа из саргатских погребений Среднего и Нижнего Тобола сходны по строению с северными сериями черноозерско-томского варианта андроновской общности, обнаруживая особенную близость с монголоидным компонентом Еловского 2 могильника. Женские черепа с Тобола, как и исетские, проявляют общую тенденцию сходства с окуневскими, карасукскими и ирменскими сериями. Суммарная притобольская выборка менее всего отличается от черноозерско-томских серий андроновской общности, более сближаясь с ее монголоидным компонентом, нежели европеоидным. Невелики в целом различия с ирменскими, карасукскими и окуневскими группами. С андроновскими (федоровскими) сериями различия возрастают, особенно из алакульских могильников, однако с кротовской группой доандроновского времени расхождение заметно меньше. Не обнаруживается сходства с европеоидными выборками из могильников ямной, катакомбной и срубной культур, равно как и с монголоидными популяциями Прибайкалья и Забайкалья. Однако необходимо отметить, что среднетобольская саргатская группа, в составе которой сильнее, чем в других проявляется примесь высоколицевого монголоидного компонента, менее остальных расходится с глазковскими сериями Прибайкалья.

Мужские черепа из Абатского 1 могильника весьма сходны с окуневскими и карасукскими группами, а также с ирменскими чере-

пами из погребений Томского Приобья. Несколько большие различия наблюдаются с черкаскульской группой и выборкой из могильника Черноозерье 1. Примерно таков же круг сходных серий эпохи бронзы вырисовывается и при сравнении с ними мужских черепов из Абатского 3, Фоминцевского могильников и сборной группы по Ишиму. Женские серии, особенно крупные по численности, в целом обнаруживают наибольшее сходство с теми же группами, что и мужские. Правда, стоят ближе к окуневским черепам, чем к карасукским и более мужских отличаются от ирменских серий. В отличие от приобольских, приишимские выборки заметно сильнее отличаются от андроновских групп, как федоровских, так и алакульских.

По саргатским материалам из Прииртышья наблюдаются сходные тенденции, хотя есть и особенности. Тип ранней серии из могильника Стрижево близок в целом типу ирменских, еловских и черкаскульских черепов, а также черноозерско-томским группам андроновской общности. Невелики различия данной выборки с кротовскими, окуневскими и с андроновскими черепами из федоровских могильников Северо-Восточного Казахстана. Несколько различные направления сходства проявляются при сравнении ранних (практически без монголоидной примеси) и поздних (с монголоидной примесью) черепов из Исаковки. Ранние черепа близки только андроновским (федоровским) сериям из Минусинской котловины и Северо-Восточного Казахстана, тогда как поздние, также несильно отличаясь от федоровских групп, большее сходство показывают с ирменскими, еловскими, черкаскульскими выборками, серией андроновской общности из могильника Еловка 2, особенно с ее европеоидным компонентом. Таков же круг морфологически сходных серий наблюдается при сравнении выборок из могильников Бещаул, Богдановки, Горной Битии/Красноярки с краниологическими данными эпохи бронзы, причем черепа из Горной Битии/Красноярки обнаруживают особенную близость с черепами из окуневских и карасукских погребений Минусинской котловины. Коконовская серия морфологи-

чески сходна преимущественно только с черепами из еловско-ирменских погребений Верхнего и Томского Приобья. В целом выборки из саргатских могильников Прииртышья наибольшее сходство показывают с популяциями окуневской, карасукской, еловской и ирменской культур. Невелики различия мужских черепов из Прииртышья с черкаскульской группой и сериями черноозерско-томского и федоровского типов андроновского времени; женские же группы, более монголизированного облика, с черепами данного культурного круга не обнаруживают особенного сходства.

Серия усть-тартасских черепов из Барабинской лесостепи морфологически сближается с выборками по еловской, карасукской и черкаскульской культурам. А вот саргатские черепа из могильника Абрамово обнаруживают сходство как с кругом еловско-ирменских серий, так и с андроновскими из могильников федоровского типа, в том числе и с серией из алакульского (с федоровскими элементами) могильника Ермак 4. Отсутствие монголоидной примеси на черепах из Абрамово определяет их расхождение с типом окуневских и карасукских групп, но одновременно сближая их с афанасьевскими сериями из Минусинской котловины и Горного Алтая и черепами ямников Калмыкии. Черепа из Марково, в силу значительной монголоидной примеси, не обнаруживают сходства с европеоидными группами эпохи бронзы, но проявляют особенную близость с монголоидным компонентом серии из могильника Еловка 2. В целом мужские саргатские группы Барабы в морфологическом плане сходны как с окуневскими и карасукскими сериями из Минусинской котловины, так и с еловско-ирменскими Западной Сибири и с выборкой из черкаскульских погребений. Невелики различия также с черноозерско-томскими сериями андроновской общности и андроновскими черепами из могильников Верхнего Приобья. Женские черепа сходны с более узким кругом групп, в основном с краниологическими выборками из могильников окуневской культуры.

Подводя итог результатам сравнения по сумме признаков саргатских групп с сериями предшествующего времени, отчетливо очерчивается круг как морфологически сходных, так и отличающихся от них выборок. Мужские и женские саргатские черепа в наименьшей степени отличаются от окуневских и карасукских групп Минусы и ирменских серий Западной Сибири. Особо следует отметить сходство в морфологии саргатских и кротовских черепов, примечательно при этом, что саргатские и кротовские женские черепа различаются между собой меньше, чем мужские. С группами андроновского времени мужские и женские черепа обнаруживают несколько различную степень сходства. Если мужские группы в целом сближаются с андроновскими сериями Верхнего Приобья и Северо-Восточного Казахстана, а также с сериями андроновской культурной общности из могильников Еловка 2 (примерно в одинаковой мере как с европеоидным, так и с монголоидным ее компонентами) и Черноозерье 1, то женские саргатские черепа особого сходства с ними не обнаруживают. Аналогичная картина наблюдается и при сопоставлении саргатских черепов с материалами по еловской и черкаскульской культурам: между саргатскими, с одной стороны, и еловскими и черкаскульскими, с другой, мужскими черепами различия невелики, но возрастают при сравнении женских выборок. Между саргатскими сериями и краниологическими материалами из могильников степной бронзы Нижнего Поволжья и Украины прослеживаются существенные морфологические различия.

Серия черепов из гороховских погребений морфологически специфична в силу малочисленности наблюдений, поэтому речь может идти лишь об относительном ее сходстве с тем или иным кругом групп бронзового века. Но даже при этом видно, что большую близость с мужской гороховской выборкой обнаруживают те же группы, которые сближаются с саргатскими сериями: это окунево, кротово, северный андрон (Черноозерье 1), ирмень и черкаскуль. Женские черепа наиболее близки по морфологии андронов-

ским сериям из федоровских могильников и ирменским из Барабы и Кузнецкой котловины.

Краниологический тип мужских кашинских черепов еще более специфичен — яркая европеоидность в сочетании с очень слабо профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом. В силу этого ему в совокупности привлекаемых для сравнения групп аналогий не прослеживается, хотя в относительном масштабе наименьшие расхождения наблюдаются между кашинской серией и материалами по окуневской и ирменской культурам. На женских кашинских черепах монголоидная примесь прослеживается весьма слабо и для них характерно (также относительное) сближение с черепами из федоровских и федоровско-алакульских могильников андроновской культуры и отчасти из афанасьевских и ямных погребений.

Новочекинская серия, в составе которой присутствуют европеоидный и монголоидный компоненты, проявляет тенденцию сближения с окуневскими черепами, а также менее всего расходится с глазковскими группами из Прибайкалья. Одновременно невелики различия новочекинских черепов, особенно мужских, с монголоидным компонентом и в целом с серией из Еловского 2 могильника, а также с черепами из еловско-ирменских погребений Томского и Верхнего Приобья.

Монголоидному типу кулайских черепов в анализируемой совокупности групп эпохи бронзы аналогий не найдено, но важно отметить, что с монголоидным компонентом серии из Еловского 2 могильника он обнаруживает наименьшие морфологические различия.

Сопоставление саргатских материалов, сгруппированных по времени функционирования могильников, и выделенных в их составе краниологических типов с данными по населению предшествующего времени дало небезынтересные результаты.

Как уже отмечалось, для погребенных в ранних саргатских могильниках IV-II вв. до н.э., характерна минимальная монголоидная

примесь. Ранние группы обнаруживают наибольшее морфологическое сходство с андроновскими (федоровскими) популяциями, но серии среднего этапа (II в. до н.э. – II в. н.э) и особенно финала (II-IV вв. н.э.) развития саргатской культуры от них уже отличаются. Типу ранних мужских и женских саргатских черепов близок также тип черепов из ирменских погребений. Причем саргатские популяции последующего времени сохраняют черты сходства с населением ирменской культуры.

Между ранней мужской саргатской выборкой и серией из погребений еловской культуры, как и с серией черкаскульских черепов, не отмечается четкой морфологической границы, но она прослеживается по женским материалам. С течением времени между саргатскими черепами, с одной стороны, еловскими и черкаскульскими, с другой, расхождение постепенно увеличивается.

Саргатские группы среднего этапа функционирования культуры, в составе которых по сравнению с предыдущим временем возрастает примесь монголоидных элементов, в морфологическом отношении менее всего отстоят от краниологических серий из могильников окуневской и, с несколько большими различиями, карасукской культур Минусинской котловины. Следует отметить, что краниологический тип и ранних, и поздних саргатских черепов, в особенности женских, также не обнаруживает принципиальных расхождений с типом окуневских и карасукских серий. Хронологическая тенденция такова: различия между саргатскими (рубежа эр) и окуневскими мужскими и женскими группами меньше, чем с группами IV-II вв. до н.э., по материалам II-IV вв. н.э. уровень сходства среди женских саргатских и окуневских выборок не меняется, но возрастает до первоначального между мужскими сериями.

Европеоидный краниологический тип с низким лицом, морфологически мало отличается от андроновского типа, характерного для федоровских групп, обнаруживая при этом значительное сходство с черепами из еловских и ирменских погребений. Прослежива-

ется также связь данного компонента с афанасьевскими черепами Минусинской котловины и черепами из могильников ямной культуры Калмыкии.

Европеоидный тип с высоким лицом также не сильно отличается от афанасьевской серии Минусы, андроновской (федоровской) Северо-Восточного Казахстана и ирменской Верхнего Приобья, однако при сравнении с материалами по населению эпохи бронзы Нижнего Поволжья обнаруживает сходство не с ямниками, а со срубниками. Высоколицый компонент менее отличен, по сравнению с низколицым, от популяций, в составе которых отмечаются элементы, характерные для носителей комплекса признаков средиземноморского типа (Кокча 3).

Монголоидный краниологический тип с низким лицом не имеет аналогий в европеоидных сериях эпохи бронзы, но несомненно он того же морфологического облика, что и монголоидные черепа в серии из могильника Еловка 2 и в целом серия из могильника Черноозерье 1, относимых к северному варианту андроновской культурной общности.

Монголоидный вариант, выделенный в саргатских материалах, обладающий крупным лицевым скелетом, морфологически сближается с теми группами, в составе которых заметную долю составляет примесь монголоидных элементов центральноазиатского типа (серии из могильников окуневской культуры), связанного в генезисе с населением глазковской культуры ранней бронзы Прибайкалья.

Характер общей изменчивости материалов по саргатской культуре и данных из могильников эпохи бронзы, усредненных не взвешенно по культурной принадлежности, демонстрирует их морфологические особенности и степень сходства. Они дифференцируются, в первую очередь, по присутствию или отсутствию монголоидной примеси, а внутри скоплений монголоидных и европеоидных групп по высоте лицевого скелета (рис. 3).

190

ников, но не оказывает существенного влияния на морфологический тип окуневских и карасукских женских черепов.

В особую совокупность также концентрируются группы с монголоидной примесью, которая по своей морфологии другого типа. Ее отличительными чертами являются: малая высота чуть более узкого и менее ортогнатного лицевого скелета, низкие орбиты. Среди исследуемых материалов в «чистом виде» данный комплекс не встречается, но его морфологический тип практически не отличается от черепов монголоидного облика из могильника Еловка 2, расположенного в северной части ареала памятников черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности, появление которых генетически связывается с таежным монголоидным населением Западной Сибири, и от выделенного в саргатских краниологических материалах монголоидного типа с низким лицом, и от черепов из кулайского могильника Каменный Мыс. По мужским материалам этот компонент отчетливее всего прослеживается в составе кротовской группы, сериях из могильников Еловка 2 и Черноозерье 1, саргатских выборках, особенно из Барабы. Несколько слабее фиксируется присутствие данного компонента в сериях из могильников ирменской и еловской культур. Во многом аналогичная картина рисуется по женским материалам. Присутствие монголоидного компонента с низким лицом отчетливо наблюдается в составе еловской и черноозерско-томских групп, слабее — в составе кротовской и карасукской серий, во всех саргатских (за исключением выборки с Тобола), а вот по особенностям морфологии женских черепов из ирменских погребений влияние низколицых монголоидов едва улавливается.

В отдельные совокупности сосредоточились серии черепов европеоидного облика без примеси монголоидных элементов, дифференцирующиеся между собой преимущественно по высотным характеристикам лицевого скелета. Для популяций афанасьевцев, а

также срубников и близкого им населения культуры многоваликовой керамики характерен более узкий и высокий лицевой скелет. Близки черепа андроновцев из алакульских могильников с серией из погребений тазабагъябской культуры, в составе которой отмечается смешение средиземноморских и срубно-андроновских элементов [Трофимова, 1961; Гинзбург, Трофимова, 1972; Виноградов, Итина, Яблонский, 1986]. Андроновский компонент, несомненно, алакульского типа, так как для андроновцев-федоровцев характерно заметно меньшая высота лицевого скелета при большей его ширине.

Обобщая результаты сопоставления различными методами материалов раннего железа с данными по населению эпохи бронзы степного пояса Евразии, можно сделать ряд выводов о генезисе расовых компонентов, принявших участие в формировании антропологического типа племен, обитавших в лесостепи Западной Сибири.

Несомненно, что монголоидная примесь в составе саргатских популяций имеет различное происхождение. Монголоидный компонент с высоким лицевым скелетом и брахикранией (его морфологические черты наиболее полно соотносятся с особенностями, характерными для центральноазиатских монголоидов) может быть связан с населением Восточной Сибири. Механизм проникновения его в состав западносибирского населения на имеющихся материалах не реконструируются однозначно, но определенно можно сказать, что процесс этот не носил одномоментного характера, а был значительно растянут во времени. Данный антропологический вариант инфильтрировался постепенно с населением, оставившим памятники различных археологических культур как в Восточной, так и Южной Сибири. Морфологически сходная монголоидная примесь фиксируется в составе неолитического населения Западной Сибири [Дремов, 1973, 1980, 1981, 1997; Bagashev, 1994; Багашев, 1994; Зах, Багашев, 1998], населения окуневской [Алексеев, 1961а; Дебец, 1980; Громов, 1996, 1997], карасукской [Рыкушина, 1976, 1980] и черкакульской [Шевченко, 1980, 1986; Рудь, 1981; Дремов, 1997] культур

эпохи бронзы. Влияние монголоидов центральноазиатского облика улавливается и в некоторых группах ирменского населения, особенно в Томском Приобье [Дремов, 1967, 1997].

До сих пор отсутствуют серийные краниологические материалы из могильников таежной полосы Западной Сибири, отражающие физические особенности населения бронзового века, но уже можно судить о них, хотя и на основании косвенных данных, привлекая краниометрические характеристики. Черепа из неолитических могильников Северной Барабы позволяют считать, что, по крайней мере, в III тыс. до н.э. для населения внутренних районов Западной Сибири характерен монголоидный облик, особенностями которого является низкий эуриформный лицевой скелет и в целом ряд противоречивых, с точки зрения исторической корреляции, сочетаний признаков, указывающих на недифференцированность его морфотипа [Полосьмак и др., 1989]. Как было показано выше подобный компонент прослеживается в составе и других неолитических серий – Омская стоянка, Ордынское-Радумье, Лебеди 2. В принципиальных чертах подобный морфологический комплекс фиксируется на черепах монголоидного типа, выделенных В.А.Дремовым в серии из могильника Еловка 2 [1997] и в серии из могильника Черноозерье 1 [Дремов, 1990а]. Проведенный сравнительный анализ показал, что значительная примесь низколицего монголоидного компонента наблюдается и в составе населения кротовской культуры доандроновского времени, а также в составе выборок из могильников окуневской и карасукской культур. Существенный отпечаток примесь данного компонента накладывает на антропологический тип населения поздней бронзы, оставившего памятники еловской и ирменской культур [Дремов, 1967, 1997; Молодин, Чикишева, 1988; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993].

Низколицый монголоидный вариант определяет специфику краниологического типа черепов из кулайского могильника раннего железа Каменный Мыс. Он отчетливо фиксируется в составе сар-

гатских групп, особенно проживавших в Барабинской лесостепи, о чем однозначно свидетельствует морфологический облик черепов, выделенных в их составе. Значительное морфологическое сходство, особенно в своеобразных сочетаниях краниологических признаков, наблюдаемое между саргатским низколицыми монголоидным компонентом и кулайскими черепами позволяет достаточно уверенно говорить об общности их происхождения. Генезис этого компонента уходит корнями, как свидетельствуют материалы, в неолит. В эпоху бронзы он выступает в качестве значительной примеси в составе населения кротовской культуры и в северных популяциях черноозерско-томской андроновской культурной общности, но слабо фиксируется в составе андроновцев-федоровцев и полностью отсутствует в составе андроновцев-алакульцев. В позднебронзовое время низколицые монголоиды составляет заметную долю антропологического состава еловских и ирменских популяций. Проникали они и в восточные районы, смешиваясь с населением окуневской и карасукской культур. Присутствие данного комплекса следует рассматривать в качестве одного из основных факторов, определяющих морфологическое сходство кротовских, черноозерско-томских и еловско-ирменских популяций как между собой, так и в целом с саргатским населением. Его появление в составе лесостепных групп раннего железа обусловлено преимущественно влиянием синхронных племен кулайской культуры, связанных посредством низколицевого монголоидного компонента с населением западносибирских культур бронзового века.

Европеоидная основа населения лесостепных культур раннего железа также не однородна, составляющие ее компоненты морфологически различаются достаточно, чтобы говорить о различных путях их происхождения. Один из компонентов (высокий череп и высокое мезо-лептоморфное строение лицевого скелета), удельный вес которого в составе саргатских популяций в целом невелик, имеет некоторый параллелизм с типом черепов из елунинско-самусьско-

окуневских погребений Верхнего Приобья. При этом большее сходство он обнаруживает с европеоидным компонентом окуневских и карасукских групп Минусинской котловины и выборки из ирменских погребений Верхнего Приобья, сближаясь в свою очередь с типом черепов их могильников афанасьевской и ямной культур. В целом возможен допуск незначительного его влияния на генезис населения южной части Западной Сибири более позднего времени, в том числе и саргатского.

Европеоидный компонент в составе лесостепного населения раннего железного века, характеризующийся эуриморфным строением лицевого скелета и мезо-брахикранной средневысокой мозговой коробкой, выступает в качестве расовой основы популяций саргатской, гороховской и кашинской культур, отчетливо фиксируется в новочекинской группе и слабее - в кулайской. Проведенный сравнительный анализ со всей определенностью позволяет утверждать, что генетически он может быть связан с андроновскими племенами федоровского типа, что подтверждает выводы Г.Ф.Дебеца [1948] и М.С.Акимовой [1972] о родстве населения саргатской культуры с племенами палеоевропейского типа предшествующего времени. Андроновский (федоровский) компонент является одним из основных в составе населения ирменской и еловской культур, значителен его удельный вес и в кротовской выборке, можно полагать его незначительное присутствие также в составе населения тазабагьябской культуры Южного Приаралья. В целом еловские, ирменские и саргатские (Иртыш) популяции отличаются от андроновцев федоровского типа в основном лишь заметной примесью низколицего монголоидного компонента, доля которого еще выше в составе кротовских, черноозерско-томских и саргатских (Бараба) групп. Следует отметить, что вряд ли есть основания говорить о том, что европеоидный компонент кротовской выборки, а тем более европеоидный компонент серии из Еловского 2 могильника, принципиально отличны от андроновского (федоровского) типа и должны быть связаны в

генезисе с афанасьевцами [Дремов, 1990а, 1997]. Скорее всего, речь можно вести об опосредованном влиянии афанасьевско-ямных элементов на формирование кротовских и черноозерско-томских популяций.

Таким образом, отчетливо прослеживаются генетические связи между популяциями лесостепной полосы Западной Сибири с населением предшествующего времени. Речь, разумеется, идет о родственной связи между антропологическими компонентами, принявшими заметное участие в формировании населения железного и бронзового веков, а также неолитических групп юга Западной Сибири, ибо и те и другие имеют сложный состав. Доминирующую роль в формировании антропологического облика саргатских, ирменских, черноозерско-томских и кротовских групп сыграли два пласта: европеоидный, генетически связанный с андроновским (федоровским) населением и монголоидный, родственный населению внутренних таежных областей Западной Сибири. Применительно к эпохе бронзы это наблюдение хорошо коррелирует с данными археологии [Молодин, 1985], более или менее отчетливо прослеживается также связь между ирменской и саргатской культурами, хотя в основном по археологическим материалам Барабы [Молодин, Колонцов, 1984; Полосьмак, 1987].

Менее существенная роль в формировании физического типа лесостепных групп раннего железа может быть отведена европеоидному компоненту другого генезиса, связанному с племенами культур срубно-андроновского (алакульского) типа.

В генезисе населения окуневской и карасукской культур немаловажное значение сыграли монголоиды центральноазиатского типа, родственные глазковским группам и в меньшей степени таежные низколицые монголоиды, а также европеоидные племена афанасьевской культуры.

Отмечаемый широкий круг групп различных культур эпохи бронзы, имеющих черты морфологического сходства, как между со-

бой, так и с популяциями лесостепи Западной Сибири раннего железа, не является бесспорным свидетельством существования между ними родства, а указывает на общность происхождения компонентов, принявших участие в формировании племен тех или иных культур: чем выше доля родственных компонентов, тем отчетливее проявляется сходство, и наоборот. В формировании населения южной части Западной Сибири в эпоху бронзы определенное место, несомненно, должно быть отведено метисационным процессам, которые в определенной мере связаны с перемещением людей, что находит свое отражение в материальной культуре и позволяет реконструировать миграции древних коллективов [обзор проблем и литературы см.: Косарев, 1974, 1981, 1984, 1987а, 1987б, 1987в, 1987г, 1987д, 1987е]. Немаловажное значение должно быть отведено автохтонности в развитии древних популяций, о чем свидетельствует однотипность антропологического покрова конкретных географических районов, сохраняющаяся на протяжении длительных периодов исторического развития при сменах археологических культур на этих же территориях. Поэтому представляется, что роль миграций в этногенетических процессах, протекавших в эпоху бронзы на юге Западной Сибири и реконструируемых на археологических источниках, несколько преувеличена.

Для реконструкции основных направлений связей лесостепных племен Западной Сибири раннего железа с синхронным населением сопредельных территорий они материалы сопоставлялись с примерно синхронными сериями.

Саргатские черепа из могильников Притоболья не обнаруживают особого сходства с привлекаемыми для сравнения группами, более или менее отчетливо выявляется западное направление связей, в основном с ранними кочевниками Поволжья и Приуралья середины I тыс. до н.э. Элементы морфологического сходства обнаруживаются также с серией раннесакского времени из могильников Тагискен и Уйгарак. С другой стороны, наблюдается сближение сар-

гатских серий по морфологии к тем выборкам, в составе которых присутствует примесь монголоидных элементов центральноазиатского происхождения - из могильника каменной культуры Масляха, усуньскими с территории Киргизии и Казахстана.

Саргатские серии из Приишимья также близки черепам из савроматских и ранних сарматских могильников Поволжья, Приуралья и Казахстана. Более отчетливо, чем по притобольским материалам, наблюдается сходство с черепами из ранне- и поздне-сакских могильников Юго-Восточного Приаралья, а также с серией раннесакского времени из могильника Южного Приаралья Сакар-чага, невелики различия и со сборными сакскими сериями Киргизии и Казахстана. Одновременно морфологическое сходство саргатские серии из Приишимья обнаруживают с рядом усуньских групп (Киргизия, Казахстан), а также с черепами из тагарских могильников Минусы. Причем степень сходства ранних и поздних саргатских черепов различна с перечисленными выше сериями: ранние стоят ближе к кругу савромато-сарматских и сако-усуньских групп, обнаруживая сходство при этом и с выборками из Тувы скифского и гунно-сарматского времени, а поздние (Абатский 1 и 3 могильники), в составе которых зафиксирована примесь низколицых монголоидных элементов, отличаются от них в большей степени.

По саргатским материалам из могильников Прииртышья наблюдается во многом сходная картина, но выявляется и ряд особенностей. В частности, европеоидный тип ранней выборки из Исаковки 3 отличен как от типа савромато-сарматских и сако-усуньских, так и от скифских групп, но сближается с типом населения тагарской культуры. Поздняя же серия из Исаковки 1, а также из Богдановки и Горной Битии/Красноярки, морфологически сходны с черепами из савроматских и ранне-средних сарматских могильников, а также с сакскими и усуньскими сериями Киргизии и Казахстана, но сохраняют при этом сходство и с тагарскими черепами. Как и в предыдущем случае, может быть отмечено сходство между антропологическим

типом саргатских выборок со строением черепов из могильников сакского типа (ранних и поздних) Юго-Восточного и Южного (Сакарчага) Приаралья, а также сакских могильников Киргизии и Казахстана, и это несмотря на значительный полиморфизм сакских групп. Незначительны расхождения между саргатскими черепами и черепами из тагарских могильников, погребений предгорного Алтая и Тувы скифского времени.

Саргатские группы Барабинской лесостепи в целом также сближаются в первую очередь с савроматскими сериями из Западного Казахстана, Поволжья и Приуралья, а также с выборками раннего и среднего этапов сарматской культуры. Невелики различия барабинских саргатских выборок с ранними (Тагискен и Уйгарак) и поздними (Чирик-рабат и Асар) сакскими популяциями Юго-Восточного Приаралья, саками и усунями Казахстана, серией из предгорного Алтая скифского времени, а также с ананьинской и караабызской группами. Однако подобный круг сходных групп характерен преимущественно для европеоидных серий (Усть-Тартас), в то время как более монголоидные (Марково) не обнаруживают с ними такого заметного сходства.

Для всей саргатской выборки круг морфологически сходных серий вырисовывается во многом тот же, что и для локальных серий. Наименьшие различия фиксируются с савроматскими и сарматскими (кроме поздней) группами, ранними и поздними саками Юго-Восточного Приаралья, саками Казахстана, усунями Киргизии и Казахстана. В их составе более или менее весом классический андроновский (федоровского типа) компонент. Несколько большие расхождения наблюдаются с тагарскими материалами, черепами из могильников предгорного Алтая и Тувы скифского времени, а также из погребений ананьинской и караабызской культур Восточной Европы. Различия резко возрастают между саргатскими и теми группами, антропологический тип которых определяют различные средиземноморские элементы (саки Памира), и теми, в составе которых преоб-

ладают монголоидные черты центральноазиатского происхождения (Горный Алтай).

Саргатские черепа, сгруппированные по хронологии, имеют различный характер сходства с привлекаемыми для сравнения группами. Так, антропологический тип выборки из могильников раннего периода функционирования культуры (с минимальной примесью монголоидных элементов) более всего сближается с типом савроматских групп из Западного Казахстана, Поволжья и Приуралья и с типом черепов из могильников Поволжья и Приуралья раннего и среднего периодов развития сарматской культуры. Чуть выше различия между ранними саргатскими и сакскими черепами из Казахстана и Киргизии, хотя в целом и невелики, а также с позднесакскими черепами из могильников Чирик-рабат и Асар в Юго-Восточном Приаралье, и еще выше с усунями. Заметное сходство ранняя саргатская выборка обнаруживает с черепами из погребений тагарской культуры и могильников предгорного Алтая и Тувы скифского времени.

Для саргатских групп рубежа эр (в их составе по сравнению с предыдущим периодом возрастает удельный вес антропологически разнородной монголоидной примеси) характерно усиление специфики и как следствие рост различий с означенными выше сравнительными сериями. Эта тенденция сохраняется, даже незначительно усиливается на финальном этапе существования саргатской культуры. При этом отмечается небольшое, но повсеместное уменьшение морфологических различий черепов среднего этапа саргатской культуры с выборками, в составе которых присутствует монголоидная примесь центральноазиатского типа – особенно со сборной ранней сакской серией из могильников Тагискен и Уйгарак Юго-Восточного Приаралья и в меньшей степени с усуньскими Киргизии и Казахстана, Горного Алтая скифского времени, черепами из могильников гунно-сарматского времени Алтая и Тувы. Незначительно, но также уменьшились различия с хунну.

Поздние саргатские выборки морфологически еще чуть дальше отстоят от европеоидных серий, как без монголоидной примеси, так и с монголоидным компонентом центральноазиатского типа, хотя уровень монголоидности средних и поздних групп примерно одного уровня. Это вызвано тем, что удельный вес монголоидного компонента центральноазиатского типа в составе населения саргатской культуры в начале I тыс. н.э. несколько снижается, но одновременно пропорционально возрастает доля низколицевых монголоидных элементов, близких по морфологическому облику черепам из кулайского могильника Каменный Мыс.

Сопоставление краниологических типов, выделенных в составе лесостепного населения Западной Сибири, с группами раннего железа показывает, что европеоидный тип с низким лицом обнаруживает наибольшее сходство с савроматскими и сарматскими (кроме поздних) черепами, невелики различия также с отдельными сакскими (Казахстан) и усуньскими (Таджикистан) сериями. Европеоидный тип с высоким лицом в морфологическом плане весьма близок типу черепов из тагарских могильников Минусы, проявляя при этом определенное сходство с серией савроматских черепов из Казахстана. Близких аналогий монголоидному типу с низким лицом в данной совокупности сравнительных материалов, как и следовало ожидать, не обнаруживается, а вот монголоидный краниологический вариант с высоким лицом, морфологические характеристики которого во многом соответствуют центральноазиатскому типу североазиатской группы популяций, имеет элементы сходства с черепами ранних саков Юго-Восточного Приаралья (суммарная серия из Тагискена и Уйгарака) и в целом с черепами из могильников Горного Алтая скифского и Тувы гунно-сарматского периодов.

Морфологические особенности гороховской серии позволяют очертить круг близких ей групп раннего железа в относительном масштабе, но и при этом видно, что наибольшее сходство с ней обнаруживают те же серии, которые мало отличаются от саргатских

черепов. Это средние сарматские (Поволжье и Приуралье), сакские (Киргизия и Казахстан) и усуньские (Киргизия) группы, а также выборки из могильников предгорного Алтая и Тувы скифского времени.

Краниологический тип кашинских черепов также характеризуется значительной спецификой (европеоидность в сочетании с плоским по горизонтали лицом), которая является, как было показано выше, следствием малочисленности выборки. В силу этого среди сравнительных материалов ему не обнаруживается прямых аналогий, в относительном же масштабе наименьшие расхождения наблюдаются с теми европеоидными сериями, в составе которых присутствует андроновский (федоровский) пласт.

Для серии черепов из погребений новочекинской культуры, в которой фиксируются как минимум два низколицых антропологических варианта (европеоидный и монголоидный), не выявляется морфологически близких выборок, но проявляется довольно устойчивое ее тяготение к отдельным европеоидным палеопопуляциям (каменная культура, саки Казахстана), краниологическая структура которых сходна с европеоидным компонентом новочекинской группы.

В анализируемой совокупности сравнительных материалов не прослеживается близких аналогий типу черепов кулайской серии (монголоидность в сочетании с низким лицевым скелетом), а доля европеоидного компонента в ее составе невелика, так что это не оказывает сколько-либо заметного влияния на характер и направления расогенетических связей кулайской палеопопуляции.

Общая изменчивость краниологических материалов из западносибирской лесостепи и сравнительных данных Северной Евразии, а также особенности их взаиморасположения позволяют очертить совокупности наиболее сходных палеопопуляций. В особое скопление сконцентрировались выборки с заметной монголоидной примесью, морфологическая специфика которой гармонична, с точки зрения исторической корреляции и характеризуется брахикранией, вы-

соким широким плоским лицевым скелетом, небольшим углом выступления носовых костей и невысоким переносьем. Эта морфологическая комбинация без труда идентифицируется с антропологическими особенностями монголоидов Северной Азии, в частности с центральноазиатским типом, широко распространенным в Восточной Сибири в древности и современности, и может быть связана с ним в своем генезисе. Именно в это скопление групп попадает и морфотип монголоидного облика с высоким лицом, выделенный в составе лесостепного населения Западной Сибири раннего железа. Явственно данный комплекс выражен в составе населения Горного Алтая скифского времени (пазырыкская культура) и населения Тувы гунно-сарматского периода, прослеживается его влияние на облик населения предгорного Алтая скифского времени, что неоднократно отмечалось исследователями [Дебец, 1948; Алексеев, 1958; Алексеев, Гохман, 1984а]. Скорее всего, именно подобный краниологический вариант может быть отмечен как примесь в составе саркагинской популяции ранних саков Южного Приаралья и в составе тагискенско-уйгаракской раннесакской выборки Юго-Восточного Приаралья, монголоидная примесь в составе которых также зафиксирована [Гинзбург, Трофимова, 1972; Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997; Алексеев, Гохман, 1984а] (рис. 4).

Особую группу составляют серии европеоидного облика и характеризующиеся мезо-брахикранией, невысокой мозговой коробкой, широким низким (эуриморфным) лицевым скелетом, низкими орбитами, но с примесью варьирующего в пропорциональном отношении монголоидного компонента, что выражается в слабой профилировке по горизонтали лица, небольшом угле выступления носовых костей, но в сочетании с относительно более высоким переносьем. Данное сочетание морфологических черт является специфической особенностью антропологического типа населения западносибирских культур раннего железного века - саргатской, гороховской, кашинской и кулайской, а также каменской культуры Северного Алтая.

Сходная комбинация признаков характерна также для населения ананьинской культуры и отдельных популяций саков (Казахстан) и усуней (Киргизия). В целом особенности данного морфотипа отграничивают лесостепные популяции Западной Сибири и отмеченные выше, от привлеченных для сравнительного анализа выборок эпохи раннего железа с сопредельных территорий. Своеобразие западно-сибирских групп во многом обусловлено примесью низколицых монголоидных элементов, связанных в происхождении с населением внутренних таежных областей Западной Сибири, воздействие которого на генезис популяций южной части Западной Сибири прослеживается, по крайней мере, с неолитического времени, однако, как видно, его влияние не может быть ограничено только этой территорией.

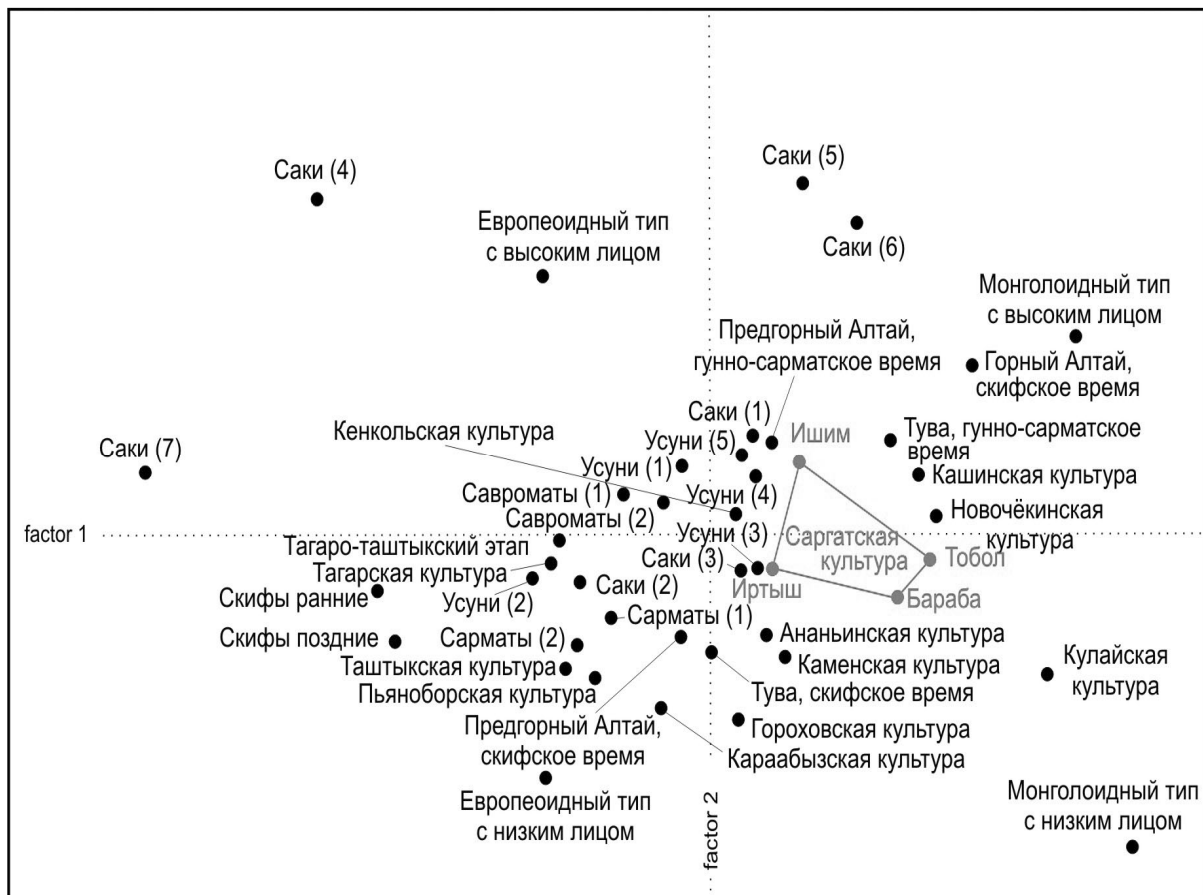

Рис. 4. Взаиморасположение палеопопуляций эпохи раннего железа

Обособленное скопление составили серии черепов европеоидного облика без монголоидной примеси, либо с весьма незначительной ее долей. Они дифференцируются в первую очередь по высотным размерам лицевого скелета и всего черепа, а также по форме черепа и ширине лица, поэтому данная совокупность состоит как бы из двух микроскоплений. 1-е - серии черепов с пониженной высотой свода, низким лицом и носом, низкими орбитами причем для черепов из погребений скифского времени предгорного Алтая, ранних и средних сарматских, некоторых сакских (Киргизия) и усуньских (Таджикистан), тагарских, тагаро-таштыкских и таштыкских групп в целом свойственна бóльшая ширина лица, чем для черепов из скифских курганов. В целом сочетание европеоидного типа с таким комплексом признаков как мезокrania, средняя высота мозговой коробки, широкое низкое (эуриморфное) не резко профилированное в горизонтальной плоскости лицо, образует комбинацию, происхождение которой может быть связано с населением андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы. Роль андроновского компонента в формировании тагарцев [Козинцев, 1977], населения предгорного Алтая скифского времени [Дебец, 1948; Алексеев, 1958], ряда восточных групп ранних кочевников Приуралья сарматского времени [Дебец, 1948; Фирштейн, 1961; Кондукторова, 1962, Акимова, 1968; Тот, Фирштейн, 1970], саков Киргизии [Гинзбург, 1963б; Гинзбург, Трофимова, 1972; Тур, 1997] и усуней Казахстана [Гинзбург, Трофимова, 1972; Исмагулов, 1970; Гохман, 1973] также неоднократно отмечалась исследователями.

2-е - особенностью выборок является мезо-долихокрания, повышенная высота свода черепа и узкое строение хорошо профилированного в горизонтальной плоскости лицевого скелета, высокое переносье и большой угол выступания носовых костей. В морфологическом плане данная характеристика во многом соответствует антропологическим типам тех популяций, которые связываются обычно с различными вариантами средиземноморского облика. В анали-

зируемой совокупности групп вышеприведенным характеристиками более всего соответствует серия черепов из погребений сакского времени Памира, краниологический тип которой отнесен к совокупности средиземноморских форм [Гинзбург, Трофимова, 1972; Тур, 1997]. Отмеченный в материалах раннесакского времени из могильников Южного Приаралья Тумек-кичиджик и Тарым-кая долихокраниый матуризованный краниологический тип [Яблонский, 1996] по ряду позиций также сближается с высоколицым европеоидным морфотипом, зафиксированным в составе населения западносибирской лесостепи раннего железа.

Результаты сравнительного анализа в целом свидетельствуют, что население западносибирской лесостепи раннего железа характеризуется определенным своеобразием, которое во многом обусловлено влиянием таежных низколицых монголоидных элементов. При этом более или менее отчетливо очерчивается круг морфологически близких западносибирским выборкам групп. Но также вырисовывается совокупность серий эпохи бронзы, мало отличающихся по своей краниологии от материалов из могильников лесостепных культур раннего железа.

Качественная оценка различий между выборками из могильников эпохи бронзы и раннего железа показывает наиболее близкородственные между собой скопления палеопопуляций. Во-первых, это серии с гармоничным монголоидным комплексом центральноазиатского облика, предельно отчетливо выраженным на черепах из пазырыкских курганов Горного Алтая и из погребений гунно-сарматского времени Тувы. В качестве примеси данный вариант может быть отмечен в составе некоторых других групп раннего железа, а также в составе черноозерско-томской выборки андроновской культурной общности, окуневской, карасукской и черкаскульской краниологических серий эпохи бронзы.

Во-вторых, группы с такими чертами как долихокrania, повышенная высота свода, узкий резко профилированный по горизонта-

ли лицевой скелет, высокое переносье и наибольший в данной совокупности групп угол выступления носовых костей. Данная комбинация признаков типична преимущественно европеоидным сериям эпохи бронзы, в составе которых монголоидная примесь не отмечалась – ямники, катакомбники, срубники, тазабагьяб, алакуль.

В-третьих, выборки с характерными особенностями краниологического типа саргатского населения – мезо-брахикrania, эури-морфный уплощенный по горизонтали лицевой скелет, высокое переносье в сочетании со средним углом выступления носовых костей, имеют аналогии морфотипу населения ряда культур эпохи бронзы Западной и Восточной Сибири, Приуралья - еловской, карасукской, окуневской, черкаскульской, а также антропологическому типу ряда других популяций эпохи бронзы – ирменским, кротовским, черно-озерско-томским, которые отличаются менее уплощенным лицевым скелетом и большим углом выступления носа. Европеоидный пласт этих серий в генетическом плане связывается с популяциями андроновского (федоровского) типа [Дремов, 1990а, 1997; Рыкушина, 1976, 1980; Громов, 1996; Шевченко, 1980; Рудь, 1981; Молодин, Чикишева, 1988; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993]. Андроновский (федоровский) компонент, как отмечено выше, морфологически мало отличается от той европеоидной комбинации, которая наблюдается в некоторых сакских группах (Чирик-рабат и Асар, в меньшей степени Тагискен-Уйгарак и Сакар-чага), усуньских (Западная Туркмения, Таджикистан, Семиречье), савроматских (Нижнее Поволжье, Приуралье и Западный Казахстан).

Таким образом, для лесостепного населения саргатской общности Западной Сибири раннего железа вырисовываются два наиболее устойчивых направления расогенетических связей – с ранними и поздними сакскими популяциями Южного и Юго-Восточного Приаралья и ранними кочевниками Приуралья и Поволжья, оставившими памятники савроматского типа, а также раннего и среднего сарматских периодов. Менее отчетливо проявляется направление

связей с населением предгорного Алтая и Тувы скифского времени. Взаимодействие с населением кулайской культуры было также постоянным и осуществлялось посредством постоянной антропологической диффузии.

Природа морфологического сходства между черепами из могильников саргатской общности, вышеупомянутых сакских и савромато-сарматских довольно сложна, вырисовывается несколько аспектов, позволяющих это интерпретировать, поэтому многопланово реконструируются и этногенетические связи между ними.

Это, в первую очередь, общность генетического корня одного из европеоидных компонентов состава сакских, сарматских и саргатских популяций, уходящего к андроновскому (федоровскому) населению эпохи бронзы. Как известно, перемещение тех или иных групп людей в относительно однородной антропологической среде не всегда находит свое отражение в краниологии, что создает определенные сложности при реконструкции расогенетических процессов. Если в культуре локальных образований к началу эпохи железа уже формируются некоторые относительно устойчивые специфические традиции, то в антропологическом составе того или иного населения, имевшего в эпоху бронзы общих предков, особенности еще недостаточно стабильны. Здесь закономерность такова: чем репрезентативнее краниологический материал, тем отчетливее выступают антропологические особенности популяции (группы популяций), тем реальнее в этногенезе та или иная комбинация антропологических признаков. Наоборот, при малой численности выборок, по которым характеризуется физический тип носителей той или иной культуры, мы сталкиваемся скорее с особенностями индивидуальной, а не популяционной изменчивости, в реальности которой всегда есть сомнения. Современное состояние источниковой базы позволяет акцентировать внимание на отдельных, уже устойчивых особенностях физического облика локальных групп популяций, обитавших в Северной Евразии. В целом можно выделить несколько

вполне определенных комплексов, характеризующихся спецификой морфотипа и приуроченных к конкретным территориям. Для понимания общей этногенетической ситуации в степном поясе Евразии в эпоху раннего железа важным представляется установление надпопуляционной структуры населения, элементарные единицы которой (группы популяций) представляют собой наследственных носителей определенных комбинаций биологических черт.

В Западной Сибири в начале раннего железа продолжается инфильтрация в состав лесостепных племен таежных низколицых монголоидных элементов, поэтому для местных популяций становятся характерными чертами более брахикранная форма черепа и большая эуриморфность лицевого скелета, который приобретает большую уплощенность по горизонтали, менее высокое переносье и небольшой угол выступания носовых костей. При этом не исключено, что происхождение горизонтальной уплощенности лицевого скелета не обязательно может быть связано с монголоидным влиянием, а обусловлено большой шириной лица при относительно высоких положениях назиона и субспинале, в результате чего величины назомаллярного и зигомаксиллярного углов принимают повышенные значения и создают впечатление об ослаблении горизонтального профиля лицевого скелета.

В Поволжье и Приуралье в переходное от бронзы к железу время, видимо, в результате продолжающегося смешения между андроновскими (федоровскими) и срубно-алакульскими группами, и позднее, между савроматскими и скифскими, для антропологического типа местных популяций характерной становится более удлиненная форма мозговой коробки, чуть более высокий и заметно более узкий лицевой скелет, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости, высокое переносье при большом угле выступания носовых костей. Именно по этим же показателям проходит линия, дифференцирующая андроновские (федоровские) и отдельные сарматские группы. В позднее сарматское время метисационные процессы

приобретают более широкие масштабы, что ведет к еще более заметной долихокефализации, увеличению высоты черепа, усилению лептомофности лицевого скелета, о чем свидетельствует краниологический тип поздней сарматской серии из Абганеровского могильника, правда, весьма незначительной по численности [Балабанова, 1998; Балабанова, Цыганова, 1997].

Другим моментом, частично обуславливающим наблюдаемое морфологическое сходство между саргатскими выборками, черепами ранних кочевников Поволжья середины - второй половины I тыс. до н.э. и типом отдельных ранних сакских популяций Южного (Сакар-чага) и Юго-Восточного Приаралья (Такискен-Уйгарак), типом поздней сакской группы Юго-Восточного Приаралья (Чирик-рабат и Асар), а также с черепами из могильников сакского типа Киргизии и Казахстана, краниологическими особенностями каменной палеопопуляции из могильника Масляха Северного Алтая и выборки скифского времени из могильников предгорного Алтая, является наличие примеси монголоидных элементов [Дебец, 1948; Гинзбург, Трофимова, 1972; Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997; Тур, 1996; Исмагулов, 1970; Алексеев, 1958; Алексеев, Гохман, 1984а, Рыкун, 1999]. Удельный вес монголоидного компонента, естественно, варьирует в локальных выборках, в морфологическом отношении он не является однородным. Анализ состава популяций саргатской общности позволяет говорить о трех морфотипах монголоидного облика. Низколицый мезо-брахикранный вариант, связанный в происхождении с аборигенным таежным населением Западной Сибири, определяет антропологическую специфику популяций кулайской культуры, в меньшей степени – новочекинской. Его присутствие отчетливо прослеживается в составе населения саргатской и каменной культур, групп предгорного Алтая и, видимо, Тувы скифского времени, а также в составе ранних кочевников Приуралья савроматского времени. Низколицый долихокранный вариант фиксируется только в составе населения саргатской общности. А вот монголоидный вари-

ант с крупным лицевым скелетом, морфологически близкий популяциям центральноазиатского типа, может рассматриваться в качестве компонента, принявшего заметное участие в формировании антропологического облика некоторых сакских популяций Приаралья (Сакар-чага, Тагискен, Уйгарак, Чирик-рабат), Киргизии и Казахстана, ряда усуньских групп (Киргизия, Казахстан), населения кенкольской культуры, популяций Горного Алтая скифского времени, предгорного Алтая и Тувы гунно-сарматского периода. В составе выборок саргатской общности данный вариант более или менее отчетливо прослеживается в тобольской и ишимской территориальных группах, в других же - весьма слабо. Поэтому не случайно краниологические серии раннего сакского времени из могильников Сакар-чага, Тагискен и Уйгарак, а также позднесакского времени Чирик-рабат обнаруживают поразительное сходство с высоколицым монголоидным компонентом, выделенным в составе западносибирских материалов раннего железа, который связан в происхождении с населением Восточной Сибири предшествующего времени, в том числе с племенами окуневской и карасукской культур эпохи бронзы.

В.П.Алексеевым в составе скифо-сакских племен выделено несколько разных по происхождению антропологически своеобразных вариантов: причерноморский (скифы в узком смысле слова), памирский (сакские популяции памирских степей), енисейский (тагарские группы), а также аму-дарьинский (материалы из могильников Тумек-кичиджик и Тарым-кая из Южного Приаралья) и казахстано-алтайский (Сыр-Дарья, Восточный Казахстан и Алтай) [Мартынов, Алексеев, 1986, с. 58-59]. Возросшие материалы (за счет раннесакских погребений могильника Сакар-чага, Тумек-кичиджик и Тарым-кая) показывают, что в составе местного населения раннесакского времени в Южном Приаралье намечаются два резко отличающихся антропологических варианта: один – близкий «протоевропейскому», Тумек-кичиджик и Тарым-кая; второй – укладывающийся в параметры краниологических особенностей расы Средне-

азиатского междуречья, но отличающийся монголоидной примесью, особенно отчетливо выраженной в женской серии [Яблонский, 1996, с.57]. Трудно согласиться также с объединением в казахстано-алтайский вариант различных в морфологическом отношении выборок из могильников Сыр-Дарьи, Восточного Казахстана и Горного Алтая (пазырык), к тому же не определено положение популяций из Киргизии, Северного Казахстана, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, лесостепи Западной Сибири и северных предгорий Алтая, причем классификационная структура может быть расширена не только географически, но и хронологически, и охватывать более широкий временной период, обозначаемый обычно как скифо-сарматское время.

Межгрупповой анализ материалов скифо-сарматского времени подтверждает реальность ряда выделенных В.П.Алексеевым локальных групп популяций (причерноморской, памирской и енисейской). Специфическая комбинация признаков, представленная в материалах могильников Тумек-кичиджик и Тарым-кая с большой долей уверенности позволяет говорить о самостоятельном происхождении этого варианта [Яблонский, 1996; Мартынов, Алексеев, 1986, с. 60], однако локализация его, видимо, не так широка, поэтому лучше обозначить его не как аму-дарьинский, а как предложено Л.Т.Яблонским – присарыкамышский [1996]. Как было показано выше, между ранней сакской сакар-чагинской популяцией Южного Приаралья, ранними (Тагискен, Уйгарак) и поздними саками (Чирик-рабат) Юго-Восточного Приаралья, Киргизии, Восточного Казахстана, а также ранними кочевниками Северного Казахстана, Поволжья и Приуралья, а также группами саргатской общности Западной Сибири и населением каменной культуры Северного Алтая, да и в целом населением предгорного Алтая и Тувы скифского времени, проявляется определенное морфологическое сходство, вызванное общим генезисом европеоидного эуриморфного (андрон федоровского типа) компонента и единством происхождения высоколицей монго-

лоидной примеси центральноазиатского типа. Вполне допустимо рассматривать их как общность популяций одной линии генезиса в широкой трактовке этого понятия. В данной общности, разумеется, следует выделять ряд локальных групп популяций, внутренняя специфика которых определяется особенностями генезиса их антропологического облика и формирования антропологического состава, которые также структурированы на более низком иерархическом уровне.

В частности, население западносибирской лесостепи и Северного Алтая (гороховская, саргатская, каменная культуры), а также предгорного Алтая и Тувы скифского времени, характеризуется общим сходством и обладает определенной спецификой морфотипа, вызванной присутствием в их составе примеси низколицевых монголоидных элементов. Целесообразно объединить данный круг популяций в **западносибирскую группу**.

Антропологическое своеобразие населения Горного Алтая (пазырыкская культура) и частично Тувы, обусловленное заметным влиянием монголоидов центральноазиатского происхождения, позволяет выделить особую **горноалтайскую группу популяций**.

В антропологическом составе ранних кочевых племен Нижнего Поволжья и Приуралья савромато-сарматского периода примесь монголоидного компонента наименьшая. Их можно рассматривать в качестве **поволжско-приуральской группы популяций**.

Современное состояние источниковой базы позволяет объединить в **казахстано-киргизскую группу популяций** ряд выборок из могильников сакского типа раннего (Сакар-чага, Тагискен, Уйгарак) и позднего (Чирик-рабат) периодов развития сакской культуры Приаралья – нижнесырдарьинский вариант по Л.Т.Яблонскому [1996], Киргизии и Северо-Восточного Казахстана.

В антропологической классификации населения «скифосибирского мира», таким образом, можно различать ряд локальных расовых вариантов: причерноморский, памирский, присарыкамыш-

ский, енисейский и совокупность популяций с территории Приаралья, Северо-Восточного Казахстана, Киргизии, Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и Алтая, в структуре которой можно выделить ряд локальных образований или групп популяций - казахстано-киргизскую, поволжско-приуральскую, западносибирскую и горноалтайскую.

Имеющиеся в настоящее время краниологические данные свидетельствуют о возможности проникновения монголоидных элементов центральноазиатского происхождения в этническую среду, населявшую некоторые районы Южного и Юго-Восточного Приаралья, Киргизию и Восточный Казахстан, видимо, только в конце переходного от поздней бронзы к раннему железу периода, так как пока не прослеживается их присутствие в более раннее время, а уже в раннесакское время черты данной комбинации признаков отмечаются в материалах могильников Сакар-чага [Яблонский, 1996], Тагискен и Уйгарак [Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, Гохман, 1984а; Итина, Яблонский, 1997], на сакских черепах из могильников Киргизии [Гинзбург, Трофимова, 1972; Тур, 1997] и Восточного Казахстана [Гинзбург, Трофимова, 1972; Исмагулов, 1970]. Однако не в «чистом виде». Данный монголоидный компонент присутствовал, скорее всего, в составе определенных общностей в целом европеоидного облика. Раннесакские черепа с территории Юго-Восточного Приаралья и Киргизии обнаруживают сходство довольно высокого уровня со всеми известными материалами эпохи бронзы Южной и Восточной Сибири только с карасукскими сериями [Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997; Тур, 1997]. Саргатские черепа также морфологически близки карасукским и, как было показано выше, это обусловлено единством генезиса эуриформных европеоидных и высоколицых монголоидных компонентов их состава. Это подтверждает тезис Л.Т.Яблонского [1996, 1997, 1999] о восточном расовом импульсе в период перехода от бронзы к железу на север Средней Азии и в Киргизию группы племен из Восточной Сибири, антрополо-

гический тип которых более всего сходен с типом населения карасукской культуры Минусинской котловины и принявших в первой половине I тыс. до н.э. деятельное участие в генезисе популяций, оставивших ряд могильников сакского типа. Следует отметить, что контакты, например, приаральского и западносибирского населения имеют давние корни, они фиксируются уже в эпоху неолита [Виноградов, Итина, Яблонский, 1986; Дремов, 1980, 1997; Bagashev, 1994].

Таким образом, основные направления синхронных расогенетических связей населения саргатской общности Западной Сибири разноплановы, это и западное направление, с миром ранних кочевников Приуралья середины I тыс. до н.э., и с миром ранних сакских популяций Южного и Юго-Восточного Приаралья VII-V вв. до н.э. В диахронном аспекте популяции саргатской общности расогенетические связи обнаруживают с населением эпохи поздней бронзы ряда культур андроновской (федоровской) линии развития. Но если на севере Средней Азии уже в VII в. до н.э. отмечаются памятники раннего сакского типа, а в Приуралье памятники ранних кочевников в VI вв. до н.э., то в лесостепи Западной Сибири VII-VI вв. до н.э. преобладают разнообразные древности, завершающие андроновскую линию развития культур поздней бронзы. Другое отличие состоит в том, что современные краниологические данные не фиксируют связь раннесакских популяций казахстано-киргизской группы с населением предшествующего времени этих территорий, в Западной Сибири же вполне определенно можно говорить о сохранении расогенетических связей населения саргатской общности с популяциями предшествующего времени. Поэтому логично предполагать, что антропологическое сходство между западносибирской, поволжско-приуральской и казахстано-киргизскими группами первично, а этнокультурное сходство между сакской, сарматской и саргатской культурами – вторично, когда небольшие коллективы ранних кочевников севера Средней Азии, носителей передовых и более эффективных

культурных традиций, в совокупности с благоприятными природно-климатическими условиями и высокой подвижностью, вызванной переходом к кочевым формам ведения хозяйства, могли способствовать повсеместному и быстрому их распространению в западно-сибирской лесостепи в V-IV вв. до н.э.

По археологическим данным отмечено, что материальная культура и погребальная обрядность начального периода функционирования саргатской общности характеризуется отчетливо выраженными чертами, присущими ранним кочевникам Приуралья савроматского времени, до этого отсутствовавшими [Корякова, 1979, 1988, 1997; Матющенко, Татаурова, 1997; Матвеева, 1993б, 1994], появление которых связывается с проникновением в западносибирскую лесостепь из Приуралья кочевых племен. Нашло ли это отражение в исследуемых краниологических материалах? Как известно, перемещение населения в антропологически однородной среде не даст ответа на этот вопрос. Однако, как показал анализ антропологических данных, к середине I тыс. до н.э. наблюдается незначительная концентрация биологических особенностей как в среде ранних кочевников Приуралья, так и в среде лесостепного западно-сибирского населения, вызванная метисационными процессами, протекавшими в эпоху бронзы и в переходное от бронзы к железу время. Хотя различия в антропологических типах уже стабильны, но невелики, поэтому трудно оценить масштабы перемещения населения. Действительно, строение черепов из ранних могильников саргатской общности весьма сходно с типом савроматских серий. При этом не происходит разрыва генетических связей между западносибирскими лесостепными популяциями раннего железа и населением предшествующего времени, причем более четко наблюдаемые по женским частям выборок. Динамика изменчивости монголоидной примеси, очень слабой в составе ранних саргатских популяций, что увеличивает морфологическое расхождение между ними и выборками эпохи бронзы, но заметно возрастающей позднее, позволяет

считать, что приток пришлого населения имел место, в составе которого, видимо, мужчины преобладали, не был растянут во времени и был более или менее существенным только в период сложения саргатской общности, и практически прекратился на следующих этапах ее функционирования. Следует отметить, что удельный вес европеоидного компонента, родственного савроматским популяциям, выше в составе населения гороховской культуры, чем в составе саргатских групп. Местное население нельзя признать малочисленным, ибо уже к среднему этапу саргатской культуры физические особенности, характерные для пришлых групп, почти не фиксируются, формируется сходный в принципиальных чертах антропологический тип, свойственный саргатским племенам всей западносибирской лесостепи, но в морфологическом облике женских черепов по-прежнему более отчетливо выражены монголоидные особенности.

Согласно археологическими данными в саргатской культуре наблюдается достаточно много сакских элементов, причем сильнее влияние тех сакских черт, которые характерны преимущественно для населения Приаралья [Корякова, 1988, 1997; Матвеева, 1993а, 1994; Могильников, 1980, 1981а, 1992, 1997, Полосьмак, 1987]. Однако территориальные группы саков, объединяемые культурными традициями, в антропологическом отношении обладают чрезвычайно высоким полиморфизмом. Поэтому с конкретными территориальными сакскими группами наблюдается различная степень сходства. В этом плане саргатским популяциям ближе всего саки нижнесырдарьинского типа Приаралья, несколько дальше – саки Киргизии и Восточного Казахстана, максимально отстоят саки Памира. С другой стороны, в археологических и антропологических материалах нашло отражение довольно тесное культурное и генетическое взаимодействие между саками Приаралья и ранними кочевниками Южного Урала [Смирнов, 1964; Вишневская, Итина, 1971; Мошкова, 1974; Пшеничнюк, 1983; Итина, Яблонский, 1997; Яблонский, 1996, 1997], а через них сакские культурные элементы могли проникать в

лесостепь Западной Сибири. Нельзя исключать, конечно, и эпизодических миграций кочевников позднесакского времени из Приаралья в Западную Сибирь и наоборот.

Исследованные материалы позволяют говорить о том, что миграционная интенсивность ранних кочевых групп не была одинаковой в разные географические области западносибирской лесостепи и Северного Алтая. Некоторые антропологические особенности локальных групп саргатского населения, указывают на то, что доля пришлого эуриморфного европеоидного компонента выше в Приишимье и Прииртышье, чем в Притоболье и Барабе, и свидетельствуют о более интенсивном проникновении ранних номадов именно на Иртыш и Ишим. Уже отсюда происходит распространение новых для западносибирской лесостепи культурных традиций и погребальной обрядности, возможно, и лингвистических новаций. Отсутствие резких различий в физическом типе пришлых и местных популяций выступало, как представляется, дополнительным фактором, наряду с другими (благоприятные природно-климатические условия для ведения кочевых и полукочевых форм хозяйства), ускоряющим процесс распространения новой культуры.

На территорию Северного Алтая проникновение ранних кочевых групп происходило, как свидетельствуют данные археологии, из другого географического региона, согласно которым в материалах каменной культуры отчетливо проявляются элементы этнокультурного влияния населения Киргизии сакского времени, воздействие сарматов фиксируется слабее [Могильников, 1997]. Антропологический тип и направление генетических связей палеопопуляции из могильника каменной культуры Масляха [Рыкун, 1999] корреспондируют с археологическими наблюдениями, в генезисе населения каменной культуры немаловажную роль сыграла, видимо, непосредственная миграция сакских племен с территории Киргизии и Восточного Казахстана в середине I тыс. до н.э. Позднее, во второй половине I тыс. до н.э., усиливается взаимодействие между саргатскими

и каменскими популяциями, которое происходило более или менее постоянно и осуществлялось посредством культурной и антропологической диффузии. Благодаря этому, опосредованным путем, в археологические культуры Северного Алтая и антропологический состав их населения, могли проникать сарматские элементы, что также нашло отражение в антропологических особенностях краниологических материалов из погребений каменной культуры и в сериях из других могильников скифского времени предгорного Алтая [Дебец, 1948; Фирштейн, 1961; Тот, Фирштейн, 1970; Алексеев, 1958; Дремов, 1970; Багашев, 1997; Рыкун, 1997, 1999]. Процессы инфильтрации не были односторонними, в саргатскую среду проникали этнокультурные элементы с Северного Алтая (каменная культура), а с ними и сакские.

Отражают ли краниологические материалы антропологические особенности всех групп стратифицированного населения саргатской культуры? Однозначного ответа пока нет. На основании косвенных данных, если полагать, в частности, что пришлые группы людей, стоящие на более высокой ступени социально-экономического развития, составляли преимущественно верхний слой общества, а рядовыми членами было в основном местное население, то из анализа морфологических особенностей хронологических выборок должно вытекать, что местное население представлено палеоантропологическими находками раннего этапа саргатской культуры в меньшей степени, чем пришлое. Пока мы не имеем представления о характере погребальной обрядности переходного от бронзы к железу периода. Возможно, еще некоторое время местные жители продолжали хоронить своих умерших по неизвестному традиционному обряду. Подтверждением может служить тот факт, что ранние краниологические материалы обнаруживают меньшее сходство с данными по населению культур поздней бронзы, нежели более поздние. Однако на среднем и позднем этапах функционирования саргатской культуры происходит не только культурная [Корякова, 1988], но и антропо-

логическая гомогенизация. Всех умерших начинают хоронить вместе, скачкообразно увеличивается доля монголоидного компонента. Строение черепов из погребений рубежа эр и начала I тыс. н.э. вновь приобретает те характерные особенности, которые свойственны и черепам из могильников Западной Сибири позднего бронзового времени.

Таким образом, европеоидный компонент с эуриморфным строением лицевого скелета следует признать основным в генезисе населения саргатской общности. Он и аналогичный компонент антропологического состава ранних кочевников Приуралья савромато-сарматского времени, некоторых сакских групп нижнесырдарьинского типа Приаралья, Восточного Казахстана и Киргизии имеют единую основу, родственную андроновским (федоровским) племенами эпохи бронзы.

Существенно меньшая роль в формировании антропологического облика населения лесостепи Западной Сибири может быть отведена мезо-долихокраанному европеоидному компоненту с лептоморфным строением лицевого скелета. Его морфологические особенности во многом аналогичны краниологическому типу популяций тагарской культуры, которые в свою очередь связаны в происхождении с местным населением предшествующего времени, оставившим памятники афанасьевской культуры [Дебец, 1948; Алексеев, 1975; Козинцев, 1977]. Инфильтрация европеоидных элементов этой линии генезиса на территорию лесостепной полосы Западной Сибири и на Северный Алтай происходит преимущественно уже в эпоху бронзы, т.к. прослеживается в составе групп самусьской и андроновской (федоровской) культур. В саргатских выборках данный компонент виден отчетливее в ранних группах, в последующих проявляется в виде небольшой примеси.

Невелика в расогенезе лесостепного населения раннего железа Западной Сибири и роль монголоидного компонента центральноазиатского происхождения. Он фиксируется в Западной Сибири

уже в эпоху неолита, отмечена примесь центральноазиатских черт на черепах из лесостепного Прииртышья [Bagashev, 1994, Багашев, 1994], Новосибирского Приобья [Алексеев, 1961б; Дремов, 1985, 1997], а в составе групп Верхнего Приобья он составляет заметную долю [Дремов, 1980]. В эпоху бронзы усиливается смешение европеоидных групп (родственных андроновскому населению федоровского типа, в меньшей степени, возможно, и элементам афанасьевской линии генезиса) с центральноазиатскими монголоидными, особенно в Минусинской котловине, как компонент центральноазиатские элементы отмечаются в составе окуневских и карасукских популяций [Дебец, 1948; Рыкушина, 1976, 1980; Громов, 1997], с представителями которых данный антропологический комплекс продолжает инфильтрироваться в среду западносибирского населения, проникая в переходный от бронзы к железу период также на территорию севера Средней Азии и в Киргизию.

Несколько слов необходимо сказать о роли низколицых таежных западносибирских монголоидов в формировании населения различных культур раннего железа. Изученные и известные материалы позволяют говорить о том, что их влияние на формирование антропологической специфики населения южной части Западной Сибири можно проследить пока только с неолитического времени. Это краниологические находки из неолитических могильников Северной Барабы, морфотип которых характеризуется рядом недифференцированных черт, свойственных современным низколицым монголоидам [Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989]. Отчетливо примесь данного компонента проступает в составе выборок эпохи бронзы, особенно из могильников северной части лесостепи и южной тайги – кротовские погребения могильника Сопка 2, Еловка 2, Черноозерье 1 андроновской культурной общности [Дремов, 1990а]. Выделенный в составе еловской 2 серии краниологический тип [Дремов, 1997] практически не отличается от серии из могильника кулайской культуры Каменный Мыс. Компонент серии из могильника

Еловка 2 и кулайские черепа, в свою очередь, морфологически мало отличаются от низколицего монголоидного краниологического типа, отмеченного в материалах раннего железа и того компонента, который прослеживается по неолитическим материалам в составе западносибирского варианта протоевропеоидного типа. Именно примесь низколицего монголоидного компонента в составе ряда популяций неолита, эпохи бронзы и в составе населения раннего железа определяет их морфологическое своеобразие и служит достаточно надежным индикатором степени родственных отношений. Не прекращается инфильтрация низколицых монголоидов, генетически связанных с населением кулайской культуры, в лесостепь Западной Сибири и в эпоху раннего железа, особенно в северные районы Барабы [Чиндина, 1984; Полосьмак, 1987]. Не исключено проникновение этих элементов и в Приуралье, в частности, некоторый параллелизм низколицему монголоидному типу обнаруживается в краниологических материалах из погребений ананьинской культуры.

Глава 5. НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В IV – начале V вв. н.э. в Западносибирской лесостепи резко уменьшается количество археологических памятников, оставленных саргатскими племенами, в том числе могильников. Ухудшение климатических условий, наряду с другими событиями, положили начало упадку саргатской общности, которая распадается на отдельные части. Сложно реконструируется в археологии судьба многочисленного населения. Предполагают, что часть наиболее богатых и воинственных родов ушла на запад, другая - осела на границе лесостепи и тайги, постепенно смешавшись с местными группами и став одним из компонентов генезиса некоторых современных народов [Корякова, 1988; Могильников, 1992; Матвеева, 1993б, 1994; Полосьмак, 1987]. Антропологические данные позволяют конкретно рассмотреть роль населения раннего железа в формировании физического облика средневековых популяций. Хотя краниологических материалов из средневековых могильников исследовано пока мало, при этом происходят они преимущественно из южной части Западной Сибири, значение их велико, ибо в эпоху средневековья в основном формируются те антропологические черты, которые можно проследить в составе современных народов различных этнолингвистических общностей. Перемещение различных племен и племенных объединений, известное как «Великое переселение народов», значительно изменило структуру антропологического покрова в степной и лесостепной зонах Северной Евразии по сравнению с предыдущими периодами (неолит, бронза, раннее железо), что неизбежно привело к разрыву или ослаблению генетических связей между асинхронными группами популяций, которые не всегда поддаются реконструкции, учитывая малочисленность материалов из средневековых могильников. На антропологической структуре населения внутренних таежных районов Северной Евразии эти процессы отразились в гораздо меньшей степени.

§1. Материалы по антропологии средневековых популяций

Краниологические материалы эпохи средневековья из Среднего Прииртышья получены в результате раскопок могильников как в южно-таежной, так и в лесостепной зоне. Из южно-таежного Прииртышья это могильники Малая Бича (Усть-Ишимский р-н Омской обл., раскопки Б.А.Коникова, 1983 г.), Малая Тебендя (там же, раскопки Б.А.Коникова, 1978 г.), Кип (Тевризский р-н Омской обл., раскопки Б.А.Коникова, 1978, 1984 гг.), относимые к усть-ишимской культуре. По археологическим данным усть-ишимская культура генетически связывается либо непосредственно с потчевашской [Коников, 1982, 1993; Коников, Шван, 1983], либо речь идет об усть-ишимском варианте потчевашской культуры [Молодин, Савинов, Елагин, 1988, с.169].

Усть-ишимские черепа мезокранные, низкие, в основном средних размеров. Лицо широкое и низкое, эуриморфное по указателям. Углы горизонтальной профилировки лица находятся на границе средних и больших величин, переносье уплощено средне. Угол выступления носовых костей малый. По совокупности признаков серия характеризуется в общем монголоидным строением, но с некоторыми чертами, присущими европеоидам (малая высота лица и носа, низкие орбиты).

Из могильников лесостепной полосы Прииртышья середины II тыс. н.э. (Окунево 3, Муромцевский р-н Омской обл., раскопки Б.А.Коникова, 1977 г.; Окунево 4, там же, раскопки В.А.Могильникова, 1972 г.; Старологиново, там же, раскопки В.А.Могильникова, 1978 г.; Краснозерки и Мурлинское городище, Тарский р-н Омской обл., раскопки В.И.Матющенко, 1962 г.) получена сборная выборка, характеризующаяся суббрахикранией при невысокой черепной коробке. Умеренная ширина лица сочетается с небольшой его высотой. Горизонтальная профилированность лица умеренная, угол выступления носа малый, высота переносья не-

большая. В строении черепов серии, как и южно-таежной рубежа I-II тыс. н.э., сочетаются монголоидные признаки с малой высотой лица.

Из лесостепного Прииртышья имеется также сборная серия черепов из могильников рубежа I-II тыс. н.э. Такмык, Мурлинка и Евагино [Чижишева, Ким, 1988], в которую включены дополнительно два мужских черепа из могильников Алексеевка и Инберень 10. В это время в лесостепи Обь-Иртышского междуречья существовал один из вариантов сrostкинской культуры [Могильников, 1981б; Савинов, 1984]. Черепа серии массивные, крупные, суббрахикранные. Лицо широкое и высокое, слабо профилировано в горизонтальной плоскости. Уплощенность переноса и угол выступания носовых костей средние.

При сопоставлении синхронных групп из южно-таежного и лесостепного Прииртышья видно, что в строении тех и других проявляются особенности, позволяющих говорить, что на рубеже I-II тыс. н.э. в лесостепи и в южно-таежной полосе Прииртышья проживало население, различающееся в антропологическом отношении. Из характера связей вытекает, что лесостепные популяции родственны кимако-кыпчакским группам сrostкинской культуры, а южно-таежные обнаруживают связь с племенами Среднего Приобья, оставившими памятники кулайской и релкинской культур [Багашев, 1988; Чиндина, 1984, 1991].

В 1993-1998 гг. Я.А.Яковлевым и А.И.Бобровой исследован ряд погребений могильника Алдыган в Нарымском Приобье (левый берег р. Чаи, Колпашевский р-н Томской обл.), датируемых XI-XIII вв. н.э. В связи с немногочисленностью краниометрических наблюдений размеры женских черепов были пересчитаны с помощью коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964] и объединены с мужскими в одну серию. Полученная таким образом выборка также малочисленна, но все же позволяет получить представление о физическом типе средневекового населения таежной полосы Западной Сибири.

Для черепов из могильника Алдыган характерна брахикранная форма мозговой коробки при средней ее высоте. Лицо широкое в верхней, средней и нижней частях, но низкое, эурипрозное по пропорциям. В горизонтальной плоскости лицо весьма слабо профилировано, особенно на уровне орбит. Носовые кости средней ширины, невысокие, симотический указатель и угол свидетельствует об их уплощенности. Переносье шире и выше, относительно носовых костей более профилированное. Угол выступания носа очень малой величины.

По степени уплощенности лицевого скелета и фацио-церебральным пропорциям черепа из могильника Алдыган занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами. Особенности их краниологической структуры является сочетание очень слабо выступающих носовых костей и уплощенного по горизонтали лица, особенно на уровне орбит, со средневыступающим переносьем и эурипрозной формой лицевого скелета.

В Нарымском Приобье исследован также Тискинский могильник (левый берег Оби, Колпашевский р-н Томской обл.), который функционировал с XI-XII по XIX-начало XX вв. н.э. Раскопки памятника проводились Л.А.Чиндиной в 1972 и 1977 гг. и А.И.Бобровой в 1978-1981 гг. По особенностям погребального обряда и сопровождающему погребения инвентарю выделена группа захоронений XII-XIV вв. [Чиндина, 1975; Боброва, 1980, 1982, 1994].

Для черепов из погребений раннего этапа функционирования могильника Тискино характерна мезо-брахикранная форма мозговой коробки при средней ее высоте. Лицо широкое по всем параметрам, в том числе и на уровне углов нижней челюсти, но невысокое. В горизонтальной плоскости лицо весьма слабо профилировано, особенно на уровне орбит. Носовые кости средней ширины, невысокие, величины симотического указателя и угла свидетельствует об их уплощенности. Переносье шире и выше, относительно носовых кос-

тей более профилированное. Угол выступания носовых костей малой величины.

Из южной части Западной Сибири известны в основном краниологические материалы из могильников, относимых к кругу памятников сросткинской археологической культуры, представлены почти все ее территориальные варианты:

- а) Предгорный Алтай, серия из могильников Сростки и Красноярское, VII-X вв. н.э., бийский вариант [Дебец, 1948; Алексеев, 1958].
- б) Кузнецкая котловина, могильник Ур-Бедари, VIII-X вв. н.э., кеме-ровский вариант [Алексеев, 1974б];
- в) Северо-западный Алтай, могильник Гилево, VIII-X вв. н.э., западно-алтайский вариант [Чикишева, Ким, 1988];
- г) Барнаульско-Каменский район Верхнего Приобья, могильники Камень 2 и Кармацкий, VIII-X вв. н.э., барнаульский вариант [Чикишева, Ким, 1988];
- д) Барабинская лесостепь, могильники Усть-Тартас, Третье отделение, Чулым 2, Большие Луки, IX-X вв. н.э., новосибирский вариант [Чикишева, Ким, 1988].

В ареал сросткинской культуры входил, видимо, могильник Замараевка в лесостепном Приуралье, XII-XIII вв. н.э. [Дебец, 1948; Алексеев, 1971б].

По имеющимся материалам население сросткинской культуры не являлось однородным, выделяется два основных морфологических типа, различающихся по доле монголоидного компонента. Один из них характеризуется чертами, происхождение которых может быть связано с монголоидами центральноазиатского происхождения. Область его распространения охватывает степные и горные районы юго-востока Южной Сибири. Другой, более европеоидный, распространен преимущественно в степной полосе Северо-Западного Алтая и в лесостепи Западной Сибири и Приуралья. Европеоидный компонент антропологического состава населения сросткинской культуры, отличительными чертами которого является

высокое и широкое резко профилированное в горизонтальной плоскости лицо генетически связан с населением эпохи бронзы Южной Сибири и Минусинской котловины [Алексеев, 1963, 1974б; Алексеев, Мамонова, 1988; Багашев, 1988; Багашев, Ким, 1998; Чикишева, Ким, 1988]. Среди племен сrostкинской культуры преобладающим типом хозяйства было скотоводство полуоседлого характера, сами племена этнически связываются с кимаками, точнее кимако-кыпчаками [Могильников, 1981б; Савинов, 1984].

С кимакскими и кимако-кыпчакскими племенами связываются также поздние кочевники Северного Казахстана. С данной территории происходят сборные серии из кимакских могильников Кустанайского Притоболья VIII-X вв. н.э. [Гинзбург, 1963б] и кимако-кыпчакских могильников Павлодарского и Восточно-Казахстанского Прииртышья VIII-XII вв. н.э. [Исмагулов, 1970]. В составе казахстанских кимако-кыпчакских групп, как и западносибирских, заметную долю составляет монголоидный компонент центральноазиатского происхождения. Наряду с ним фиксируется европеоидный тип, характеризующийся крупными размерами лица и европеоидный компонент с низким широким лицом. Последний связывается с андроновским населением. Синтез данных компонентов дает в итоге морфологический комплекс, характерный для популяций южносибирской группы популяций [Гинзбург, 1963б; Исмагулов, 1970; Гохман, 1973; Алексеев, Гохман, 1984а].

Из восточных районов Южной Сибири известны краниологические материалы из Минусинской котловины VII-XI вв. н.э., отражающие физические особенности «енисейских кыргызов» [Алексеев, 1963] и населения Горного Алтая VI-X вв. н.э. [Алексеев, 1958]. Своеобразие данных выборок определяют монголоидные черты центральноазиатского типа.

С территории Новосибирского Приобья краниологические материалы происходят из могильников финального этапа (фоминского) большереченской культуры Красный Яр, Умна, Юрт-Акбалык (VII-

VIII вв. н.э.) [Дремов, 1967]. С территории Нижнего Притомья (Томское Приобье) известна серия черепов из могильника Басандайка (IX-XIV вв. н.э.) [Чикишева, Ким, 1988]. В Среднем Приобье исследованы черепа из могильников релкинской культуры (VI-VIII вв. н.э.) у с. Молчаново [Дремов, 1967]. Для всех краниологических выборок Новосибирского и Среднего Приобья (в том числе для серии из могильника Алдыган и средневековой выборки Тискинского могильника) характерными чертами являются отчетливо выраженные монголоидные черты, сочетающиеся с малой высотой лицевого скелета, средневысоким черепом и мезо-брахикранией. Их происхождение связывается исследователями с самодийской линией генезиса, но не с угорской [Розов, Дремов, 1966; Дремов, 1967; Багашев, 1988; Багашев, Ким, 1998; Ким, 1987; Чикишева, Ким, 1988]. По материалам из Басандайки улавливается примесь элементов южного происхождения, родственных племенам сrostкинской культуры [Ким, 1987; Багашев, 1993б], обусловленная начавшимся процессом тюркизации местного населения, хорошо прослеживаемая в археологических материалах многочисленных средневековых памятников Томского Приобья [Плетнева, 1984, 1990, 1997].

Интерес при рассмотрении исторических судеб западносибирского населения раннего железа представляют краниологические материалы из Восточной Европы, среди них - особенно данные по антропологии населения ломоватовской и полумской культур Волго-Камья [Алексеев, 1969] и Северной Башкирии [Акимова, 1968]. М.С.Акимовой отмечено, что морфологические особенности ломоватовских черепов могут быть частично объяснены, если допустить проникновение из Западной Сибири того типа, который фиксируется на черепах из Усть-Тартасского могильника Барабы [Акимова, 1968]. С территории Западной Европы, в частности Венгрии, хотя и имеются довольно значительные средневековые материалы, но краниометрические данные опубликованы по сокращенной программе,

включающей в основном показатели уплощенности лицевого скелета [Тот, Фирштейн, 1970].

В целом приходится констатировать, что пока наши представления об антропологическом составе средневекового населения Западной Сибири очень ограничены, особенно по раннему периоду.

§2. Роль популяций раннего железа в формировании средневекового населения

Сопоставление материалов раннего железа и средних веков показало, что антропологическая структура населения лесостепи в эпоху средневековья, по сравнению с предыдущим периодом, существенно изменилась, но в южно-таежной полосе остается во многом прежней.

Саргатские выборки из Притоболья, в составе которых, по сравнению с сериями из других микрорайонов, наибольший удельный вес составляет центральноазиатский компонент, обнаруживают тяготение с теми группами, в составе которых также присутствует данный комплекс: Ур-Бедари (Кузнецкая котловина) [Алексеев, 1974б] и Гилево (Северо-западный Алтай) [Чикишева, Ким, 1988]. Определенное сходство саргатские черепа обнаруживают с серией черепов из Замараевских курганов (Приуралье), в целом европеоидных по строению, обладающих широким невысоким слабо профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом. Однако наибольшее морфологическое сходство черепа из саргатских могильников Притоболья обнаруживают с сериями из северных, таежных областей, происходящих из погребений усть-ишимской культуры, фоминского этапа большереченской культуры, а также с ранними черепами из Тискинского могильника. Морфологические особенности данных таежных выборок (невысокий мезобрахикранный череп, широкий низкий уплощенный лицевой скелет, средняя высота переносья при небольшом угле выступания носовых костей) имеют, как было показано выше, глубокую древность. Аналогичный компонент, несомненно, общего происхождения, фик-

сируется и в составе саргатского населения. Фактором, влияющим на сходство между саргатскими и средневековыми таежными популяциями, выступает также однотипность европеоидного комплекса в составе тех и других, обладающего эуриморфным строением умеренно профилированного лица. Из всей совокупности привлеченных для сравнения групп подобный европеоидный тип характерен в наибольшей степени черепам из погребений ломоватовской культуры Прикамья.

Саргатские серии из Приишимья и Прииртышья, в составе которых доля монголоидного компонента менее значительна, обнаруживают большее расхождение с таежными западносибирскими выборками, сближаясь при этом со средневековыми группами Прикамья (ломоватово), Северной Башкирии, Приуралья и Барабинской лесостепи, в основе европеоидного типа с небольшой примесью монголоидных элементов. Саргатские серии из могильников Барабы морфологически также не сильно отличаются от перечисленных выше европеоидных выборок. Но имеющийся в их составе низколицый монголоидный компонент обуславливает тенденцию сближения с некоторыми сериями из таежной полосы Западной Сибири (устыишимская культура).

В целом саргатские черепа, особенно из курганов раннего периода функционирования культуры, морфологически наиболее сходны с европеоидными черепами из погребений ломоватовской культуры Прикамья, а также с группами из Северной Башкирии и Приуралья. В относительном масштабе близость к данному кругу обнаруживают гороховская и кашинская серии. Фактором, обуславливающим сходство, выступает однотипность эуриморфного европеоидного компонента, а также небольшая примесь монголоидных элементов.

Череп из кулайских погребений, во многом и из новочекинских, по своему строению наиболее близки черепам средневековых нарымских селькупов (Алдыган, Тискино) и черепам из усть-

ишимских погребений южно-таежного Прииртышья. В данном случае сходство определяет присутствующий в составе тех и других монголоидный комплекс со средневысоким мезо-брахикранным черепом, низким лицом, средневыступающим переносьем и носовыми костями. В составе данных выборок присутствует также европеоидная примесь, причем особенностями европеоидного компонента выступают одни и те же черты: средняя высота мезо-брахикранный черепа, широкое низкое лицо, высокое переносье и средний угол выступления носовых костей.

Сопоставление средневековых материалов с краниологическими типами, выделенными в составе населения раннего железа, показывает, что европеоидные типы раннего железа не имеют прямых аналогий среди средневековых популяций. Это свидетельствует о слабом влиянии лесостепных племен саргатской общности на формирование антропологической специфики населения Западной Сибири последующего времени. Напротив, монголоидные краниологические типы демонстрируют сохранение преемственности между популяциями различных хронологических уровней. Так мезо-брахикранный низколицый компонент по морфологии сходен с черепами из могильников усть-ишимской и финала большереченской культур, равно как и с древнеселькупскими группами. Долихокранный низколицый вариант также имеет ряд общих черт с усть-ишимской и фоминской выборками, но одновременно обнаруживает сходство с черепами из погребений Замараевского могильника и с черепами из ломоватовских могильников. Монголоидный комплекс центральноазиатского облика аналогичен типу «енисейских кыргызов» Минусинской котловины и монголоидному компоненту серии из могильника Ур-Бедари в Кузнецкой котловине. Его присутствие в качестве компонента прослеживается в составе кимако-кыпчакских групп (Восточно-Казахстанское и лесостепное Прииртышье, Томское Приобье), а также в составе усть-ишимской и тискинской серий.

Общие тенденции изменчивости средневековых групп и серий раннего железа, а также характер их взаиморасположения показывают, что выборки дифференцируются в целом по высотным характеристикам лицевого скелета и степени его уплощенности. Отдельную совокупность составили группы, в составе которых заметную долю составляет компонент с такими характерными чертами как брахикrania, невысокий череп, широкое высокое слабо профилированное лицо, низкое переносье и слабое выступание носовых костей, т.е. комплекс, свойственный монголоидным популяциям центральноазиатского типа. Это серии черепов из могильников Минусинской котловины, оставленных «енисейскими кыргызами», Северо-Западного Алтая, Горного Алтая, Кузнецкой котловины, лесостепного Прииртышья, Кустанайского Притоболья, Восточно-Казахстанского Прииртышья и некоторых других, происходящих из курганов сросткинской культуры. Как менее значительный компонент, данный краниологический тип, несомненно, присутствует в составе средневекового населения Среднего (Тискино, Молчаново) и Томского Приобья (Басандайка). В структуре популяций раннего железного века, как это уже было отмечено, подобный расовый комплекс в качестве примеси фиксируется в саргатских материалах из могильников Притоболья и в новочекинских из Барабы (рис. 5).

В отдельное скопление группируются серии черепов также с монголоидными чертами, но их отличительными особенностями являются малая высота лица и носа при относительно более узком лицевом скелете и мезо-брахикранная форма мозговой коробки. Наиболее отчетливо данная комбинация признаков наблюдается в серии черепов из курганов южно-таежного Прииртышья рубежа I-II тыс. н.э. (усть-ишимская культура), Новосибирского Приобья второй половины I тыс. н.э. (фоминский этап большебереченской культуры), а также в позднесредневековых материалах из погребений лесостепного Прииртышья и курганов Нарымского Приобья (Тискино, Алдыган). Как заметный компонент низколицый монголоидный тип отме-

чается в материалах из Замараевского (Приуралье) и Басандайского (Нижнее Притомье) могильников. Его не представляет труда соотносить с тем низколицым монголоидным типом, который широко

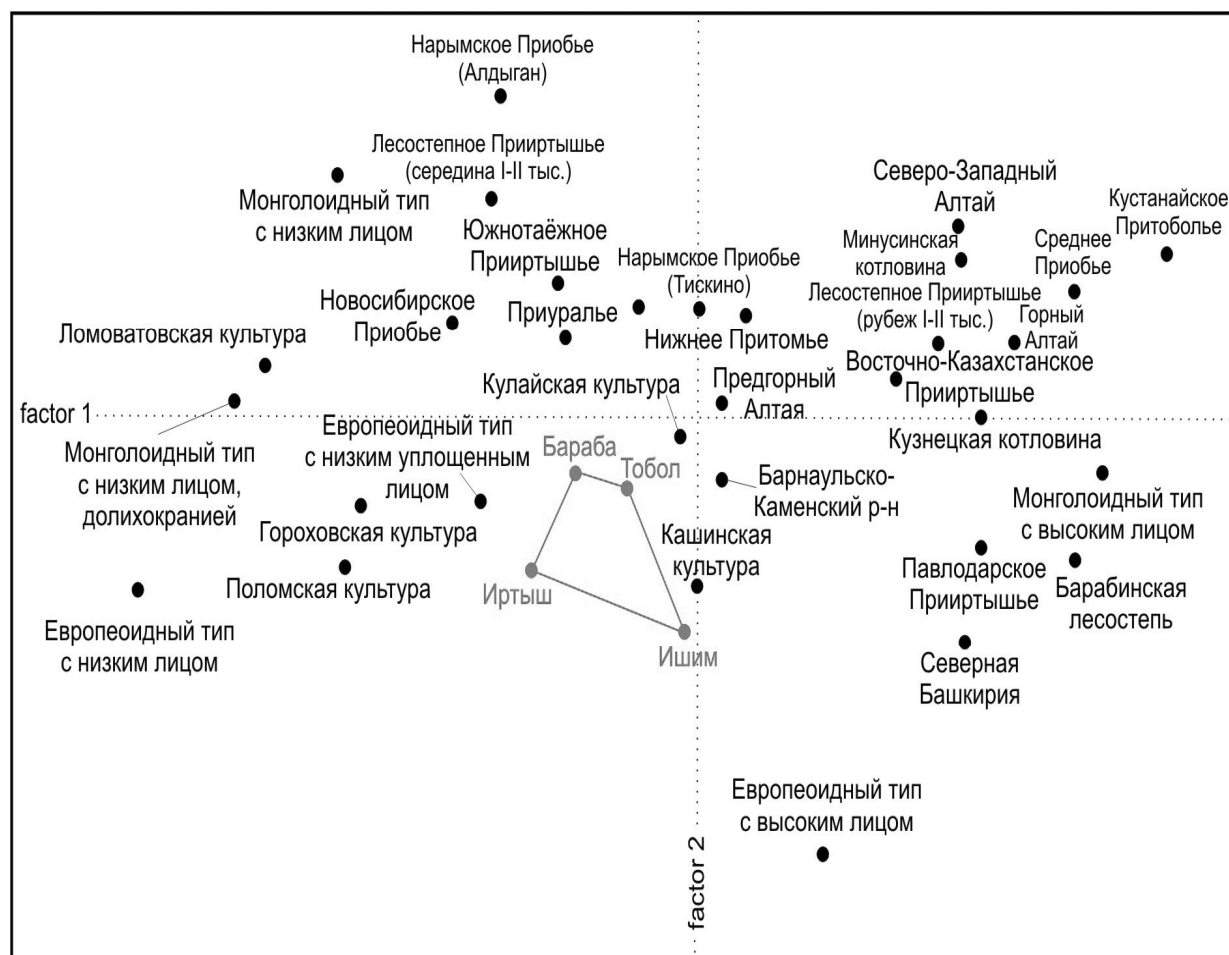

Рис. 5. Взаиморасположение палеопопуляций раннего железа и средних веков

распространен среди современного тюркского и самодийского населения южной части Западной Сибири (нарымские селькупы, чулымские тюрки, томские татары и отчасти тоболо-иртышские). Из выборок раннего железного века почти полной его характеристике соответствует краниологический тип черепов из кулайского могильника Каменный Мыс. Значителен удельный вес низколицего монголоидного типа в составе серии из погребений новочекинской культуры. Среди саргатских выборок наиболее заметно примесь данного компонента фиксируется в материалах из курганов Барабинской лесостепи.

степи. Можно говорить о небольшой монголоидной примеси в серии из погребений ломоватовской культуры Прикамья, однако в ее составе монголоидная примесь, скорее всего, иного происхождения. При ряде сходных элементов строения с мезо-брахикранным вариантом, отличительной чертой морфологии данного комплекса является долихокранная форма мозговой коробки. Полное отсутствие раннесредневековых краниологических материалов из северной таежной части Западной Сибири не позволяет более конкретно соотносить морфологические особенности этого расового варианта, однако в позднем средневековье и в близкое к современности время он представлен только среди обских угров.

Обособленно концентрируются серии из курганов западносибирской лесостепи эпохи раннего железа и выборка европеоидных черепов из погребений полумской культуры Прикамья. Все они европеоидного облика с эуриморфным строением умеренно профилированного в горизонтальной плоскости лицевого скелета. Как было показано выше, происхождение этого комплекса признаков в составе групп Западносибирской лесостепи раннего железа достаточно надежно может быть связано с доандроновским (кротовским) населением Западной Сибири и племенами андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы, антропологический пласт в составе полумских популяций – только с андроновскими (федоровскими). В составе западносибирских средневековых групп эуриморфный европеоидный компонент (напомним, определяющий антропологическую специфику лесостепных племен саргатской общности) прослеживается только в качестве небольшой примеси, что не позволяет говорить о сколько-либо значительной роли его в их формировании.

Также в обособленное скопление сосредоточились серии черепов европеоидного типа, с высоким сводом, высоким хорошо профилированным по горизонтали лицевым скелетом, высоким переносом и большим углом выступления носовых костей. Расхождение по морфологии этой совокупности групп с популяциями саргат-

ской общности довольно значительно и вряд ли есть основания говорить о генетических связях между ними.

Таким образом, антропологические данные свидетельствуют о том, что в целом европеоидное население саргатской общности не оказало заметного влияния на генезис населения лесостепи и южнотаежной полосы, обитавшего здесь в эпоху средневековья. Общее изменение структуры антропологического покрова лесостепной полосы, вызванное в середине I тыс. н.э. перемещением племен, втянутых в процесс «Великого переселения народов», ведет к разрыву расогенетических связей между асинхронными популяциями на данной территории. Интересно отметить при этом, что отдельные элементы влияния нашли свое отражение в антропологических материалах, обусловленные, однако, не столько биологическим, сколько этнокультурным воздействием. Речь идет о сохранении обычая искусственной деформации черепа некоторыми раннесредневековыми группами населения, оставившими ряд могильников в Новосибирском Приобье на р. Уень – Умна, Юрт-Акбалык, Красный Яр [Дремов, 1967, 1975, 1977] и в Омском Прииртышье на р. Таре – Окунево 7, Усть-Тарский (данные автора). Причем деформация приобретает гипертрофированные формы, резко отличные от классических образцов, встречаемых среди краниологических материалов из саргатских погребений. Хотя частота встречаемости искусственно деформированных черепов в саргатских курганах (в подавляющем большинстве случаев кольцевого типа) невелика, все же следует отметить, что в погребениях раннего этапа функционирования культуры они встречаются чаще, чем в средний период, и практически отсутствуют на финальном этапе. Но вновь обычай изменения формы головы отмечается в раннем средневековье. Идея придать голове причудливую форму и таким образом выделиться среди других довольно часто заимствуется иноэтничными группами без соответствующих технологических знаний. Самостоятельное воплощение идеи может значительно отличаться от первоисточника в

силу неполноты полученной информации, которая важна, ибо для людей, не знакомых с обычаями искусственного деформирования головы, последствия сильного и длительного сдавливания черепа ребенка, особенно отдаленные по времени последствия не являются сколько-либо очевидными. Самостоятельная же выработка знаний о приемах и методах деформации, ее последствиях для здоровья и интеллектуальной деятельности, является процессом длительным и совершается в ходе естественной практики [Тур, 1996, с. 241-242].

В таежной полосе южной части Западной Сибири в средние века этногенетическая ситуация сохраняет стабильность, что наглядно демонстрируется результатами антропологического исследования. Краниологический тип черепов из кулайских погребений, а также аналогичные ему компоненты в составе новочекинской серии и всех саргатских выборок, равно как и родственный им низколицый монголоидный компонент в составе кротовской серии могильника Сопка 2 и серии из могильника Еловка 2 эпохи бронзы, а также компонент антропологической структуры неолитических групп собственно западносибирского типа, практически не меняются с течением времени, ибо этот же морфотип характерен для средневековых популяций южно-таежного Прииртышья (усть-ишимская культура) и Нарымского Приобья (древние селькупы). Видимо, подобная ситуация имела место и в северной части Западной Сибири, но отсутствие средневековых краниологических материалов, достоверно связанных с современными этносами, позволяет говорить об этом на основании косвенных данных, отражающих физические особенности уже современных обско-угорских народов.

Глава 6. СОВРЕМЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Современное аборигенное население Северной Евразии относится к различным этнолингвистическим образованиям, в традиционной культуре представлены разнообразные хозяйственно-культурные типы. В языковом отношении аборигенные племена говорят на различных диалектах северосамодийского (ненцы, энцы, нганасаны) и южносамодийского (селькупы) языков, финно-угорского (коми, ханты и манси), тюркского (сибирские татары, хакасы, северные и южные алтайцы), кетском и палеозиатском языках. В традиционной материальной культуре это племена, ведущие присваивающее хозяйство - охотники, рыболовы и собиратели, а также народы, ведущие производящее хозяйство – скотоводы и земледельцы. Как велико разнообразие их культур, природно-климатические условия обитания, так велики и антропологические различия между ними, что в целом говорит о различных путях их этногенеза. Конечно, антропология освещает лишь одну из сторон их происхождения – историю формирования физического облика этих племен (в прошлом бесписьменных), но в купе с данными языкознания, этнографии, археологии, топонимики и др. наук, реконструкция их этногенеза приобретает более полный и объективный характер.

§1. Материалы по антропологии современных популяций

Одной из самых крупных тюркоязычных групп Западной Сибири, наряду с барабинскими и томско-чулымскими тюрками, являются тоболо-иртышские татары. По этно-лингвистическим данным в их составе выделяется четыре основные подгруппы, различающиеся между собой некоторыми особенностями в языке и культуре. Это тюменские, тобольские, коурдакско-саргатские и аялыньско-туралинские татары [Томилов,1981; Валеев,1980; Тумашева,1977; Тумашева, Ахметова, 1983].

Прочно вошло в антропологическую литературу положение, основанное на соматологических материалах, о принадлежности

тоболо-иртышских татар к кругу уральских популяций, с «чулымским», южносибирским и центральноазиатским компонентами в составе отдельных территориальных групп [Трофимова,1947].

Тюменские татары обитают в западных областях ареала тоболо-иртышских татар, где в ходе исторического развития они соприкасались с различными народами, такими как манси, башкиры и др. Среди тоболо-иртышских татар — тюменские считаются одними из самых ранних тюркоязычных жителей этих мест, с которыми связано первое государственное образование сибирских татар — Тюменское ханство, сложившееся в XVI в. [Бояршинова,1960]. До этого, по историко-этнографическим сведениям, здесь жили угорские (мансийские) племена, позднее подвергшиеся тюркскому влиянию [Долгих,1960].

Эта группа представлена краниологическими материалами из могильника XVIII-XIX вв. Юртобор. В конце XIX в. Юртобор (старое название — Боровые Юрты, Боровляньские) административно относился к Кречетинской инородческой волости Тюменского округа Тобольской губернии. По переписи 1897 г. в Юртоборе проживали, в основном, коренные сибирские татары и несколько человек выходцев из Средней Азии (так называемые сибирские бухарцы) [Патканов,1911, с.106].

Черепя тюменских татар характеризуются средними величинами продольного и поперечного диаметров, черепной указатель на границе мезо-субдолихокрании. Высота черепа малая, лицо средневysокое, широкое у мужских и более узкое у женских черепов. Величины назомаллярного и зигомаксиллярного углов показывают умеренную уплощенность лица. Носовые кости и переносье среднеширокие, высота их средней величины, угол выступления носа малый.

Тобольские татары проживают примерно в центральных областях расселения тоболо-иртышских татар. Они составляли основное ядро населения Сибирского ханства в XVI в. Эта группа пред-

ставлена черепами из могильника XIX в. Островного. В XVIII-XIX вв. в Островных юртах проживали только коренные сибирские татары [Патканов, 1911, с.17]. Черепа этой серии морфологически сходны с черепами тюменской группы, однако для них характерно значительно более узкое, чуть менее низкое и менее уплощенное в подносовой части лицо, более выступающее по дакриальной высоте переносье и больше угол выступания носа.

Коурдакско-саргатские татары проживают юго-восточнее тобольских, в таежных районах среднего течения Иртыша. В их составе выделяется две этнографические подгруппы — саргатская и коурдакская (курдакская) [Томилов, 1981].

Коурдакская группа представлена черепами из могильника XIX в. Летний Коурдак. Населенный пункт Коурдак известен в Коурдакской инородческой волости Тарского округа с XVI в. [Томилов, 1981, с.118], Коурдакская же волость XVIII-XIX вв. соответствовала племенной группе Коурдак (Курдак) [Долгих, 1960, с.54]. Саргатские татары представлены черепами из могильника XIX - нач. XX в. Тюльчаково. Деревня Тюльчаково (Тюрьметяково) входила в состав Саргатской инородческой волости Тарского округа. В конце XIX в. здесь проживали, в основном, коренные сибирские татары [Патканов, 1911, с.73].

Череп коурдакской и саргатской серий имеют ряд сходных морфологических черт, хотя проявляются и различия. Коурдакские черепа более грацильные, долихокранные и ниже, обладают более уплощенным переносьем и меньшим углом носа к вертикальному профилю лица. Особенностью саргатских черепов является заметно более низкая орбита и более уплощенное в подносовой части лицо.

Аялыньские (аялыньско-туралиньские) татары занимают южные области ареала тоболо-иртышских татар и обитают в лесостепной полосе Среднего Прииртышья. Из всех групп тоболо-иртышских татар именно они, судя по лингвистическим данным, впитали наибольший процент бухарцев [Тумашева, 1977, с.21]. Эта группа пред-

ставлена краниологическими материалами из могильников Токсай 1 и 2.

Череп аялыных татар морфологически сходны с черепами других выборок, особенно с черепами тюменских татар. Однако, обладают и определенным своеобразием, отличаясь от остальных большими широтными размерами — поперечным и скуловым диаметрами, более высоким лицом.

Локальные краниологические серии тоболо-иртышских татар сходны между собой, внутригрупповой размах изменчивости признаков и указателей невелик. Суммарный внутригрупповой анализ по мужским черепам не выявил между группами существенных морфологических различий [Багашев, 1993б]. Это дает все основания рассматривать краниологические серии, несмотря на некоторые специфические особенности каждой, как выборки из единой совокупности.

По комплексу признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные популяции, тоболо-иртышские татары занимают между ними промежуточное положение. В локальных группах, однако, доли европеоидного и монголоидного компонентов варьируют. В коурдакской серии, например, монголоидные особенности выражены более отчетливо, а в тобольской группе ярче проявляются европеоидные черты, остальные расположены между ними. Характерная особенность строения черепов тоболо-иртышских татар заключается в сочетании уплощенного переносья, малого угла выступа носа, широкого среднеуплощенного в горизонтальной плоскости лица с небольшой (по отношению к монголоидам) высотой лица, что наблюдается у многих популяций из таежных районов Западной Сибири.

При рассмотрении локальных антропологических особенностей серий выявляется закономерность, согласно которой более широкие и высокие черепа обладают более широким и высоким, более упрощенным по горизонтали на уровне орбит, но менее в под-

носовой части лицом, более выступающими носом и переносьем. Для черепов с удлинённой формой мозговой коробки характерна противоположная связь с означенными признаками.

Морфологические особенности локальных групп тоболо-иртышских татар показывают, что наиболее отчетливо выявляемый комплекс признаков представлен в двух сериях, причем обе с периферии ареала. Это самая южная группа — аялынская и западная — тюменская. Для черепов этих выборок характерны явная тенденция к брахикрании, широкое и высокое лицо, относительно высокое переносье. Противоположное сочетание признаков свойственно для самой восточной — коурдакской серии, черепа которой наиболее долихокранные и низкие, лицо с уплощенным переносьем и самым малым углом выступления носа. Горизонтальный профиль лица на уровне орбит свидетельствуют об его относительной профилированности, тогда как в средней части — об уплощенности. Саргатская группа занимает промежуточное положение между этими крайними вариантами, а в тобольской группе наблюдается противоречивое сочетание узкого лица с высоким переносьем и большим углом носа (противоречивое, естественно, применительно к исследуемым материалам).

Хотя характер строения черепов всех серий тоболо-иртышских татар даёт основания для вывода о том, что локальные группы представляют в несколько различных вариантах один и тот же краниологический тип, в антропологическом составе ряда популяций прослеживается примесь населения, отличного от них в физическом отношении. С учетом этого фактора краниологический тип тоболо-иртышских татар аналогичен тому типу, который представлен у тюркоязычных групп Западносибирской равнины (у чулымских и томских тюрков, частично у барабинцев), нарымских селькупов и кызыльцев [Багашев, 1990а, 1990б, 1993б].

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счета и специфические особенности каждой популяции. Так морфология аялынской

серии, черепа которой наиболее широкие и брахикранные с крупным лицом и выступающим носом, указывает на присутствие в составе этой группы примеси тюрко-монгольского населения из Южной Сибири и Казахстана, носителей южно-сибирского комплекса антропологических признаков [Багашев, 1990а]. Более интенсивные контакты с ними аялыньско-туралинских татар обусловлены, видимо, географическим положением этой группы, проживающей в лесостепной полосе Среднего Прииртышья переходящей в степь. Территория эта издавна была местом стыка двух хозяйственно-культурных типов — охотничье-рыболовческого и кочевого скотоводческого и ареной контактов лесных и степных племен, разнородных в антропологическом отношении. В эти места в разное время проникали и казахи [Томилов, 1983], и телеуты [Уманский, 1972, 1980б], и выходцы из Средней Азии [Тумашева, 1977; Томилов, 1981].

Аналогическая примесь присутствует, но в значительно меньшей пропорции, в составе тюменских татар. На их антропологический тип (в силу самой западной локализации) в большей степени, чем на тобольских и коурдакско-саргатских, но в меньшей, чем на аялыньских, оказали влияние тюркоязычные племена, появление которых в лесном Притоболье относят к XIII в. н.э. [Могильников, 1987]. В более позднее время нельзя исключить возможной примеси к тюменским татарам среднеазиатских тюрков — сибирских бухарцев [Патканов, 1911].

Противоположное сочетание признаков, как уже говорилось, т.е. сочетание низкой, узкой и удлинённой черепной коробки с небольшой высотой лица, небольшим углом выступления носа и уплощенным переносьем, характерно для черепов коурдакских татар. Ближайшие аналоги этому комплексу наблюдаются у ряда угорских популяций, в частности у северных манси и отдельных хантыйских групп Среднего Приобья — нижеиртышских и салымских хантов. Контакты между тюрками и уграми в этом районе облегчались тем,

что территория обитания коурдакских татар связана с северными таежными районами посредством р.Шиш и ряда других правых притоков Иртыша, берущих начало в таежной полосе Обь-Иртышского междуречья — местах проживания угров [Багашев,1991, 1993б].

Для черепов тобольской группы, по сравнению с другими сериями, характерно значительно более узкое лицо, наиболее выступающее переносье и максимально большой угол выступания носовых костей. Именно этот комплекс признаков усиливает выраженность европеоидных черт в тобольской популяции. Из территориально ближайших соседей сходная ширина лица наблюдается у некоторых угорских групп, в частности у нижнеиртышских хантов. Однако различия по высоте переносья, горизонтальной уплощенности лица и ряду других признаков значительны. Поэтому вряд ли уменьшение ширины лица у тобольских татар следует связывать с угорским влиянием. Более вероятным представляется связать не только уменьшение ширины лица, но и в целом усиление европеоидных черт в тобольской популяции с влиянием европеоидного тюркоязычного населения Поволжья. Из всех групп тоболо-иртышских татар именно тобольские обнаруживают наименьшие различия с казанскими татарами [Багашев,1990б]. Более интенсивный приток татар-переселенцев в XVII-XIX вв. в район г.Тобольска и его окрестности фиксируется историко-этнографическими источниками [Радлов,1989; Валеев,1980; Томилов,1981].

Саргатские татары, занимая промежуточное положение между аялыньскими и коурдакскими татарами, не обладают, однако, теми чертами, которые сближают аялыньских татар с южно-сибирскими группами и теми, которые сближают коурдакских татар с уграми. Это весьма своеобразная группа, краниологический тип которой аналогичен практически только типу томско-чулымских тюрков. Обитая в таежных районах Среднего Прииртышья, характеризующихся чрезвычайной заболоченностью, что создавало значительные трудности

для перемещения населения, саргатские татары оказались, видимо, в частичной географической изоляции [Багашев, 1990а, 1993б].

Таким образом, наблюдаемые морфологические различия между локальными сериями тоболо-иртышских татар связаны с некоторыми особенностями структуры популяций. Их антропологический состав довольно сложен, хотя генетическая увязка в ряде случаев их антропологических особенностей с конкретными народами сопредельных территорий позволяет говорить, что появление этих особенностей обусловлено метисационными процессами в относительно недалеком прошлом. В наименьшей степени изменениям подвергся антропологический тип саргатских и тюменских татар.

По южным (иртышским) хантам имеется две краниологические серии, из могильника в Нижнем Прииртышье у бывшей д. Чага (Чагинские или Согомские юрты на р.Согом) [Багашев, 1991] и из могильника Алымка в Уватском Прииртышье [Багашев, Антонов, 2001].

Реконструкция антропологического типа иртышских хантов в настоящее время может быть реализована только по материалам из средневековых могильников, локализованных в ареале их бывшего расселения. Выявление особенностей антропологии иртышских хантов имеет значение для определения очага формирования комплекса антропологических признаков, характерных для этой этнолингвистической группы обских угров, в настоящее время полностью ассимилированных.

В конце XIX в Чагинские (Согомские) юрты входили в Колпукольскую инородческую волость Березовского округа, одновременно часть населения была приписана к Самаровской волости Тобольского округа [Патканов, 1911, с.29]. По сообщениям жителей пос. Базьяны, в XIX — начале XX в. ханты из Базьяновских юрт (Темличевская волость) очень часто, особенно при высокой воде, хоронили на кладбище Чагинских юрт. По Б.О.Долгих [1960] Чагинские юрты располагались на границе Белогорской, Темличевской и Колпукольской волостей XVII в., что затрудняет точную этническую привязку

краниологических материалов с конкретной группой хантов. По языку ханты Нижнего Прииртышья и прилегающего к устью Иртыша участка нижней Оби относились к южной диалектной области [Хайду, 1985], поэтому краниологические материалы из Чаги могут быть идентифицированы с южными хантами.

Строение черепов иртышских хантов из Чаги имеет несколько особенностей: ярко выраженная долихокрания при малой высоте свода черепа и небольшой длине его основания; узкое (особенно на фоне других западносибирских серий) и низкое лицо с широкими орбитами; умеренная горизонтальная уплощенность лица и средне-высокое переносье (по симотическим и дакриальным размерам) сочетаются с очень малым углом носа к вертикальному профилю.

Морфологические особенности чагинской серии сближают эти черепа в первую очередь с черепами обских угров, особенно из Мужы, черепами манси с Сев.Сосьвы, а также коурдакской группой тоболо-иртышских татар [Багашев, 1991]. Единственное, что не имеет аналогии в Западной Сибири — это ширина лица. Узкое лицо, характерное для хантов Иртыша, резко отделяет их от сопредельных групп, хотя некоторые из них — ханты с.Мужы, р.Салым, коурдакские татары и манси — наиболее узколицы из западносибирских популяций. Небезынтересны в этой связи уже отмеченные тенденции уменьшения ширины лица и в целом черепа от низовий Оби к югу [Руденко, 1914] и от Нарымского Приобья к северу [Дремов, 1984]. Таким образом, вполне отчетливо вырисовывается, что очаг наибольшей узколицести и узкоголовости в Западной Сибири расположен в низовьях Иртыша и прилегающих к его устью участках Оби.

Более южная выборка по иртышским хантам из могильника Алымка немногочисленна, видимо, в силу этого имеет довольно своеобразную морфологию. Средние размеры мозговой коробки характеризуются большой величиной продольного и малой величиной поперечного диаметров, долихокранные. Высота мозговой коробки варьирует в пределах средних величин, лицо низкое среднеширо-

кое. Угол выступания носа малый. Величины зигомаксиллярного и назомалярного углов варьирует в пределах малых и средних интервалов изменчивости, что говорит о том, что лицевой скелет профилирован умеренно. Переносье средней высоты, но одновременно широкое.

Результаты сопоставления черепов иртышских хантов показывают близость, в первую очередь, их между собой, а во вторую очередь, с территориально ближайшими соседями — с балыкской и салымской этнолингвистическими группами восточных хантов.

Коэффициенты межгрупповой корреляции ряда признаков [Дремов, Багашев, 1993, 1998б] свидетельствуют о положительной связи черепного указателя с высотой черепа, основными размерами лица, выступанием носа, отрицательной — с верхнелицевым указателем. Они достаточно отчетливо отражают присутствие в составе восточных и южных хантов двух основных морфологических комплексов — более массивного с широким, относительно менее высоким лицом и сильнее выступающим носом мезо-брахикранного типа, представленного в восточных группах (Вах, Васюган), и более грацильного и лептоморфного с низким черепом и очень слабо выступающим носом мезо-долихокранного, который в наиболее чистом виде фиксируется в западных группах (Иртыш, Салым). Присутствие этого долихокранного узколицего типа вполне отчетливо прослеживается в составе хантов с.Мужи, манси Сев.Сосьвы, коурдакских татар в Омском Прииртышье и в несколько ослабленном виде у хантов Балыка и Югана.

Очевидно, этот тип может быть идентифицирован с угорским типом И.Деникера [1902] или нижнеобским В.В.Бунака [1965]. Но как показывает новый материал, он распространен значительно шире, чем казалось прежде, и оба предложенных для его обозначения названия не отражают его локализацию.

Особенности межгруппой изменчивости южных хантов свидетельствуют о том, что они характеризуется тем комплексом антро-

пологических черт, которые характерны в целом для популяций уральского антропологического типа, но обнаруживает и тяготение в сторону обь-иртышских групп, особенно томско-нарымского варианта. Не исключено, что это обусловлено географической близостью между ареалами иртышских и восточных хантов. В составе последних отмечена примесь южносамодийских элементов. Это, видимо, определяло более интенсивную этногенетическую взаимосвязь между восточными и южными хантами.

В целом ареал уральских популяций может быть расширен за счет включения в него территории Нижнего Прииртышья. В таксономическом отношении иртышские ханты являются составной частью уральской группы популяций, в составе которой своеобразное сочетание антропологических признаков сложилось еще в эпоху мезолита и частично сохранилось до наших дней благодаря действию изолирующих механизмов в условиях северной тайги.

В 1987-1988 гг. на кладбище у бывшей деревни Лямъяпауль, располагавшейся на правом берегу реки Лямъя (правый приток р. Пелым, Ивдельский р-н Свердловской обл.), автором собрана небольшая краниологическая коллекция, состоящая из 4 мужских и 8 женских черепов [Багашев, 1999б, 1999в].

По данным переписи населения 1897 г. манси верхнего течения Пелыма были приписаны к Верх-Пелымской волости Туринского уезда [Патканов, 1911]. По этнографическим сведениям манси Лозьвинских, Пелымских и Сосьвинских волостей Туринского уезда представляют собой довольно монолитную в этническом отношении группу, т.к. заключали браки преимущественно между собой, в своей среде [Соколова, 1990, с. 55-56]. Браки же манси этих западных волостей с ляпинскими и северососьвинскими практически отсутствовали [Соколова, 1979б, с. 120]. Пелымско-лозьвинско-сосьвинская (западная) группа манси может быть отождествлена с былым племенным делением и есть основания предполагать племенной характер этой части манси [Соколова, 1990, с. 58]. По лингвистическим

данным манси Пелыма, Средней и Нижней Лозьвы говорили на западном диалекте мансийского языка [Хайду, 1985, с.38-39]. Серия черепов из Лямъяпауля, таким образом, соотносится с пелымскими манси, которые представляют западную (пелымско-лозьвинско-сосьвинскую) часть этноса.

Для мужских черепов характерна мезокранная форма мозговой коробки при средней ее высоте. Лицо довольно широкое, но низкое, в горизонтальной плоскости слабо профилировано. Носовые кости узкие, невысокие, симотический указатель и угол свидетельствует об их уплощенности. Переносье шире и выше, относительно носовых костей более профилированное. Угол выступления носа средней величины.

Сопоставление черепов пелымских манси с данными по хантам и манси Западной Сибири показало [Багашев, 1999б], что между ними не обнаруживается близкого сходства. Мужские черепа пелымских манси, по сравнению с черепами манси Сев. Сосьвы, да и другими обско-угорскими группами, являются более широкими и высокими, их лицевой скелет значительно шире, но заметно меньше высота лица, ниже орбиты. По горизонтали лицо уплощенное на уровне орбит, сильнее выступает нос. Эти особенности сближают пелымскую серию манси с селькупскими выборками.

Женские черепа отличаются от обско-угорских групп Западной Сибири по этим же признакам. Однако, благодаря своему более европеоидному строению обнаруживают морфологическое сходство в первую очередь с саамами Кольского полуострова, карелами, а также с финнами Поволжья и Приуралья.

В целом пелымские манси обнаруживают тяготение к наиболее низколицым и долихокранным угорским сериям — северным манси, хантам Иртыша, Салыма, Югана и Васюгана. А вот женские черепа пелымской серии несколько дистанцируется от основного массива угров. Благодаря европеоидному уровню горизонтальной профилированности лицевого скелета и переносья, они обнаружи-

вают тяготение к восточным финнам, но при этом сохраняет сходство с черепами хантов Иртыша, Салыма и Югана.

Таким образом, краниологический тип пелымских (западных) манси, фиксируемый на черепах из могильника Лямъяпауль, характеризуется определенным своеобразием. Это сочетание весьма уплощенного в горизонтальной плоскости лица с относительно сильнее профилированным переносьем и средним выступанием носовых костей. Особенностью краниологической структуры пелымских манси является сочетание большой ширины и очень малой высоты в строении лицевого скелета (эурипрозопия).

Хотя краниологическая серия по западным манси невелика, что ставит определенный предел в этногенетических построениях, можно говорить о наличии ряда специфических черт в антропологическом типе манси, которые отличают их от хантов. Скорее всего, речь может идти о наличии в антропологическом составе западных манси европеоидного компонента в двух вариантах. Европеоидный компонент, для которого характерно профилированное по горизонтали неширокое средневысокое лицо (более отчетливо просматривается на женских черепах), генетически может быть связан с финно-пермскими народами Восточной Европы. Европеоидный компонент, характеризующийся уплощенным по горизонтали широким низким лицом (более отчетливо наблюдается по мужским черепах), имеет аналогии тому комплексу (европеоидный со слабо профилированным эуриморфным лицевым скелетом), который прослеживаются в составе населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железа.

В серии мансийских черепов, собранных на Сев. Сосьве и Ляпине, отчетливо фиксируется северохантыйский компонент [Беневоленская, 1992, с.31; Багашев, 1998б, с.112]. Формирование северных манси на этих территориях, входивших в ареал северных хантов, произошло сравнительно недавно, в XVIII – XIX вв. [Соколова, 1975, 1979а, 1981]. Очевидно, что данная выборка не может рас-

смаатриваться как некий эталон физического типа всех манси, о чем свидетельствуют особенности антропологического состава пелымской группы.

В результате исследований средневековых и близких к современности могильников на территории Нарымского Приобья собран значительный краниологический материал, который является важным историческим источником при решении общих проблем происхождения коренного населения этого региона. По археологическим и этнографическим данным средневековые погребения оставлены непосредственными предками современных нарымских селькупов, а материалы из поздних могильников напрямую сопоставляются с конкретными их диалектно-локальными группами.

Уже в первых работах, посвященных антропологии коренного населения Нарымского Приобья [Дебец, Трофимова, 1941; Дебец, 1947], отмечен сложный состав селькупов и выявлены некоторые особенности их морфотипа. Анализ краниологических материалов из могильников по рр. Чулыму, Оби и Кети, раскопанных А.П.Дульзоном и Е.М.Пеняевым, позволил Н.С.Розову зафиксировать ряд расовых компонентов в антропологическом составе нарымских селькупов и высказать некоторые предположения об их происхождении и этногенетических связях [Розов, 1955, 1956б, 1958, 1961]. Повторное исследование краниологических материалов из могильников Причулымья и Прикетья, с некоторой их перегруппировкой и добавлением данных из поздних кладбищ [Дремов, 1984; 1998б], показало, что в целом черепа нарымских селькупов имеют брахикранную форму, лицевой скелет уплощен в горизонтальной плоскости, а средневыступающее переносье сочетается с очень малым углом выступления носа. Отмечено, что по ряду важных признаков черепа селькупов отличаются от черепов северных самодийцев и угров, и сближаются по морфологии с черепами чулымских и томских тюрков. Однако имевшийся в распоряжении исследователей небольшой по численности краниологический материал анали-

зировался при группировке черепов в серии из различных могильников, что не позволило уловить закономерности территориальной изменчивости расовых особенностей и рассмотреть антропологический состав нарымских селькупов на популяционном уровне.

Дополнительно к известным анализируются краниологические материалы из могильников Тискино, Мигалка, Лукьяновского и Максимоярского, Бедеревский Бор. В географическом плане могильники группируются следующим образом: левый берег Оби (условно Приобье) — Тискино и несколько севернее Мигалка (Колпашевский район Томской области). Лукьяновский и Максимоярский могильники расположены в Среднем Прикетье (Верхнекетский район Томской области). Могильники Бедеревский Бор 1, 2 и 3 — в Среднем Притымье (Каргасокской район Томской области).

Тискинский могильник функционировал с XII по XIX вв. н.э. Раскопки памятника проводились Л.А.Чиндиной в 1972 и 1977 гг. и А.И.Бобровой в 1978-1981 гг. По особенностям погребального обряда и сопровождающему инвентарю выделено три основные хронологические группы захоронений — XII-XIV вв., XV-XVII вв. и XVIII-XIX вв. [Чиндина, 1975; Боброва, 1980, 1982, 1994], в соответствии с этим краниологический материал также сгруппирован в три серии. Серия XII-XIV вв. рассмотрена в разделе, посвященном анализу средневековых материалов.

Погребения могильника Мигалка датируются XVI-XVII вв., раскопки Л.А.Чиндиной в 1989-1992 гг. В эту серию включены 2 черепа из близ расположенных Мысовского (раскопки Л.А.Чиндиной в 1984 г.) и 1 череп из Инкинского могильника (раскопки Л.А.Чиндиной в 1976 г.).

Могильники Среднего Прикетья — Лукьяновский (раскопки Г.И.Гребневой в 1977 г.) и Максимоярский (раскопки Г.И.Гребневой в 1980 и 1982 гг.) датируются XVI-XVIII вв. Сгруппированы в одну серию.

Погребения могильника Бедеревский Бор 1 (раскопки А.И.Бобровой в 1989-1991 гг.) датируются XIV–XVI вв., Бедеревский Бор 2 (раскопки Н.М.Зинякова в 1974 г. и А.И.Бобровой в 1989-1990 гг.) — XVII–XVIII вв., Бедеревский Бор 3 (раскопки Н.В.Березовской в 1991-1992 гг.) — X–XIV вв. Плохая сохранность материала позволила сгруппировать черепа только в две хронологические группы — раннюю (X–XVI вв.) и позднюю (XVII–XVIII вв.).

Для тискинских черепов среднего этапа характерна мезобрахикранная форма мозговой коробки при средней высоте. Лицо широкое по всем параметрам, в том числе и на уровне углов нижней челюсти, но невысокое, в горизонтальной плоскости весьма слабо профилировано. Носовые кости средней ширины, невысокие, переносье шире и выше, относительно носовых костей более профилированное. Угол выступания носа малой величины.

Черепы среднего этапа отличаются от черепов раннего периода только по углам вертикальной профилировки лицевого скелета. Поздние черепа, в свою очередь, морфологически почти не отличаются от средних и ранних. Индексы уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярные фацио-церебральные указатели (ПФЦ) и условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) составляют в различных тискинских выборках близкие значения, а их величины указывают, что черепа из могильника Тискино по своему строению сближаются с монголоидными вариантами, в первую очередь по уплощенности лицевого скелета и углу выступания носа, но по ряду признаков, особенно по высоте лица и по соотношению лицевых и мозговых пропорций, наоборот, сближаются с европеоидами. В целом черепа из Тискино занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами, с бóльшим тяготением в сторону последних.

По мужским черепам наблюдается незначительное усиление монголоидных черт от древности к современности, по женским ситуация несколько иная: близкие к современности черепа являются

более европеоидными, чем ранние. Не фиксируется, следовательно, влияния европеоидных групп, в частности русских переселенцев, на антропологический тип мужчин, погребенных в Тискинском могильнике, в составе женщин (на последнем этапе функционирования могильника) не исключена небольшая примесь европеоидного компонента.

Специфическими чертами краниологической структуры всех черепов Тискинского могильника являются: сочетание очень слабо выступающего носа и уплощенного по горизонтали лица, особенно на уровне орбит, со средневыступающим переносьем и эурипрозопной формой лицевого скелета.

Мужские черепа из могильника Мигалка характеризуются брахикранией и средней высотой, женские имеют мезокранную форму. Лицевой скелет мужских и женских черепов широкий, невысокий, в горизонтальной плоскости слабо профилирован. Носовые кости средней ширины, невысокие, особенно на женских черепах, симметрический указатель и угол свидетельствует об их уплощенности. Переносье относительно носовых костей более высокое и профилированное. Угол выступления носа очень малой величины.

По степени выраженности монголоидных черт мужские и женские черепа не различаются, что ставит их в ряд групп, занимающих промежуточное положение между монголоидными и европеоидными вариантами. Для черепов из Мигалки, как и для тискинских, специфическими чертами являются: сочетание большой ширины и малой высоты в строении лицевого скелета, плоское по горизонтали лицо, средневысокое переносье в сочетании с очень малым углом выступления носа, что свидетельствует о большом сходстве антропологических типов тискинской и мигалкинской популяций, т.е. о тесных родственных связях этнических групп, оставивших оба могильника.

Череп из Прикетья (Лульяновский и Максимоярский могильник) характеризуются малой величиной продольного и большой поперечного диаметров, по форме брахикранные. Высота мужских че-

репов средняя, женских – малая. Лицо широкое, особенно на мужских черепах, невысокое, довольно уплощенное в горизонтальной плоскости. Носовые кости средней ширины и высоты, по дакриальным размерам переносье относительно носовых костей более высокое и профилированное. Угол выступания носа малой величины. Уплощенность лицевого скелета мужских черепов выражена несколько сильнее. По степени выраженности монголоидных черт прикетские черепа, как и в предыдущих случаях, занимают промежуточное положение между монголоидными и европеоидными сериями, но с бóльшим тяготением в сторону первых.

Для черепов данной серии, как и для тискинских и мигалкинских, особенностями является эурипрозопия в строении лица, слабое выступание носовых костей при средней высоте переносья. Но фиксируются и некоторые специфические черты: прикетские черепа брахикраннее, шире лицо, но уже нос.

Черепы их могильников Бедеревского Бора характеризуются мезо-брахикранной формой мозговой коробки при малой ее высоте. Лицо широкое, невысокое, в горизонтальной плоскости слабо профилировано. Носовые кости средней ширины, невысокие, переносье выше и относительно носовых костей более профилированное. Угол выступания носа малой величины.

Между ранними и поздними черепами из Бедеревского Бора наблюдается ряд различий. Так поздние мужские черепа имеют более высокий череп, а женские более низкий; если на поздних мужских фиксируется более высокое переносье и более выступающий нос, то на женских также наоборот. Наблюдаемые различия обусловлены небольшой численностью ранней серии, а несовпадение расхождений по мужским и женским черепам не позволяет видеть за ними генетическую природу.

По степени уплощенности лица и соотношению основных диаметров черепа мужская выборка является заметно более монголоидной и может быть охарактеризована как монголоидная с неболь-

шой европеоидной примесью, женская же занимает промежуточное положение между монголоидными и европеоидными вариантами. Особенности строения черепов из могильников Бедеревского Бора совпадают с особенностями, отмеченными по материалам из Тискино, Мигалки и Прикетья. Специфическими чертами бедеревской серии являются: меньшая высота черепа, более уплощенное по горизонтали в средней части лицо, уже орбиты.

Сопоставление серий из Нарымского Приобья свидетельствует, что наибольшее сходство наблюдается между различными хронологическими выборками из Тискинского могильника. Расхождения между ними столь незначительны, что можно говорить об очень тесной родственной связи между поколениями в течение почти целого тысячелетия, т.е. физический тип населения, оставившего данный могильник, не претерпел за это время практически никаких изменений. Данное наблюдение, в свою очередь, свидетельствует о том, что до начала русской колонизации в этот район Нарымского Приобья не проникали какие-либо крупные группы людей иного антропологического облика.

Череп из Мигалки обнаруживают наибольшее сходство с тискинскими, причем по мужским черепам видно, что практически этот же антропологический тип фиксируется и на черепках из средневекового могильника Алдыган. Таким образом, приобские могильники Тискино, Алдыган и Мигалка оставлены группами, между которыми существовали довольно тесные родственные отношения и которые представляли, скорее всего, части одного родоплеменного объединения.

Весьма незначительные расхождения наблюдаются между прикетским и притымскими выборками, которые в свою очередь мало отличаются от обских групп. По мужским черепам заметно некоторое своеобразие причулымской серии, но по женским морфологический тип причулымской группы близок типу обских, прикетских и притымских популяций. Как по мужским, так и по женским черепам

отчетливо проявляется своеобразие ранней выборки из Притымья, но которое обусловлено, как уже отмечалось выше, небольшой ее численностью.

Вариабельность антропологических черт популяций Нарымского Приобья в целом весьма незначительна, все они близки между собой и представляют выборки из одной совокупности. Наиболее типичной в анализируемой совокупности групп является серия из могильника Мигалка, наибольшее отклонение от средних характеристик нарымских популяций обнаруживает серия с низовьев Чулыма.

Многомерный анализ изменчивости антропологических признаков в группах нарымских селькупов, обских угров и западносибирских тюрков показывает, что данная совокупность дифференцируется в соответствие со следующими закономерностями: отчетливо проявляется своеобразие тех серий, для черепов которых характерна относительно бо́льшая высота свода, высокое профилированное в горизонтальной плоскости, особенно в средней части, лицо, высокое переносье и наибольший угол выступления носа. Иное скопление образуют серии, в которых преобладают более долихокранные черепа, с узким ортогнатным в вертикальной плоскости лицом. Если первый комплекс признаков дифференцирует по степени выраженности монголоидных особенностей, то второй ограничивает угорские народы ото всех остальных. Первый комплекс признаков может быть сопоставлен с физическими особенностями южносибирских популяций, второй — угорских. Характер разброса популяций показывает, что в составе чулымской серии заметную долю составляет компонент, связанный в происхождении с тюркоязычными народами Южной Сибири и Казахстана. Незначительное присутствие южносибирского компонента наблюдается в составе ранней группы из Тискино и в выборке из Прикетья. В поздней же тымской группе наблюдается присутствие долихокранного узколицего компонента, который генетически может быть связан с обско-угорским на-

дов Южной Сибири. Весьма слабо, но улавливается влияние хантов на формирование физического типа населения, оставившего могильники Мигалка на Оби и Бедеревский Бор на Тyme. Материалы по коренному населению Нарымского Приобья охватывают большой промежуток времени, от X до начала XX вв. Значительное морфологическое сходство между различными хронологическими выборками позволяет сделать вывод, что физический тип местного населения не претерпел в течение II тысячелетия н.э. практически никаких изменений. Антропологический облик нарымских селькупов, фиксируемый в различных территориальных группах, по основным характеристикам очень сходен. Оба наблюдения говорят о широком географическом распространении и хронологической стабильности антропологического типа южных самодийцев.

Помимо рассмотренных выше этнолингвистических групп, краниологические данные по современным коренным народам Северной Евразии охватывают все этнолингвистические общности – тюркские, угорские и самодийские. Группировка сравнительных материалов осуществлена в соответствии с представлениями автора об их таксономическом положении [Багашев, 1998а, 1998г, 1998д, 1999а] и их этно-лингвистической принадлежности.

Манси северные [Дебец, 1951] и западные [Багашев, 1999б], ханты северные (Халас-Погор [Дебец, 1951], Обдорск [Дремов, 1984]), восточные (Салым, Балык, Юган, Вах, Васюган [Дремов, 1991а]), южные [Багашев, 1991]. Уральский антропологический тип западносибирской группы популяций. Краниологическими особенностями являются долихокрания, малая высота свода черепа, среднеширокий низкий (мезоморфный) умеренно уплощенный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, средневысокое переносье, очень малый угол выступания носовых костей.

Нарымские селькупы (бассейн Чулыма и сборная серия из могильников Нарымского Приобья [Дремов, 1998б], Тискино [Багашев, 2000в], Мигалка, Лукьяново, Бедеревский Бор [настоящая работа]),

чулымские тюрки (Ясашная Гора, Тургай-Балагачево, Яя-Кия, средний Чулым, Рубеж [Дремов, 1991б]), томские татары (Тоянов Городок, Козюлино [Дремов, 1990б]). Томско-нарымский вариант обь-иртышского антропологического типа западносибирской группы популяций. Краниологические особенности этой совокупности популяций, по сравнению с группами уральского антропологического типа, сводятся к следующему: суббрахикrania, средняя высота мозговой коробки, широкий низкий (эуриморфный) слабо профилированный по горизонтали лицевой скелет, средневысокое переносье в сочетании со средним углом выступления носовых костей.

Барабинские татары (Абрамово, Лънозовод, Кыштовка [Ким, 1990], Кайлы-Угурманка [Ким, 1998]), тоболо-иртышские татары (аялыньские, коурдакские, саргатские, тюменские, тобольские [Багашев, 1993б]). Тоболо-барабинский вариант обь-иртышского антропологического типа западносибирской группы популяций. Морфологически близки группе популяций томско-нарымского варианта, но фиксируется примесь южносибирских элементов (Абрамово, аялы).

Хакасы – кызыльцы (взвешенно суммированы черепа кызыльцев из могильника Агаскыр [Ким, 1978а] и могильника Ошколь [Дремов, 1991б], сагайцы, бельтиры, качинцы [Алексеев, 1960а]. Алтае-саянский антропологический тип южносибирской группы популяций. Брахикrania, средняя высота черепа, умеренно уплощенное в горизонтальной плоскости мезоморфное лицо, средняя высота переносья в сочетании со средним углом выступления носовых костей. Фиксируется примесь томско-нарымского компонента.

Телеуты бачатские [Ким, 1978б], кумандинцы (взвешенно суммированы черепа из могильников Солтон [Ким, 1984], Сурбашево, Нарлык-Сарыково [Дремов, Ким, 1998], табл. 78, 79), тубалары [Дремов, Ким, 1998], черепа шорцев северных и южных [Ким, 1984] взвешенно суммированы. Североалтайский антропологический тип южносибирской группы популяций. Мезокrania, высокая мозговая коробка, лептоморфное среднепрофилированное по горизонтали

лицо, средняя высота переносья, угол выступания носовых костей средней величины.

Казахи (Актулки, Бегазы, Коянды [Исмагулов, 1963]). Казах-
станский антропологический тип южносибирской группы популяций.
Брахикrania, средняя высота свода черепа, широкое мезоморфное
лицо, слабо профилированное в горизонтальной плоскости, не-
большая высота переносья, малый угол выступания носовых костей.

Ненцы [Дебец, 1951], кеты [Гохман, 1982]. Енисейский антро-
пологический тип североазиатской группы популяций. Брахи-
крания, малая высота черепа, широкое средневысокое слабо профилиро-
ванное по горизонтали лицо, высота переносья средней величины,
небольшой угол выступания носовых костей.

Буряты [Дебец, 1951], тувинцы [Алехеев, 1965], якуты [Томтосо-
ва, 1980]. Центральноазиатский антропологический тип североази-
атской группы популяций. Брахи-
крания, малая высота черепа, ши-
рокое высокое сильно уплощенное по горизонтали лицо, низкое пе-
реносье, очень слабое выступание носовых костей.

Удмурты северные и южные, марийцы горные и луговые,
мордва-эрзя, мордва-терюхане, мордва-мокша, коми-пермяки
[Алексеев, 1969], башкиры Мавлютово [Акимова, 1968], Старо-
Халилово, Иштуганово [Юсупов, 1989]. Приуральский антропологи-
ческий тип беломоро-балтийской (североевропейской) группы попу-
ляций. Мезокрания, средняя высота черепа, мезоморфный лицевой
скелет, по горизонтали хорошо профилированный, но с незначи-
тельной уплощенностью, выступающее переносье, угол носовых
костей к линии вертикального профиля лица средней величины или
выше.

§2. Антропологическое своеобразие этнических групп

Согласно результатам анализа закономерностей изменчивости
всего массива современных краниологических материалов Север-
ной Евразии, выделяемый в качестве основного комплекс антропо-

логических признаков обусловлен такими корреляционными связями, при которых увеличение ширины черепа, лица, носа и орбиты связано с усилением горизонтальной уплощенности лица (особенно в подносовой части) и уменьшением высоты переносья, носовых костей и угла носа к вертикальному профилю лица. Он достаточно эффективно дифференцирует европеоидные и монголоидные группы. По признакам этого комплекса вполне отчетливо проявляется тенденция усиления выраженности монголоидных особенностей с запада на восток. Наиболее европеоидные популяции из Восточной Европы и Приуралья противопоставляются монголоидным центральноазиатским группам. По этой компоненте хорошо дифференцируются группы из Хакасии, Шории и Северного Алтая. В составе населения этого региона выделяются две надпопуляционные общности. К одной из них относятся, помимо казахов и теленгетов, — качинцы, койбалы и барабинцы Абрамово. Не представляет труда идентифицировать ее с южносибирскими популяциями.

В другую совокупность вошли все североалтайские и шорские группы, сагайцы, бельтиры и кызыльцы (Ошколь). К ним близки северные и горные марийцы. Эта общность характеризуется заметным усилением европеоидных признаков и сближается с населением Восточной Европы. Западносибирские популяции почти не дифференцируются, располагаются между европеоидами и монголоидами, сливаясь с группами Хакасии, Шории и Северного Алтая, образуя весьма мозаичное скопление.

Другой комплекс обусловлен изменчивостью, при которой увеличение высоты черепа и лица сопровождается усилением степени выступления носа, носовых костей и переносья, профилированности в горизонтальной плоскости лица. В отличие от первого не разграничивает группы Восточной Европы и Восточной Сибири. Однако отчетливо отделяет от них и от групп Южной Сибири западносибирское население и хорошо дифференцирует его. Особенностью комплекса является то, что уменьшение высоты черепной коробки и

лица сопровождается усилением монголоидных черт. Но именно это, противоречивое с точки зрения исторической корреляции, сочетание характерно для лесных западносибирских популяций и наиболее ярко выражено у иртышских хантов. Данный комплекс обозначен как «северный». Противоположный, или «южный» комплекс, представлен у сагайцев, кумандинцев Солтона и тубаларов [Багашев, 1998в, с. 152-156].

В составе западносибирского населения выделяется по степени внутреннего сходства две общности. К первой отнесены те группы, в которых отчетливо просматривается «северный» комплекс. Это манси, ханты Обдорска, Югана, Салыма, Васюгана, Иртыша, чулымцы Ясашской Горы, Тургая-Балагачево, Среднего Чулыма, Рубежа, коурдакские татары, кеты. Ко второй общности относятся те популяции, у которых «северный» комплекс представлен в ослабленном виде и имеется примесь древних европеоидных элементов, видимо, связанных в происхождении с протоевропейским неолитическим пластом [Bagashev, 1994, Багашев, 1994; Зах, Багашев, 1998], что несколько и сближает их с населением Южной Сибири. Это тюменские, тобольские, саргатские, аялыньские, барабинские (Льнозавод, Кыштовка), томские (Козюлино, Тоянов Городок) татары, чулымцы Яи-Кии, кызыльцы Агаскыр, тундровые ненцы, нарымские селькупы, ханты Балыка, Халас-Погора и Ваха (рис. 7).

Таким образом, в составе коренного населения Западной и Южной Сибири вырисовывается четыре антропологические общности. Проведенный анализ позволяет говорить, что в генезисе коренного населения Приуралья, Северного Алтая, Шории и Хакасии доминирующим фактором расообразования выступали метисационные процессы между европеоидами и монголоидами, по древности как минимум с эпохи неолита, тогда как в формировании населения Западной Сибири, особенно ее таежной части, важным звеном было сохранение протоморфных недифференцированных элементов.

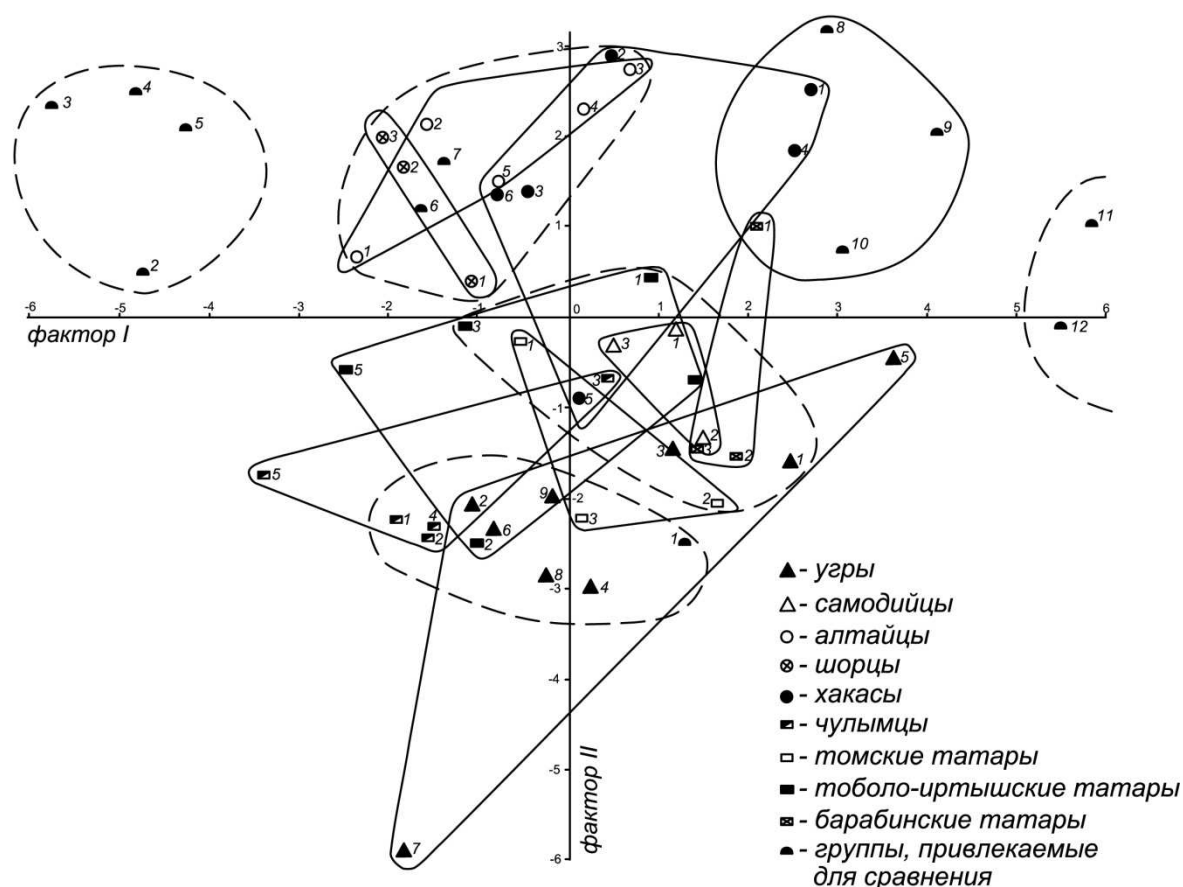

Рис. 7. Взаиморасположение современных популяций Северной Евразии

О своеобразии морфологических комплексов, характерных многим популяциям Западной Сибири, особенно таежной ее части, убедительно свидетельствуют и результаты изучения закономерностей географического варьирования признаков [Дремов, 1998а]. В Западной Сибири выделяется несколько основных районов с относительно однородным антропологическим составом и районов с явно смешанным составом населения. В Южной Сибири устанавливается сравнительно большое антропологическое разнообразие в районе Алтая и Шории по сравнению с Хакасией. Тюркоязычное население средней полосы Западной Сибири отличается повышенной изменчивостью, но в то же время проявляет общие черты, противопоставляясь алтайцам, шорцам и хакасам. Изменчивость достигает

максимума в Среднем Приобье среди хантыйского населения и вновь снижается в районах Севера. Угро-самодийские группы антропологически значительно более разнообразны, чем тюрки южных районов [Дремов, 1998а, с. 246].

Анализ коэффициентов корреляции признаков уплощенности лицевого скелета, свидетельствует о том, что смешение европеоидных и монголоидных групп не было единственной или главной причиной наблюдаемых межгрупповых различий в западносибирском регионе. Он свидетельствует о наличии в Западной Сибири серий, имеющих как более монголоидное, так и более европеоидное строение и, следовательно, о степени влияния процесса смешения европеоидов и монголоидов на формирование физического облика населения этого региона. Однако межгрупповая связь признаков, дифференцирующих в Западной Сибири европеоидные и монголоидные группы, проявляется менее четко, чем на сопредельных территориях. В определенной мере это свидетельствует о влиянии на процесс образования коренного населения Западной Сибири не только смешения, но и других факторов [Рыкун, 1998, с. 291-292].

При характеристике антропологических особенностей населения Западной Сибири отмечается их промежуточное положение между европеоидными типами Восточной Европы и монголоидами Центральной Азии. В этом плане этнические группы Западной Сибири сходны с народами Поволжья, Приуралья, Казахстана и Средней Азии, составляя в совокупности население довольно обширной переходной евразийской зоны. Но если метисное происхождение населения примыкающей с юга к Западной Сибири территории Казахстана и Средней Азии убедительно доказано [Гинзбург, Дебец, Левин, Чебоксаров, 1954; Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972], то в отношении населения Западной Сибири проблема остается во многом открытой. Отмечены своеобразные черты облика как современного, так и древнего населения, которые не вписываются в простую схему смешения европеоидных и монголоидных элементов,

образуя сочетания, отклоняющиеся от обычных исторических корреляций на территории Северной Евразии.

Анализ изменчивости признаков горизонтальной профилировки лица и выступления носа показал, что в Западной Сибири они постепенно уменьшаются с юга на север и с запада на восток [Дремов, Багашев, 1998а]. Что же касается угорских групп Средней и Нижней Оби, то они по показателям уплощенности лица заметно превосходят самые монголоидные группы финноязычного населения Поволжья и Приуралья. Но своеобразие антропологического типа населения Западной Сибири проявляется не столько по сумме признаков уплощенности лица, сколько по соотношению составляющих компонентов. Это видно при сравнении двух основных компонентов указателя уплощенности лица - указателя уплощенности носа $(\frac{1}{2}DS + \frac{1}{2}SS + \angle pnr):2$ и указателя уплощенности лица $(\angle fmo + \angle zm'):2$. Теоретически обе величины должны различаться несильно и в среднем давать разность, близкую к нулю, что наблюдается в действительности только на сопредельных с Западной Сибирью территориях. Отрицательные разности, т.е. относительно большая уплощенность лица по сравнению с носом, и обратные соотношения встречаются там одинаково часто. Величина разности, по видимому, не зависит от физического типа: ее межгрупповая корреляция с УПС, вычисленная по 60 сериям, невелика ($r_s=0,17$). Иная картина вырисовывается на территории Западной Сибири. У большинства групп нос уплощен относительно сильнее, чем лицо. Данная морфологическая особенность строения черепа особенно отчетливо выражена в краниологических материалах по обским уграм, барабинским татарам, северным алтайцам и шорцам Шории.

Сопоставление признаков горизонтальной профилировки лица и выступления носа, как преобразованных компонентов показателя уплощенности лицевого скелета, показало, что по соотношению степени горизонтальной профилировки лица и углу выступления носа западносибирские группы в целом выглядят дисгармонично. Для них

характерно сочетание относительно более профилированного лица со слабым выступанием носа, причем наиболее ярко эта дисгармония фиксируется в составе угров и южных самодийцев. Обращает внимание, что если профилировка лица западносибирских серий действительно промежуточна между европеоидными и монголоидными группами (ближе к первым), то угол выступления носа имеет явно монголоидную величину.

Степень горизонтальной уплощенности лица и переносья примерно одного уровня в группах независимо от их расовой принадлежности, но некоторые западносибирские серии обладают небольшим своеобразием. Только у угров наблюдается относительно большая уплощенность переносья, нежели лица, а у южносибирских популяций, наоборот, переносье профилировано относительно лица сильнее.

Соотношение высоты переносья и величины угла выступления носа примерно одинаково в европеоидных группах (западные финны, русские). У центральноазиатских монголоидов и кетов, а также у хакасов наблюдается тенденция к увеличению высоты переносья относительно степени выступления носа. И только в западносибирских группах вполне отчетливо фиксируется дисгармония в соотношении этих признаков, т.е. характерной морфологической особенностью данных групп является обычно среднеразвитое переносье в сочетании с очень малым углом выступления носа.

Анализ компонентов обобщенного показателя уплощенности лицевого скелета показал, что все признаки положительно связаны между собой и это согласуется в общих чертах с исторической корреляцией. По углу выступления носа и высоте переносья западносибирские популяции, кроме ненцев, выглядят наиболее монголоидными, а по степени горизонтальной профилировки лица близки к европеоидным группам. Отчетливо прослеживается, что в строении черепов североазиатских монголоидов и кетов, с одной стороны, и европеоидных групп (русские, западные финны, финны и турки По-

волжья), с другой, не проявляется явных противоречий с исторической корреляцией. Для первых характерно относительно гармоничное сочетание плоского лица и переносья со слабым выступанием носа, для вторых — сочетание профилированного лица и высокого переносья с сильным выступанием носа. В строении черепов тюрков Казахстана проявляется сочетание высокого переносья и большого угла выступания носа с относительно уплощенным по горизонтали лицом. Противоположная комбинация наблюдается в строении черепов угров, но меньше — барабинских, тоболо-иртышских, томских и чулымских тюрков (малый угол выступания носа с невысоким переносьем и относительно более профилированным по горизонтали лицом).

Таким образом, морфологические корреляции признаков, составляющих обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета, свидетельствуют о некоторых особенностях строения черепов западносибирских популяций, а именно: высота переносья относительно больше угла выступания носа, также как и лицо в горизонтальной плоскости профилировано сильнее, чем угол выступания носа и в целом нос уплощен относительно сильнее, чем лицо. На территориях распространения популяций, в генезе которых принимали участие европеоидные и монголоидные элементы, угол выступания носа над линией вертикального профиля лица и размеры высоты переносья являются более значимыми для дифференциации и диагностики, нежели показатели горизонтальной профилированности лица на обоих уровнях.

§3. Роль популяций предшествующего времени в формировании антропологического облика современного населения

Сопоставление краниологических материалов раннего железа и близкого к современности позволяет не только проследить, в определенной мере, исторические судьбы древнего населения, но и

рассмотреть ряд аспектов этногенеза ныне живущих этносов, при этом оперировать конкретными этно-лингвистическими категориями.

В соответствие с выявленными основными закономерностями изменчивости признаков в совокупности древних и близких к современности выборок, которые сводятся к двум основным комбинациям, выделяются определенные надпопуляционные общности, группы внутри которых обладают более тесным генетическим родством. По первой комбинации признаков группы дифференцируются по ширине и высоте лицевого скелета, степени его уплощенности, форме мозговой коробки, в меньшей мере по высоте переносья; по второму комплексу – по высоте мозговой коробки, ширине лба и орбит, углу выступания носовых костей и степени уплощенности переносья. Наиболее отчетливо первый комплекс выражен в сериях брахикранных черепов с крупными размерами уплощенного в горизонтальной плоскости лицевого скелета с небольшой высотой переносья, высокими орбитами. Данный морфологический комплекс характерен для черепов якутов и в целом центральноазиатских монголоидов. Тяготение в этом направлении обнаруживают южносибирские популяции (хакасы, казахи), а также высоколицый монголоидный тип, выделенный в составе населения западносибирской лесостепи раннего железа. Противоположная морфологическая комбинация, т.е. более долихокранная форма черепа, узкое низкое хорошо профилированное лицо, высокое переносье свойственны современным финнам Поволжья и Приуралья, особенно коми-пермякам, но близость с данным комплексом обнаруживает и долихокранный низколицый монголоидный тип раннего железа.

Признаки второго комплекса рельефно фиксируются в сериях, в составе которых преобладают черепа с наибольшей в данной совокупности групп высотой свода, широкими лбом и орбитами, наиболее высоким переносьем в сочетании с большим углом выступания носовых костей. Комплекс в целом характерен для европеоидных выборок из могильников раннего железного века Западной Си-

бири. Минимальные же значения приходятся на серии низких черепов с узким лбом и орбитами, малым углом выступления носовых костей и низким переносьем. Этот вариант преобладает в составе обско-угорских популяций.

В целом выборки дифференцируются по степени выраженности монголоидных/европеоидных особенностей. Однако в совокупности серий, представляющих современные народы Западной Сибири, отчетливо заметна дисгармоничная, с точки зрения исторической корреляции, связь между морфологическими признаками и именно это определяет антропологическую специфику населения Западной Сибири. В отдельную совокупность концентрируются серии черепов гармоничного европеоидного типа, представляющие все выборки из могильников раннего железного века, им противопоставляется совокупность серий черепов гармоничного монголоидного типа (тувинцы, буряты). Как видно, результаты сопоставления материалов не дают оснований придавать в формировании современных этно-лингвистических групп Западной Сибири сколько-либо значительной роли европеоидному населению, обитавшему в эпоху раннего железа в западносибирской лесостепи. При этом выборки из саргатских и новочекинских могильников севера Барабы, в составе которых ощутима примесь низколицевого монголоидного компонента, и особенно из кулайского могильника Каменный Мыс, где он преобладает, по своему строению сближаются с морфотипом современных обь-иртышских популяций, в наибольшей степени с типом нарымских селькупов. Из угорских групп только западные манси, в составе которых фиксируется европеоидный компонент с низким широким слабо профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом [Багашев, 1999б], обнаруживают тенденцию сближения с кругом популяций раннего железа.

Таким образом, можно констатировать, что основной европеоидный компонент антропологического состава населения лесостепи раннего железа не имеет прямых аналогий в составе совре-

менного населения Западной и Южной Сибири, но некоторое сходство обнаруживает с типом современных башкир. Морфотип же кулайских и новочекинских черепов, равно как и низколицый монголоидный компонент антропологического состава населения лесостепи Западной Сибири раннего железа, может быть поставлен в связь с типом современных обь-иртышских популяций, особенно томско-нарымских.

Непосредственное сопоставление локальных групп населения Западной Сибири раннего железного века с материалами, отражающими антропологические особенности различных в лингвистическом отношении современных народов Северной Евразии в целом свидетельствует, как и при анализе средневековых данных, об отсутствии прямых аналогий между морфотипом популяций лесостепной полосы раннего железа и современным населением Западной Сибири. Лишь в нескольких случаях можно допустить сохранение отдельных элементов антропологической структуры древних племен в составе современных этнических образований.

Группы раннего железного века с наименьшей примесью монголоидного компонента, равно как и выделенные в их составе европеоидные краниологические типы, не обнаруживают сколько-либо заметного сходства с современными выборками. Можно лишь отметить, что некоторые элементы морфологического сходства довольно устойчиво проявляются между всеми выборками из саргатских могильников и теми группами тоболо-иртышских татар, в антропологическом составе которых менее всего прослеживается генетическое влияние южносибирских и угорских популяций – саргатской и тюменской [Багашев, 1993б]. Выборки раннего железа с монголоидной примесью, особенно среднего и финального этапа функционирования саргатской общности, обнаруживают сходство с более широким кругом современных серий. Так, черепа из саргатских погребений Среднего Тобола и из могильника Марково в Барабинской лесостепи по своей морфологии в определенной мере сближаются с

черепами селькупов и томско-чулымских тюрков, барабинцев Кыштовки, а также хантов Васюгана.

А вот результаты сопоставления женских серий показывают, что степень сходства между женскими группами раннего железа и современными заметно выше, чем прослеживаемая по мужским материалам, хотя по тем и другим вырисовывается в целом примерно сходная картина. Так женские черепа из саргатских погребений западносибирской лесостепи в морфологическом отношении обнаруживают значительное сходство с типом женских черепов западных манси и хантыйской выборки с Ваха, но в основном мало отличаются от черепов всех популяций обь-иртышского типа. При этом необходимо отметить, что женские черепа из могильников раннего этапа саргатской культуры имеют большее расхождение с обь-иртышскими популяциями, нежели черепа из могильников среднего периода функционирования общности.

Обобщенно можно сказать, что в структуре популяций обь-иртышского типа компонент, генетически связанный с лесостепным населением раннего железа, хотя и составляет определенную долю, однако более или менее значимая роль может быть отведена ему лишь в генезисе физического облика отдельных групп тоболо-иртышских татар. Можно говорить также, о некотором участии саргатских групп в генезисе западных манси, ибо анализ антропологического состава западных манси позволил выделить в их составе ряд компонентов, в происхождении одного из которых – европеоидного типа с эуриморфным строением умеренно профилированного по горизонтали лицевого скелета, определенная роль может быть отведена населению саргатской культурной общности, а через него и племенам андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы [Багашев, 1999а, 1999б, 1999в]. Примечательно, что именно орнаментальное искусство манси впитало значительный компонент, связанный с южными иранскими традициями [Рындина, 1995], о влиянии на культуру манси южных иранских элементов свидетельствуют

и данные археологии [Чернецов, 1953]. В целом наблюдается значительное ослабление, на грани почти полного разрыва, расогенетических связей между племенами саргатской культурной общности и современными (в том числе и средневековыми) популяциями Западной Сибири, хотя по женским материалам данный вывод должен выглядеть менее категоричным. Элементы сходства прослеживаются лишь между лесостепным населением раннего железа и современными группами обь-иртышского типа, особенно с популяциями Томско-Нарымского Приобья.

Черепам из гороховских и кашинских погребений, в целом европеоидного облика, не обнаруживается сколько-либо близких аналогий среди современных краниологических материалов из Западной и Южной Сибири. Можно лишь отметить, что в относительном масштабе с гороховской и кашинской популяциями сближаются те же группы, что и в целом с саргатскими сериями – западные манси, отдельные группы тоболо-иртышских татар, чулымцев и нарымских селькупов. Малая численность новочекинской выборки также позволяет лишь в относительном масштабе говорить о сближения ее морфотипа с теми или иными группами. Отдаляясь, в отличие от гороховских и кашинских черепов от западномансийской серии, новочекинская выборка обнаруживает устойчивую тенденцию к сближению с тюрками Западносибирской равнины (чулымцы, томские, барабинские и тоболо-иртышские татары), нарымскими селькупам и отдельными группами восточных хантов, что указывает на однотипность монголоидного компонента в составе новочекинской группы и популяций обь-иртышского типа.

Серия черепов из кулайского могильника Каменный Мыс, морфологическую специфику которых определяет комплекс монголоидных черт с такими особенностями как суббрахикrania, средневысокий свод мозговой коробки, широкий низкий слабо профилированный по горизонтали лицевой скелет, в совокупности близких к современности выборок обнаруживает с некоторыми из них безус-

ловное сходство. Во многом аналогичный морфологический комплекс характерен практически для всех серий черепов, происходящих из могильников Нарымского Приобья, оставленных различными территориальными группами древних и современных селькупов. Заметное сходство прослеживается между кулайской серией и теми выборками, в составе которых фиксируется подобный компонент – некоторые группы чулымских (Тургай-Балагачево, Яя-Кия) и томских тюрков (Тоянов Городок), саргатская группа тоболо-иртышских татар.

Сопоставление современных популяций с краниологическими типами, выделенными в составе групп раннего железа, показывает, что варианты, характеризующиеся монголоидными особенностями, могут быть поставлены в связь с теми составляющими, которые в той или иной мере приняли непосредственное участие в формировании современного антропологического покрова Западной Сибири.

Монголоидная комбинация признаков, чертами которой являются брахикrania, средняя высота черепа, широкое низкое уплощенное по горизонтали лицо, средняя степень выступления переносья и носовых костей, морфологически весьма близка антропологическому типу томско-нарымской группы популяций (нарымские селькупы, чулымские и томские тюрки), а также хантов Васюгана, в составе которых вполне отчетливо проявляется селькупская примесь [Дремов, 1991а; Дремов, Багашев, 1993, 1998б]. В составе тоболо-барабинских популяций брахикrанный низколицый монголоидный компонент фиксируется менее отчетливо, а влияние его на антропологическую специфику уральских групп едва прослеживается.

Значительное сходство в специфических сочетаниях краниологических признаков, характерных для морфотипа томско-нарымских популяций [Розов, 1956; Дремов, 1991б; Дремов, Багашев, 1998а; Багашев, 2000в], для кулайской выборки из могильника Каменный Мыс и для брахикrанного низколицего монголоидного варианта, свидетельствует о том, что наблюдаемая между ними бли-

зость обусловлена преимущественно причинами генетического свойства. Как было показано выше, данный антропологический тип был характерен южнотаежному населению Западной Сибири как минимум уже в эпоху неолита. Во многом благодаря действию изолирующих механизмов географического характера он не претерпел сколько-либо значительных изменений в ходе исторического развития. Он распространен на территории, которая вполне определенно может быть соотнесена с южным западносибирским третичным очагом расообразования [Багашев, 1998а].

Монголоидный комплекс, морфологически сходный с предыдущим, но обладающий более долихокранной формой черепа, также имеет аналогии среди томско-нарымских популяций, но по морфологическим особенностям более близок типу тоболо-иртышских татар, особенно антропологическим вариантам, зафиксированным в материалах по саргатской и тюменской их подгруппами. Заметное сходство долихокранный тип обнаруживает с обско-угорскими популяциями, причем близки ему по строению те угорские серии (Салым, Балык, Иртыш), на антропологию которых поздние метисационные процессы оказали слабое влияние [Багашев, 1991, Дремов, 1991а; Дремов, Багашев, 1993, 1998б]. Угорские выборки, в составе которых фиксируется примесь северосамодийских (ненецких) элементов (Халас-Погор, Обдорск) [Дремов, 1984; Багашев, 1995, 1998б], морфологически от него отдаляются, но базовый морфотип их антропологической структуры [Багашев, 1998б] и особенности долихокранного варианта принципиально едины. К сожалению, почти полное отсутствие палеоантропологических находок не только эпох бронзы и раннего железа, но и средневекового периода, пока не позволяют более или менее определенно говорить о времени его возникновения, территория же формирования – северная часть Западной Сибири, совпадает с северным западносибирским третичным очагом расообразования [Багашев, 1998а] (рис. 8).

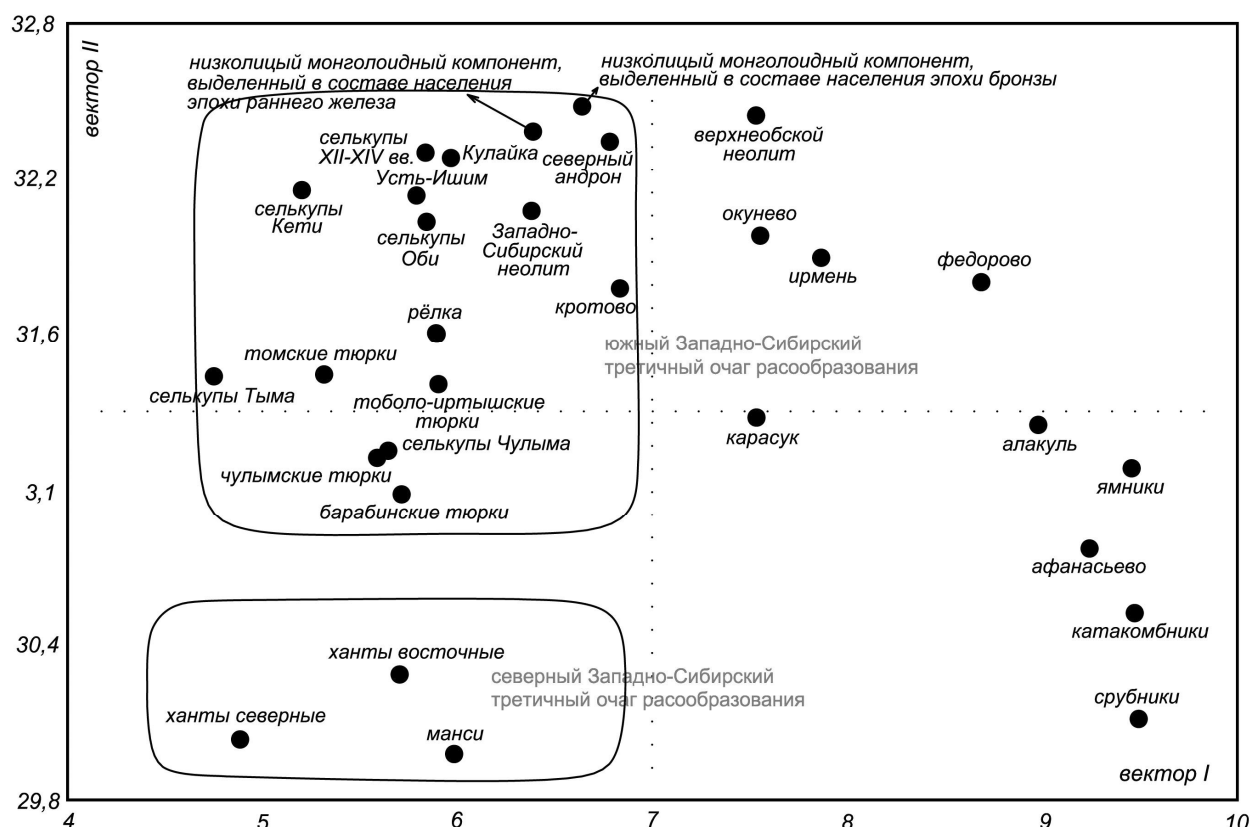

Рис. 8. Взаиморасположение древних и современных популяций и их соотношение с очагами формообразования

Монголоидные элементы, морфологическими особенностями которых являются брахикrania, широкий и высокий слабо профилированный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, связанные в происхождении с популяциями центральноазиатского типа и фиксируемые в составе населения западносибирской лесостепи раннего железа (да и в более раннее время, вплоть до неолита), также прослеживаются в структуре ряда современных этносов Западной Сибири. Он принял определенное участие в сложении антропологической специфики преимущественно популяций обь-иртышского типа, в частности в формировании некоторых групп селькупов (Тискино, сборы по Нарыму), чулымцев (Тургай-Балагачево, Яя-Кия), томских тюрков (Тоянов Городок), барабинцев (Абрамово), тоболо-иртышских татар (аялы), а также в генезисе башкир. Влияние его на

генезис уральской группы популяций (обских угров) прослеживается весьма незначительно.

Закономерности изменчивости в хронологическом аспекте антропологического типа, характерного для современных нарымских селькупов проанализированы специально. Сопоставление древних и близких к современности серий показало, что наименьшие различия наблюдаются между хронологическими выборками из Тискино, в целом близки к ним и выборки по современным нарымским селькупам. Несомненно, что и краниологический тип средневековой серии из Алдыгана, несмотря даже на малочисленность данных, а также сборной серии из средневековых могильников Среднего Приобья, аналогичны типу нарымских селькупов как средневековья, так и близкого к современности времени. Морфологически мало отличаются от средневековых и современных серий низколицые монголоидные черепа из могильников лесостепи Западной Сибири раннего железа и из кулайских погребений могильника Каменный Мыс.

Характер дифференциации средневековых и современных групп говорит (рис. 9), что наибольшее сходство наблюдается между хронологическими выборками из Тискинского могильника. Морфотипы тискинских черепов и черепов нарымских селькупов, весьма сходные между собой, в генетическом отношении могут быть напрямую сопоставлены с типом средневекового населения Нарымского Приобья, что подтверждает вывод о стабильности процесса формообразования в этом регионе в течении II тыс. н.э. Подкрепляется также и вывод о существенном антропологическом сходстве между каменномысской серией и черепами монголоидного типа с эуриформным строением лицевого скелета. Первая выборка отражает особенности населения, оставившего памятники кулайской археологической культуры, вторая, хотя и дисперсно, но, скорее всего, также несет информацию об антропологии людей этой культурной общности.

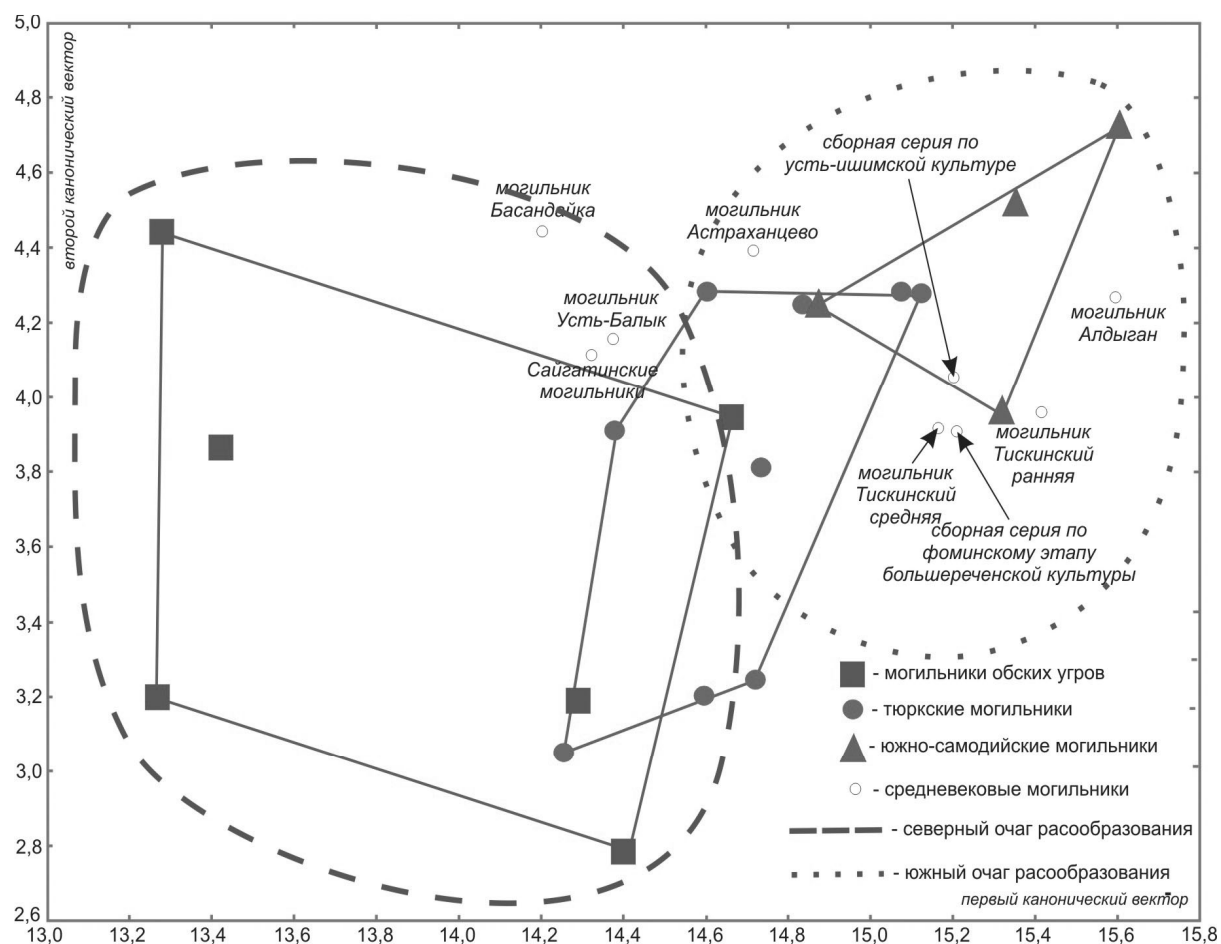

Рис. 9. Взаиморасположение средневековых и современных популяций и соотношение их с очагами расообразования

Морфологический облик обеих выборок раннего железа практически аналогичен морфотипу популяций Нарымского Приобья эпохи средневековья и современных нарымских селькупов. Основное расхождение сводится к тому, что в составе выборок раннего железа присутствует более существенная примесь европеоидного компонента, происхождение которого связано с андроновским (федоровским) населением эпохи бронзы [Багашев, 2000а, 2000б]. Популяции кулайской культуры, следовательно, с полным основанием могут рассматриваться в качестве основной составляющей генезиса

селькупов. Однако и в более ранний период фиксируются носители комплекса антропологических черт, характерных для популяций кулайской общности. Речь идет о расовом компоненте, выявляемом в составе населения черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности, а также присутствующим в составе кротовской популяции [Дремов, 1990а, 1997; Багашев, 2000б] и неолитических групп собственно западносибирского типа. В данном случае это иллюстрируется морфологическим сходством между группой монголоидных черепов из Еловки 2 и выборками раннего железного века.

На широком сравнительном фоне особенно отчетливо видно, что средневековые и близкие к современности краниологические материалы из Нарымского Приобья, а также анализируемые выборки раннего железного века и бронзы представляют в несколько различающихся вариантах одну и ту же комбинацию антропологических признаков, которая в сформировавшемся виде фиксируется уже в середине II тыс. до н.э., другими словами, физический облик местного населения южно-таежной полосы Западной Сибири не претерпевает в течение довольно большого промежутка времени сколько-либо заметных изменений. Следует особенно отметить, что территория формирования антропологического типа, характерного для современных нарымских селькупов и хронологические вехи его истории, реконструируемые по антропологическим источникам, во многом совпадают с результатами современных топонимических исследований [Малолетко, 1999].

§4. Систематика антропологических общностей Северной Евразии и особенности формирования популяций

Предыдущий анализ краниологических данных показал, что в антропологическом отношении древнее и современное население Северной Евразии не является однородным, имеет сложный состав, а территориальная изменчивость особенностей некоторых современных групп иногда настолько велика, что возникает значительная

трангрессия даже важнейших признаков. Однако в каждом конкретном случае физические особенности популяций складываются в некие морфологические комплексы, привязанные к определенным территориям. Более отчетливо это проявляется при стабилизации изменчивости, что достигается путем вычисления не взвешенных средних по локальным сериям конкретных этнических групп. Подобный подход позволяет на более обобщенном уровне рассматривать проблемы классификации антропологических комплексов, тем более что в предыдущих разделах предпринята попытка выявления как типичных для тех или иных общностей популяций, так и отклоняющихся от средних параметров. Дополнительно привлечены кра ниометрические данные по южносибирским группам — казахи Букевской степи и Орска [Гинзбург, Залкинд, 1955], Каратас, Баянаул [Исмагулов, 1963], киргизы [Миклашевская, 1959]; байкальским группам — юкагиры, тунгусы оленные, долганы, негидальцы [Дебец, 1951]; арктическим группам — эскимосы науканские [Алексеев, Балужева, 1976], западные [Дебец, 1975], юго-восточные, алеуты, чукчи береговые и оленные [Дебец, 1951]; тюркам Поволжья — башкиры суммарно [Юсупов, 1989], чуваша северные и южные [Акимова, 1955], татары Поволжья [Алексеев, 1971б]; русским северных и восточных губерний — Псковская, Новгородская, Петербургская, Вологодская, Олонецкая, Архангельская, Вятская, Пензенская, серии из Старой Ладogi, Казани и Симбирска [Алексеев, 1969]; летто-литовским группам — восточные и 2 серии западных латышей, литовцы [Алексеев, 1969]; западным финнам — эстонцы, финны [Алексеев, 1969], карелы суммарно, саамы суммарно [Хартанович, 1980; 1986]; южным европеоидным группам — узбеки Ташкента, Самарканда [Гинзбург, 1963а], Миздахкана, Нураты, Ургута [Ходжайов, 1987], таджики рушанцы, горанцы, ишкашимцы, ваханцы [Рычков, 1969].

Анализ данных по современным евразийским группам позволяет говорить о двух основных комбинациях морфологических ком-

плексов, изменчивость которых описывает общую дисперсию. Первый преобладает в сериях, черепа которых характеризуются высоким, широким, среднеуплощенным по горизонтали лицом, большой высотой носа и орбит. Подобный морфологический комплекс присущ континентальным монголоидам, особенно центральноазиатского типа, популяциям арктического типа и южносибирским группам. К последним весьма близки и хакасы. Противоположная комбинация признаков, т.е. низкое, неширокое средне профилированное в горизонтальной плоскости лицо, невысокие нос и орбиты свойственна западносибирским группам (кроме ненцев), особенно томско-чулымским тюркам и уграм, и в целом, европеоидным популяциям как южного, так и беломоро-балтийского типа. Некоторые группы — тюрки Поволжья, барабинские татары, ненцы, шорцы и северные алтайцы занимают между крайними вариантами промежуточное положение.

Второй характеризует серии, в которых преобладают черепа с малой высотой свода, узким лбом, слабо профилированным по горизонтали лицом, уплощенным переносьем и очень малым углом выступления носовых костей. Подобный комплекс признаков в целом присущ монголоидным группам, в число которых попадают и все западносибирские популяции. Минимальные значения характерны для черепов с противоположной комбинацией признаков, т.е. по сути дела для самых европеоидных групп в исследуемой совокупности — летто-литовских и русских, к которым весьма близки южные европеоиды, тюрки и финны Поволжья. Шорцы и северные алтайцы, а также хакасы и южносибирские группы занимают между крайними вариантами промежуточное положение. Интересно, что западносибирские популяции (кроме ненцев) по 1-му комплексу признаков практически не отличаются от европеоидов, а по 2-му комплексу признаков — от североазиатских монголоидов.

В предыдущих разделах уже отмечалось, и в данном случае подтверждается, что гармоничное, с точки зрения исторической кор-

реляции, промежуточное положение между народами европеоидной и монголоидной рас занимают только этнические группы Южной Сибири — шорцы, северные алтайцы и хакасы. Но применительно к народам Западной Сибири подобного вывода сделать нельзя.

Хакасские этно-территориальные группы антропологически неоднородны: в составе качинцев и койбалов преобладают черты, свойственные южносибирским популяциям, но уже в составе сагайцев, бельтиров и кызыльцев (по материалам из могильника Ошколь) этот компонент фиксируется заметно слабее, а у кызыльцев (по материалам из могильника Агаскыр) практически отсутствует. На основании этого первые две группы были отнесены к южносибирскому антропологическому типу в качестве алтае-саянского варианта [Алексеев, 1960а, 1974а, с.199-204], а все остальные к уральской расе [Алексеев, 1960а; Ким, 1978а; Дремов, 1991б]. Однако усредненные характеристики по всем хакасам показывают, что морфологически они наиболее близки к южносибирским популяциям, чем к североалтайским, тем более различия возрастают с группами из Западной Сибири. Поэтому представляется оправданным включение всех хакасов в группу южносибирских популяций в качестве алтае-саянского варианта.

Для серий Хакасии типичны широкая, брахикранная, умеренно высокая черепная коробка, относительно узкий, средненаклонный лоб, широкое, высокое, уплощенное и ортогнатное лицо, характеризующееся довольно крупными величинами относительно размеров черепной коробки, среднеширокий и несильно выступающий нос.

Северные алтайцы и шорцы по ряду антропологических особенностей обнаруживают определенное своеобразие и очень близки между собой, что послужило в свое время основанием для выделения их в самостоятельный расовый таксон — североалтайскую группу популяций [Ким, 1984, 1987], но оставалось неясным положение этой таксономической единицы в системе расовых типов. Черепа северных алтайцев и шорцев в основном имеют среднеширо-

кую, мезокранную и сравнительно высокую черепную коробку, среднеширокий лоб, умеренно широкое, относительно высокое (лептоморфное), несильно уплощенное лицо при слабом выступании носа. Во многом сходный морфотип характерен для бачатских телеутов.

Североалтайские и южносибирские популяции различаются не очень сильно, морфологически занимают промежуточное положение между монголоидным и европеоидным стволами. Но южносибирские группы обнаруживают большее тяготение к монголоидам, а североалтайские к европеоидам, из чего следует, что в составе тех и других европеоидный и монголоидный компоненты сходного происхождения, различен лишь их удельный вес: в составе южносибирских популяций преобладает монголоидный, в составе североалтайских — европеоидный. Длительный процесс смешения между представителями этих рас явился доминирующим фактором генезиса современного населения Алтая и Хакасии. Это прослеживается уже в эпоху неолита [Дебец, 1948; Алексеев, 1961б; Дремов, 1980, 1997; Bagashev, 1994], фиксируется и в более позднее время [Алексеев, 1958, 1960в, 1974б; Ким, 1987; Багашев, 1988]. Метисный характер формирования южносибирской общности также убедительно подтверждается исследованием палеоантропологических материалов из Казахстана и Средней Азии [Гинзбург, Дебец, Левин, Чебоксаров, 1954; Левин, 1954; Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972].

В отличие от Алтая и Хакасии, на территории Западной Сибири в древности и в современное время, наблюдается концентрация популяций, в антропологическом типе которых фиксируется ряд особенностей, которые складываются в комплексы с нарушением исторической корреляции между признаками. В итоге именно этим определяется своеобразие физических черт коренного населения Западной Сибири.

Уже в первых исследованиях, посвященных антропологическому изучению коренных народов Западной Сибири, были отмече-

ны его физические особенности, которые не позволили в последующих классификациях безоговорочно относить западносибирское население к монголоидам. Удачной оказалась классификация И.Деникера [1902], который выделил особую евразийскую группу, куда поместил угорскую и туранскую (туркскую) расы, народы которых характеризуются монголоидными чертами в смягченном виде. В составе угорской расы выделил две подрасы: угорскую и енисейскую. Эта классификация, основанная на широком привлечении различных данных, наиболее адекватно отразила расогенетические связи между народами, а монголоидность внешнего облика вогулов, остяков, самоедов, остяко-самоедов и тюрков дала И.Деникеру полное право для отнесения угорской и туранской рас к восточному стволу.

Исследования В.В.Бунака по антропологии населения Поволжья, Урала и Западной Сибири привели его к выводу о принадлежности восточных финнов и угров к особому — уральскому расовому типу, в котором выделено несколько вариантов: уральский — с отчетливо выраженным комплексом уральских особенностей (угры), субуральский и сублапоноидный — с заметно большей долей европеоидного компонента [Бунак, 1924а, 1924б, Bunak, 1932].

По классификации Г.Ф.Дебеца группы субуральского и сублапоноидного типа по В.В.Бунаку, а также лапоноидные объединены в урало-лапоноидную расовую общность, западносибирские народы — в уральскую (урало-алтайскую по А.И.Ярхо), ненцы Ямала и кеты отнесены, вслед за И.Деникером, к енисейскому типу, который включен в число типов монголоидного расового ствола [Дебеч, 1947, 1948]. В классификации Н.Н.Чебоксарова [1951] урало-лапоноидный и уральский типы объединены в уральскую расу. В.П.Алексеев справедливо отметил, что нет достаточных оснований для разделения субуральских и сублапоноидных групп, их следует рассматривать как популяции субуральского типа уральской расы [Алексеев, 1969].

Западная Сибирь и Урал, расположенные между ареалами обитания европеоидных и монголоидных народов и смягчение некоторых монголоидных черт у населения этого региона, с неизбежностью приводили исследователей к выводу о метисном характере их формирования. Накопление антропологических наблюдений позволило проследить увеличение доли монголоидного компонента в составе евразийских популяций с запада на восток и обосновать исторический характер корреляции между таксономически значимыми признаками [Дебец, 1956, 1961, 1968; Марк, 1974, Mark, 1970; Алексеев, 1961в, 1969; Акимова, 1968]. О метисном происхождении народов Западной и Южной Сибири говорят также данные дерматоглифики [Хить, Долинова, Козлов, Вершубская, 1996]. Другая точка зрения на механизм формирования уральской расы была высказана В.В.Бунаком, согласно которой древнее и современное население Западной Сибири и Урала образовалось не в результате смешения, а в результате сохранения древнего протоморфного типа, лишь частично сходного с монголоидным [Бунак, 1956, 1958, 1965, 1980]. В.П.Алексеев допускал возможность сохранения отдельных элементов недифференцированных комплексов в группах-изолятах [1971а]. Солидную поддержку точка зрения В.В.Бунака получила в результате исследований дискретно-варьирующих признаков на черепях уралоязычных народов [Козинцев, Моисеев, 1995; Моисеев, Козинцев, 1998; Моисеев, 1997, 1999]. Как справедливо отмечено Г.М.Давыдовой [1992], с накоплением антропологических материалов происходит сближение этих точек зрения, но все равно, одни считают преобладающим фактором формирования народов уральской расы метисационные процессы, другие отдают приоритет сохранению протоморфной недифференцированности.

Систематика уральской расы также не имеет однозначного решения. С одной стороны, это обусловлено существованием разных взглядов на механизм ее формирования, когда одни исследователи включают уральскую расу в число монголоидных [Деникер,

1902], другие не отводят ей самостоятельной роли и рассматривают в качестве контактной [Чебоксаров, 1951], третьи полагают, что уральская раса утратила связь с общим монголоидным стволом до того периода, когда сформировались ярко выраженные европеоидные и монголоидные особенности и представляет собой самостоятельную протоазиатскую формацию [Бунак, 1956, 1965, 1980]. С другой стороны, неопределенность систематики уральской расы вызвана чрезвычайно высоким уровнем полиморфизма включенных на сегодняшний день в нее популяций, территория расселения которых охватывает практически всю северную Евразию, что неизбежно ведет к усилению ее аморфности.

Как уже отмечалось, антропологическое своеобразие народов Западной Сибири определяется не столько присутствием у них в той или иной пропорции примеси монголоидных и/или европеоидных черт, сколько наличием в их составе специфических сочетаний признаков, в которых нарушена нормальная историческая корреляция, что может указывать на сохранение следов недифференцированности. С накоплением данных такие сочетания фиксируются все чаще и чаще как на соматологических, так и на краниологических материалах.

Так, посветление пигментации при общем монголоидном облике, т.е. в сочетании с плосколицестью, достаточно выступающими скулами, слабо профилированной спинкой носа и некоторыми другими, зафиксировано в составе северных манси [Давыдова, 1976, 1986, 1989, 1992], не очень отчетливо, но просматривается в составе манси с Конды и северных хантов [Mark, 1970], следы недифференцированных сочетаний зафиксированы в составе северных и восточных самодийцев [Золотарева, 1962, 1974, 1975], лесных [Алексеев, 1971a] и в целом западносибирских ненцев [Аксянова, 1976, 1977, 1979].

Низколицесть в сочетании с монголоидным обликом по соматологическим данным наблюдается у чулымских тюрков и нарым-

ских селькупов [Дебец, Трофимова, 1941; Дебец, 1947; Аксянова, 1991]. Аналогичное сочетание хорошо прослеживается по краниометрии чулымских тюрков и селькупов [Розов, 1956, 1961], а с накоплением материалов эта особенность выявляется практически на всех западносибирских черепах. На черепах северных манси (Сев. Сосьва и Ляпин) отмечено сочетание умеренной уплощенности лица и переносья со слабым уровнем выступания носа (сопоставим с монголоидным) и с сильным поперечным изгибом лба, превышающий таковой у европеоидов [Беневоленская, 1987, 1992, 1993]. На черепах обских угров отмечены своеобразные комбинации частот дискретных признаков [Козинцев, 1988] и одонтологических характеристик [Халдеева, 1992].

Анализ краниологических материалов в предыдущих разделах расширяет перечень своеобразных сочетаний антропологических признаков в составе конкретных народов и этно-территориальных групп, возникновение которых трудно объяснить метисационными процессами. В первую очередь следует отметить такую характерную особенность краниологической структуры как сочетание среднепрофилированного по горизонтали на обоих уровнях лица и средневывступающего переносья с малым (иногда очень малым) углом выступания носа, причем уровень профилировки лица относительно переносья несколько выше. Как показывает анализ, степень горизонтальной профилированности лицевого скелета сопоставима с таковой у восточноевропейских народов, высота переносья такая же, как в группах метисного европеоидно-монголоидного происхождения, а уровень выступания носовых костей даже меньше, чем в типично монголоидных выборках.

Такой морфологический комплекс на низком мезодолихокранном черепе как низкое, среднеширокое, среднепрофилированное лицо с невысокими орбитами и носом взятый сам по себе, вполне подходит под характеристику какой-либо европеоидной группы, но на западносибирских черепах он связан с узким лбом и

очень малым углом выступления носовых костей при среднеуплощенном переносье. Тенденция же такова, что при увеличении высоты черепной коробки, высоты и ширины лица наблюдается усиление выраженности европеоидных особенностей (увеличение угла выступления носа, высоты переносья, уменьшение углов горизонтальной профилировки лица) с увеличением ширины лба. Этот морфологический комплекс своеобразен и фиксируется только на краниологических материалах из Западной Сибири, поэтому предлагается обозначить его как западносибирский.

Как видно, выделяемые морфологические комплексы имеют ряд аналогий с фиксируемым на черепах манси [Беневоленская, 1992] и во многом могут быть сопоставлены с тем морфологическим комплексом, который описан как древнеуральский в составе северных манси по соматологическим наблюдениям [Давыдова, 1992].

И действительно, характер взаиморасположения групп показывает, что западносибирские популяции не занимают промежуточного положения между представителями европеоидной и монголоидной больших рас, а образуют собственное скопление, противопоставляющееся как тем, так и другим.

Таким образом, в составе всех западносибирских народов фиксируется специфическое сочетание физических черт, складывающихся в весьма своеобразный антропологический комплекс, противоречивый с точки зрения исторической корреляции, что служит указанием на его недифференцированность. Именно его присутствие отграничивает население Западной Сибири как от представителей монголоидной, так и европеоидной рас (в том числе и от восточных финнов), а также от популяций смешанного происхождения, в данном случае североалтайских и южносибирских. Это дает, как представляется, немаловажное основание для следующего вывода: в расогенезе западносибирских народов, особенно на ранних стадиях, доминирующим расообразующим фактором являлась консервация протоморфных нефифференцированных черт, сохране-

нию которых способствовали изолирующие механизмы географического характера. На более поздних этапах генезиса все более заметную роль приобретают метисационные процессы, но преимущественно с населением сопредельных территорий, которое уже имело как монголоидные, так и европеоидные черты. Видимо, именно эту стадию расообразования фиксируют данные дерматоглифики [Хить, Долинова, Козлов, Вершубская, 1996].

По степени морфологического сходства, статистическим критериям, характеру географической изменчивости и с учетом этнолингвистической ситуации среди западносибирских популяций выделяется несколько надпопуляционных общностей, привязанных к определенным территориям, уровень изменчивости в которых соизмерен.

В составе популяций Тоболо-Иртышья и Барабы (тоболоиртышские и барабинские татары) наблюдается наибольший удельный вес южносибирского компонента, характерного для популяций алтае-саянского типа, и небольшая примесь североалтайского. В некоторых этно-территориальных группах подобная примесь не фиксируется (коурдакские татары, барабинцы Кыштовка, Льнозавод), в составе других - южносибирский компонент преобладает (барабинцы Абрамово, аялыньские татары).

Вся совокупность характеризуется довольно крупной мезобрахикранной, средневысокой черепной коробкой, относительно узким лбом, широким, средневысоким умеренно уплощенным ортогнатным лицом, средневысоким переносьем и слабо выступающим носом. Доля западносибирского комплекса, по сравнению с другими группами наименьшая, но фиксируется отчетливо, несмотря на специфические черты, которые сводятся к усилению брахикрании, увеличению высоты черепа, лица, носа, переносья и угла выступления носовых костей. Типичные группы — барабинцы Льнозавод, Кыштовка, тюменская и саргатская. Обозначается как **тоболо-барабинская группа популяций**.

В популяциях Томско-Нарымского Приобья (томские и чулымские тюрки, нарымские селькупы), по сравнению с тоболо-барабинскими группами, заметно выше доля западносибирского комплекса, особенно в составе чулымских тюрков, соответственно и меньше примесь южносибирских и североалтайских элементов, причем в составе чулымских тюрков и селькупов эта примесь почти не фиксируется, а в составе томских тюрков прослеживается более или менее отчетливо. Характеризуются среднеширокой мезобрахикранной черепной коробкой, среднешироким и средненаклонным лбом, орто-мезогнатным умеренно уплощенным лицом, мезохамеринными пропорциями носа, малым углом носовых костей при средней высоте переносья. Следует отметить, что томско-чулымские тюрки имеют тенденцию сближения с уграми, а нарымские селькупы с тоболо-барабинскими тюрками, так как у селькупов черепная коробка несколько выше, лицо чуть шире, нос абсолютно и относительно высоты лица более высокий. Типичные группы — томские тюрки Козюлино, чулымцы Ясашной Горы, Среднего Чулыма и устьев рек Яи и Кии, селькупы Тискино, Мигалка, Бедеревский Бор, Чулым. В свое время в составе чулымцев и нарымских селькупов был выделен чулымский антропологический тип [Дебец, 1947; Розов, 1956, 1961], во многом сходный с вышеописанным, но ареал его оказался выходящим за границы Причулымья, а морфотип не совсем адекватно отражает антропологическую специфику томско-чулымских тюрков и нарымских селькупов. Предлагается обозначить эту общность как **томско-нарымскую группу популяций**.

Морфологические различия между томско-нарымскими и тоболо-барабинскими популяциями незначительны и обусловлены различным удельным весом южносибирского компонента, доля которого в составе последней группы выше. Поэтому у тоболо-барабинских черепов мозговой и лицевой отделы в основном крупнее и выше.

По общей морфологии черепа тоболо-иртышских татар ближе стоят к чулымцам, а барабинцев к томским тюркам. Между тюрками и селькупамии наблюдается значительное сходство, что позволяет говорить о тесной генетической связи между ними, уровень которой выше, чем, например, между хантами и манси. Антропологическая общность и родство тюрков средней полосы Западной Сибири не вызывает особых сомнений, причем вместе они отчетливо противопоставляются тюркам Южной Сибири и Алтая. Антропологические различия между тоболо-барабинскими и томско-нарымскими популяциями носят, скорее всего, территориальный характер и эти общности можно рассматривать как локальные варианты одного антропологического типа. В свое время тюрки Западной Сибири и нарымские селькупы были выделены в обско-иртышский локальный вариант [Багашев, 1993б]. Это название, но в новой редакции (обь-иртышский) и предлагается сохранить. Тоболо-барабинская и томско-нарымская группы популяций являются локальными вариантами **обь-иртышского антропологического типа**.

Отнесение тюрков и южных самодийцев к одному антропологическому типу вступает в противоречие с лингвистическими данными. Но как свидетельствуют топонимические и этно-исторические исследования, распространение тюркских языка и культуры, особенно в Томско-Нарымском Приобье, произошло довольно поздно [Дульзон, 1950, 1952; Львова, 1991; Плетнева, 1984, 1990; Могильников, 1981б, 1987; Томилов, 1981; Селезнев, 1994], а антропологические, в том числе и палеоантропологические, говорят о том, что тюркизация не повлекла за собой изменения физического типа местного населения [Дремов, 1967, 1979; Багашев, 1988, 1993б], говорившего, видимо, на южносамодийских языках. Налицо асинхронность процессов исторического развития языков и антропологических типов.

В составе угорских популяций (ханты и манси), ареал которых охватывает обширные районы Среднего и Нижнего Приобья, запад-

носибирский комплекс преобладает и практически отсутствует примесь южносибирских и североалтайских элементов, хотя в некоторых группах фиксируется присутствие самодийского компонента (Халас-Погор — ненецкий, Васюган — селькупский). Особенностью угорской совокупности является чрезвычайно высокий полиморфизм, более 80 % общей западносибирской изменчивости. Во многом это обусловлено обширностью ареала расселения обских угров, практически вся таежная и лесотундровая зоны Западной Сибири, которые чрезвычайно заболочены и изрезанны водными артериями, что, видимо, усиливало действие географических изолирующих факторов. Высказанная В.П.Алексеевым в этой связи мысль о том, что точка зрения В.В.Бунака о возможности сохранения недифференцированных комплексов в какой-то мере может найти подтверждение в чрезвычайно отчетливо выраженном полиморфизме уральской расы и поэтому теоретически оправдана возможность найти в составе некоторых групп протоморфные комбинации признаков, особенно в изолированных областях [Алексеев, 1974а, с. 196], оказалась справедливой, ибо пока в составе именно обских угров обнаружено недифференцированных элементов более всего.

Высокая изменчивость отражает в большей степени территориальное, нежели этническое и антропологическое единство обских угров, но объединяющую роль в антропологии выполняет западносибирский комплекс. По степени четкости его фиксации в угорской совокупности выделяется две подгруппы, что заметно снижает общий уровень изменчивости до сопоставимого, например, с изменчивостью в томско-нарымской или тоболо-барабинской общностях. Но угорские подгруппы не привязаны к конкретным территориям с такой четкостью как на юге Западной Сибири.

Наиболее отчетливо западносибирский комплекс выражен в составе хантов Иртыша, Салыма, Мужа и северных манси, занимающих центральные районы ареала — Нижнее Прииртышье и прилегающие участки Оби. Для черепов этой совокупности харак-

терны длинная, узкая, долихокранная, низкая мозговая коробка, сильно наклонный лоб, узкое, невысокое среднепрофилированное по горизонтали лицо, очень слабо выступающие носовые кости при средневысоком переносье. Для черепов другой общности, куда входят ханты Халас-Погора, Обдорска, Балыка, Югана и Васюгана, полученных с периферии ареала, в целом присущи мезодолихокранная мозговая коробка, малая абсолютно и относительно высота черепного свода, сильный или средний наклон лба, небольшая высота, мезогнатия и умеренная уплощенность среднеширокого лица, мезо-хамериния и слабое выступание носовых костей при относительно большей профилированности переносья. Причем ханты Халас-Погора и Обдорска проявляют черты перехода к типу ненцев и характеризуются более короткой, широкой, брахикранный черепной коробкой, более крупным лицом с абсолютно и относительно более широким носом.

Морфологические отличия черепов одной совокупности от другой обусловлены метисационными процессами на периферийных участках ареала этноса, не носят качественного характера и обе они представляют собой локальные варианты одного антропологического типа. В свое время он был назван В.В.Бунаком **уральским**, это название и предлагается сохранить.

Среди населения Западной Сибири, таким образом, распространены два основных антропологических типа, каждый из которых характеризуется достаточно четким своеобразием морфотипа и со своими ареалами: уральский и обь-иртышский.

Уральский антропологический тип представлен у хантов и манси, ареал распространения охватывает таежную и лесотундровую зоны, т.е. северную часть Западной Сибири. Обь-иртышский антропологический тип состоит из двух локальных вариантов — тоболо-иртышского и томско-нарымского, представлен у нарымских селькупов и тюрков Западносибирской равнины, ареал распростра-

нения — южно-таежная и лесостепная зоны, т.е. средняя и южная части Западной Сибири.

Морфологическая специфика и внутреннее сходство популяций уральского и обь-иртышского типов, обусловленные одним расообразующим фактором на единой территории, большое сходство протекавших здесь этногенетических процессов в примерно одинаковых природно-климатических условиях, свидетельствуют о существовавшем некогда их единстве. Представляется целесообразным, поэтому объединить их и выделить в самостоятельную таксономическую категорию на иерархическом уровне локальной расы — **западносибирскую группу популяций**.

Таксономически западносибирскую расу трудно однозначно отнести к числу рас западного, или восточного стволов, поэтому ее систематическое положение соответствует тому определению, которое дал В.В.Бунак для уральской расы [Бунак, 1956, 1965, 1980]. Видимо, действительно, западносибирская ветвь утратила связь с основными расовыми стволами очень давно, еще до того периода, когда сформировались ярко выраженные европеоидные и монголоидные особенности и представляет собой древнюю протоазиатскую формацию. Краниологические материалы, близкие к современности, все же говорят о том, что западносибирская раса таксономически более близка к расам восточного ствола и может быть включена в их число.

В связи с вышесказанным, не представляется возможным объединять западносибирские и субуральские популяции в один таксон и предлагается отказаться от понятия уральская раса как совокупности субуральского и уральского антропологических типов.

С постепенным накоплением антропологических материалов в состав уральской расы включалось все больше и больше народов — северосамодийских, южносамодийских, угорских, кетских, финских, тюркских, иногда не имеющих ни генетических, ни этнических, ни лингвистических общих корней. Это с неизбежностью привело к

высокому уровню аморфности уральской расы, отсутствию четкой структуры, а изменчивость даже важнейших таксономических признаков достигла такого высокого уровня, что в одном ряду можно было увидеть и европеоидную, и монголоидную группу.

Проведенный анализ показывает, что субуральские группы являются в основе европеоидными и связаны в своем генезисе с европеоидным населением беломоро-балтийского типа, в Восточной Европе же они являются группами с наибольшей примесью монголоидных элементов, возникновение которых обусловлено метисационными процессами. Монголоидные черты финнов Поволжья и Приуралья только на первый взгляд сближают их с населением Западной Сибири. На самом деле разница в морфологическом облике тех и других весьма значительна, различны и факторы расообразования. Наблюдаемое сходство по некоторым особенностям, напоминающим монголоидные, возникло, скорее всего, конвергентным путем в примерно сходных природно-климатических условиях, и только на последних стадиях расообразования может быть обусловлено метисационными процессами. Внешнее сходство по некоторым монголоидным чертам народов Приуралья и Западной Сибири, послужившее основанием для включения их в одну таксономическую категорию, носит, скорее всего, фенотипический, а не генетический характер и не отражает общности происхождения, что ставит вопрос об особых путях формирования тех и других.

Следует отметить, что палеоантропологические материалы с территории Приуралья и Поволжья свидетельствуют о европеоидном облике проживавшего здесь населения уже в эпоху неолита [Дебец, 1953; Акимова, 1953; Bagashev, 1994; Алексеева, 1997] и в более позднее время [Акимова, 1968; Алексеев, 1969; Ефимова, 1991]. Ряд специфических черт населения Западной Сибири формируется уже в неолите, четко проявляется в эпохи бронзы и раннего железа.

Морфологически субуральские популяции противопоставляются западносибирским и обнаруживают сходство с западнофинскими и летто-литовскими народами. На этом основании финны и тюрки Поволжья и Приуралья с большим основанием должны быть включены в число типов европеоидного расового ствола в качестве самого восточного приуральского варианта беломоро-балтийской, или североевропейской (балтийской) локальной расы.

Западносибирские ненцы и кеты также не обнаруживают тесных родственных связей с народами западносибирской группы популяций ни по морфологии, ни в таксономическом отношении, хотя некоторые сходные моменты в этногенезе тех и других несомненно существуют. Ненцы и кеты проявляют отчетливую тенденцию к сближению с североазиатскими монголоидами. Представляется правомерным вернуться к классификациям И.Деникера и Г.Ф.Дебеца, выделив их в западный вариант североазиатской локальной расы — енисейский антропологический тип, таксономически равнозначный центральноазиатскому и байкальскому.

Таким образом, на востоке от Западной Сибири распространена североазиатская локальная раса азиатской ветви восточного ствола, в которой выделяется три антропологических типа (ветви) — енисейский, центральноазиатский и байкальский. Соответствует центральноазиатскому третичному очагу расообразования в составе азиатского континентального вторичного в первичном восточном [Алексеев, 1974а, с. 283]. В центральноазиатском третичном очаге, наряду с забайкальско-монгольским и североазиатским таежным четвертичными очагами следует выделить еще один — енисейский.

К западу от Западной Сибири, в Приуралье и Поволжье, распространен приуральский (субуральский, урало-лапоноидный) антропологический тип, который образует восточную ветвь беломоро-балтийской (балтийской, североевропейской) локальной расы европеоидной ветви западного ствола. Ареал приуральских популяций соответствует приуральскому четвертичному очагу расообразова-

ния [Алексеев, 1974а, с.284], но не в составе восточного зауральского третичного очага, а в качестве еще одного четвертичного очага в составе балтийского третичного очага в европеоидном вторичном западного первичного.

В самой же Западной Сибири распространена западносибирская локальная раса, в составе которой выделяется два антропологических типа (ветви) — уральский и обь-иртышский, в каждом из которых в свою очередь выделяется по два локальных варианта: в уральском — без четкой географической привязки, а в обь-иртышском — тоболо-барабинский и томско-нарымский (рис. 10).

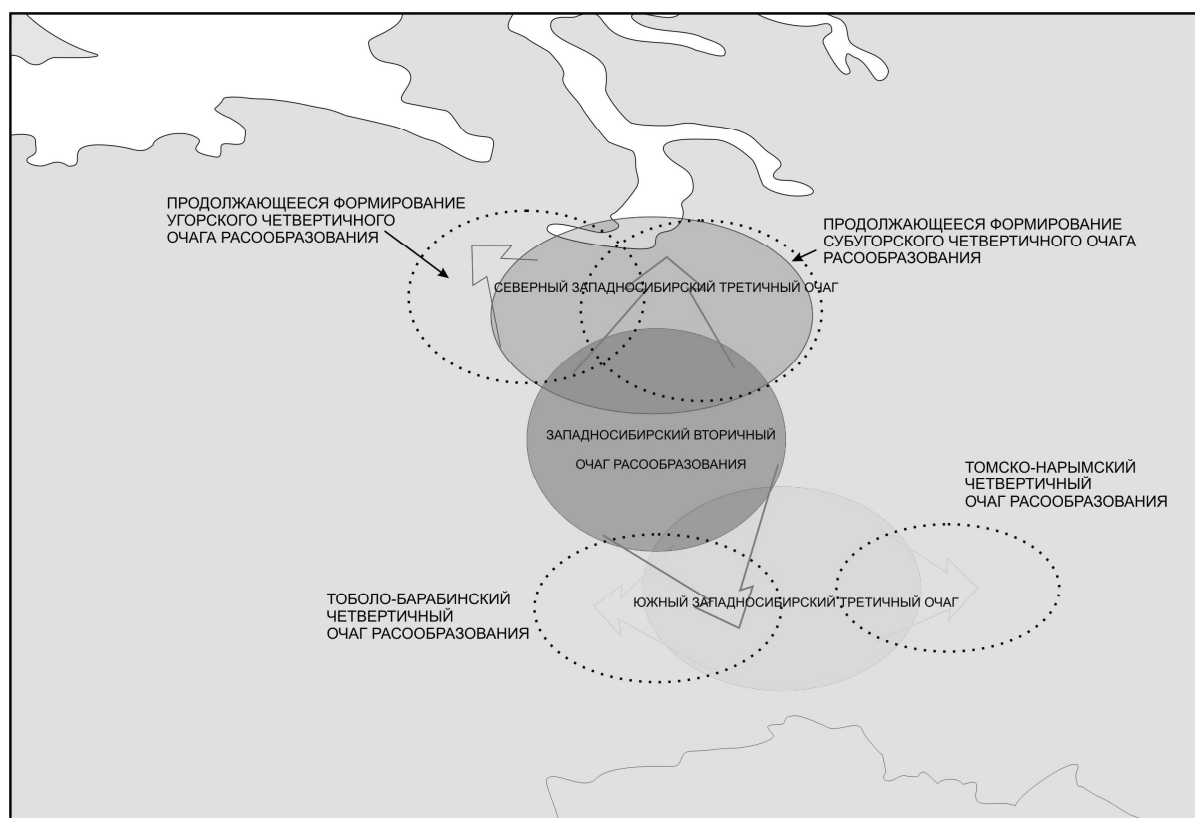

Рис. 10. Западносибирский вторичный очаг расообразования и его последующая дифференциация

Целесообразно выделить особый, западносибирский очаг расообразования на иерархическом уровне вторичного, который наряду с азиатским континентальным и азиатским прибрежным входит в состав восточного первичного очага. Во вторичном западносибир-

ском очаге расообразования уместно выделить два дочерних третичных — северный западносибирский (угорская линия генезиса) и южный западносибирский (самодийская линия генезиса), в которых образование четвертичных очагов окончательно не оформилось, но могут быть соотнесены с общностями уральского антропологического типа, тоболо-барабинской и томско-нарымской группами популяций.

Относительное время формирования западносибирского вторичного очага может быть отнесено к периоду, когда еще существовал генетический мост между монголоидами Азии и Америки, видимо, к финалу палеолита - раннему мезолиту [Багашев, 1999a] (рис. 11).

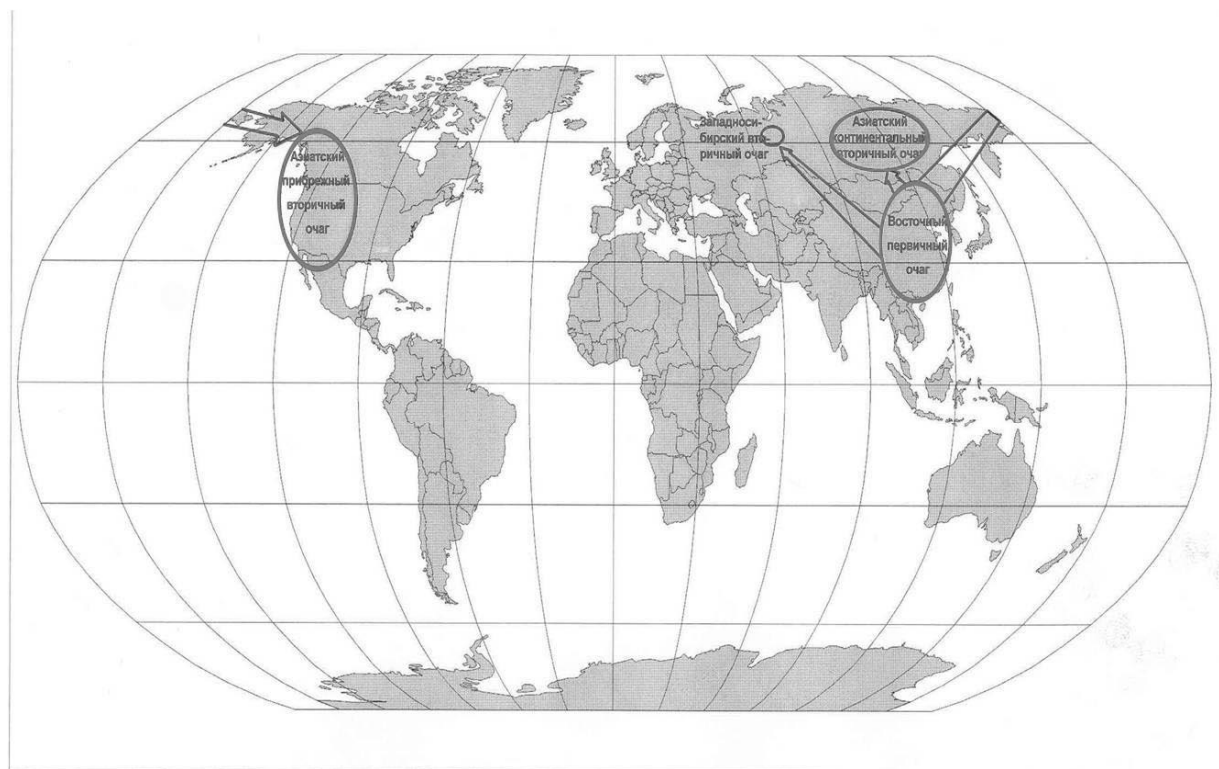

Рис. 11. Дифференциация восточного первичного очага расообразования

Предлагаемая расовая классификация народов Западной Сибири практически полностью совпадает с их этнолингвистической

классификацией, а если и есть противоречия, то они обусловлены асинхронностью расогенетических и глоттогенетических процессов и находят себе убедительные объяснения в этнокультурных и исторических материалах. Это свидетельствует о том, что в предлагаемых антропологических генеалогических построениях более или менее адекватно нашли отражение родственные связи между народами, общность исторических судеб и другие сложные процессы их этногенеза и этнической истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение краниологических материалов, отражающих физические особенности древнего и современного населения Северной Евразии, позволило проследить основные вехи формирования антропологических типов, определить антропологическую структуру популяций и генезис расовых компонентов, реконструировать генетические связи между ними, по мере возможности выяснить пределы изменчивости древних и современных групп в пространстве и во времени.

В эпоху неолита на территории Западной Сибири фиксируется европеоидный антропологический тип, родственный протоевропейскому, широко распространенному в Восточной Европе, Карелии, Прибалтике и Украине. Хотя в структуре Северной Евразии неолитическое население Западной Сибири является частью протоевропейского типа, но с определенными особенностями расогенеза и спецификой физического облика, которая во многом обусловлена примесью монголоидных элементов различных линий генезиса. Поэтому он рассматривается в качестве западносибирского варианта протоевропейского типа, состоящего из двух групп популяций – собственно западносибирской и верхнеобской.

Граница между ареалами европеоидных и монголоидных популяций в мезо-неолитическое время соприкасалась, возможно, с частичным перекрытием, только на юге Западной Сибири, в частности, в Верхнем Приобье. Часть европеоидного населения проникала и далее на восток, о чем свидетельствует европеоидная примесь в составе неолитического населения восточной Сибири [Дебец, 1948; Алексеев, 1961б; Гохман, 1980; Мамонова, 1980]. Но и часть монголоидов расселялась в западном и южном направлениях. В результате контактов между ними, в Верхнем Приобье формируются популяции, в антропологическом составе которых присутствует монголоидный компонент центральноазиатского происхождения (Усть-Иша,

Иткуль, Васьково). Именно через подобные группы, вероятнее всего, монголоидные элементы центральноазиатского типа проникают в состав кельтеминарского населения севера Средней Азии. Контакты с последним, в свою очередь, способствовали проникновению в некоторые западносибирские группы элементов средиземноморского типа. Более отчетливо влияние средиземноморцев прослеживается в Среднем Приуралье. В составе других неолитических групп отмечена, помимо вышеназванного компонента, примесь монголоидных элементов таежного происхождения (Сопка 2, Протока, Омская стоянка, Лебеди). В составе европеоидных популяций протоевропейского типа подобный компонент проникал и на запад, в частности, морфологически сходная примесь отмечается в составе населения льяловской культуры лесной полосы Восточной Европы [Алексеева, 1997] и в составе мезолитического населения Карелии (Южный Олений остров) [Якимов, 1960].

В эпоху бронзы усиливается дифференциация между группами населения, наметившаяся в предшествующий период. В подтаежной полосе Западной Сибири продолжается процесс смешения между европеоидными популяциями, генетически связанными с неолитическим населением и таежными монголоидами. Формируется антропологический тип, характерный для населения кротовской культуры доандроновского времени и черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности. В составе последнего, однако, вполне отчетливо прослеживается примесь европеоидного компонента, родственного андроновским (федоровским) племенам. В более южных областях Западной Сибири широко распространяется антропологический тип, непосредственно связанный в генезисе с населением андроновской культуры, особенно федоровского варианта, а алакульского типа, связанного со срубными племенами, весьма незначительно (самусьская культура, Ермак 4). Оба варианта андроновской культуры не имеют генетических корней в неолитическом населении юга Западной Сибири и данная территория может

быть исключена из очагов их формирования. Некоторое сходство между типами неолитического населения Западной Сибири и типом андроновцев (федоровцев) обусловлено, скорее всего, наличием в составе тех и других общего древнего палеоевропеоидного субстрата.

Морфологический тип популяций поздней бронзы – ирменских, еловских и черкаскульских, занимает промежуточное положение между типом неолитических черепов, кротовских, и черноозерско-томских, с одной стороны, и типом андроновских (федоровских) серий, с другой. Это может служить указанием на то, что облик населения ряда культур поздней бронзы Западной Сибири сформировался во многом в результате смешения между ними.

Антропологический состав населения Западной Сибири раннего железного века становится еще более сложным. Своеобразие антропологического типа западносибирских популяций определяют несколько основных компонентов, удельный вес которых в локальных группах варьирует.

В составе населения саргатской и гороховской культур основным является европеоидный вариант, обладающий мезобрахикранной формой мозговой коробки, широким невысоким умеренно профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом, причем он состоит из двух комбинаций признаков: для одной свойственна более брахикранная мозговая коробка, более широкое (но менее высокое) и сильнее уплощенное лицо, менее высокое переносье и слабее выступающие носовые кости, для второй – тенденция к долихокрании, более узкое и высокое, резче профилированное лицо, более высокое переносье и сильнее выступающие носовые кости. Антропологическую специфику кулайской серии определяет монголоидный компонент, характерными чертами которого являются малая высота уплощенного лицевого скелета, слабое выступание носовых костей при средневысоком переносье. В новочекинской выборке наблюдается примерно в паритетном соотношении

брахикранный европеоидный и низколицый монголоидный варианты. Помимо вышеназванных основных компонентов, определенную роль в расогенезе лесостепных популяций сыграл европеоидный комплекс с высоким и узким лицом, а также монголоидный с широким и высоким лицом. В отдельных выборках, в частности в Прииртышье, удалось зафиксировать примесь монголоидного компонента, обладающего долихокранной формой черепа.

Европеоидный мезо-брахикранный компонент с широким и низким (эуриморфным) лицом в обоих вариантах генетически связан с населением андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы, особенно с теми популяциями, в составе которых отмечен компонент, уходящий корнями в эпоху западносибирского неолита. В переходный от бронзы к раннему железному веку период в археологических культурах Западной Сибири, особенно к началу эпохи железа, успевают сформироваться относительно устойчивые традиции, но в антропологическом составе того или иного населения особенности еще недостаточно стабильны, хотя уже и проявляются. Длительная инфильтрация в лесостепь Западной Сибири таежных низколицых монголоидных элементов приводит к тому, что отличительными особенностями местных популяций становятся более брахикранная форма черепа и большая ширина уплощенного по горизонтали лицевого скелета, менее высокое переносье и небольшой угол выступления носовых костей. В Поволжье и Приуралье в переходное от бронзы к железу время, видимо, в результате продолжающегося смешения между андроновскими (федоровскими) и срубно-алакульскими группами, и позднее, между савроматскими и скифскими, для антропологического типа местных популяций характерной становится более удлиненная форма мозговой коробки, чуть более высокий и заметно более узкий лицевой скелет, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости, высокое переносье при большом угле выступления носовых костей.

Европеоидный мезо-долихокранный компонент с лептоморфным строением лицевого скелета по своим морфологическим особенностям во многом аналогичен краниологическому типу популяций тагарской культуры Минусинской котловины, которые в свою очередь связаны в происхождении с местным населением предшествующего времени, оставившим памятники афанасьевской культуры. В саргатских выборках данный компонент прослеживается отчетливее в ранних группах, в последующих проявляется лишь в виде небольшой примеси.

Генезис антропологического типа, характерного для черепов из кулайских погребений и для низколицего брахикранный компонента, выделенного в составе лесостепного населения раннего железа, может быть непосредственно связан с монголоидным низколицым населением таежных областей Западной Сибири. Его генетическое влияние на племена южной части Западной Сибири прослеживается с неолита, а в эпоху бронзы низколицый монголоидный компонент фиксируется уже как существенная примесь в составе населения подтаежной полосы Западной Сибири, а также в составе выборок из могильников окуневской и карасукской культур Минусинской котловины. Существенный отпечаток примесь данного компонента накладывает на антропологический тип населения поздней бронзы, оставившего памятники еловской и ирменской культур. Именно примесь низколицых монголоидов в составе ряда популяций эпохи бронзы и в составе населения раннего железа определяет их морфологическое своеобразие и служит достаточно надежным индикатором степени родственных отношений.

Другой монголоидный компонент антропологической структуры лесостепных популяций (большая высота широкого лицевого скелета и брахикrania), морфологически мало отличается от типа населения серовского и глазковского времени Восточной Сибири. Его генезис связан с монголоидами Центральной Азии, которые медленно и длительно проникали в Западную Сибирь с раннего неолита. В

эпоху бронзы центральноазиатские элементы как компонент отмечаются в составе окуневских и карасукских популяций Восточной Сибири, кротовских, андроновских (федоровских), еловских, ирменских групп Западной Сибири, а также в составе населения черкакульской культуры Приуралья.

Основные направления синхронных расогенетических связей населения саргатской общности Западной Сибири разноплановы, это и западное направление, с миром ранних кочевников Приуралья середины I тыс. до н.э., и с миром ранних сакских популяций Южного и Юго-Восточного Приаралья VII-V вв. до н.э. В диахронном аспекте популяции саргатской общности генетические связи обнаруживают с населением эпохи поздней бронзы ряда культур андроновской (федоровской) линии развития. Но если на севере Средней Азии уже в VII в. до н.э. отмечаются памятники раннего сакского типа, а в Приуралье памятники ранних кочевников в VI вв. до н.э., то в лесостепи Западной Сибири в VII-VI вв. до н.э. еще преобладают разнообразные древности, завершающие андроновскую линию развития культур поздней бронзы. Другое отличие состоит в том, что в краниологии не нашла отражения связь раннесакских популяций Южного и Юго-Восточного Приаралья (Сакар-чага, Тагискен, Уйгарак) с населением предшествующего времени этих территорий. В Западной Сибири определенно можно говорить о сохранении генетических связей населения саргатской общности с популяциями предшествующего времени. Поэтому логично предполагать, что антропологическое сходство между западносибирскими группами саргатской общности, ранними кочевниками Поволжья и Приуралья савроматского времени и означенными выше раннесакскими группами первично, а этнокультурное сходство между сакской, сарматской и саргатской культурами – вторично, когда небольшие коллективы ранних кочевников севера Средней Азии, носителей передовых и более эффективных культурных традиций, в совокупности с благоприятными природно-климатическими условиями и высокой

подвижностью, вызванной переходом к кочевым формам ведения хозяйства, могли способствовать повсеместному и быстрому их распространению в западносибирской лесостепи в V-IV вв. до н.э.

По археологическим данным отмечено, что материальная культура и погребальная обрядность начального периода саргатской общности характеризуется отчетливо выраженными чертами, присущими ранним кочевникам Приуралья савроматского времени, появление которых связывается с проникновением в западносибирскую лесостепь из Приуралья кочевых племен. Нашло ли это отражение в исследуемых краниологических материалах? Как известно, перемещение населения в антропологически однородной среде не даст ответа на этот вопрос. Однако, как показал анализ антропологических данных, к середине I тыс. до н.э. наблюдается концентрация особенностей физического облика как в среде ранних кочевников Приуралья, так и в среде лесостепного западносибирского населения. Различия в антропологических типах хотя уже стабильны, но невелики, поэтому трудно оценить масштабы перемещения населения. Действительно, строение черепов из ранних могильников саргатской общности весьма сходно с типом савроматских серий. При этом не происходит разрыва генетических связей между западносибирскими лесостепными популяциями раннего железа и населением предшествующего времени, причем более четко наблюдаемые по женским частям выборки. Динамика изменчивости монголоидной примеси, очень слабой в составе ранних саргатских популяций, что увеличивает морфологическое расхождение между ними и выборками эпохи бронзы, но заметно возрастающей позднее, позволяет считать, что приток пришлого населения имел место, в составе которого, видимо, мужчины преобладали, не был растянут во времени и был более или менее существенным только в период сложения саргатской общности, и практически прекратился на следующих этапах ее функционирования. Местное население нельзя признать малочисленным, ибо уже к среднему этапу саргатской

культуры физические особенности, характерные для пришлых групп, почти не фиксируются, формируется сходный в принципиальных чертах антропологический тип, свойственный саргатским племенам всей западносибирской лесостепи.

Отмечаемая антропологическая близость между популяциями саргатской общности и некоторыми ранними (Сакар-чага, Тагискен, Уйгарак) и поздними (Чирик-рабат) саками Южного и Юго-Восточного Приаралья обусловлена не только общностью происхождения эуриморфного европеоидного компонента в их составе. Фактором сближения может выступать также однотипная монголоидная примесь, отмечаемая в краниологии тех и других. Имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют о возможности проникновения монголоидных элементов центральноазиатского происхождения в этническую среду, населявшую некоторые районы Южного и Юго-Восточного Приаралья, Киргизию и Восточный Казахстан, видимо, только в конце переходного от поздней бронзы к раннему железу периода, а уже в раннесакское время черты данной комбинации признаков отмечаются в материалах могильников Сакар-чага, Тагискен и Уйгарак, на сакских черепах из могильников Киргизии и Восточного Казахстана. Однако не в «чистом виде». Данный монголоидный компонент присутствовал, скорее всего, в составе определенных общностей в целом европеоидного облика. Раннесакские черепа с территории Юго-Восточного Приаралья и Киргизии обнаруживают сходство довольно высокого уровня со всеми известными материалами эпохи бронзы Южной и Восточной Сибири только с карасукскими сериями [Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997; Тур, 1997]. Саргатские черепа также морфологически близки карасукским и это во многом обусловлено единством генезиса эуриморфных европеоидных и высоколицых монголоидных компонентов их состава, что подтверждает тезис Л.Т.Яблонского [1996, 1997, 1999] о восточном расовом импульсе в период перехода от бронзы к железу на север Средней Азии и в Киргизию группы пле-

мен из Восточной Сибири, антропологический тип которых более всего сходен с типом населения карасукской культуры и принявших в первой половине I тыс. до н.э. деятельное участие в генезисе популяций, оставивших ряд могильников сакского типа.

В средние века антропологический покров южной части Западной Сибири изменяется по сравнению с предшествующим временем. Основной европеоидный компонент расовой структуры саргатского населения не имеет прямых аналогий в составе средневековых популяций.

В таежной полосе Западной Сибири в средние века этногенетическая ситуация сохраняет стабильность. Краниологический тип черепов из кулайских погребений, а также аналогичные ему компоненты в составе новочекинской серии и всех саргатских выборок, равно как и родственный им низколицый монголоидный компонент в составе кротовской серии могильника Сопка 2 и серии из могильника Еловка 2 эпохи бронзы, а также компонент антропологической структуры неолитических групп собственно западносибирского типа, во многом аналогичны морфотипу средневековых популяций южно-таежного Прииртышья (усть-ишимская культура) и Нарымского Приобья (древние селькупы). Видимо, подобная ситуация имела место и в северной части Западной Сибири, но отсутствие средневековых краниологических материалов, достоверно связанных с современными этносами, позволяет говорить об этом на основании косвенных данных, отражающих расовые особенности уже современных обско-угорских народов.

В близкое к современности время на территории Северной Евразии фиксируется большое разнообразие антропологических типов. В некоторых случаях проявляется этногенетическая связь современных этносов с европеоидным населением раннего железа. Более или менее значимая роль может быть отведена ему лишь в генезисе физического облика отдельных групп тоболо-иртышских татар. Можно говорить также, о некотором участии саргатских групп

в расогенезе западных манси, ибо анализ антропологического состава западных манси позволил выделить в их составе ряд компонентов, в происхождении одного из которых определенная роль может быть отведена населению саргатской общности, а через него и племенам андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы. Примечательно, что орнаментальное искусство именно западных манси впитало значительный компонент, связанный с южными иранскими традициями [Рындина, 1995], о влиянии на культуру манси южных иранских элементов свидетельствуют и данные археологии [Чернецов, 1953]. Но в целом наблюдается значительное ослабление, на грани почти полного разрыва, расогенетических связей между племенами саргатской культурной общности и современными популяциями Западной Сибири, хотя по женским материалам данный вывод должен выглядеть менее категоричным. Данная линия генезиса, таким образом, не оказала заметного влияния на формирование антропологического облика современных этносов.

В южно-таежной полосе Западной Сибири этногенетическая связь между различными хронологическими срезами антропологического покрова прослеживается довольно отчетливо. Наблюдается существенное антропологическое сходство между серией черепов из могильника Каменный Мыс и черепами монголоидного типа с эуриморфным строением лицевого скелета. Первая выборка отражает расовые особенности населения, оставившего памятники кулайской археологической культуры, вторая, хотя и дисперсно, но, скорее всего, также несет информацию об антропологии людей этой культурной общности. Морфологический облик обеих выборок раннего железа практически аналогичен морфотипу популяций Нарымского Приобья эпохи средневековья и современных нарымских селькупов. Основное расхождение сводится к тому, что в составе выборок раннего железа присутствует более существенная примесь европеоидного компонента, происхождение которого связано с андроновским (федоровским) населением эпохи бронзы. Популяции кулайской

культуры, следовательно, с полным основанием могут рассматриваться в качестве основной расовой составляющей генезиса селькупов. Однако и в более ранний период фиксируются носители комплекса антропологических черт, характерных для популяций кулайской общности. Речь идет об антропологическом компоненте, выявляемом в составе населения черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности, а также присутствующим в составе кротовской популяции и неолитических западносибирских групп. Значительное сходство в специфических сочетаниях краниологических признаков, характерных для морфотипа вышеназванных групп свидетельствует о том, что наблюдаемая между ними близость обусловлена преимущественно причинами генетического свойства. Во многом благодаря действию изолирующих механизмов географического характера он не претерпел сколько-либо значительных изменений в ходе исторического развития.

Монголоидный комплекс, обладающий более долихокранной формой мозговой коробки, выделенный в материалах раннего железа, также имеет аналогии среди западносибирского населения. Наибольшее сходство он обнаруживает с обско-угорскими популяциями. Те угорские выборки, в составе которых фиксируется примесь самодийских элементов, морфологически от него отдаляются, но базовый морфотип их антропологической структуры и особенности долихокранного варианта принципиально едины.

Современное население Западной Сибири характеризуются рядом антропологических особенностей и в этом отношении не является однородным, имеет сложный антропологический состав, а территориальная изменчивость физических особенностей некоторых современных групп иногда довольно велика. Однако в каждом конкретном случае расовые особенности популяций складываются в некие морфологические комплексы, привязанные к определенным территориям.

Североалтайские и южносибирские популяции Южной Сибири, например, морфологически занимают промежуточное положение между монголоидным и европеоидным расовыми стволами, в составе тех и других европеоидный и монголоидный компоненты сходного происхождения, различен лишь их удельный вес. Длительный процесс смешения между представителями этих рас явился доминирующим фактором формирования современного населения Южной Сибири. Метисный характер сложения южносибирской общности убедительно подтверждается исследованием палеоантропологических материалов [Алексеев, 1958, 1960в, 1961б; Багашев, 1988; Дремов, 1980, 1997; Гинзбург, Дебец, Левин, Чебоксаров, 1954; Гинзбург, Трофимова, 1972; Исмагулов, 1970; Ким, 1987; Левин, 1954].

В отличие от Алтая и Хакасии, на территории Западной Сибири в древности и в современное время существовали популяции, в антропологическом типе которых фиксируется ряд особенностей, которые определяются не столько присутствием у них в той или иной пропорции примеси монголоидных и/или европеоидных черт, сколько наличием в их составе специфических сочетаний морфологических признаков, в которых нарушена нормальная историческая корреляция, что может указывать на сохранение следов недифференцированности. В итоге именно этим определяется своеобразие физических черт древнего и современного населения Западной Сибири.

Западная Сибирь и Урал, расположенные между ареалами обитания европеоидных и монголоидных народов и смягчение некоторых монголоидных черт у населения этого региона, с неизбежностью приводили исследователей к выводу о метисном характере их формирования. Другая точка зрения на механизм формирования народов Западной Сибири и Урала была высказана В.В.Бунаком, согласно которой оно образовалось не в результате смешения, а в результате сохранения древнего протоморфного типа, лишь час-

тично сходного с монголоидным [Бунак, 1956, 1958, 1965, 1980], получившая солидную поддержку в результате исследований дискретно-варьирующих признаков на черепах уралоязычных народов [Козинцев, Моисеев, 1995; Моисеев, Козинцев, 1998; Моисеев, 1999].

Своеобразный антропологический комплекс, характерный для населения Западной Сибири, отграничивает его как от представителей монголоидной, так и европеоидной рас (в том числе и от восточных финнов), а также от популяций смешанного происхождения. Это дает, как представляется, немаловажное основание для следующего вывода: в генезисе западносибирских народов, особенно на ранних стадиях, доминирующим фактором их генезиса являлась консервация протоморфных нефифференцированных морфологических черт, сохранению которых способствовали изолирующие механизмы географического характера. На более поздних этапах генезиса все более заметную роль приобретают метисационные процессы.

Среди западносибирских групп выделяется несколько надпопуляционных общностей, привязанных к определенным территориям. Это тюрки Тоболо-Иртышья и Барабы, в составе которых фиксируется примесь южносибирского компонента. Обозначена как **тоболо-барабинская группа популяций**. Тюрки и селькупы Томско-Нарымского Приобья, в составе которых, по сравнению с тоболо-барабинскими группами, меньше примесь южносибирских и северо-алтайских элементов, обозначена как **томско-нарымская группа популяций**. Морфологические различия между ними незначительны и обусловлены различным удельным весом южносибирского компонента. Между тюрками и селькупам наблюдается значительное сходство, что позволяет говорить о тесной генетической связи между ними, вместе они отчетливо противопоставляются тюркам Южной Сибири и Алтая. Эти общности можно рассматривать как локальные варианты одного **обь-иртышского антропологического типа**.

В составе угорских популяций, ареал которых охватывает обширные районы Среднего и Нижнего Приобья, обнаружено недифференцированных элементов более всего, отсутствует примесь южносибирских и североалтайских элементов, хотя в некоторых группах фиксируется присутствие самодийского компонента. Высокая изменчивость обско-угорских популяций отражает в большей степени территориальное, нежели этническое и антропологическое единство угров, объединяющую роль в антропологии выполняет комплекс недифференцированных элементов. По степени четкости его фиксации в угорской совокупности выделяется две подгруппы, правда, не привязанные к конкретным территориям с такой четкостью как на юге Западной Сибири. Морфологические различия между ними обусловлены метисационными процессами на периферийных участках ареала этноса, не носят качественного характера и обе они представляют собой локальные варианты одного **уральского антропологического типа**.

Среди населения Западной Сибири, таким образом, распространены два основных антропологических типа, каждый из которых характеризуется достаточно четким своеобразием морфотипа и со своими ареалами. Уральский тип представлен у хантов и манси, ареал распространения охватывает таежную и лесотундровую зоны, т.е. северную часть Западной Сибири. Обь-иртышский антропологический тип состоит из двух локальных вариантов — тоболо-иртышского и томско-нарымского, представлен у нарымских селькупов и тюрков Западносибирской равнины, ареал распространения — южно-таежная и лесостепная зоны, т.е. средняя и южная части Западной Сибири.

Антропологическая специфика и внутреннее сходство популяций уральского и обь-иртышского типов, обусловленные одним фактором формирования на единой территории, большое сходство протекавших здесь этногенетических процессов в примерно одинаковых природно-климатических условиях, свидетельствуют о сущест-

вовавшем некогда их единстве. Поэтому они объединены и выделены в самостоятельную **западносибирскую локальную группу популяций**.

Таксономически западносибирскую группу популяций трудно однозначно отнести к числу рас западного, или восточного стволов, поэтому ее систематическое положение соответствует тому определению, которое дал В.В.Бунак для уральской расы [1956, 1965, 1980]. Видимо, действительно, западносибирская раса утратила связь с основными расовыми стволами очень давно, еще до того периода, когда сформировались ярко выраженные европеоидные и монголоидные особенности и представляет собой древнюю протоазиатскую формацию. Краниологические материалы, близкие к современности, все же говорят о том, что западносибирская раса таксономически более близка к расам восточного ствола и может быть включена в их число. Выделен особый, западносибирский очаг расообразования на иерархическом уровне вторичного, который наряду с азиатским континентальным и азиатским прибрежным входит в состав восточного первичного очага. Во вторичном западносибирском очаге расообразования уместно выделить два дочерних третичных — северный западносибирский (угорская линия генезиса) и южный западносибирский (самодийская линия генезиса), в которых образование четвертичных очагов окончательно не оформилось, но могут быть соотнесены с общностями уральского антропологического типа, тоболо-барабинской и томско-нарымской группами популяций. Относительное время формирования западносибирского вторичного очага может быть отнесено к периоду, когда еще существовал генетический мост между монголоидами Азии и Америки, видимо, к финалу палеолита - раннему мезолиту.

Не представляется оправданным объединение западносибирских и субуральских популяций в один таксон и предлагается отказаться от понятия уральской расы как совокупности субуральского и уральского антропологических типов. Проведенный анализ показы-

вает, что субуральские группы являются в основе европеоидными и связаны в своем генезисе с европеоидным населением беломоро-балтийского типа, в Восточной Европе же они являются группами с наибольшей примесью монголоидных элементов. Монголоидные черты финнов Поволжья и Приуралья только на первый взгляд сближают их с населением Западной Сибири. На самом деле разница в морфологическом облике тех и других весьма значительна, различны и факторы их образования. Наблюдаемое сходство по некоторым особенностям, напоминающим монголоидные, возникло, скорее всего, конвергентным путем в результате метисационных процессов и носит, скорее всего, фенотипический, а не генетический характер и не отражает общности происхождения. Морфологически субуральские популяции противопоставляются западносибирским и обнаруживают сходство с западнофинскими и летто-литовскими народами, на основании чего финны и тюрки Поволжья и Приуралья с большим основанием должны быть включены в число типов европеоидного расового ствола в качестве самой восточной ветви беломоро-балтийской локальной расы европеоидной ветви западного ствола, в качестве **приуральского антропологического типа** (субуральского, урало-лапоноидного). Ареал приуральских популяций соответствует приуральскому четвертичному очагу расообразования [Алексеев, 1974а, с.284], но не в составе восточного зауральского третичного очага, а в качестве еще одного четвертичного очага в составе балтийского третичного очага в европеоидном вторичном западного первичного.

Западносибирские ненцы и кеты также не обнаруживают тесных родственных связей с народами западносибирской расы, хотя некоторые сходные моменты в этногенезе тех и других, несомненно, существуют. Ненцы и кеты проявляют отчетливую тенденцию сближения с североазиатскими монголоидами, представляется правомерным вернуться к классификациям И.Деникера и Г.Ф.Дебеца, выделив их в западный вариант североазиатской локальной расы —

енисейский антропологический тип, таксономически равнозначный центральноазиатскому и байкальскому. В центральноазиатском третичном очаге расообразования в составе азиатского континентального вторичного в первичном восточном [Алексеев, 1974а, с. 283], наряду с забайкальско-монгольским и североазиатским таежным четвертичными очагами выделен еще один — енисейский.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдрахманов М.А., 1959. Особенности диалектно-языкового смешения в фонетике // УЗ ТГПИ. Т.18. Томск, 1959. С.163-194.
- Акимова М.С., 1953. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР // КСИЭ. Вып. 18. М., 1953. С.55-65.
- Акимова М.С., 1955. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23. М., 1955. С. 78-92.
- Акимова М.С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
- Акимова М.С., 1972. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 150-159.
- Аксянова Г.А., 1975. Антропологические исследования зауральских ненцев // ПИИЭ, 1974. М., 1975. С.237-242.
- Аксянова Г.А., 1975а. Соматология и одонтология ненцев, хантов, манси по результатам обследования 1973 г. // Новое в этнографии и антропологии. М.: Наука, 1975.
- Аксянова Г.А., 1976. Ненцы. Расово-морфологическая характеристика по данным одонтологии и соматологии в связи с их этногенезом. Автореф. дис. канд. биол. наук. М., 1976. 24 с.
- Аксянова Г.А., 1977. Краткая расовая характеристика ненцев Канинской тундры // ПИИЭ, 1975. М., 1977. С.177-180.
- Аксянова Г.А., 1979. Население бассейна Печоры и Нижней Оби // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С.93-113.
- Аксянова Г.А., 1991. Соматология // Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С.128-153.
- Аксянова Г.А., 1992. Расовая характеристика ненцев // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 71-97.
- Аксянова Г.А., 1997. Переходные расовые варианты – показатель единства человечества // Единство и многообразие человеческого рода. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. Ч. 2. С. 468-531.
- Аксянова Г.А., Афанасьева Г.М., Золотарева И.М., Спицына Н.Х., Хить Г.Л. Нганасаны. Антропологическое исследование. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. 354 с.
- Алексеев В.П., 1955. К краниологии нганасанов // КСИЭ. Вып.24. М., 1955. С.57-65.
- Алексеев В.П., 1956. Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы (сравнительно-краниологический очерк) // ТКАЭЭ. Т.1. М., 1956.
- Алексеев В.П., 1958. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. № 1. 1958. С.45-49.

Алексеев В.П., 1960. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // ТТКАЭЭ. Т.4. М., 1960. С.269-364.

Алексеев В.П., 1960а. Поздние кочевники Кузнецкой котловины по данным антропологии // КСИЭ. Вып.35. М., 1960. С. 98-111.

Алексеев В.П., 1960б. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // ТТКАЭЭ. 1960. Т. 1. С. 284-316.

Алексеев В.П., 1960в. Поздние кочевники Кузнецкой котловины по данным антропологии // КСИЭ. М., 1960. Вып. 35.С. 98-111.

Алексеев В.П. 1961а. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. 1961. № 1. С. 116-129.

Алексеев В.П., 1961б. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпохи неолита и бронзы // ТИЭ. Т.21. М., 1961. С.107-206.

Алексеев В.П., 1961в. О смешанном происхождении уральской расы // Вопросы археологии Урала. Вып.1. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1961. С.117-120.

Алексеев В.П., 1962. Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ. 1962. № 3. С. 49-58.

Алексеев В.П., 1963. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы исследований по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. С.135-164.

Алексеев В.П., 1967. Антропология андроновской культуры // СА. 1967. №1. 1967. С. 22-26.

Алексеев В.П., 1968. К обоснованию популяционной концепции расы // Проблемы эволюции человека и его рас. М.: Наука, 1968. С. 228-278.

Алексеев В.П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 324 с.

Алексеев В.П., 1971. Лесные ненцы (соматологические наблюдения) // ВА. Вып.39. 1971. С.61-75.

Алексеев В.П., 1971а. Очерк происхождения тюркоязычных народов Восточной Европы в свете данных антропологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. С. 232-271.

Алексеев В.П., 1974. К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // Изв. лаб. археологических исследований. Вып.5. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1974. С.112-118.

Алексеев В.П., 1974а. Близкий к современности краниологический материал по финно-угорским народам, их расовая дифференциация и этногенез // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С.54-69.

Алексеев В.П., 1974б. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974. 352 с.

Алексеев В.П., 1974в. Краниологическая характеристика населения Восточной Финноскандии // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С.85-105.

Алексеев В.П., 1974г. К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // ИЛАИ. 1974. Вып. 5. С. 112-118.

Алексеев В.П., 1975. Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 109-119.

Алексеев В.П., 1979. Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979. 216 с.

Алексеев В.П., 1980. К краниологии калмыков в связи с их происхождением // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Элиста. С. 3-41.

Алексеев В.П., 1984. Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антропо-экологические исследования в Туве. М.: Наука, 1984. С. 6-75.

Алексеев В.П., 1989. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 446 с.

Алексеев В.П., 1993. Очерки экологии человека. Палеодемография: содержание и результаты. М.: Наука, 1993. С.115-138.

Алексеев В.П., Балыева Т.С., 1976. Материалы по краниологии нанканских эскимосов (к дифференциации арктической расы) // СЭ. 1976. № 1. С. 84-100.

Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // ТТКАЭЭ. 1970. Т.3. С. 239-297.

Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984а. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.

Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984б. Результаты экспертизы надежности краниометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера (в связи с их сохранностью и особенностями реставрации) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С.155-158.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П., Мамонова Н.Н., 1988. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории северо-западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С.3-21.

Алексеев М.П., 2006. Западная Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII-XVII вв. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с.

Алексеева Т.И., 1970. Изменчивость основных компонентов тела человека в зависимости от уровней липидов и белков в сыворотке крови // Морфофизиологические исследования в антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1970. С.53-63.

Алексеева Т.И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. 332 с.

Алексеева Т.И., 1997. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М.: Научный мир, 1997. С. 18-41.

Алексеева Т.И., Козловская М.В., 1997. Резюме // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М.: Научный мир, 1997. С. 115-116.

Алексеева Т.И., Волков-Дубровин В.П., Голубчикова З.А., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Спицын В.А., 1972. Антропологическое изучение лесных ненцев (морфология, физиология и популяционная генетика) // ВА. 1972. Вып.41. С.19-35.

Алексеева Т.И., Волков-Дубровин В.П., Голубчикова З.А., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Спицын В.А., 1973. Антропологическое изучение лесных ненцев (морфология, физиология и популяционная генетика) // ВА. 1973. Вып.42.С.31-54.

Алексеева Т.И., Эренбург Р.Б., 1979. Каталог краниологических и остеологических коллекций Ин-та и Музея антропологии при МГУ (1865-1977). М.: Изд-во МГУ, 1979. 200 с.

Андерсон Т., 1963 Введение в многомерный статистический анализ. М.: Физматгиз, 1963. 500 с.

Анучин Д.Н., 1890. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание "О человеках неизвестных в восточной стране". Археолого-этнографический этюд. М, 1890.

Анучин В.И., 1906. Предварительный отчет о поездке к енисейским осякам // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. № 6. СПб., 1906.

Бабаков О.Б., 1988. Средневековое население Туркменистана (по материалам антропологии). Ашхабад: Ылым, 1988. 420 с.

Багашев А.Н., 1984. Распределение дискретных краниологических признаков в некоторых тюркоязычных популяциях Сибири // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1984. С.105-115.

Багашев А.Н., 1987. Соотношение антропологического состава средневекового и современного населения Омского Прииртышья // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С.106-109.

Багашев А.Н., 1988. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С.22-54.

Багашев А.Н., 1989. Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниоостеологии. Автореф. дис. канд.ист. наук. М., 1989. 17 с.

Багашев А.Н., 1990. Материалы по краниологии тарских татар // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С.192-213.

Багашев А.Н., 1990а. Материалы по краниологии тобольских татар // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа: Башк. науч. центр УрО АН СССР, 1990. С.122-137.

Багашев А.Н., 1991. Краниологический тип нижнеиртышских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. С.29-37.

Багашев А.Н., 1991а. Таксономическое положение тоболо-иртышских татар в системе расовых типов Западной Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск: Омск. ун-т, 1991. С.18-37.

Багашев А.Н., 1993. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. 152 с.

Багашев А.Н., 1993а. Многомерная статистика о краниологической специфике народов Западной Сибири // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С.134-137.

Багашев А.Н., 1994. К антропологии населения Западной Сибири эпохи неолита // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: Ом. ун-т, 1994.С.151-156.

Багашев А.Н., 1995. Антропологический обзор // Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. С.21-28.

Багашев А.Н., 1996. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Тюмен. ун-т, ИПОС СО РАН, 1996. С.20-28.

Багашев А.Н., 1997. Материалы к краниологии сарматов // ВБАЭ. 1997. Вып. 1. С. 65-74.

Багашев А.Н., 1998а. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // ОКНЗС. Т. 4.Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.С. 303-327.

Багашев А.Н., 1998б. Население Нижнего Приобья // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 124-140.

Багашев А.Н., 1998в Таксономические признаки и дифференциация групп по результатам многомерной статистики // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 148-169.

Багашев А.Н., 1998г. О расовой систематике народов Северной Евразии // Раса: Миф или реальность? М.: Старый Сад, 1998. С. 17-19.

Багашев А.Н., 1998д. Проблемы таксономии и расогенеза тюркоязычных народов Западной и Южной Сибири // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск: Изд-во Ом пед. ун-та, 1998. С. 6-8.

Багашев А.Н., 1999а. Генезис и таксономия обских угров // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: Изд-во Ом. пед. ун-та, 1999. С. 16-18.

Багашев А.Н., 1999б. Краниологический тип пелымских манси // ВА-АЭ. - 1999. Вып. 2. С. 69-77.

Багашев А.Н., 1999в. Об особенностях краниологического типа западных манси // 3 Конгресс этнографов и антропологов России. М., 1999. С. 102-103.

Багашев А.Н., 2000а. О роли пришлого и местного компонентов в расогенезе населения западносибирской лесостепи эпохи раннего железа // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000. С.52-56.

Багашев А.Н., 2000б. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 254 с.

Багашев А.Н., 2000в. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // ВААЭ. 2000. Вып. 3. С. 159-174.

Багашев А.Н., 2003. Новые материалы к антропологии неолитического населения Западной Сибири // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 438-443.

Багашев А.Н., 2006. Материалы к биографии Сергея Михайловича Чугунова (в связи со 150-летием со дня рождения) // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб., 2006. С. 168-172.

Багашев А.Н., Ким А.Р., 1998. Палеоантропология о происхождении народов Западной Сибири // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 270-286.

Багашёв А.Н., *Юрина Л.Г.*, 1984. Группы крови системы АВ0 и резус (D) у тарских татар // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. обл. науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск: Ом. ун-т, 1984. С.36-40.

Балабанова М.А., 1998. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, VI в. до н.э. – 1-я половина II в. н.э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1998. 27 с.

Балабанова М.А., *Цыганова О.М.*, 1997. Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград: ВолГУ, 1997. Вып. 2. С. 267-287.

Баландин А.Н., 1955. О языках и диалектах ханты // В помощь учителю школ Крайнего Севера. Вып. 5. Л., 1955.

Баландин А.Н., *Вахрушева М.П.*, 1957. Мансийский язык. М.-Л., 1957.

Баскаков Н.А., 1969. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. Школа, 1969. 384 с.

Баскаков Н.А., 1981. Алтайская семья языков и её изучение. М.: Наука. 136 с.

Бейли Н., 1970. Математика в биологии и медицине. М.: Мир, 1970. 326 с.

Беневоленская Ю.Д., 1984. К проблеме происхождения катангского антропологического типа // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов обл. научн. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск: Омск. ун-т, 1984. С.12-16.

Беневоленская Ю.Д., 1987. Краниологическое своеобразие и обособленное положение хантов и манси среди сибирских монголоидов // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С.148-150.

Беневоленская Ю.Д., 1990. Некоторые специфические особенности краниологической структуры манси // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С.204-206.

Беневоленская Ю.Д., 1992. Исследование краниологии манси в расовоэволюционном аспекте // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: Башк. науч. центр УрО РАН, 1992. С. 15-33.

Беневоленская Ю.Д., 1993. Расовый состав и расовоэволюционная изменчивость обских угров // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С.140-142.

Беневоленская Ю.Д., 1997. Феномен диморфизма строения лицевого скелета как одна из сторон полиморфизма древнего и современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. Ч. 2. С. 576-605.

Беневоленская Ю.Д., Башлай А.Г., 1982. Группы крови // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С.49-69.

Березовская Н.В., Боброва А.И., Рыкун М.П., 2009. Погребальный обряд и состояние здоровья средневекового населения Притымья // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2009. С. 187-190.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 380 с.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.

Боброва А.И., 1980. О типах и формах погребений Тискинского курганного могильника // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С.22-27.

Боброва А.И., 1982. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 36-46.

Боброва А.И., 1994. Нарымское Приобье и Причулымье // ОКНЗС. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. 1994. С. 293-321.

Боброва А.И., Рыкун М.П., 2006. Палеодемография населения Нарымского Приобья во II тысячелетии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: «Издательский дом «Наука», 2006. С. 288-292.

Боброва А.И., Рыкун М.П., 2007. Палеодемография населения Нарымского Приобья (Тискино) // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления, Саранск, 9 – 14 июля 2007 НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. С. 269-270.

Боброва А.И., Рыкун М.П., 2008а. Тискино: время, культура, этнос, палеопопуляция // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 91–95.

Боброва А.И., Рыкун М.П., 2008б. Средневековые некрополи Прикетья (обряд, хронология, здоровье) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2008. С.304-312.

Боброва А.И., Рыкун М.П., 2008в. Опыт использования археологических и антропологических источников в изучении коренного населения Западной Сибири // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Томск: Том. ун-т, 2008. С.234-238.

Боброва А.И., Рыкун М.П., 2009. Прикетье в XV–XVIII вв.: хронология, погребальный обряд, состояние здоровья населения // Вестник ТГУ. История. Научный журнал. 2009а. № 1 (5). С. 86-89.

Богданов А.П., 1878-1879. Описание сибирских черепов // Известия ОЛЕАЭ. Т.31. С.401-423.

Богданов А.П., 1878-1879а. Черепа самоедов, собранные Н.Ю.Зографом // Известия ОЛЕАЭ. Т.31.

Богданов А.П., 1878-1879б. Курганные черепа Тарского округа Тобольской губернии // Известия ОЛЕАЭ. Т.31.

Богданов А.П., 1980. Курганные приуральцы по раскопкам гг. Зографа и Нефёдова // Известия ОЛЕАЭ. Т.35. Ч.1. Вып.1-3.

Боковенко Н.А., Мошкова М.Г., Могильников В.А., 1992. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 151-160.

- Бояршинова З.Я.*, 1960. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 152 с.
- Бромлей Ю.В.*, 1973. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
- Бунак В.В.*, 1924. Антропологический тип черемис // РАЖ. 1924. Т.13. Вып.3-4. С.137-177.
- Бунак В.В.*, 1924а. Антропологический тип мордвы // РАЖ. 1924. Т.13. Вып.3-4. С.177-210.
- Бунак В.В.*, 1934. Расы // Большая медицинская энциклопедия. Т.28. М., 1934.
- Бунак В.В.*, 1956. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1. С.86-105.
- Бунак В.В.*, 1958. Об очередных задачах в изучении расообразования у человека (В связи со статьёй Г.Ф.Дебеца "О принципах классификации человеческих рас") // СЭ. 1958. № 3. С.125-135.
- Бунак В.В.*, 1965. Вопросы расогенеза // Происхождение и этническая история русского народа.ТИЭ. Т.88. М.: Наука, 1956. С. 174-190.
- Бунак В.В.*, 1980. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Бунак В.В., Нестурх М.Ф., Рогинский Я.Я.*, 1941. Антропология. Краткий курс. М., 1941.
- Буслова М.А., Зах Е.М., Дрябина Л.А., Матвеев А.В.*, 1989. Мысовской археологический комплекс раннего железного века // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюмен. ун-т, 1989. С. 137-150.
- Валеев Ф.Т.*, 1980. Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 232 с.
- Васильев В.И.*, 1974. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М.: Наука, 1974.
- Великанова М.С.*, 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 284 с.
- Викторова В.Д.*, 1967. Археологическая карта бассейнов рр. Туры и Тавды: Опыт систематизации и периодизации археологических памятников: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1967.17 с.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.*, 1988. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. С. 129-141.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.*, 1986. Древнейшее население низовий Амурарья. М.: Наука, 1986. 200 с.
- Вишневская О.А., Итина М.А.*, 1971. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. МИА.1971. № 177.С. 197-207.
- Волоцкий М.В.*, 1941. Географическая изменчивость пальцевых узоров // КСИМАНГУ. М., 1941.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1969. Курганы у оз. Фоминцево // ВАН. 1969. Вып. 8. С. 90-102.

Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., 1984. Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири // СА. 1984. № 2. С. 165-187.

Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Федорова Н.В., Овчинникова Б.Б., 1970. Омское Прииртышье в железном веке // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 203-228.

Георги И.Г., 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч.1. СПб., 1776. 76 с.

Георги И.Г., 1776а. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. О народах татарского племени. Ч.2. СПб., 1776. 187 с.

Георги И.Г., 1799. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч.3. СПб., 1799. 116 с.

Герасимов М.М., 1955. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. 1955. Т. 28. 586 с.

Геродот, 1888. История в девяти книгах. Т.1. М., 1888.

Гинзбург В.В., 1962. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // МИА. 1962. № 120. С. 186-198.

Гинзбург В.В., 1963а. Краниологическая характеристика узбеков // ТИЭ. 1963. Т. 82. С. 96-121.

Гинзбург В.В., 1963б. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // СМАЭ. 1963. Т. 21. С. 297-337.

Гинзбург В.В., Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1954. Очерки по антропологии Казахстана // КСИЭ. 1954. Вып. 16. С. 42-68.

Гинзбург В.В., Залкинд И.Г., 1955. Материалы к краниологии казахов (в связи с вопросами этногенеза) // СМАЭ. 1955. Т.16. С. 423-461.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.

Гладкова Т.Д., 1961. Дерматоглифика некоторых северо-восточных народностей СССР (манси и коми) // ВА. Вып.6. С.100-112.

Гладкова Т.Д., Битадзе Л.О., 1979. Дерматоглифическая характеристика некоторых народностей Алтае-Саянского нагорья // ВА. Вып.63. С.53-64.

Гладкова Т.Д., Хитъ Г.Л., 1968. Материалы по дерматоглифике некоторых народов Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука. С.127-147.

Гондатти Л.Н., 1888. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. М. 56 с.

Гондатти Л.Н., 1890. Антропологические результаты поездки в Северо-Западную Сибирь // Известия ОЛЕАЭ. Т.49. Вып.5. М. С.719-720.

Горощенко К.И., 1901. Сойоты // РАЖ. № 2. С.62-73.

Горощенко К.И., 1905. Материалы по антропологии Сибири (сойоты, бельтиры, койбалы, качинцы, сагаи, кызыльцы и мелецкие (чулымские) инородцы) // Записки Красноярск. подотдела Вост.-Сибирского отдела Русского географического об-ва по этнографии. Т.1. Вып.2. Красноярск. 64 с.

Гохман И.И. 1961. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // ВА. 1961. Вып. 8. С. 88-98.

Гохман И.И., 1963. Материалы к антропологии елогуйских кетов // КСИЭ. 1963. Вып.38. С.100-113.

Гохман И.И., 1966 Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966. 224 с.

Гохман И.И., 1973. Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы // СЭ. 1973. № 2. С. 96-106.

Гохман И.И., 1980. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // СМАЭ. 1980. Т.36. С. 5-34.

Гохман И.И. 1982. Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С. 9-42.

Гохман И.И., 1986. Антропологические особенности древнего населения севера Европейской части СССР // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 216-222.

Громов А.В., 1996. Палеоантропология населения Южной Сибири эпохи бронзы по данным краниоскопии // ВАН. 1996. Вып. 2. С. 147-155.

Громов А.В., 1997. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 301-345.

Грум-Гржимайло Г.Е., 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.2. Л., 1926.

Гумилёв Л.Н., 1959. Динлинская проблема // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1959. Т.91. Вып.1.

Гусева И.С., 1962. О взаимосвязи назомаллярного и зигомаксиллярного углов горизонтального профиля лицевого скелета у некоторых современных антропологических типов // ВА. 1962. Вып. 12. С. 31-54.

Давыдова Г.М., 1974. Популяционно-генетические исследования манси // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С.96-109.

Давыдова Г.М., 1975. Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза // СЭ. 1975. № 6. С.114-120.

Давыдова Г.М., 1976. Антропологическое исследование северных манси и некоторые вопросы их расо- и этногенеза. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1976. 22 с.

Давыдова Г.М., 1986. Формирование северных манси как народа уральской расы // Этнические связи народов Севера Азии и Америки по данным антропологии. М.: Наука, 1986. С.174-197.

Давыдова Г.М., 1989. Антропология манси. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1989. 160 с.

Давыдова Г.М., 1992. Современное состояние проблемы уральской расы (по соматологическим материалам) // Материалы а антропологии уральской расы. Уфа: Баш. науч. центр УрО РАН, 1992. С.5-14.

Давыдова Г.М., 1997. Древние антропологические типы в составе современного населения лесной зоны Восточной Европы // Единство и многообразии человеческого рода. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. Ч. 1. С. 214-242.

Давыдова Г.М., Жомова В.К., 1982. Строение тела // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С.42-49.

Дебец Г.Ф., 1930. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // РАЖ. 1930. Т.19. Вып. 1-2. С.7-50.

Дебец Г.Ф., 1941а Среднеобская экспедиция 1939 г. // КСИМАНГУ. 1941. С.26-27.

Дебец Г.Ф., 1941б. Проблемы заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 14-18.

Дебец Г.Ф., 1947. Селькупы. Антропологический очерк // ТИЭ. 1947. Т.2. С.103-145.

Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. 1948. Т.4. 392 с.

Дебец Г.Ф., 1951. Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. 1951. Т.17. 264 с.

Дебец Г.Ф., 1953. К палеоантропологии Урала // КСИЭ. 1953. Вып. 18. С.66-68.

Дебец Г.Ф., 1955. Череп из эпилеолитического могильника у с. Волошское // СЭ. 1955. № 3. С. 62-73.

Дебец Г.Ф., 1956. О принципах классификации человеческих рас (По поводу статьи В.В.Бунака "Человеческие расы и пути их образования") // СЭ. 1956. № 4. С.129-142.

Дебец Г.Ф., 1961. О путях заселения северной полосы Русской равнины и восточной Прибалтики // СЭ. 1961. № 6. С.51-69.

Дебец Г.Ф., 1968. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13-22.

Дебец Г.Ф., 1975. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья: Эквенский могильник. М.: Наука, 1975. С. 198-240.

Дебец Г.Ф., 1980. Палеоантропология окуневской культуры // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С.7-8.

Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А., 1941. Западносибирская экспедиция 1937 г. // КСИМАНГУ. 1941. С.26,35.

Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А., 1952. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1. С. 22-35.

Деникер И.Е., 1902. Человеческие расы. СПб., 1902. 724 с.

Денисова Р.Я., 1975. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 404 с.

Денисова Р.Я., 1987. Популяционно-антропологический аспект этногенеза // СЭ. 1987. № 6. С. 37-47.

Дерябин В.Е., 1983. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983. 228 с.

Дерябин В.Е., 1998. О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии. Канонический анализ против главных компонент // ВАН. 1998. Вып. 4. С. 30-67.

Долгих Б.О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. 1960. Т.55. 624 с.

Долгих Б.О., 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 269 с.

Дремов В.А., 1967. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // СЭ. 1967. № 6. С. 53-66.

Дремов В.А., 1970. Материалы к антропологии большевеченской культуры // ИЛАИ. 1970. Вып. 2. С. 99-108.

Дремов В.А., 1973. Новые материалы по антропологии неолитического населения верхнего Приобья. Усть-Иша, Иткуль // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 204-206.

Дремов В.А., 1975. Антропологические материалы II-VIII вв. н.э. из могильников Уени // ИИС. 1975. Вып. 16. С. 94-129.

Дремов В.А., 1976. История антропологических исследований в Западной Сибири. Ранний период // Из истории Сибири. Вып.19. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С.255-270.

Дремов В.А., 1977. Обычай искусственного деформирования головы у древних племен Западной Сибири и его происхождение // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л.: Наука, 1977. С. 99-110.

Дремов В.А., 1978. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья (Усть-Тартасский могильник) // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 164-181.

Дремов В.А., 1979. О тюркизации коренного населения Притомья (антропологические материалы Басандайского могильника) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Ом. ун-т, 1979. С.18-20.

Дремов В.А., 1980. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 19-46.

Дремов В.А., 1981. Антропология Верхнего Приобья в эпохи неолита и бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 24 с.

Дремов В.А., 1984. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 106-132.

Дремов В.А., 1985. Об антропологическом составе неолитического населения Новосибирско-Барнаульского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Тюмен. ун-т, 1985. С. 3-16.

Дремов В.А., 1986. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С.56-73.

Дремов В.А., 1990а. Антропологический состав населения андроновской и андроновидных культур Западной Сибири // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука, 1990. - Вып. 2. С. 56-62.

Дремов В.А., 1990б. Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья (Эуштинцы) // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск: Ом. ун-т, 1990. С. 52-72.

Дремов В.А., 1991. Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. С. 10-28.

Дремов В.А., 1991. Краниометрия // Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 166-199.

Дремов В.А., 1995. Антропологические материалы из позднесредневековых могильников Чулыма // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 1995. С.161-172.

Дремов В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 264 с.

Дремов В.А., 1998а. Географическая изменчивость краниологических признаков // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 170-246.

Дремов В.А., 1998б. Нарымские селькупы // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 110-111.

Дремов В.А., Багашев А.Н., 1993. Краниологические данные к вопросу о формировании хантов // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 148-151.

Дремов В.А., Багашев А.Н., 1998а. Антропологическое своеобразие коренных народов // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 292-303.

Дремов В.А., Багашев А.Н., 1998б. Ханты Среднего Приобья и Прииртышья // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 111-124.

Дремов В.А., Ким А.Р., 1998. Население северных предгорий Алтая // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 44-67.

Дремов В.А., Львова Э.Л., 1996. Памяти А.Р.Кима (1946-1993) // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1996. С.7-8.

Дубов А.И., 1987. Одонтологическая характеристика хантов, селькупов и эвенков // ПИИЭ, 1983. М.: Наука, 1987. С. 106-110.

Дубов А.И., 1997. Уровни дифференциации в пределах уральского круга антропологических типов // Единство и многообразие человеческого рода. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. Ч. 2. С. 655-678.

Дубров А.М., 1978. Обработка статистических данных методом главных компонент. М.: Статистика, 1978. 134 с.

Дульзон А.П., 1950. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Учен. записки Томск. гос. пед. ин-та. 1950. Т. 6. С. 175-187.

Дульзон А.П., 1952. Чулымские татары и их язык // Учен. записки Томск. гос. пед. ин-та. 1952. Т.9. С.76-211.

Дульзон А.П., 1956. Диалекты татар — аборигенов Томи // УЗ ТГПИ. Т.15. Томск, 1956. С.297-379.

Дульзон А.П., 1971. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С.198-208.

Дульзон А.П., 1973. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Советская тюркология. 1973. № 2. С.16-29.

Европеус Д.П., 1874. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874.

Емельянов Н.Ф., 1978. Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С.73-87.

Емельянов Н.Ф., 1984. Город Томск в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984.. 224 с.

Епимахов А.В., Ражев Д.И., 2003. Тафокомплекс и социальная реальность (по материалам синташтинских памятников) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып.2. Челябинск, №3 (19). 2003. С. 29–32.

Ерохин Н.Г., Курлаев Е.А., Погорелов С.Н., Ражев Д.И., 2008. Сокрытое захоронение в Поросенковом логу // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2008. №1 (23). С.47-55.

Ефимова С.Г., 1981. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // ВА. 1981. Вып. 67. С. 64-73.

Ефимова С.В., 1984. Одонтология сибирских татар (к проблеме этнической истории // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов обл. научн. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск: Омск. ун-т, 1984. С.32-36.

Ефимова С.Г., 1991. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 96 с.

Зайцева О.В., Ражев Д.И., 2005. Тафономические индикаторы вторичности погребения // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. М.: Институт археологии РАН, 2005. С.9-11.

Зайцева О.В., Ражев Д.И., 2007. Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // Вестник томского госуниверситета. 2007. №302, сентябрь. С. 84-89.

Зах В.А., Багашев А.Н., 1998. О сопряженности культурогенеза и расообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 194-202.

Зиннер Э.П., 1968. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.

Зограф Н.Ю., 1877. Поездка к самоедам. М., 1877. 14 с.

Зограф Н.Ю., 1886. Алтайские инородцы по исследованиям Н.М.Ядринцева // Известия ОЛЕАЭ. Т.49. Вып.3. М., 1886.

Золотарева И.М., 1962. Антропологическое исследование нганасан // СЭ. 1962. № 6. С. 131-136.

Золотарёва И.М., 1968. Распределение групп крови у народов Северной Сибири // Труды VII МКАЭН. М.: Наука, 1968. С.502-508.

Золотарева И.М., 1974. Антропологическая дифференциация восточных самодийцев // Антропология и геногеография. М.: Наука, 1974. С.215-231.

Золотарева И.М., 1975. Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. С. 97-110, 154-192.

Золотарёва И.М., Аксянова Г.А., 1974. Антропологическая дифференциация угорских и самодийских народов на севере Западной Сибири в связи с проблемами их этнической истории // Вопросы советского финно-угроведения. Петрозаводск: Коми филиал АН СССР, 1974.

Зиневич Г.П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. - Киев: Наукова Думка, 1967. - 240 с.

Зиневич Г.П., 1971. До антропології могильника біля с. Заветне в Криму // МАУ. - 1971. - Вып. 5. - С. 111-121.

Зубов А.А., Халдеева Н.И., 1974. Одонтологические данные по нескольким финно-язычным народам в связи с их происхождением // Этно-

генез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С.51-54.

Зубов А.А., Халдеева Н.И., 1989. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989. 232 с.

Зубова А.В., 2005. К вопросу о краниологических различиях населения ирменской и карасукской культур // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005 г. Т. XI. Ч. II. С. 11-19.

Зубова А.В., 2006а. Палеодемография ирменской культуры Кузнецкой котловины // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. Археологического Съезда. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. 1. С. 375-377.

Зубова А.В., 2006б. Демографические характеристики андронидного населения Западной Сибири (по материалам могильников Еловский-2 и Старый Сад) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. Том XII. Ч.1. С. 336-340.

Зубова А.В., 2007а. Одонтологическая характеристика населения Западной Сибири в эпоху развитой и поздней бронзы // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2007. Т.1. С. 254-263.

Зубова А.В., 2007б. Некоторые палеопатологические характеристики населения Западной Сибири эпох развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Том XIII. С. 244-248.

Зубова А.В., 2008а. Палеодемография населения Западной Сибири в эпоху развитой и поздней бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008а. № 2 (34). С. 143-153.

Зубова А.В., 2008б. К вопросу о реконструкции социальной структуры древних обществ по антропологическим и археологическим данным // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008.

Зубова А.В., 2008в. Локальные варианты ирменской культуры в свете одонтологических данных // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова // Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008в. С. 252-257.

Зубова А.В., 2008г. К вопросу о смешении автохтонных и мигрантных компонентов в процессе формирования антропологического состава населения Западной Сибири эпохи поздней бронзы // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург, 2008.

Зубова А.В., 2008д. К вопросу об адаптации у древнего населения Западной Сибири (андроновское время и эпоха поздней бронзы) // Актуальные направления антропологии. Сборник, посвященный юбилею академика РАН Т.А. Алексеевой. М.: Изд-во ИА РАН, 2008. С.117-122.

Зубова А.В., 2009а. Новосибирский локальный вариант кулайской культуры в свете антропологических данных // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. С. 208-211.

Зубова А.В., 2009б. Антропологический состав населения Новосибирского локального варианта кулайской культуры // Вестник антропологии. Вып. 17. М.: Проект-Ф, 2009. С.136-147.

Зубова А.В., 2009в. К вопросу о мумификации у раннескифского населения Тувы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С.267-269.

Зубова А.В., 2010. Население ямной культурно-исторической общности в свете одонтологических данных // ВИАЭ. № 13. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2010. С.85-95.

Зубова А.В., Поздняков Д.В., 2010. Обряд скальпирования у населения Западной Сибири скифского времени (по материалам памятников пазырыкской культуры Горного Алтая) // Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табарев А.В., Черемисин Д.В. Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразительных комплексов): Учеб. – метод. пособие. Новосибирск, 2010. С. 61 – 83.

Зубова А.В., Чикишева Т.А., 2010. Население андроновской культурно-исторической общности по одонтологическим данным // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 413-416.

Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 2009. Антропологическая характеристика населения городища Чича-I // Молодин В.И. и др. Чича - городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Том 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 78-107.

Зуев В.Ф., 1947. Описание живущих в Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // ТИЭ. 1947. Т.5. 96 с.

Зуев Ю.А., 1962. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР.. Т.15. Алма-Ата, 1962.

Иберла К., 1980. Факторный анализ. М.: Статистика, 1980. 398 с.

Ивановский А.А., 1905. Сургутские остяки (по материалам С.М.Чугунова) // РАЖ. 1905. № 3-4. С.167-197.

Ивановский А.А., 1907. Енисейские инородцы (бельтиры, койбалы, качинцы, сагаи, кызыльцы, мелецкие инородцы и сойоты. По материалам К.И.Горощенко) // РАЖ. 1907. № 1-2. С.165-223.

Игнатьев М.В., 1951. Анализ антропометрических данных, применяемых при построении стандартов // Теория и методы антропологической стандартизации применительно к массовому производству изделий личного пользования. М.: Изд-во МГУ, 1951. С. 14-71.

Игнатьев М.В., 1957. Биометрия в народно-хозяйственном применении антропологии // Советская антропология. 1957. № 2. С. 243-254.

Идес И., Бранд А., 1967. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М., 1967.

Исмагулов О., 1963. Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // ТИЭ. 1963. Т. 82. С. 65-95.

Исмагулов О., 1970. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Наука, 1970. 240 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 188 с.

Каменецкий И.С., 1970. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18-36.

Карачаров К.Г., Ражев Д.И., 2002. Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // ВААЭ. № 4. 2002. С. 137-140.

Ким А.Р., 1978а. Материалы к краниологии кызыльцев // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 208-216.

Ким А. Р., 1978б. Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1978. С. 151-163.

Ким А.Р., 1984. Материалы к краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 180-195.

Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1987. 17 с.

Ким А.Р., 1990. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. С. 249-260.

Ким А.Р., 1998. Барабинские татары // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 84-94.

Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., 2010. Компонентный состав населения андроновской (федоровской) культуры юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 122-142.

Кияткина Т.П., 1961. Черепа из могильника Арук-Тау (Таджикистан) // ТИЭ. 1961. Т. 71. С. 229-241.

Кияткина Т.П., 1968. Черепа эпохи бронзы с территории юго-западного Таджикистана // МИА. 1968. № 145. С. 168-182.

Кияткина Т.П., 1976. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976. 87 с.

Клейн Л.С., 1980. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Кемеров. ун-т, 1980. С. 30-36.

Книга Марко Поло, 1956. М., 1956.

Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П., Ражев Д.И., Шарапова С.В., 2006. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С.188-204.

Ковригин А.А., Ражев Д.И., 2007. Новые исследования грунтового могильника Куртугуз I // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.5. 2007. С.157-174

Козинцев А.Г., 1974. Статистические данные к проблеме происхождения типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 229-242.

Козинцев А.Г., 1977. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.

Козинцев А.Г., 1980. Концепция общего сродства в антропологии // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 26-69.

Козинцев А.Г., 1988. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука, 1988. 168 с.

Козинцев А.Г., Моисеев В.Г., 1995. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // ЭО. 1995. № 4. С. 81-88.

Козинцев А.Г., Моисеев В.Г., 2001. Расогенез коренного населения. Рецензия // Этнографическое обозрение, № 1, 2001.

Кондукторова Т.С., 1956а. Материалы по палеоантропологии Украины: Палеоантропологический материал эпохи бронзы (Запорожская область). Палеоантропологический материал сарматского времени // ТИЭ. 1956. Т. 33. С. 166-203.

Кондукторова Т.С., 1956б. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка 1 // Советская антропология. 1956. Т. 1. № 2. С. 189-210.

Кондукторова Т.С., 1962. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. 1962. Вып. 11. С. 43-57.

Кондукторова Т.С., 1964. Населения Неаполя Скіфського за антропологічними даними // МАУ. 1964. Вып. 3. С. 32-71.

Кондукторова Т.С., 1971. Пізніі скіфи на нижньому Дніпрі (за антропологічними матеріалами Золотобалківського могильника) // МАУ. 1971. Вып. 5. С. 60-72.

Кондукторова Т.С., 1972. Антропология древнего населения Украины. М.: Изд-во МГУ, 1972. 156 с.

Кондукторова Т.С., 1973. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 126 с.

Кондукторова Т.С., 1979. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.: Наука, 1979. 128 с.

Конигов Б.А., 1982. Культура таежного Прииртышья VI-XIII вв. н.э.: Автореф. дис. канд. ... ист. наук. Новосибирск, 1982. 17 с.

Конигов Б.А., 1993. Таежное Прииртышье в X-XIII вв. н.э. Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 1993. 224 с.

Конигов Б.А., 1994. Омская стоянка – выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. 1994. № 4. С. 107-116.

Конигов Б.А., 1996. Десять тысяч лет среднеиртышскому искусству. Омск, 1996. 60 с.

Конигов Б.А., Шван Ф.Д., 1983. Исследования Кипских курганов (о времени тюркизации таежного Прииртышья) // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Ом. ун-т, 1983. С. 46-59.

Корякова Л.Н., 1979. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка // СА. 1979. № 2. С. 191-206.

Корякова Л.Н., 1981. Хронология погребений саргатской культуры // ВАО. 1981. Вып. 15. С. 103-109.

Корякова Л.Н., 1982. Из истории изучения саргатской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 113-124.

Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 241 с.

Корякова Л.Н., 1991а. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века): Препринт. Екатеринбург: УрО АН СССР, Урал. ун-т, 1991. 53 с.

Корякова Л.Н., 1991б. Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск: Ом. ун-т, 1991. С. 3-8.

Корякова Л.Н., 1991а. Поселения и жилища Тоболо-Иртышской лесостепи // ОКНЗС. Т. 1. Кн. 1. Поселения и жилища. 1994. С. 259-275.

Корякова Л.Н., 1994б. Урало-Иртышская лесостепь // ОКНЗС. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. 1994. С. 113-169.

Корякова Л.Н., 1997. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. С. 138-154.

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю., 1988. Поселение Ипкуль 15 — памятник переходного периода от раннего железного века к

средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. С. 117-128.

Корякова Л.Н., Попова С.Н., 1987. К вопросу о сравнении саргатской и савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1987. С. 37-45.

Корякова Л.Н., Сергеев А.С. 1986. Географический аспект хозяйственной деятельности населения саргатской культуры // ВАН. 1986. Вып. 18. С. 90-98.

Косарев М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.

Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.

Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 246 с.

Косарев М.Ф., 1987а. Историко-географический очерк и история археологического изучения бронзового века Восточного Зауралья и Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С.248-251.

Косарев М.Ф., 1987б. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С.252-267.

Косарев М.Ф., 1987в. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С.267-275.

Косарев М.Ф., 1987г. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С.276-288.

Косарев М.Ф., 1987д. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железнному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С.289-304.

Косарев М.Ф., 1987е. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С.314-317.

Косинская Л.Л., 1974. Обследование неолитических поселений по Ишиму и Иртышу // ИИС. 1974. Вып. 15. С. 28-38.

Круц С.И., 1984. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья. Киев: Наукова Думка, 1984. 208 с.

Курто П., Ражев Д.И., 1987. Люди // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. С. 86-113.

Лакин Г.Ф., 1980. Биометрия. М.: Высшая школа, 1980. 293 с.

Левин М.Г., 1941. Краниологический тип хантэ и манси // КСИМАНГУ. 1941. С.27, 37-38.

Левин М.Г., 1954. К антропологии Южной Сибири // КСИЭ. 1954. Вып.20. С.17-26.

Левин М.Г., 1958. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. 1958. Т.36. 360 с.

Лепёхин И.И., 1805. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч.4. СПб., 1805. 458 с.

Лепёхин И.И., 1814. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч.3. СПб., 1814.

Липтак П., 1950. Материалы по краниологии хантов // Acta ethnographica Acad. sci. hung. 1950. Т.1. Fasc. 1-4. Р. 197-230.

Лукина Н.В., 1985. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 364 с.

Львов Ю.А., 1979. Болотный процесс как фактор обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 12-18.

Львова Э.Л., 1991. Сложение культурно-хозяйственного типа и формирование чулымско-тюркского этноса // Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 96-105.

Малиев Н.М., 1872. Отчёт о вогульской экспедиции // Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те. Т.3. № 2. Казань, 1872.

Малиев Н.М., 1874. Материалы для сравнительной антропологии // Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те. Т.4. № 2. Казань, 1874.

Малиев Н.М., 1901. Вогулы // РАЖ. 1901. № 1. С.73-81.

Малолетко А.М., 1999. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 1. Предыстория человека и языка. Уральцы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 281 с.

Мамонова Н.Н., 1973. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 18-28.

Мамонова Н.Н., 1974. К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемуховая падь) // Расо-генетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 201-228.

Мамонова Н.Н., 1980. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 64-88.

Марк К.Ю., 1956. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С.219-242.

Марк К.Ю., 1964. Антропология волжских и пермских финно-угорских народов // Труды VII МКАЭН. М.: Наука, 1964.

Марк К.Ю., 1974. Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С.11-18.

Марк К.Ю., 2000. Антропология пермских финнов в связи с вопросами их происхождения // Антропология современных финно-угорских народов. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 153-164.

Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово: Кемеров. ун-т, 1986. 144 с.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1985. Саргатский могильник у д. Тютрина (по раскопкам 1981 г.) // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 69-76.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1991а. Савиновский могильник саргатской культуры: Препринт. Тюмень: ИПОС СО АН СССР, 1991. 54 с.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1991б. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Тюмен. ун-т, 1991. С. 104-139.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1996. Раскопки могильников раннего железного века на Исети // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Тюмен. ун-т, ИПОС СО РАН, 1996. С. 3-19.

Матвеева Н.П., 1985. К вопросу о хронологии саргатских могильников Среднего Притоболья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Тюмен. ун-т, 1985. С. 69-81.

Матвеева Н.П., 1987. О происхождении саргатской культуры в Среднем Притоболье // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 29-31.

Матвеева Н.П., 1988. О периодизации саргатских поселений Среднего Притоболья // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск: Наука, 1988. С. 65-73.

Матвеева Н.П., 1989. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюмен. ун-т, 1989. С. 77-103.

Матвеева Н.П., 1993а. Абатский-1 курганный могильник саргатской культуры: Препринт. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 77 с.

Матвеева Н.П., 1993б. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П., 1995. Край в раннем железном веке и средневековье // История Курганской области. Курган: Кург. гос. пед. ин-т, 1995. Т.1. С. 76-102.

Матвеева Н.П., 1998. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (Ранний железный век лесостепи и подтаежных зон): Автореф. дис. ...доктора ист. наук. Новосибирск, 1998. 46 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В., 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.

Медникова М.Б., 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палео-экологическая реконструкция по данным антропологии. М., 1995. 216 с.

Миддендорф А.Ф., 1878 . Путешествие на север и восток Сибири. Ч.2. СПб., 1878. С.619-833.

Миклашевская Н.Н., 1959. Краниология киргизов // ТКАЭЭ. 1959. Т.2. С. 266-294.

Миллер Г.Ф., 1937. История Сибири. Кн.1. М.-Л., 1937. 607 с.

Миллер Г.Ф., 1941. История Сибири. Кн.2. М.-Л., 1941. 638 с.

Могильников В.А., 1964.Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби // Археология и этнография Башкирии. Т.2. Уфа, 1964. С.265-270.

Могильников В.А., 1968. Лесные племена Прииртышья и Нижнего Приобья в I — начале II тыс. н.э. // История Сибири. Т.1. Л.: Наука, 1968. С.303-306.

Могильников В.А., 1968а. Культура племен лесного Прииртышья IX-начала XIII вв. н.э. // Учен. зап. Перм. ун-та. № 191. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. С.269-291.

Могильников В.А., 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 172-190.

Могильников В.А., 1972а. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы хронологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 66-86.

Могильников В.А., 1972б. Коконовские и саргатские курганы – памятники эпохи раннего железа в западносибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 119-133.

Могильников В.А., 1972в. Раскопки 1967 г. в Коконовке // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 134-149.

Могильников В.А., 1980. О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Кемеров. ун-т, 1980. С. 41-50.

Могильников В.А., 1981а. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // ВАН. 1981. Вып. 15. С. 100-103.

Могильников В.А., 1981б. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 45-46.

Могильников В.А., 1983. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 77-89.

Могильников В.А., 1985. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII – VI вв. до н.э. // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 3-7.

Могильников В.А., 1987. Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири в эпоху железа // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С.109-113.

Могильников В.А., 1989. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века в лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюмен. ун-т, 1989. С.62-77.

Могильников В.А., 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274-311.

Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: Пущинский науч. центр РАН, 1997. 195 с.

Моисеев В.Г., 1997. Краниологические особенности уралоязычных народов в связи с вопросами их происхождения: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.

Моисеев В.Г., 1999. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999. 133 с.

Моисеев В.Г., Козинцев А.Г., 1998. Антропологическое своеобразие уралоязычных народов // ЭО. 1998. № 2. С.140-150.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Колонцов С.В., 1984. Туруновка 4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С.77-79.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., 1988. Этнокультурная история Барабы в средние века // Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. С. 164-169.

Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988. Курганный могильник Преображенка-3 — памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 125-206.

Морев Ю.А., 1979. К исторической интерпретации некоторых тюрко-селькупских фонологических параллелей // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. обл. конференции. Омск: Ом. ун-т, 1979. С.241-245.

Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Мошкова М.Г., Генинг В.Ф., 1972. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 87-118.

Мурашко О.А., Ефимова С.Г., 1981. К вопросу об этнической интерпретации материалов из могильника Халас-Погор // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С.175-177.

Мурашко О.А., Мовсесян А.А., 1983. О самодийском компоненте в материалах "остяцкого" могильника Халас-Погор // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. обл. науч. конф. по археологии. Омск: Ом. ун-т, 1983. С.39-43.

Мюллер П., Нойман П., Шторм Р., 1982. Таблицы по математической статистике. М.: Финансы и статистика, 1982. 272 с.

Новицкий Г., 1884. Краткое описание о народе Остячком. СПб., 1884.

Носилов К.Д., 1890. Антропологический очерк вогулов // Известия ОЛЕАЭ. Т.49. Вып. 5. М, 1890.

Ошуркова С.В., Томилов Н.А., 1983. Самодийско-тюркские связи по данным одонтологии сибирских татар // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. обл. науч. конф. по археологии. Омск: Ом. ун-т, 1983.. С.50-54.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, 1998. Т.4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 354 с.

Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. 624 с.

Патканов С.К., 1912. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Сводные таблицы и краткие выводы. Т.1. СПб., 1912. 174 с.

Патканов С.К., 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. 2. 432 с.

Пелих Г.И., 1972. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.

Плетнева Л.М., 1977. Томское Приобье в конце VIII –III в. до н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.141 с.

Плетнева Л.М., 1984. Погребения IX-X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64-87.

Плетнева Л.М., 1990. Томское Приобье в позднем средневековье. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 132 с.

Плетнева Л.М., 1997. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 351 с.

Плохинский Н.А., 1970. Биометрия. М.: Изд-во МГУ, 1970. 367 с.

Погодин Л.И., 1991. Проблемы хронологии саргатских памятников в связи с особенностями организации военного дела // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск: Ом. ун-т, 1991. С. 20-24.

Погодин Л.И., 1992. О «дополнительных» критериях при изучении социальной структуры древних обществ // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск: Ом. ун-т, 1992. С. 58-60.

Погодин Л.И., Труфанов А.Я., 1991. Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Ом. ун-т, 1991. С. 98-127.

Полосьмак Н.В., 1981. Саргатские курганы у г.Куйбышева (лесостепная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С.69-83.

Полосьмак Н.В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Полосьмак Н.В., Чижишева Т.А., Балужева Т.С., 1989. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

Поляков И.С., 1878-1879. Письмо о содействии Выставке // Известия ОЛЕАЭ. Т.31. М., 1878-1879.

Поляков И.С., 1884. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. Т.9. Западная Сибирь. СПб.-М., 1884.

Потапов Л.П., 1953. Очерки по истории алтайцев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Потапов Л.П., 1957. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 308 с.

Потапов Л.П., 1969. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 196 с.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Радлов В.В., 1868. Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1868. 712 с.

Радлов В.В., 1989. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 749 с.

Ражев Д.И., 1996. Комплекс остеологических признаков всадников // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Изд-во "Рифей", 1996. С. 251-258.

Ражев Д.И. 2003 Погрешность измерения длины костей и реконструкция ширины плеч // ВАН. Вып. 10. М., 2003. С. 198-203.

Ражев Д.И., 2005а. Погребение 3 могильника Куртугуз 1 // Урал в прошлом и настоящем. Зеленный Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.

Ражев Д.И., 2005б. Антропологические исследования // Зеленный Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2005. С. 149-180.

Ражев Д.И., 2005в. Мумии и мумификация // Зеленный Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2005. С. 181-196.

Ражев Д.И., 2006. Случаи черепных травм средневекового населения Западной Сибири // ВАН. Вып. 14. 2006. С.98-101.

Ражев Д.И., 2009. Биоантропология саргатской общности. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2009. 492 с.

Ражев Д.И., Епимахов А.В. 2004 Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // ВААЭ. №5. 2004. С. 107-113.

Ражев Д.И., Косинцев П.А., Кузьмин Я.В., 2010 Плейстоценовая таранная кость (os talus) человека с местонахождения Байгара (центр Западной Сибири) // ВААЭ. 2010. № 1 (12) с. 119-131.

Ражев Д.И., Курто П., Зайцева О.В. Бескурганное погребение Сопининского могильника: анализ с позиций полевой антропологии // ВААЭ. №6, 2005. С.148-152.

Ражев Д.И., Рыкун М.П., Святова Е.О., 2011. Стоматологическое здоровье средневекового населения лесной зоны Западной Сибири // ВААЭ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 13. С.

Ражев Д.И., Святова Е.О., 2005. Палеодемографический анализ кладбища нового времени г. Верхотурья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Ом. ун-т, 2005. С.180-190.

Ражев, Д.И., Святова Е.О., 2006. Опыт описания и интерпретации множественных переломов ребер (при палеоантропологическом анализе) // ВАН. Вып. 14. 2006. С.268-282.

Рогинский Я.Я., 1934. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья // АЖ. 1934. № 3. С. 105-126.

Рогинский Я.Я., 1954. Величина изменчивости измерительных признаков и некоторые закономерности их корреляции у человека // Учен. зап. МГУ. 1954. Вып.166. С.57-92.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1955. Основы антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1955. 503 с.

Розов Н.С., 1947. Черепа из курганов Басандайки // Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1947. С.175-181.

Розов Н.С., 1955. Материалы по краниологии селькупов (в связи с вопросом о их происхождении) // Юбилейная научная сессия, посвященная 150-летию МОИП. М.: Изд-во МГУ, 1955. С. 156-157.

Розов Н.С., 1956а. Антропологические материалы из неолитического Кузнецкого могильника // Труды Томск. гос. ун-та. 1956. Т.133. С.193-203.

Розов Н.С., 1956б. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // ТИЭ. 1956. Т.33. С. 340-373.

Розов Н.С., 1957. Антропологические типы Сибири // Доклады VII научной конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1957. Вып. 3. С.12-13.

Розов Н.С., 1958. Антропологический состав древнего населения Средней Оби (селькупов) // УЗ ТГУ. 1958. № 32. С. 144-151.

Розов Н.С., 1961а. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // ВА. 1961. Вып. 6. С. 71-91.

Розов Н.С., 1961б. Материалы по антропологии населения Причулымья // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. С.387-396.

Розов Н.С., Дремов В.А. Материалы по палеоантропологии Среднего Приобья VIII-X вв. // СЭ. 1966. № 5. С. 125-131.

Ромбандеева Е.И., 1973. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 208 с.

Рождественский А.Г., 1887. Величина головы человека в её зависимости от роста, пола, возраста и расы // Известия ОЛЕАЭ. 1887. Т.90.

Руденко С.И., 1914. Антропологические исследования инородцев северо-западной Сибири // Записки АН по физ.-мат. отделению. Т.33. № 3. Птг., 1914. 140 с.

Рудь Н.М., 1981. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1981. С. 71-93.

Рыкун М.П., 1997. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // ВА-АЭ. 1997. Вып. 1. С. 75-62.

Рыкун М.П., 1998. Роль смешения европеоидных и монголоидных компонентов в генезисе коренного населения // ОКНЗС. Т. 4. Расогенез коренного населения. 1998. С. 286-292.

Рыкун М.П., 1999а. Материалы к краниологии населения Северного Алтая раннего железного века (каменная культура) // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 78-86.

Рыкун М. П., 1999б. О реконструкции этногенетических процессов эпохи раннего железа в Верхнем Приобье // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Москва, 1999.С. 116.

Рыкун М.П., 2001а. Антропологические исследования в проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Некоторые итоги // Историческая наука на рубеже веков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 131-135.

Рыкун М. П., 2001б. Антропологические исследования // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 11-14.

Рыкун М. П., 2001в. Дремов Владимир Анатольевич // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 50-51.

Рыкун М. П., 2001г. Ким Аркадий Романович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 69-70.

Рыкун М. П. Розов Николай Сергеевич // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2001е. С. 118-119.

Рыкун М. П., 2001д. К вопросу о происхождении населения Верхнего Приобья раннего железного века (по материалам могильника Камень–2) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 301-303.

Рыкун М. П., 2001е. О расогенетических связях населения Верхнего Приобья в эпоху раннего железа // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Наальчик, 20-23 сентября, 2001год. М.: Изд-во: Участок оперативной полиграфии ИЭА РАН, 2001. С. 66-67.

Рыкун М.П., 2003а. К истории антропологических исследований в Томском государственном университете // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. Москва, 2003. С. 279-290.

Рыкун М. П., 2003б. Материалы по антропологии древнего населения лесостепного Приобья (ранний железный век) // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. С. 247-251.

Рыкун М.П., 2004. Палеоантропологические данные к проблеме происхождения населения каменной культуры (ранний железный век) // Экология и демография человека в прошлом и настоящем (Третьи антропологические чтения к 75-летию академика В.П. Алексеева). М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. С.210-212.

Рыкун М.П., 2005а. Краниологические данные о происхождении каменной культуры // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 196-198.

Рыкун М.П., 2005б. Палеоантропологические материалы кабинета антропологии ТГУ как источник междисциплинарных исследований истории древних обществ // Конференция «Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. К 120-летию Музея археологии и этнографии Сибири томского государственного университета». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 39.

Рыкун М.П., 2006. Исследования томского антрополога Н.С. Розова // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. С.-Пб, 2006. С. 173-176.

Рыкун М.П., 2007. Специфика повреждений черепов из некрополей каменной культуры // ВАН. Вып. 15, ч. II. Москва, 2007. С.349-357.

Рыкун М.П., 2008а. Антропологические исследования в Томском государственном университете: традиции и персоналии // Вестник Томского государственного университета. № 313, август, 2008. С. 94-100.

Рыкун М.П., 2008б. Кабинету антропологии Томского государственного университета 50 лет: история, персоналии, перспективы // Вестник ТГУ. История. Научный журнал. 2008. № 3 (4). С. 13-19.

Рыкун М.П., 2008в. Результаты исследований краниологических коллекций кабинета антропологии ТГУ на предмет боевого травматизма у населения каменной культуры // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Вып. 2. Томск: Том. ун-т, 2008. С. 183-191.

Рыкун М.П., 2009. Эпистолярное наследие учёных, как ценный источник по истории отечественной антропологии (письма В.П. Алексеева к Н.С. Розову 1950-1980гг.) // ВАН. Вып.17. М.: Проект-Ф, 2009. С. 33-49.

Рыкун М. П. , Боброва А. И., 1998. Штрихи к биографии (Памяти А.Р. Кима) // Из истории Сибири. 30-летию лаборатории. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1998. С.29-45.

Рыкун М.П., Боброва А.И., 2007а. Состояние здоровья тискинской группы населения на основе маркеров физиологического стресса по краниологическим материалам // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 370-376.

Рыкун М.П., Боброва А.И., 2007б. Специфика антропологических источников и проблемы их сохранения и использования в комплексных исследованиях // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Томск: Том. ун-т, 2007. С. 109-114.

Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., 2008. Современные подходы к систематизации краниологических коллекций. Традиции и инновации // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: АлтГУ, 2008 С. 57-64.

Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., 2010. Изучение географической изменчивости антропологических признаков с помощью геоинформационных подходов // Человек: его биологическая и социальная история. IV Алексеевские чтения. Том. 2. М., 2010. С. 177-181.

Рыкун М.П., Кравченко Д.Г., Кравченко Г.Г., 2008. Антропологические источники и информационные технологии в изучении коренного населения Сибири // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Томск: Том.ун-т, 2008. С.246-251.

Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Кравченко Д.Г., 2009. Фонды и Краниологические коллекции кабинета антропологии ТГУ как основа изучения межэтнических контактов и расового смешения в Западной Сибири // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления, Оренбург, 1 – 5 июля 2009. С. 161.

Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Кравченко Д.Г., 2010. Современные средства систематизации фондов кабинета антропологии Томского госу-

дарственного университета как основа междисциплинарных исследований // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 431-434.

Рыкун М.П., Галушин А.А., Кравченко Г.Г., Кравченко Д.Г., 2009. Геоинформационные технологии в антропологии // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. Вып. 1. С. 35-38.

Рыкун М.П., Кравченко Г. Г., Кравченко Д.Г., Новосёлова Т.В., 2007. Банк данных кабинета антропологии Томского государственного университета – средство интеграции при реконструкции этнокультурных процессов // Интеграция археологических и этнографических исследований Одесса; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 376-380.

Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Кравченко Д.Г., Степанов В.А., Марусин А.В., Новосёлова Т.В., 2005. Создание банка данных кабинета антропологии Томского государственного университета // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005. СПб: МАЭРАН, 2005. С. 396.

Рыкушина Г.В., 1976. Антропология эпохи энеолита-бронзы Красноярского края // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М.: Наука, 1976. С. 187-201.

Рыкушина Г.В., 1980. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 47-63.

Рындина О.М., 1995. Орнамент // ОКНЗС. Т. 3. 1995. 640 с.

Рычков Ю.Г., 1961. Материалы по антропологии западных тунгусов // ТИЭ. 1961. Т. 71. С.242-268

Рычков Ю.Г., 1965. Особенности серологической дифференциации народов Сибири // ВА. Вып. 21. С.18-33.

Рычков Ю.Г., 1969а. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М.: Изд-во МГУ, 1969. 223 с.

Рычков Ю.Г., 1969б. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири // ВА. 1969. Вып. 33. С.16-33.

Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева А.В., Волкова Т.В., Башлай А.Г., 1969. К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны (Материалы Сибирской антрополого-генетической экспедиции // ВА. 1969. Вып. 31. С. 3-32.

Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.

Сальников К.В., 1947. Городище Чудаки Челябинской области // СА. 1947. № 9. С. 221-238.

Сальников К.В., 1966. Об этнической принадлежности населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. 1966. № 5. С. 118-124.

Сальников К.В., 1967. Очерк древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Сатлаев Ф.А., 1974. Кумандинцы. Горно-Алтайск: Алтайск. кн. изд-во, 1974. 200 с.

Селезнев А.Г., 1994. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.

Силинич И.П., 1904. Вогулы // РАЖ. 1904. № 3-4. С.94-115.

Силинич И.П., 1916. К вопросу об антропологическом типе населения Северо-Западной Сибири // РАЖ. 1916. Кн.39-40. С. 67-92.

Синельников Н.А., 1911. Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В.И.Анучина // Труды Антропологического отдела ОЛЕАЭ. Т.28. Вып.1.(Т.124). М., 1911.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

Советский Союз., 1971. Российская федерация. М.: Мысль, 1971. 430 с.

Соколова З.П., 1970. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М.: Наука 1970. С.103-153.

Соколова З.П., 1975. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 186-210.

Соколова З.П., 1978. Развитие этнических связей хантов и манси во второй половине XIX-XX вв. // Современные этнические процессы в Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 50-60.

Соколова З.П., 1979а. К происхождению современных манси // СЭ. 1979. № 6. С. 46-58.

Соколова З.П., 1979б. Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII – XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 112-130.

Соколова З.П., 1981. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX-XX в. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 50-60.

Соколова З.П., 1982. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука., 1982. С. 8-47.

Соколова З.П., 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII-XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983.. 328 с.

Соколова З.П., 1990. Эндогамный ареал и этническая группа: на материалах хантов и манси. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1990. 210 с.

Солодовников К.Н., 2003. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. № 10. С. 3-27.

Солодовников К.Н., 2005а. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования

населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // ВААЭ. Вып. 6. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. С. 127-147.

Солодовников К.Н., 2005б. Антропологические материалы из могильника Сальдяр I в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 120-154.

Солодовников К.Н., 2006. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 25 с.

Солодовников К.Н., 2007. К вопросу о роли европеоидного компонента в расогенезе населения Алтае-Саянского нагорья эпохи ранней и развитой бронзы // Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 145-150.

Солодовников К.Н., 2009. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // ВАН. Вып. 17. М.: Проект-Ф, 2009. С. 117-135.

Солодовников К.Н., 2010а. Еще раз о морфологической характеристике населения эпохи бронзы Восточного Туркестана (могильник Гумугоу, Синьцзян) // ВАН. Вып. 18. М., 2010.

Солодовников К.Н., 2010б. Череп из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катуни // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010б. С. 233-244.

Сотникова С.В. К вопросу об алакульской традиции на территории Западной и Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1988. - С. 76-78.

Спицын В.А., 1974. К исследованию полиморфизма сывороточных групп крови у народов Сибири. Гаптоглобины // Антропология и география. М.: Наука, 1974. С.161-174.

Стефанов В.И. Куртугуз 1 — могильник раннего железного века Среднего Зауралья // Урал в прошлом и настоящем. - Екатеринбург: НИ-СО УрО РАН, БКИ, 1998. - Ч. 1. - С. 112-116.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. - С. 238-253.

Стоянов В.Е. О могильниках Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век) // ВАУ. - 1973. - Вып. 12. - С. 44-57.

Сурнина Т.С. Палеоантропологические материалы из Волненского неолитического могильника // ТИЭ. – 1961. – Т. 71. – С. 3-25.

Татищев В.Н., 1950. Избранные труды по географии России. М., 1950.

Тегакко Л.И., 1979. Антропологические данные к этногенезу хакасов: (дерматоглифика и одонтология) // Этногенез и этническая история тюр-

кочевых народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов. Омск: Омск. ун-т, 1979. С.15-17.

Терёшкин Н.И., 1961. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. I. Ваховский диалект. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 204 с.

Терёшкин Н.И., 1966. Хантыйский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. С.376-395.

Терёшкин Н.И., 1981. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 542 с.

Терещенко Н.М., 1957. К вопросу о взаимоотношении самодийских языков с языками других групп // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С.101-103.

Терещенко Н.М., 1971. К сравнительному изучению лексики самодийских языков // Советское финно-угроведение. № 4. Таллин, 1971. С.285-297.

Терещенко Н.М., 1973. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.

Тизенгаузен В., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. С.-Пб, 1884.

Томилов Н.А., 1981. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. - 276 с.

Томилов Н.А., 1983. Казахи Западной Сибири в конце XVI — первой четверти XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Омск. ун-т, 1983. С.68-86.

Томтосова Л.Ф., 1980. Новые материалы по краниологии современных якутов // СМАЭ. 1980. Т. 36. С. 121-129.

Тот Т., Фирштейн Б.В., 1970. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. 203 с.

Троицкая Т.Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 125 с.

Троицкая Т.Н., 1981. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: Автореф. дис. ...доктора ист. наук. Новосибирск, 1981. 38 с.

Троицкая Т.Н., 1994. Лесостепное Приобье // ОКНЗС. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. 1994. С. 169-184.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994. Большереченская культура Новосибирского Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Трофимова Т.А., 1947. Тобольские и барабинские татары. Антропологический очерк // ТИЭ. 1947. Т.1. С.194-215.

Трофимова Т.А., 1961. Черепа из могильника тазабагыябской культуры Кокча 3 // Могильник бронзового века Кокча 3. М.: Наука, 1961. С. 97-146.

Трофимова Т.А., 1968. Ещё раз о черепахах из Луговского могильника ананьинской культуры (в связи с вопросом о низколицем монголоидном

типе в Сибири) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С.51-91.

Трофимова Т.А., 1974. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-Гыр (Юго-западное Приаралье) // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 154-178.

Трофимова Т.А., 1979. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 10-15.

Трофимова Т.А., Чебоксаров Н.Н., 1941. Северо-уральская экспедиция музея антропологии МГУ // КСИМАНГУ. 1941. С. 67-72.

Труфанов А.Я., 1986. К вопросу о происхождении саргатской культуры // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск: Ом. ун-т, 1986. С. 55-64.

Тумашева Д.Г., 1968. Язык сибирских татар. Ч.2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. 184 с.

Тумашева Д.Г., 1977. Диалекты сибирских татар. Казань: Изд-во Казан ун-та, 1977. 295 с.

Тумашева Д.Г., 1984. Языковые связи сибирских татар // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов обл. научн. конф. по лингвистике. Омск: Омск. ун-т, 1984.. С.38-42.

Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В., 1983. Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Ом. ун-т, 1983. С.12-25.

Тур С.С., 1996. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1996. С. 237-249.

Тур С.С., 1997а. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 25 с.

Тур С.С., 1997б. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. С.136-147.

Тур С.С., 2001. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII-VI вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. Вып.7. С.67-82.

Тур С.С., 2003. Антропологический состав населения Средней Катунь скифского времени (внутригрупповой анализ) // Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.2. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. С. 137-169.

Тур С.С., 2005. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С.35-47.

Тур С.С., 2006. Палеоэкология населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч.1. Барнаул, 2006. С.60-113.

Тур С.С., 2008. Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Известия Алтайского государственного университета. 4/2. 2008. С.191-198.

Тур С.С., 2009. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Известия Алтайского государственного университета, 2009. 4/2. С. 228-235.

Тур С.С., 2010. Индикаторы диеты и механического стресса в зубочелюстной системе скотоводов Алтая скифского времени // Человек: его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П.Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). М., 2010. Т.2. С.112-116.

Тур С.С., 2011. Краниоскопическая характеристика носителей андроновской культуры Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 1(45). 2011. С. 147-155.

Тур С.С., Рыкун М.П., 2004. Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая № 12. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004. С.32-49.

Тур С.С., Рыкун М.П., 2006а. Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // ВАН. Вып. 14. Москва, 2006. С.102–108.

Тур С.С., Рыкун М.П., 2006б. Палеоэкология населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Часть 1: Монография / А.П. Погожева, М.П. Рыкун, Н.Ф. Степанова, С.С. Тур. Барнаул, 2006. С. 60-115.

Тур С.С., Рыкун М.П., 2007. Краниологические материалы андроновской культуры Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 6. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. С.44-52.

Тур С.С., Рыкун М.П., 2008. Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Известия Алтайского государственного университета. Серия история. № 4/2, 2008. С. 191-198.

Тур С.С., Солодовников К.Н., 2005. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 35-47.

Уманский А.П., 1972. Телеуты и сибирские татары в XVII в.: Очерк внешнеполитических сношений // Учен. зап. Барнаула. пед. ин-та. 1972. Т.18. С.103-143.

Уманский А.П., 1980а. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет. Барнаул: Алтайск. ун-т, 1980. С. 51-53.

Уманский А.П., 1980б. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

Урбах В.Ю., 1963. Математическая статистика для биологов и медиков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 323 с.

Фаттахов Р.М., 1981. Краниологическая характеристика материалов из могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1981. С. 94-109.

Федосова В.Н., 1992. Антропологическая палеоэкология и проблемы эпохальной изменчивости // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М.: Ин-т археологии РАН, 1992. С. 51-78.

Фирштейн Б.В., 1961. Савроматы Нижнего Поволжья // ТИЭ. 1961. Т. 71. С. 53-81.

Фишер И.-Э., 1774. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб, 1774.. 631 с.

Флоринский В.М., 1888. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. 275 с.

Флоринский В.М., 1890. Двадцать три черепа Томского археологического музея // Известия Том. ун-та. Кн.2. Томск, 1890.

Хайду П., 1985. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 432 с.

Халдеева Н.И., 1984. Распределение одонтологических признаков среди татарских групп и телеутов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Омск. ун-т, 1984. С.30-32.

Халдеева Н.И., 1992. Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: Баш. науч. центр УрО РАН, 1992. С. 34-50.

Хартанович В.И., 1980. Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова // СМАЭ. 1980. Т. 36. С. 35-47.

Хартанович В.И., 1986. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С.63-120.

Хартанович В.И., Чистов Ю.К., 1984. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато (применение двух моделей факторного анализа в краниологическом исследовании) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С.74-105.

Хелимский Е.А., 1982. Древнейшие венгерско-самодийские параллели. М.: Наука. 164 с.

Хить Г.Л., 1973. Дерматоглифическая дифференциация населения СССР: (Доклады советской делегации на IX МКАЭН в Чикаго, 1973). М.: Наука, 1973. С.1-20.

Хить Г.Л., 1979. Расогенетические связи населения Алтае-Саян по данным дерматоглифики // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Омск. ун-т, 1979. С.17-19.

Хить Г.Л., 1982. Дерматоглифика // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С.69-77.

Хить Г.Л., 1983. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука, 1983. 280 с.

Хить Г.Л., 1984. Таксономическое положение тюрков Сибири в дерматоглифической систематике монголоидных популяций // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Омск. ун-т, 1984. С.3-4.

Хить Г.Л., Томилов Н.А., 1981. Формирование татар Сибири по данным антропологии и этнографии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С.177-178.

Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г., 1996. Угры Оби и уральская раса: дерматоглифический аспект // ВАН. 1996. Вып. 2. С. 111-128.

Ходжайов Т.К., 1987. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент: Фан, 1987. 208 с.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Азии. М.: Наука, 1977. 200 с.

Храмова В.В., 1956. Западно-сибирские татары // Народы Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С.473-491.

Чебоксаров Н.Н., 1951. Основные принципы антропологических классификаций // ТИЭ. 1951. Т.16. С.291-322.

Чебоксаров Н.Н., Трофимова Т.А., 1941. Антропологическое изучение манси // КСИИМК. 1941. Вып.9. С.28-37.

Чернецов В.Н., 1937. Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч.1. М.-Л., 1937. С. 163-192.

Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. Вып. 35. С. 7-71.

Чикишева Т.А., 1982. Изучение связи антропологических особенностей населения с экологическими условиями среды. Автореф. дис. ...канд. биол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1982. 23 с.

Чикишева Т.А., 1991. Палеоантропологические находки неолитического времени с территории Среднего Зауралья // Известия СО АН СССР.

Серия истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука, 1991. Вып. 2. С. 56-60.

Чикишева Т.А. 2000. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 131-147.

Чикишева Т.А., Ким А.Р., 1988. Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. С. 129-163.

Чикишева Т.А., Губина М.А., Зубова А.В., 2010. Население Алтая IV – II тыс. до н.э. по совокупности антропологических и палеогенетических данных // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). М.-Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. Т.1.С. 62-66.

Чиндина Л.А., 1975. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // ИИС. 1975. Вып. 16. С.61-93.

Чиндина Л.А., 1977. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 191 с.

Чиндина Л.А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 183 с.

Чиспияков Э.Ф., 1986. К вопросу о формировании диалектной системы шорского языка // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С.55-62.

Членова Н.Л., 1966. Взаимодействие степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1996. С.212-228.

Чугунов С.М., 1890. Антропологический очерк остяков Сургутского края // Сибирский вестник. №№ 85, 88, 90, 114. Томск, 1890.

Чугунов С.М., 1894а. Материалы для остеологии остяков // Известия Том. ун-та. 1894. Кн.6. С.176-234.

Чугунов С.М., 1894б. Курганный скелет с р.Яи // Известия Том. ун-та. 1894. Кн.6.

Чугунов С.М., 1894в. Скелет из кургана близ с. Новоильинского на р.Оби // Известия Том. ун-та. 1894. Кн.6. С.148-155.

Чугунов С.М., 1894г. Курганы близ деревни „Казанские юрты” на берегу Томи // Известия Том. ун-та. 1894. Кн.6.

Чугунов С.М., 1894д. Татарский и два башкирских черепа от трупов, поступивших в 1888 и 1891 гг. в Томский Анатомический Ин-т // Известия Том. ун-та. 1894. Кн.6.

Чугунов С.М., 1898а. О курганных искусственно деформированных черепах Сибири // Труды ОЛЕАЭ при Казан. ун-те. 1898. Т. 32. Вып. 3. С. 31-47.

Чугунов С.М., 1898б. Курганы близ с. Вороновского, Уртамской волости Томского округа // Известия Томского ун-та. 1898. Кн.14.

Чугунов С.М., 1899. Курганы Каинского округа Томской губернии // Известия Томского ун-та. 1899. Кн. 16. С. 174-192.

Чугунов С.М., 1901. Древнее кладбище подле деревни Чернильщиковой на правом берегу реки Томи Томского уезда // Известия Том. ун-та. 1901Кн. 18.

Чугунов С.М., 1902. Древнее кладбище близ г.Томска «Тоянов Городок» // Известия Том. ун-та. 1902. Кн 19.

Чугунов С.М., 1904. Старинное татарское и следы других кладбищ «юрточной» части г. Томска // Известия Том. ун-та. 1904. Кн. 24.

Чугунов С.М., 1905. Антропологический состав населения г.Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. Ч.1. Томск, 1905.

Шевченко А.В., 1980. Антропологическая характеристика черкаскульской культуры и вопросы ее расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 163-183.

Шевченко А.В., 1986. Антропология населения Южно-Русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121-216.

Шереметьева В.А., Рычков Ю.Г., 1978. Популяционная генетика народов Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1978.

Шлугер С.А., 1940. Антропологический тип ненцев (самоедов) в связи с вопросами этногенеза народов Севера. 1940. Рукопись. Архив Музея и Института антропологии при МГУ.

Шлугер С.А., 1941. Антропологическое исследование ненцев // КСИ-МАМГУ. 1941. С.23-26, 34-35.

Шнитников А.В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географического общества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 16. 335 с.

Штейниц В.К., 1937. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч.1. М.-Л., 1937. С.193-238.

Юсупов Р.М., 1989. Краниология башкир. Л.: Наука, 1989. 200 с.

Яблонский Л.Т., 1986. Древнейшее население Южного Приаралья // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. М.: Наука, 1986. С.79-122.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья. М.: Ин-т археологии РАН, 1996. 185 с.

Яблонский Л.Т., 1997. Арало-уральские этногенетические параллели в исторической ретроспективе // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Уфа: Восточный ун-т, 1997. Ч. 1. С. 62.

Яблонский Л.Т., 1999. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М.: Восточная литература, 1999. 326 с.

Ядринцев Н.М., 1882. Отчет о поездке в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катунь в 1880 г. // Западносибирский отдел Русского географического общества. Кн. 4. Омск, 1882.

Ядринцев Н.М., 1885. Алтай и его инородческое царство (очерки путешествия по Алтаю) // Исторический вестник. Т.20. М., 1885.

Якимов В.П., 1960. Антропологические материалы из неолитического могильника на южном Оленьем острове (Онежское озеро) // СМАЭ. 1960. Т. 19. С. 221-359.

Якимов В.П., 1961. Население европейской части СССР в позднем неолите и мезолите // ВА. 1961. Вып. 7. С.23-28.

Ярхо А.И., 1929. Пигментация волос, глаз и кожи у народностей Алтае-Саянского нагорья // РАЖ. 1929. Т.17. Вып. 3-4. С.24-58.

Ярхо А.И., 1930. Казахи русского Алтая // Северная Азия. Т.1-2. М., 1930.

Ярхо А.И., 1934. О некоторых вопросах расового анализа // АЖ. 1934. № 3. С.43-71.

Ярхо А.И., 1936. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924-1934) // АЖ. 1936. № 1. С.47-64.

Ярхо А.И., 1947. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан: Хакоблнэиздат, 1947. 148 с.

Alexeev V., 1965. Kraniologische Daten und die Entstehung der Völker des Altaj und Sajan // Antropologischer Anzeiger, Jahrgang 28. 1965. № 1. S. 54-61.

Baer K.M., 1845. Vergleichung eines von Herr Obrist Hoffmann mitgebrachten Karagassen — Schädeln mit dem von Herr Dr. Ruprecht mitgebrachten Samojeden-Schädel // Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. 1845. Т.3. № 12(60). S. 170-181.

Bagashev A.N., 1994. On the problems of Anthropology of West Siberian Populations during the Neolithic period // Journal of Korean Ancient Historical Society. Seoul, Korea. 1994. № 16. P. 171-198.

Bagashev A.N., 1999. The Racial Structure of West Siberia Ugrians // Europa et Sibiria. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. P. 41-47.

Bagashev A.N., Kim A.R., 1994. Craniology of Western and Southern Siberian Peoples // Journal of Korean Ancient Historical Society. Seoul, Korea. 1994. № 16. P. 347-365.

Bunak V. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. — 1932. - Bd.30. - № 3. - S.441-503.

Castrén M.A., 1853. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838-1844 // M.Alexander Castren's nordische Reisen und Forschungen. Bd.I. St.-Pb., 1853.

Castrén M.A., 1856. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849 // *M.Alexander Castren's nordische Reisen und Forschungen*. Bd.II. St.-Pb., 1856. 527 s.

Castrén M.A., 1857. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker // *M.Alexander Castren's nordische Reisen und Forschungen*. Bd.VI. St.-Pb., 1857. 257 s.

Collinder B., 1960. Comparative Grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960.

Courtaud P., Bruzek J., 2000. Aperçu de l'ethnogenèse des peuples de la Sibirie occidentale // *Bull. et Mem. de la Société d'anthropologie de Paris*. T. 12. 2000.

Dremov V.A., Kim A.R., 1985. Southern Ties of the Ob ugrians and samodians according to craniological Data // Шестой международный конгресс финно-угроведов: Тезисы. Этнография, археология, антропология. Т.4. Сыктывкар: Коми-филиал АН СССР, 1986. С.185.

Dulson A., 1971. Über die raumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den Volkstümgruppen // *Советское финно-угроведение*. VII. № 1. 1971. С.35-43.

Flower W.H., 1878. The native Races of the Pacific Ocean. London, 1878. 200 p.

Hilden K., 1920. Anthropologische Untersuchungen über die Eingeborenen des Russischen Altai // *Fennia*. T.42. Helsingfors, 1920.

Hilden K., 1938-1939. Notes on the physical Anthropology of the Ostjak-Samoleds based upon data Collected by Kai Donner // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. T.50. Helsinki, 1938-1939. P. 10-22.

Hrdlička A., 1942. Crania of Siberia // *American Journal of Physical Anthropology*. 1942. Vol. 29. № 4.

Hrdlička A., 1944. Catalog of human crania in the United States national museum collections. Non-Eskimo people of the Northwest, coast, Alaska and Siberia // *Proceedings of the United States national museum*. Washington. V. 94. 1944. P.1-172.

Knussmann R., 1967. Penrose-Abstand und Diskriminanzanalyse // *Homo*. 1967. Bd. 18. № 3. S. 134-140.

Kuzmin Y.V., Kosintsev P.A., Razhev D.I., Hodgins G.W.L., 2009. The oldest directly-dated human remains in Siberia: AMS 14C age of talus bone from the Baigara locality, West Siberian Plain // *Journal of Human Evolution*. 2009. 57. P. 91-95.

Liptak P., 1954. An anthropological survey of Magyar prehistory // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T.4. Budapest, 1954. P. 133-170.

Mark K., 1970. Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie. Tallinn: Eesti Raamat, 1970. 132 s.

Papai K., 1893-1894. Der Typis der Ugrier // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. Bd.3. Hf. 9-12. Budapest, 1893-1894.

Patkanov S., Fusch D.R., 1911. Laut- und Formenlehre der südostjakischen Dialekte. Budapest, 1911.

Penrose L.S., 1954. Distanze, Size and Shape // Annals of Eugenica. 1954. Vol. 18. P. 337-343.

Radloff W.W., 1884. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Bd.1-2. Lpz., 1884. 536 s.

Sommier S., 1877. Siriéni, Ostiacchie e Samoiedi dell' Ob. Prime Parte // Archivio per l'Antropologia e la Etnologia. Vol. 17. Fasc. 1 e 2. Firenze, 1877. P.20-70.

Steinitz W., 1944. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Stockholm, 1944. 144 s.

Strahlenberg F., 1730. Das Nord - und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

Turner C., 2001. The native Populations // The Review of Archaeology. Vol.22, N 1, 2001.

Ujfalvy de Mezö-Kövesd, 1880. Expédition scientifique frangaise en Russie, e Sibirie et dans le Tukestan. T.3. Les Bachkirs, les Vëpses et les antiqués finno-ougriennes et altaïques. Paris, 1880.

Vértes E., 1990. Prüfung der ostjakischen Mundartengruppierung // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1990. С.460-462.

Virchow R., 1877. Westsibiricshen Schädel (Samojedin, Ostjaken u.s.w) // Zeitschrift für Ethnolodie. 1877. Bd.9. S.330-347.

Zaborowski S., 1898. Les Kourganés de la Sibérie occidentale // Bull. de la Soc. d'Anthropologie de Paris. Ser.4. T.9. Paris, 1898.

СОКРАЩЕНИЯ

АЖ	—	Антропологический журнал. – М
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН..
ВА	—	Вопросы антропологии. - М.: Изд-во МГУ.
ВAAЭ	—	Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Тюмень: ИПОС СО РАН.
ВАН	—	Вестник антропологии. - М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН.
BAУ	—	Вопросы археологии Урала. Свердловск (до 1991 г.); - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
ИИС	—	Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та.
ИИФФ РАН ИЛАИ	СО	— Ин-т истории, филологии и философии СО РАН, г. Новосибирск — Известия лаборатории археологических исследований. - Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та.
ИПОС РАН КА ТГУ	СО	— Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень — Кабинет антропологии Томского государственного ун-та
МАУ	—	Матеріали з антропології України. - Киев: Наукова Думка.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. - М.: Изд-во АН СССР (до 1964 г.); М.: Наука.
КСИА	—	Краткие сообщения Ин-та археологии. - М.: Изд-во АН СССР.
КСИИМК	—	Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. - М.
КСИМAMГУ	—	Краткие сообщения о научных работах научно-исследовательского Ин-та и Музея антропологии при МГУ за 1938-39 гг. - М.: Изд-во МГУ.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Ин-та этнографии. - М.: Изд-во АН СССР.
ОКНЗС	—	Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. - Томск: Изд-во Том. ун-та.
ОЛЕАЭ	—	Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ПИИЭ	—	Полевые исследования Ин-та этнографии. – М.:

	Наука.
РАЖ	— Русский антропологический журнал. – М.
СА	— Советская археология. - М.: Наука.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры). - Ленинград (до 1991г.); С.-Петербург: Наука.
СЭ	Советская этнография. - М.: Наука.
ТИЭ	— Труды Ин-та этнографии. - М.: Изд-во АН СССР (до 1964 г.); М.: Наука.
ТКАЭЭ	— Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. - М.: Наука
ТТКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. - М.; Л.: Наука
УАЭ	— Уральская археологическая экспедиция
УЗ ТГУ	— Ученые записки Томского государственного университета. - Томск: Изд-во Том. ун-та.
ЭО	— Этнографическое обозрение. - М.: Наука.